И. И. ШИТЦ

ДНЕВНИК «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

(март 1928 — август 1931)

YMCA-PRESS

И. И. ШИТЦ

ДНЕВНИК «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

(март 1928 – август 1931)

YMCA-PRESS
11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève
75005 Paris
1991

Обложка работы А. Ракузина

ISBN 2-85065-201-6

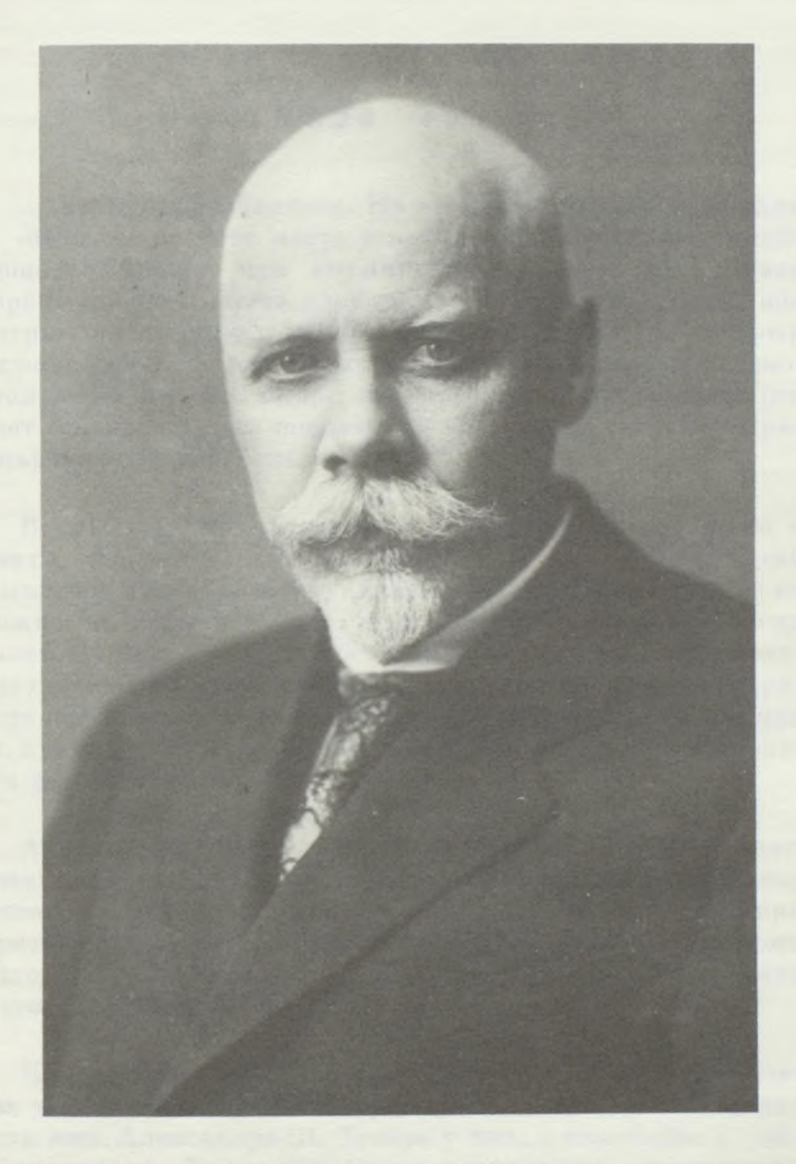
От издательства

Печатаемый нами, чудесным образом сохранившийся дневник московского учителя-историка И. Шитца дает нам истинное дыхание «великого перелома» 1928-1931 гг. с такою крепостью, каких мы еще не встречали в литературе, да наверное никогда и не встретим: некому их создать. Изо дня в день, на основании личных наблюдений, объективных фактов, чтения газет и зловещих слухов, И. Шитц зарисовывает ужасающую бесчеловечность и бессмысленность советского надругательства не в каких-нибудь отдельных областях жизни, но сплошь во всех: методическую разработку, как разрушать человеческие жизни и нормальную, или хотя бы сносную, жизнь.

Все омерзительные подробности великого большевистского «перелома» тонут в нашей памяти между гигантскими скалами «военного коммунизма» и тридцать седьмого года: дневник о многом напоминает, а еще о большем дает догадаться.

Как уникальный исторический документ, «дневник» печатается без каких-либо изменений или сокращений. Мы сохранили все, иногда даже резкие, выпады автора против евреев, видя в них не проявление антисемитизма, а распространенное, и по тем временам понятное, раздражение на засилие евреев во всех инстанциях ненавидимой власти. С начала 30-х годов, когда положение меняется, прекращаются и выпады.

Добавление к заглавию дано нами, в оригинале оно, разумеется, отсутствует.

Иван Иванович Шитц
(1874–1942)

1928 год

...А мы все шебаршим. На выставке печати в Кельне мы «отбили» лучшее место у англичан и арендовали себе площадь больше, чем английская и будем доказывать – преимущества нашей электрической лампочки (sic!), ибо смотрим на выставку *политически*, т. е. книжки, которых никто не понимает из-за языка, будут «истолкованы» вспомогательными путями: напр., литература по электрификации будет сопровождаться показанием образцовых (sic!) электрифицированных деревень.

*

Вскрылось окончательно и не замалчивается даже в печати, что виднейший представитель, чуть что не глава Крымского правительства, недавно, наконец, отрешенный от должности, давний убийца, и не простой, а сложный: когда одолевали белые, он способствовал уничтожению (физическому) красных комиссаров, а с торжеством красных перекрасился сам и начал систематическое поодиночке изничтожение тех, кто видел его «белые» подвиги или знал про них. Tableau! (Его фамилия – Ибрагимов).

*

А жизнь сера, сера до невозможности. Культура падает, уровень жизни, даже прямо бытовой, спускается все ниже. Духовно – полное ущемление и раболепие. Если бы нам при царизме показали эту возможность! Средства насильственного поддержания образа мыслей и истребления идей неподходящих во сто крат увеличились.

*

Человечество же по природе своей все то же. Припоминаю, как неистовствовали французы по поводу освящения моста имп. Александра III. Теперь у них, а еще более в «республиканской» Германии, прямо вакханалия – принимают афганского падишаха. В Берлине он гостит вторую неделю, все время оглушаемый празднествами.

У нас тоже ожидание хоть и восточного – монарха. Кажется, дай волю, население выразило бы свои монархические

чувства. А иногда вдруг кажется, что отупение настолько сильно, что массы даже не *уловят* возможной *иронии* такого приема азиатского величества.

7 марта. По поводу предстоящего женского дня расклеены плакаты по заборам. На одном из них крупными буквами не без юмора напечатано:

Пролетарка, выдвигай свой актив, и потом еще какие-то словеса, но уже мелким шрифтом.

*

Шутка: Кто первый химик в Союзе? – Сталин, ибо он один из г . . . государственных людей делает и государственных людей превращает в г . . . .

*

Мука пропала, вот беда.
А без муки нет теста.
Зато нет места без жида
И нет жида без места.

12 марта. День «падения самодержавия». Думал ли кто тогда, до какого дойдем мы развала!

Сейчас очередной вопрос: твердили нам и повторяли, что за 10 лет мы обогнали довоенную добычу угля, что Донбасс наш вызывает восторженную оценку иностранцев, что сознательность наших горняков невероятно высока, что инженеры-спецы не за страх, а за совесть работают на пользу советского хозяйства – и вдруг в прошлую пятницу жирным шрифтом, без упоминаний хоть бы одной фамилии, извещение прокурора о том, что ГПУ раскрыло колоссальный экономический заговор, в котором участвуют инженеры, штейгеры, экономисты, иностранные служащие шахт и т. д. Заговор сводится к саботажу, дурному обращению с рабочими, чтобы подвигнуть их на забастовку, закупке нецелесообразных машин и т. д. И все это по заказу, и на деньги из-за границы.

Следствие еще не закончено, а уже один «политический деятель» в речи говорит о «десятках» инженеров, другой, Рыков, о 12 сугубо виноватых, и уже кое-где «требуют» беспощадной расправы. След., десяток смертей назначен; вопрос, кого постигнет «расплата» за бесхозяйственность, точнее неумение и неспособность нынешних господ положения вести какое бы то ни было, а тем паче – социалистическое хозяйство.

Уже «честному» пролетариату внушают мысль, что контрреволюционеры обманули его бдительность и т. д. Можно себе представить, какое получится отношение к инженерам, которых и так очень не жаловали неприспособленные к делу «выдвиженцы».

Словом, будет нечто ужасное.

*

А экономика и дальше все та же. Сменили наркомзема Смирнова за мужикофильскую политику. На его месте рабочий Кубяк, тот самый, который запустил графином в Троцкого во время «дискуссии». Действуя в одиночестве, он ляпнул циркуляр, где объявил контрактацию капиталистической мерой (какою она, пожалуй, и является, ставя участников-производителей в кабальные отношения к заказчику), а между тем «XV партсъезд», по указке сверху, конечно, объявил контрактацию переходной ступенью к коллективному сел. хозяйству. Пришлось бить отбой посылкой сначала второго циркуляра на тему о том, что контрактация может быть разная, а потом и третью, с доказательством, что наша контрактация, по решению XV съезда, будет, конечно, социалистической.

*

Гоним за границу по дешевке хороший сыр, а нам остается дрянь и по дорогой цене. Гоним масло и затеваем маргариновые заводы, когда страна наша полна неограниченных возможностей, если только не называть собственника 5 коров кулаком, а дать ему развернуть производство хоть бы через кооператив.

*

Денег нет, нет и нет. «Колдоговоры», сопровождающиеся повышением ставок по разрядам и снижением рабочих по «сетке» (ставка 10-го разряда сама по себе увеличивается, но рабочий из нее переводится в 8-ю и фактически понижается в окладе), проходили всюду со скандалами, были даже стачки (напр., на Люберецком заводе сел. хоз. машин). Все в один голос говорят, что следующая кампания колдоговоров не состоится (?).

*

Из ЦСУ уволен Осипский. Одна из причин – пятнадцатимесячное непосещение своего учреждения (sic!!). Осипский, видите ли, больше занят книгой о положении нац. меньшинств в России. На его место назначен круглый дурак, Милютин, что ли, который раз уже начинал карьеру наркомом (земледелия?), но за глупость снят. Круг замыкается.

*

А власть имущие грызутся. Считают показательным вчерашний фельетон «Известий», где Демьян (несомненно, из-за спины Сталина) обрушивается на старичков, власть имущих, путающихся с артисточками из оперетки «Черный амулет», что́ несомненно имеет в виду Калинина, пропадающего у Татьяны Бах, бывшей чичкинской кассирши, а ныне опереточной дивы. И ставят в связь все это – с инженерами на юге. Это уже совсем устрашающе – напоминает 1793 год с его обвинениями.

*

Очень любопытны, прямо сказочны рассказы про наши среднеазиатские отношения, где Файзулла Хораев, один из «всесоюзных» президентов, оказывается по богатству конкурентом самого Бухарского эмира, за что последний и добился при царе ссылки Файзуллы в Оренбург (вот как получается ценз революционера!), и где хан Хивинский и посейчас продолжает свое царство в песках Кара-Кум, куда никакая власть за ним угнаться не может. И все там свое, не укладывающееся в рамки коммунизма. Достаточно сказать, что тот же Файзулла, европейски образованный, отлично ведет себе торговлю, чуть ли не с Францией, и делает большие обороты, а бывший эмир, бежавший его соперник по торговле, спасается неподалеку, то в Персии, то в Афганистане, и ждет своего часа.

17 марта. Один за другим, *три удара* во внешнеполитических отношениях, удара настолько резких, что их сообщили на некотором расстоянии, явно замалчивая, временно скрывая от публики.

1) После многолетней проволочки французский суд относительно застрявших во Франции со времен Врангеля русских судов сделал постановление отдать их хозяевам, представителям Рус. Об-ва Пароходства и Торговли (РОПИТ), проживающим за границей. Мы их требовали себе, ибо это «общественное достояние», а революция объявила *все* такие собственности социализированными. Французы рассудили так: посольское здание, принадлежавшее прежнему правительству России, отдается, конечно, нынешнему его преемнику. Если СССР конфисковал *всякое* у *всех* имущество в своих пределах, то он не может конфисковать такого же имущества, *ушедшего* из его пределов. И как Франция, согласно своим правовым понятиям, не станет отнимать у эмигрантов то, что они увезли

в Европу, так не может она отнять и кораблей, имеющих своих хозяев за пределами достигаемости для сов. власти.

2) Другое известие из Америки. Мы перевезли 5 миллион. долл. золотом, через два американских банка, на уплату по заказам. До сих пор мы обычно расплачивались излишком валюты, накоплявшейся у нас от активной торговли с Англией. Как мы ни грозились, что от разрыва торговли с последней она пострадает сильнее нас, однако на деле вышло, кажется, наоборот. Словом, пришлось расплачиваться *золотом*, на вывоз которого дало свое разрешение... «политбюро», т. е. *партийный* орган (новое доказательство «слияния» у нас партии с правительством). Говорят, и до сих пор бывали случаи отправки золота в Германию и Англию, где его беспрекословно брали.

С Америкой вышло иначе. Перегруженные золотом С. Ш. еще в 1920 г. сделали постановление не принимать русского золота из-за всегда возможных претензий на него со стороны. Так и не принимали, а мы не посылали. Теперь решили попробовать. Не вышло ли тут «провокации» по нашему адресу? Не сговорились ли заранее заинтересованные? Во всяком случае, после *согласия* со стороны президента и ст. секр. иностранных дел мы, с помощью немцев что ли, привезли золото в Америку. Два амер. банкирских дома обратились в пробирную палату, а та запросила о провенансе. На вопрос, собственники ли эти банки, последние ответили, что они только исполнители. А не русское ли правительство собственник. На это ответили, по-видимому, уклончиво (у нас в телеграммах наших сказано, что это первый случай *не* правительственной посылки золота). Там усомнились в том, чтобы кто-либо в России мог послать 5 млн. дол., решили проверить. А тут заявили претензию французы, которые *не в долг*, а для поддержания русского курса депонировали у нас в 1916 г. 52 млн. фр.; ныне они просят положить секвестр на это золото. Мы доказываем, что наш госуд. банк не стоит в связи с прежним, что он не принял ни его активов, ни его пассивов и т. д. и т. д., что это золото *не то*, что оно новое, недавно добытое, и клейма на нем тепершние. Французы, по-видимому, держатся взгляда, что СССР *может* не платить долгов, *может* считать своим отобранное у французских (так же, как у русских) граждан имущество, – обо всем этом можно договариваться, но *депонированное* золото надо вернуть, ибо оно не частное, а правительственное; ну, вот как мы вернули

посольский дом в Париже русскому правительству СССР после русского царского правительства. Словом, «камуфлет», от которого не поздоровится.

3) Чтобы сразу не огорошивать, – pour prolonger le plaisir, – несколько задержали третье известие, несомненно, очень давнее, ибо *сегодня,* 17-го, оно печатается уже с газетным аппаратом заграничным, а дошло до верхов много раньше, в связи с опубликованным еще 9 марта заявлением прокуратуры об «экономической контрреволюции» на юге. Оказывается, среди арестованных есть немецкие инженеры, по поводу которых германское правительство сделало *запрос* у нас через своего посла. Любопытно, что, след., *немцы* даже знают имена привлеченных, а мы – ничего. Пока что, немцы оборвали ведущиеся в Берлине торговые переговоры, а Чичерин (правда, не прямо, а уклончиво, через ТАСС, который его будто бы запросил, в чем дело) развязно заявляет, что ведь не мы, а немцы *просили* о переговорах, нам ничего не нужно было, нас удовлетворяли сложившиеся по договору торговые условия... Но и тут нужна поправка: торговые сношения не росли, а разлаживались, и немцы, желая обеспечить своей торговой деятельности у нас лучшие условия, больший простор, настаивали на уточнении разных пунктов. А наши, поехав, немедленно стали требовать компенсаций в виде займа. Уже несколько недель назад немцы кисло отвечали, что государственного кредита они оказывать не станут, а с предпринимателями русское правительство может сговариваться сколько угодно. И вот теперь разрыв в переговорах.

Словом, извне – крах. Внутри – игра на материальных вожделениях: у крестьян отобрали хлеб, обобранных выставляют кулаками, судят и т. д. Объявили даже, что отбираемое имущество кулаков пойдет в раздел «бедняцкому» элементу (и какое слово гнусное – «бедняцкий», вроде босяцкий). Надолго ли удастся закупить этого самого бедняка и долго ли этот самый бедняк будет удовлетворен такими подачками, покажет скорое будущее – нынешнее же лето.

*

Образцы современного политического образования. Место: Тимирязевская сел.-хоз. академия; преподаватель – «доцент» Кибовский; форма занятий: «проверка» студентов путем решения вопросов.

Доцент провозглашает: «задание – рабочий на иностранной концессии в Москве получает 200 рублей; рабочий на совет-

ском предприятии получает 90 руб.; где эксплуатация?» Ответ полагается такой: «на концессии, ибо платя 200 руб., концессионер присваивает всю прибавочную стоимость себе, а у нас вся прибавочная стоимость идет на индустриализацию, на расширение гос. производства, на привлечение к работе новых рабочих, и, следовательно, все, что рабочий недополучил, остается в стране, в ее предприятиях, собственником которых является рабочий».

Задание 2-е: крестьянин продал хлеб частнику за 6 руб.; столько же хлеба другой продал в кооперацию за 4 руб. Где эксплуатация капиталистическая? В первом случае, ибо – и аргументация повторяется – насчет расширения кооперативного строительства, насчет того, что во втором случае крестьянин получает преимущественное право на приобретение товаров из кооперации и т. д., и т. д.

21 марта. В парламенте грандиозно провалился запрос рабочей партии, требовавшей расследования дела с «письмом Зиновьева», придираясь к тому, что чиновник мин. ин. дел, сыгравший роль в его опубликовании (Грегори), недавно удален за какие-то несовместимые с положением госуд. служащего проделки.

Во время прений выяснилось, что «письмо» попало в печать вовсе не через канцелярию Форин Офис (обвинение било на то, что из учреждения выкрадывались важные документы, попадавшие затем в редакции), где тогда сидел Макдональд и Понсанби, а из рук частного лица, себя теперь открыто назвавшего в письме на имя Болдуина; джентльмен этот, как видно из его показаний, *опасался*, что Макдональд (из симпатии к большевикам) скроет письмо или недостаточно вовремя его опубликует, а потому, узнав о нем (он рассказывает – умалчивая имена – как он узнал про это письмо), сообщил его газете, – и *тогда только* заговорил и Макдональд. Кроме того Болдуин указал на расстрел кого-то (??) в Москве в связи с этим письмом и сообщил парламенту откуда-то (?) полученные сведения, что появление «письма» очень обеспокоило Москву главным образом тем, что непонятны были пути, как о нем узнали в Лондоне. Пришлось поэтому принять меры к *уничтожению* подлинника, а допущенные в «письме» неточности нельзя было опровергать, не признав аутентичности письма, – чтобы себя не выдать; решено было объявить его подложным.

Только ли это сказал Болдуин (он отказался назвать *источник* получения и согласился с тем, что *письма* подлинного ни у кого в мин-стве в руках не было), неизвестно, но важно то, что кроме Ллойд Джорджа все *либералы* признали объяснения Болдуина удовлетворительными и соответственно голосовали. Трудовая партия, как сказано в отчете, «растерялась» перед новыми данными Болдуина.

А о золоте в Америке и об аресте немецких инженеров в Донбассе – полное молчание в газетах. Очевидно так приказано.

*

Люди с «мест» подчеркивают два обстоятельства:

1) Мужики, обобранные новым приступом военного коммунизма, но уже не в условиях разрухи и голода, а после десяти лет упрочнения нового госуд. строя, недоумевают, пока не бунтуют, но явно склонны к саботажу. Летом и к осени ждут сжимания хлебного дела со всеми последствиями для госуд. хозяйства.

2) За истекший год катастрофически выяснилась «бесплановость», бесхозяйственность нового режима. Работают все без чувства ответственности, с единственным желанием отписаться от этой ответственности, стараются через год-два менять место. Веры в дело – ни у кого. Отдельные коммунистические личности идеального склада гибнут от Сизифовой работы.

28 марта. В одной из московских школ два года назад сменили администрацию за недостаточную «советскость». Обвинения были в смысле, что не на все школьные советы пускали детей, что добром поминали многое старое, что учили мыслить, а не принимать раз предуказанное, что придерживались взгляда о школе – дружной семье учащих и учащихся, что не вносили классового расслоения и т. д. и т. д. Учителя разошлись, школа обновилась и – замерла. Всякая жизнь кончилась, ученье шло тихо, «политики» из детей превратились просто в хулиганов, на которых приходилось опираться новой администрации. Когда же, выполняя новый лозунг «подтянуть», приступили к этому, то не хватило такта. Один из обиженных хулигановполитиков попробовал даже стреляться. Создался «герой» в глазах учащихся; в школе – скандал и развал.

Еврейский газетчик, травивший школу уже два года назад и тогда же общественным мнением (не в печати, конеч-

но, ибо *ни одного протеста* не напечатали) заклейменный, опять обрушился на школу под очень любопытным соусом: это, мол, осталось прежнее!!! «В огороде бузина...»

*

Крах политический, крах финансовый, крах моральный продолжается.

1 апр. Арестованные по «донбассовской контрреволюции» немецкие инженеры, по-видимому, выпущены все. Неловко: немцы нужны были для поддержки литвиновского проекта о разоружении в Женеве, что они добросовестно и выполнили.

В самовосхвалениях по поводу финансовой нашей политики и бюджета (в газетах на днях) подчеркивается, что мы обложение по прямому обложению повысили в этом году чуть ли не на 30 %, – и пишущий не хочет понять, что это признание в банкротстве, ибо страна наша не дает за год *такого* подъема благосостояния, чтобы *настолько* можно было повысить ставки. – Далее указывается, что царское правительство перед войной имело 4 миллиарда с лишним долгов, а мы, советское население, за 5-6 лет «восстановления» хозяйства вложили в займы *миллиард*. И это тоже показательно: старая власть *за век с небольшим* заняла 4 миллиарда, но оставила нам жел. дороги, казен. здания, заводы; новая власть, выколотив миллиард в столь короткий срок, дала – Волховстрой, другие проекты и ненужное здание телеграфа.

А займы сначала прямо *навязывались* людям, теперь... тоже навязываются, и сегодня Рыков бьет отбой в газете: разверстка крестьянского займа по волостям и районам была *примерная только*, а на местах ее «ошибочно» поняли как обязательную и навязывали заем... Этого де не следовало делать. А «делали» всячески. Живой пример, сообщенный из надежного источника: деревенскому священнику вручено столько-то облигаций с приказом распродать их среди крестьян под имущественной ответственностью самого священника. Тот сунулся. Мужики его ругать: «а, батька, ты за коммунистов» и т. п. В отчаянии священник приехал в Москву к брату-профессору с просьбой выручить, ссудить деньгами за нераспроданные облигации.

*

В «Известиях» же секретарь союза горнорабочих т. Шварц, вернувшись из Донбасса, сообщает, что «оказывается» – куль-

турсовет работал плохо и потратил деньги зря; рабочие, «оказывается», живут в ужасных условиях, спят на голых досках на полу и, о ужас! не имеют ни центрального отопления, ни электричества. Как у него связывается электричество с голыми досками – непонятно. Далее оказывается, что 6 млн., затраченных на постройку 10 рабочих дворцов, выкинуты на ветер, ибо рабочие не ходят в них, а один из них даже весь «загажен» посетителями. А чего же удивляться, что человек, спящий на полу, заплевывает и диван, когда на нем окажется. Но всего удивительнее: где же был все эти годы «бессменный» секретарь профсоюза горнорабочих т. Шварц, что он теперь только понял что-то и объясняет, что «оказалось»?

*

С хлебом – катастрофическое недоразумение. Сообщают, что на одном из центровых заседаний Рыков прямо заявил: «хлеб нам нужен для городов и для заграницы; нам предстояло либо обидеть города и уронить себя перед миром, либо рассориться немного (sic?) с крестьянством. Мы пошли на второе».

При этом всячески стараются доказать, что нажим касается одного только кулака, или, как на днях признались «Известия» в передовице, иногда, м. б., нечаянно задели кое-где и середняка, но «в общем и целом» – и дальше уж идет казенное плетение языком. Но с мест определенно жалуются на погром крестьянства, припоминают 1919-1920 годы и т. д. С рынка многие продукты прямо исчезли. Масла, напр., говорят даже и в Вологде на рынке не найдешь, т. к. цены установленные ниже себестоимости. Мужики и артели стараются продавать с рук. Многие привозят в Москву и здесь продают по квартирам. То же самое с яйцами. То же, очевидно, будет и с творогом перед Пасхой. Сейчас идет «мучное стояние»: народ массами дежурит ежедневно у лавок за «полукрупкой», «крупкой» и т. д.

И как смешно теперь припоминать несколько лет назад произнесенные на съезде в Тифлисе слова Калинина (правда, говорят, его сильно угощали перед этим – кахетинским), что мы должны *в пять лет обогнать* технику Сев.-Амер. Соед. Штатов.

И уж совсем нелепо читать на новом здании телеграфа большой «плакат» с надписью, что «мы построим такую культуру, перед которой нынешняя капиталистическая культура будет все равно что собачий вальс перед девятой

симфонией Бетховена (sic!!)». Автор сего лозунга как-то не заметил, что 9-я симфония, как никак, возникла в недрах все той же культуры, ну, а собачий вальс где?

*

И мещанство, мещанство, затапливающее нас со всех сторон. В 4 ч. дня эта серая масса грязновато одетых и физически нечистоплотных людей, идущая по улицам, с холщовыми или дерматиновыми, иные с кожаными портфелями в руках; эти немытые галоши и мятые кепки на головах; скверное курево и пошлые разговоры – о жилплощади, о ячейках, о протекции, о выигрышных займах, о киношках. Эти развлечения: все воскресение люди, вырвавшись со своей «жилой площади», просто шляются по улицам – вялые, скучные, наступая на ноги друг другу и толкаясь, а в чуть пьяном виде – разнуздываясь, срамословя и горланя во все горло.

И рядом с этим – попытки выйти из толпы, столь обычным путем: в некоторых военных группах, напр., у летчиков, стремление к вычищенной обуви, подтянутой фигуре, чистому бритью, даже «кавалерскому» отношению к дамам. Похоже не столько на былую гвардию, сколько на младших служащих былой полиции.

*

И в довершение всего – крушение «репутаций». Пять лет назад справлял Горький тридцатипятилетие, что ли, своей писательской деятельности, – и торжество прошло так себе: поговорили, и только. Теперь ему 60 лет, и вдруг, позабыв его недавние пререкания с большевиками, решили затрезвонить во все колокола. Портреты, заседания, приветствия. Сам герой дня, которому далеко, конечно, не только до Толстого или Тургенева, но даже до Чехова, возмнил себя «властителем дум», раздает аттестации направо и налево, весьма одобряет все стороны нашей жизни, собирается в мае приехать в СССР и т. д.

Но на этом фоне есть и темные пятна. Даже наши газетки не могли замолчать, что на западе появились какие-то статьи и книжки, – одна из них написана, говорят, Буниным, – на темы «Горький – аферист», «Горький – Смердяков литературы» и т. п. Спрашивают о судьбе миллиона, когда-то данного Саввой Морозовым (сей российский буржуа поддерживал революцию!) Горькому на школу пропагандистов; говорят о больших присвоениях Горьким и его тогдашней женой,

бывшей артисткой Худож. театра Андреевой, больших ценностей из разных дворцов; иные будто бы у него и сейчас на Капри, другие распроданы за границей, – и т. д. и т. д.

*

Факты житейские. Мелким шрифтом в «Известиях»: в Сочи арестованы секретарь уездн. исполкома и ряд других должностных лиц, с удалением из партии и преданием суду за растраты, изнасилования приглашавшихся для секретной работы комсомолок и т. д. и т. д.

В Москве покончила самоубийством комсомолка Исламова, жена партийца, слушательница литературных курсов, оставившая две записки: одну мужу, другую – с проклятием по адресу героя, который ее «напоил и надругался». Оказалось – секретарь литературной федерации и еще 2-3 «поэта», они же слушатели литер. курсов. Но как же она-то пошла в гости к этой компании, дала себя напоить? Ужасная расплата за легкомыслие, которого плоды она поняла, отрезвев наутро?

Всего глупее то, что газеты сваливают все на какой-то «богемский дух», который *надо изжить*. При чем тут богемский дух? – Иногда еще валят на «мещанский» дух, забывая, что мещанин – пуганая птица, всего боится, власть уважает и уж, конечно, никогда не пойдет на конфликты с уголовным оттенком.

4 апр. Случай из практики хлебозаготовок. Приходят к крестьянину, заявляют, что у него, по всем данным, есть хлеб, и требуют от него поставки 500 пудов на пункт по заготовочной цене. Крестьянин не имеет хлеба, пытается это доказать, – никаких резонов не принимают. Тогда он покупает 500 пудов, но по вольной цене, с *надбавкой*, у своих соседей. По сдаче хлеба он привлекается к ответственности за хлебную спекуляцию – скупал по повышенной цене. Его приговаривают к годичному заключению. В Москве, куда он приезжает с кассац. жалобой, в суде ему заявляют, что лучше не продолжать дела, иначе попадешь сильнее – за явную контрреволюцию.

*

Из словотворчества: в одном из высших учреждений Наркомпроса оратор в совещании выражается: «в общем и целом пред нами выпукляются задачи по вузированию», т. е., очевидно: «пред нами насущная задача – обратить эти школы в высшие учебные заведения».

7 апр. «Вторая сессия ВЦИК XIII созыва», – идет эта скучная, трафаретная, решительно ни на что не нужная сессия, и произносятся на ней нудные, одна на другую похожие речи. На образец беру не худшую, какого-то Болдырева из Сталинграда.

Вечернее заседание 3 апреля.

РЕЧЬ ТОВ. БОЛДЫРЕВА. (Сталинград).

– Старая система административных объединений, так называемая губернская четырехвостка (сельсовет, вик, уик и гик) устарела. Она давно отжила свой век и идет полностью и без остатка на слом. В губернской системе старого покроя мы имели разрыв экономики и управления. Там необходимого гармонического сочетания этих двух элементов, обеспечивающих нормальное управление, не было. Такое сочетание не нужно было старой царской России; она избегала того, чтобы основывать свой основной управленческий аппарат в районах рабочих. У нас же положение диаметрально противоположное. Мы, наоборот, в интересах гармонического соединения экономики и администрации стремимся выбирать административные центры таким образом, чтобы они совпадали непременно с размещением торговли и промышленности, чтобы это были в то же время и рабочие промышленно-экономические центры. Мы имеем Северо-Кавказский край, а также Сибирский и Дальне-Восточный, Уральскую и Северо-Западную области. Эта система вполне оправдала себя. Прежде всего – в части хозяйства. Краевые объединения дают нам возможность держать средства мобильно, что позволяет улучшить хозяйственно-плановое руководство районами: они дают, кроме того, возможность приблизить власть к населению путем передвижки функций управления от центра к низовым органам власти.

Экономическое районирование в данный момент в условиях широко развернувшегося социалистического строительства приобретает особо актуальное значение; оно, безусловно, явится основанием и средством усиления планового начала в хозяйстве и тем самым будет создавать стимулы дальнейшего расширения и углубления социалистического строительства. Уже в текущем году намечается образование, по крайней мере, двух областей: Центрально-Черноземной и Нижнего Поволжья.

В свете того огромнейшего значения, которое приобретает сейчас для нас, для социалистического строительства новая

областная система, и надо подходить к рассмотрению проекта «Положения о краевых, окружных и районных исполкомах», о которых доложил т. Киселев.

Представленный настоящей сессии проект положения о краевых исполкомах уточняет права, уточняет обязанности уже существующих объединений. Больше того, это положение не только уточняет, но и значительно расширяет права соответствующих краевых и областных объединений. Однако, данное положение предусматривает не только расширение прав.

У нас в советской стране нет прав без обязанностей. Наряду с расширением прав положение предусматривает и расширение обязанностей. Оно повышает ответственность как исполкома в целом, так равно (это особенно важно) и персональную ответственность председателей соответствующих исполкомов. В этом отношении был заметный пробел. У нас существовала коллективная судебная ответственность исполкомов за приостановление распоряжений наркоматов. Фактически это приводило к полной безответственности. Нынешнее положение предусматривает передоверие прав со стороны президиума исполкома своему председателю в части приостановления этих распоряжений наркоматов, причем в последнем случае полную ответственность несут лично председатели соответствующих исполкомов.

Положение, представленное на рассмотрение сессии, обладает не только большими достоинствами, но имеет и ряд существеннейших недостатков. К числу таких недостатков я отношу прежде всего отсутствие какого бы то ни было указания в положении об оживлении деятельности советов. Ни единого слова в положении нет даже о секциях. Кроме того, положение, расширяя права краевых исполнительных комитетов, тем не менее не договаривает в области финансово-налоговой. Здесь, с нашей точки зрения, надо несколько расширить права краевых и областных исполнительных комитетов.

Проект, представленный на ваше обсуждение, отражает процессы роста хозяйства, отражает рост социалистического строительства. Сессии надо в основном принять его и передать в комиссию для обработки. Мы думаем, что принятием этого закона настоящая сессия сделает еще один заметный сдвиг в сторону социализма.

Прочтешь речь – а выжать из нее нечего: набор затасканных слов.

Сегодня в газете сообщается о постановлении некоторых фабрик, чтобы в субботу под Пасху действовали театры,

взамен чего актерам дали бы другие свободные дни. Отказались принять это предложение театры: Худож. I, Худож. II, Большой и Малый.

8 апр. Сегодня газета сообщает, что постановлением коллегии Наркомпроса предписано *всем* театрам играть в Страстную субботу, – *время начала спектаклей* предоставлено решать *местным* организациям.

То же давление оказывают и на так называемую государственную капеллу, прежний Синодальный хор. В него, чуть не на 10 р. жалования, вступают многие «замаранные», напр., бывшие дьяконы и т. п., чтобы пройти в профсоюз. И вот от них требуют выступлений на Страстной в те часы, когда многие из них заняты на вечернем богослужении. – Все эти преследования вполне понятны: церкви ломятся от народа.

11 апр. Опять нависла кровавая расправа. В 1923 г. при начале НЭПа основано было Общество взаимного Кредита, по идее – для поддержания частного капитала. Общество лопнуло, когда началась расправа с частниками. Теперь руководители Общества, после долгого сидения, судятся. Обнаружена эконом. контрреволюция, подрыв советского червонца (как будто нужно его подрывать, – он падает сам вследствие нашей экономич. политики) и т. п. Прокурор для 10-12 челов. потребовал смертной казни. Среди них несколько евреев, все больше банковских деятелей, вполне, утверждают, корректных (Гуревич, Винберг), есть представители видных москов. купеческих домов, Митрофанов, Капцов, по-видимому неспособные на бесчестные поступки, есть попавшие на дело ни за что, ни про что, вроде некоего Синезлобова (был эффектным «представителем», и больше ничего), есть, м. б., и рвачи.

*

Фольклор. Про академика Марра.

Прямой потомок Иафета,
Он не ариец, но семит,
И лишь пред властию совета
Бывает иногда хамит.

*

Про одного коммуниста, в душе «чувствительного человека», рассказывают, что он любит Чайковского, но не может допустить буржуазных слов, а посему подобрал ко всем романсам свои. Примеры:

Снова, как прежде один.–
У него: Друг, почитай «Капитал»
Я уж давно прочитал.

Или: Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты...
У него: Из книг «Капитала», однажды,
Прочел я четыре главы...

*

Марксистское объяснение явлений искусства На зачете в I МГУ красный студент, на вопрос о различии венецианской и флорентийской школ живописи, очень недурно рассказывал, как полагается, о великолепии красок венецианцев и о некоторой сухости, скорее раскрашенном рисунке, чем живописи, у флорентийцев. Испытующий профессор просит подвести марксистскую базу под оба явления. Студент молчит – профессор помогает: какой капитал был в Венеции? – Торговый; а во Флоренции? – Промышленный. – Ну, вот, торговый капитал отличается, как известно, широтой размаха, блеском, – отсюда венецианская красочность. А промышленный капитал? Он все *строит*, рассчитывает, отсюда схема, рисунок, построение – во флорентийской живописи.

Студент идет к другому столу сдавать русское искусство (злые языки добавляют, у проф. Ал. Ив. Некрасова). Студент толково отвечает на вопрос о различиях между московской и новгород. школами. В Москве – яркие краски. В Новгороде суровые, темноликие иконы. А марксистский подход? Студент молчит. – А какой капитал в Новгороде? – Торговый. – А какой капитал в Москве? – Промышленный. – Ну, вот. Торговый капитал чем отличается? Он прижимистый, кулацкий, суровый, – от этого и живопись новгородская скупа на краски, сурова по схемам. А промышленный капитал? Он дерзкий, предприимчивый, яркий. Отсюда яркость и блеск красок в московской живописи.

Se non è vero... Объяснял же Луначарский *публично*, отчего стали носить короткие юбки: в начале войны допустили

женский труд, а кондукторше на трамвае неудобно путаться в длинном платье. Ну, и понятно: моды ведь создаются снизу!?

*

Много говорят про какие-то раскрытые организации молодежи. Даже в газетах появилось кое-что, и, по обыкновению, движение стараются скомпрометировать, объявив его распутным: смешение якобы идеалов с порнографией.

Параллельно усиленно преследуется масонство и оккультизм. Говорят об очень многочисленных арестах в Москве и в Питере.

12 апр. Злобно, со стиснутыми зубами проводится «антирелигиозная пасха». Поступило каких-то 3-4 жалких заявления от разных фабрик о желании вм. Пасхи праздновать в мае; от имени тоже рабочих (?) заявлено требование, чтобы все театры в ночь под Пасху играли. Уже назначен репертуар, поговаривают о более позднем начале спектаклей, чтобы затянуть их за заутреню. В школах из скудных школьных сумм отчисляется по несколько червонцев на организацию, с платными исполнителями, концертов в пасхальную субботу, причем эти концерты должны начинаться в 10 ч. вечера, чтобы они шли одновременно с церковной службой.

И не знаю уже, по требованию каких рабочих в «Наркоминделе» назначен фокс-тротт с 10 ч. вечера на всю пасхальную ночь со множеством приглашенных, – в явном расчете, что на сие развлечение, обычно запрещенное, как ультра-буржуазное, публика повалит валом.

13 апр. Когда оказалось, что «Красные Ворота» сломаны зря, ибо, сняв их, нельзя проложить путей от Садовой на Каланчевку (из-за острого угла), то теперь назло сносят церковь Трех Святителей. На очереди снос Параскевы-Пятницы и Николы в Мясниках.

*

Изумительное по глупой демагогичности выступление наркомфина Брюханова, вызвавшее даже замечание из залы: «Методы исчисления?»

Из речи наркомфина Брюханова, Изв. 13 апр. 1928 г.

УСИЛЕНИЕ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ СССР.

Перехожу к расходам Народного комиссариата по военным и морским делам. Здесь общая сумма расходов в государственном бюджете возрастает по сравнению с цифрой расхода прошлого года приблизительно на 108 млн. рублей. Я беру цифру назначения по бюджету прошлого года, а не исполнения, так как достаточно подробных данных об исполнении бюджета еще не имеется.

На заметное повышение расходов на оборону мы вынуждены итти из-за всей международной обстановки и делаем это открыто. Перед глазами широких рабочих и крестьянских масс Советского Союза, перед всем миром мы открыто говорим, что мы готовимся к обороне, что голыми руками нас враг не возьмет. Мы делаем это, не увеличивая ни на одного красноармейца нашу Красную Армию. Мы делаем это, улучшая положение красноармейца, предоставляя ему больше возможности научиться военному искусству и обороне Советского Союза. Этим самым мы создаем воинские кадры на случай нападения на нас, для того, чтобы под руководством этих кадров дать отпор любому нападающему (аплодисменты).

Несмотря на увеличение этих, на первый взгляд, как будто значительных расходов на Народный комиссариат по военным и морским делам, удельный вес этих расходов в государственном бюджете не растет, а в течение всех последних лет даже продолжает проявлять некоторую склонность к падению. Так, в бюджете 1923-24 г. расход на НКВиМ составлял 16,3 проц. всего бюджета; в 1924-25 г. он составлял уже только 14 проц.; в 1925-26 г. он сохранился на том же уровне – 14 проц.; в 1926-27 г. он упал до 12,6 проц. и на таком же проценте остается и в проекте нового бюджета.

Мы не даем дополнительного напряжения нашему хозяйству, мы только оставляем прежний удельный вес расходов на оборону: по мере того, как мы становимся богаче, соблазн нападать на нас увеличивается, и нам надо иметь лучшего сторожа.

Иная картина получается хотя бы у наших соседей. В бюджетах наших соседей военные расходы играют гораздо более значительную роль. Надо сказать, что дань войне рабочие и крестьяне буржуазных стран и хозяйства буржуазных стран платят не только в виде прямых военных расходов, но и в виде платежей по процентам за прежние военные займы. И вот,

если мы соединим вместе прямой расход на содержание военных сил и расход на уплату процентов за прежний военный грех, за военные займы, мы получим такую картину, что тогда, когда у нас расход на военные нужды, как я уже сказал, определяется по бюджету 1927-28 г. цифрой только лишь в 12,3 проц. всего бюджета, в Румынии он составляет 40 проц., в Польше – 41 проц., во Франции – 47 проц., в Италии – 51 проц. всего бюджета, в САСШ – 56,5 проц. и, наконец, в Англии 62 проц. всего государственного бюджета расходуются на содержание военных сил и на уплату по военным долгам за прежнее время. (Голос с места: «Метод исчисления?»). Я повторяю, что беру здесь удельный вес военных расходов внутри госбюджета. Я не хочу никоим образом закрывать глаза на то, что советский бюджет и бюджет великобританского королевского правительства, конечно, две вещи разные по всей своей структуре: в советском бюджете гораздо больше охвачено народное хозяйство, чем в административно-полицейском, военном бюджете буржуазных государств. Полного сопоставления здесь быть не может, и мы говорим сейчас только о том, какую дань Молоху войны несет из данного бюджета хозяйство Советского Союза и хозяйство буржуазных капиталистических государств. Приведенные цифры в этом смысле, несомненно, являются показательными.

Сей финансист доказывал, что мы тратим на военное дело 12% из 6-миллиардного бюджета, забыв сказать, что бюджет наш чуть ли не 1 миллиард только, ибо остальное – предприятия, вводимые в приход и расход (госпромышленность и т. д.). Исчисляя же траты западных держав и Америки, Брюханов считает за военные расходы все, что приносится «Молоху войны», *включает платежи по воен. долгам*, и тогда у него выходит, что Англия тратит 62% своего бюджета на «военные нужды». Германию он благоразумно *не назвал*, у нее, демилитаризованной, этот расход вышел бы еще выше!!! На запрос о «методе исчисления» – опять демагогический ответ, что у них «административно-полицейский, военный бюджет» – это в виде *укора*, но ведь такой бюджет и есть настоящий, а не вздутый, как наш.

16 апр. Начался поход на Академию Наук, недавно осчастливленную новым уставом, согласно которому академические выборы ничьему утверждению не подлежат. В «Изв.» в субботу сразу три статьи: вторая передовица, приглашение

от Академии выставлять кандидатов и по форме корректная, но показательная статья какого-то Милютина, перечисляющая труды историко-филол. отдела (все работы – по древним, притом церковным, памятникам письменности) с «уважением» к ним, но и с предложением ввести «современных» людей в члены Академии. Выборы свободны, но *кандидатов* могут предлагать *все* обществ. учреждения, начиная с ячеек и фабричных комитетов!! Воображаю, какая поднимется вакханалия с выдвиганием разных Фриче, Коганов, Покровских, Демьянов Бедных и др.

*

Объявленный по банковскому делу приговор требует *казни семерых*, в конечном итоге – за бронзовые векселя. Но ведь эта система бестоварных векселей всегда практиковалась и больше чем когда-либо практикуется сейчас между советскими учреждениями. См. дела Госиздата, военных трестов, центров и т. д.

Из ленинградских газет узнаем, что в Москве на Тверск. бул. избивают и убивают даже по ночам. Пойманные виновники заявляют, что они «упражняются, готовясь в ковбои» (?!).

Жизнь человеческая страшно дешева. У церкви Василия Кесарийского сын одним ударом убил мать, попробовавшую пристыдить его за хулиганское к ней отношение. Под Кимрами в лесу убит сапожник, по предположению, что у него 150 р. (их не было при нем), вырученных за отвезенные в город башмаки.

Приговоры обычно: 2-3 года тюрьмы, а с льготами и амнистиями и того меньше.

21 апр. В речи Калинина (см. «Изв.») изумительные логические перлы: «Когда мы говорим о *добровольном* самообложении, то это не значит, что здесь нет моментов *принуждения*». И дальше рассказывается, как у нас такие дела делаются: приходит на фабричное собрание делегат и заявляет рабочим, что следует им подписаться на заем (Калинин не сказал, что обычно предлагают «разверстать» такую-то сумму). Собрание постановляет *единогласно* принять предложение. И после этого никто не станет уклоняться от подписки; *товарищи заклюют*. И выходит у нас «*не правительственное, а общественное принуждение*» (sic !!!).

Показательно и другое место из речи, где высокий оратор пытается объяснить, что у нас нет принудительного

выколачивания хлеба, нет возврата к «военному коммунизму», ибо «военный коммунизм – непосредственный путь к социализму, а этого ни одна страна нигде, и даже наша не могут проделать». Тут любопытна *утайка*: 1) когда *проделывали* этот самый номер в 1920 г., то, следовательно, думали, что *можно* осуществить этот прямой путь; 2) название «военный коммунизм» изобрели позднее, когда попытка *провалилась* и надо было «военными» причинами объяснить «необходимость» всего содеянного ужаса.

*

В газете от 22 апр. появился *длинный список*, в несколько сотен фамилий, таких лиц торгового звания – сухаревские торговцы, кустари, мелкие предприниматели, содержатели различ. контор и мастерских и т. д., которые не уплатили налога и состоят в долгу у «фининспектора». Предлагается *учреждениям и лицам обнаруживать утаиваемое ими имущество и доносить* в соотв. место за вознаграждение в 2% от суммы, которая будет взыскана (sic!). В списке более половины евреев.

*

Дама, снабжающая модными туалетами весь советский «бомонд», рассказывает о визите к Демьяну Бедному. Жилье – царское; одна столовая – с хорошую квартиру; мебель поражающего великолепия; прислуга: лакей, немка, горничная, повар; захворавшие дети – изолированы в квартире же; за «теснотой» – взяли часть квартиры Дзержинского; кабинет Демьяна – собрание книжных раритетов; хвалится, показывая книжку старую, купленную за 40 р. и даже 2 000 руб.; о заработке (на прямо поставленный вопрос) говорит: мало заработал, только 21 000 руб., фининспектору отдал 3 000 р. (Помимо того, что врет, – скрывает другое: книжные покупки, выражающиеся в десятках тысяч рублей, Демьян проводит под соусом *орудий производства*, не подлежащих обложению; а затем – умалчивает о даровом: даче, пайках, курортах и т. п.)

27 апр. Ждем высокого гостя – афганского хана, или «короля», как его почему-то прозывают.

*

В газетной биографии эвфемистически сообщалось, что в Афган. в свое время был переворот; «вроде наших декабристов» – произвели его, и старый хан «сошел со

сцены», а воцарился его третий сын. На деле, известно, что старый хан был прирезан не без участия «третьего» сына, а где первые два – тоже неизвестно.

Вот историю Александра I и Павла у нас рассказывают иначе.

*

Смерть Врангеля отмечена в газете несколькими строками петита, что́ вполне допустимо, если стать на точку зрения, что для советской власти он был quantité négligeable (только тогда можно бы совсем промолчать). Менее позволительно, что по этому поводу Д. Бедный *перепечатывает* стишки, сочиненные им когда-то в пору борьбы с Врангелем, стишки, трактующие его как немца (!), это в стране-то, где выпады против национальностей *не допускаются.* И уж совсем непозволительно – сопровождение некролога *карикатурным* портретом покойного противника.

Едва ли в Европе хоть одна газета поместила, ну, скажем, с некрологом Ленина его портрет в состоянии полного рамолисмента.

*

Обнародовано законоположение, поощряющее постройку частными лицами, акц. обществами (*не* кооперативами) и даже *иностранцами* больших многоэтажных домов сроком владения в 80 лет. Никаких ограничений в ценах на помещение, в жилой площади, никакого принудит. заселения, налоговое обложение, приравненное к *государствен.* строит. предприятиям, право устраивать подсобные для строительства заводы (напр., кирпичные ?) *без ограничения числа рабочих*, сдача квартир по контракту на желаемый срок с правом не возобновлять контракты (т.е., следовательно, право *хозяина*) и т. д. и т. д.

Выводы: 1) признание катастрофич. положения с госстроительством; 2) за дело возьмутся иностранцы, под охраной своих правительств, и всегда сплоченные евреи, которые в этой новой форме и «укупят» Москву; 3) пойдут ли вообще-то капиталы, если бы они и были: какая гарантия, что *другим* указом не отнимут этих домов? Давно ли обеспечивали *неуплотнение* в уезде, а теперь уже требуют 10% жилой площади там на нужды города.

*

А строительство казенное *дорого* и *нецелесообразно.* Очевидно, хотят существующие уже *прежние* дома отдать в

полный разгром шпане по дешевой цене. Вот что теперь делается ежедневно: рабочий въезжает в новый дом, где за квадр. сажень надо платить 5 руб. Платить 40-50 р. он не желает, и тогда либо *набивает* квартиру платными сожителями, скучиваясь и загрязняя жилье и явно разрушая этим весь смысл строительства; либо еще проще: «обменивается» квартирой, попросту берет *плату* за свои кооперативные права, отдает квартиру интеллигенту, желающему жить почище, а сам переезжает в прежнюю комнату этого интеллигента, скучивается в ней, платит *гроши*, разоряя домовое хозяйство этого дома. Вот отчего старые дома приходят в упадок.

Май. Из фольклора. Вопрос для «викторины» (теперешней модной игры в вопросы, на которые надо дать соотв. ответы):

Укажи мне такую обитель...
Где бы русский мужик не стонал!

Ответ: Кремль, квартира Калинина.

*

В одной из московских газет помещен носатый портрет «известного» Петра Семеновича Когана, «сидящего» у телефона, с пером в руках. Под картинкой подпись:

Увидя сей портрет, читатель чахнет,
И будет до глубин души растроган:
Здесь за версту листом лавровым пахнет,
Увенчан славой Петр Семеныч Коган.

(Коган – президент (sic!) Академии Худож. Наук).

3 мая. Французские выборы вылились в огромный успех Пуанкаре. Коммунисты же, имевшие в палате 26 мест, сведены на 14. Их же усильями в Эльзасе прошло 3 автономиста (крайние правые, патриоты местной колокольни, – коммунисты выступили за них, чтобы напакостить правительству).

*

В Вене изловлен Бела Кун. Венгры требуют его выдачи, но австрийцы не отдают.

*

Сегодня Москва встречала афганского падишаха. Полили Тверскую водою, а около резиденции монарха посыпали

песку. Наставили несть числа милиционеров. Вычистили казенные автомобили, так что члены правительства ехали в опрятных экипажах.

Приезжий, говорят, ехал в закрытом автомобиле. У «Моссовета», публика, в небольшом количестве, пробовала кричать «ура» – и робко умолкала. Боятся что ли? И какое получится впечатление у короля? Наши были одеты прилично. На парадный обед запрещено являться в блузах и толстовках.

Будут ли депутации от рабочих?

4 мая. Его величество, падишах афганский, прибыл вчера и торжественно встречен. Газеты сообщают, что он возлагал вчера венок на мощи Ленина (вот так фунт! Ленин – и монархи), зато ни одной речи, к нему обращенной, не приводится целиком, in extenso, с явным намерением *скрыть* от «рабочих и крестьян», что называли гостя «Вашим величеством».

Очевидцы говорят, что небольшая толпа у Моссовета изредка робко выкрикивала «ура», не зная, можно это делать или нет. Бабы по обыкновению *злоязычили*: «свово убили, а теперь вон чужого привезли, кланяются».

8 мая. Курьезы на почве встречи падишаха все множатся. Был он в Университете, где от студентов потребовали обязательного костюма: «пиджак», толстовки и кожаные куртки позорно изгонялись. Получилось ли впечатление «интеллигентности» в глазах падишаха, вероятно видевшего англ. и франц. студентов, – трудно сказать.

Спектакль в Больш. Театре – обязательный вечерний туалет для приглашенных. На скачках, где, кстати сказать, выиграла лошадь «Бонапарт», народищу была уйма, пуще, чем на «Дерби». В Третьяковке шах выразил свое удовольствие по поводу кустодиевской «Купчихи» – говорят, картину немедленно *поднесли* его высочеству.

*

Дело с Бела Кун не улаживается. Положение трудное: признать его советским гражданином, чтобы настаивать на его высылке сюда и этим спасти его – невыгодно, ибо тогда, конечно, сразу объявят его орудием сов. правительства, посланным на запад с революционными заданиями; отгородиться от него и заявить, что если он посланник Коминтерна, то правительство тут ни при чем, – опасно, ибо тогда его, раба Божья, пожалуй выдадут венграм, которые, – оставляя в

стороне его политич. зверства, – имеют против него обвинения уголовного характера (убийство из личных побуждений).

*

Как всегда, на выручку нам пришло нелепое покушение на *торгпреда* в Польше, истолковываемое у нас как неудавшееся покушение на самого *полпреда*. Полякам приходится отбояриваться за подвиги российской эмиграции, наиболее авантюрные элементы которой, по-видимому, распоясываются именно в Польше. Во всяком случае, это покушение опять дает повод говорить о походе на СССР всего буржуазного мира и т. д. и т. д.

*

Вокруг выборов в Академию Наук разыгрывается вакханалия требований «нашей общественности», которая силится втиснуть в Академию своих, сменив прежнее кумовство кумовством по принципу «единственного научного миросозерцания» нашего времени.

11 мая. А приезд Амануллы-хана как-то проходил без подъема. Визиты и встречи носили официальный характер, прохладный. За недостатком «дам» выписали Коллонтай, которая признана была «hoffähig» и сопровождает всюду падишахшу. Злые языки прибавляют, что из багажа высокого гостя свистнули сколько-то мест, а досужие политики уверяют, что «для скрытности» падишах вез важнейшие «секретные» документы в простом бауле, а документы-то и стащили, подменив их газетной бумагой.

«Народ» заметно не реагировал на приезд. Но показательно, что из двух витрин «Правды» на Тверской – с выставкой 1-го мая и выставкой приезда падишаха – первая не привлекает никого, а у второй всегда стоят толпы *рабочих*, праздно разглядывающих немудреные снимки.

*

Сегодня на бирже безработных был скандал, потребовавший вызова конной милиции. Безработные кричали: «бей жидов» (по общему впечатлению, безработных евреев не бывает у нас). Рассказчик еле убежал, боясь попасть в переделку.

*

Около Бела Кун не так уж много толков. Пока мы отмалчиваемся официально. А на каких-то заводах уже

постановляют резолюции о «немедленном освобождении Б. Кун из-под стражи» (sic!).

*

Т. наз. «Шахтинское дело» будет скоро слушаться в Москве. Пока печатаются заключения предварительного следствия. Впечатление странное: обвиняемые по программе рассказывают о том, что они *должны были* по «клановой принадлежности» выступить врагами сов. власти, и далее все сообщают о том, как они стали «вредителями». Но факты все какие-то смутные, и даже денежные суммы, в разное время полученные обвиняемыми, никогда не называются точно, а все приблизительно. Затем «экономич. контрреволюция» явным образом переплетается с *политической*, ибо деньги шли из Польши, Франции, а в тексте пропущенные имена и инстанции как бы намекают на тех, кого *нельзя* или не *хотят* назвать.

Но всего любопытнее, что в тех же газетах высказывается резкое негодование по поводу намерения сообщить в печати некоторые сведения, добытые следствием о Бела Куне.

14 мая. В день похорон Цурюпы извозчик, слегка выпивший, рассказывает про своего «башковитого» товарища, который был в большевиках два года, но теперь вышел; этот самый товарищ зазвал его, извозчика, на собрание памяти Цурюпы, где вступил в спор с оратором. Оратор заверял собравшихся, что «личность» не имеет значения, а ее «останки» – вроде как навоз (в передаче извозчика). Ну, товарищ и прицепился. «А коли навоз, зачем же его в Москву везли; между прочим из-за него в Курске *четыре поезда* стояли, въехал этот навоз казне в копеечку». Результат разглагольствований – оного товарища забрали и увели. «Думали по пьяному делу подержат, а утром вернется. Однако же не вернулся», – закончил извозчик свой рассказ.

*

Вот тут и скажешь с тем чудаком, который однажды выразился так: «хорошо было Марксу писать, а вот каково нам жить по писаному».

20 мая. Шахтинское дело получило, очевидно, международное значение. В день его начала дипломатическая ложа заполнена была послами и представителями чуть не всех посольств (странным образом не было никого из французов), а

на корреспонд. местах – множество представителей всяких иностранных газет.

Пока выяснились две любопытных подробности: важнейшими свидетелями обвинения являются б. жандармский ротмистр Прудентов и ряд агентов быв. белогвардейской контрразведки, – все люди с большим контрреволюционным прошлым, и не совсем понятно, почему эти заслуженные деятели давно не на том свете. Невольно родится мысль, не состоят ли все они агентами ГПУ.

Другое обстоятельство: двое важнейших обвиняемых особым прошением потребовали, чтобы их избавили от защитника Н. К. Муравьева, т. к. он их запугивает возможностью расстрела и требует, чтобы они отказались от своих «признаний» и «обвинений» вместе с собою и других лиц. Ходатайство просителей уважено, но в публике получилось недоумение. Полагают, что, по обычному методу своему, следств. власть запугиванием и обещанием (обычно, впрочем, не выполняемым) «разбила» обвиняемых, привлекла некоторых на свою сторону, те покаялись и признались (см. трафаретный и неожиданный тон всеобщего «признания»), выдав и оговорив остальных. А когда Муравьев дал им понять, что так не следовало (или бесполезно) делать, то они его «подвели». Ибо Муравьев, как человек опытный, никогда не стал бы искренно признавшимся подсудимым давать совет – не признаваться.

Дело очень и очень темное. Отдельные эпизоды его будут разбираться при закрытых дверях (по-видимому, в части, где задеваются правительства Польши, Франции и, м. б., Германии).

*

Из газеты: в одном из уездов «обнаружено 160 тонн укрытого хлеба; по этому делу привлечено 116 человек». Итак, 80-85 пуд. хлеба уже преступное накопление!!

Образчики сведения счетов:

а) На процессе трех хулиганов-поэтов, изнасиловавших предварительно опоенную курсистку Литературных Курсов, особенно резко выступает представитель местной ячейки комсомола. Его обвинения выливаются в поношение курсов, причем председатель суда молчит. А доводы такие: на курсах существует плата, следовательно, буржуазный дух, он и виноват в преступлении. Между тем, обвиняемые, конечно, не буржуазный элемент, а как раз наоборот, пролетарские

поэты, из студентов курсов вообще был давно изгнан только один из них; выходит, что платящая буржуазия развратила, что ли, этого «поэта»?

б) Идет гнуснейшая травля нуждою загнанных в Сергиев Посад обломков прежней аристократии. Вышвырнутые из своих домов и квартир, никуда не принимаемые, они живут в провинции, ибо там дешевле. Некоторые занялись музейным делом, в частности, Лаврой. Теперь, в тонах белой черносотенной газеты «Вече» (что смотрит начальство – в Синодальном училище играет еврейское трио Шор, Крейн, Эрлих), травят какого-то тайного советника Модестова (должно быть, бывшего директора гимназии), который смеет преподавать рус. яз., какого-то препод. семинарии, который преподает обществоведение, бывшего графа (а он и не был графом) Олсуфьева и барона Дервиза (спутав, очевидно, с Дельвигом, ибо Дервизы не были баронами) за их службу в музее, подозревая, что они украли из архивов церковных материалы о ложных святых, поддельных иконах (sic!) и т. п. Травля гнусная сопровождалась и провокацией: стреляли (конечно, промахнувшись) в какого-то местного партийца, – результат: многочисленные аресты среди «бывших» людей.

23 мая. Из области «церковной» политики. После сноса «Красных Ворот», когда обнаружилась вся бессмысленность этого вандальского акта, решили сломать и церковь «Трех Святителей» на той же площади. Она уже почти разрушена. Ломают и Николу Мясницкого, где кроме плохой новой стройки есть и замечательная древняя часть – начальный храм, находящийся во дворе.

Сегодня сообщают, что дали отслужить последнюю всенощную у Благовещения на Тверской, – будут сносить и ее.

Не знаешь, чему больше дивиться: развязности ли халифов на (исторический) час, или поразительной придавленности народа, которому «все равно».

*

Тяжелая судебная обстановка проявилась в процессе о самоубийстве Исламовой, где «печать» создала определенное «настроение», где на судебном заседании глумились над учебным заведением, в котором *когда-то* учился Альтшулер, один из трех героев, обвинявшихся в изнасиловании покончившей с собою женщины. По ходу дела впечатление не в пользу жертвы, а осужденные (на 6, на 4 и на 3 г.) являют

картину разложения современной молодежи, но *преступления*, по-видимому, не было в той форме, в какой оно создано прокурором. Мне даже кажется, что она сама не знала, кто из трех с ней имел половое сношение (в темноте, за загородкой, она была пьяна), и чуть ли она не узнала об этом лишь на другой день, по телефону, после чего и стрелялась.

*

Еще мрачнее «шахтинское» дело, – оно, несомненно, войдет в историю по неслыханным подробностям: в двух случаях обвиняемые подали жалобу-донос на своих защитников (на Муравьева и Денике), причем суд назначил о защитниках дисциплинарное расследование. Никогда при старом порядке даже защитники по политическим делам, скажем, по делу Каляева и др., не подвергались никаким судебным репрессиям.

Про одного из обвиняемых говорят, что он был за границей, там поднялся шум о начатом шахтинском деле, а он *неделю спустя* с женой поехал назад в СССР.

И теперь, показания носят странный характер: какие-то прокурорские доклады обвиняемых о себе, сложные, с передачей не столько фактов, сколько *настроений*, которые должны свидетельствовать о виновности самобичующегося; прокурор, вм. установления деталей, спрашивает, *не было бы ли* лучших хозяйственных результатов, если бы обвиняемый не вредил, – и после утвердительного ответа допрашиваемого, торжественно подчеркивает *вывод*, а газеты печатают его жирным шрифтом.

Защитники устанавливают, путем допроса обвиняемых, факты о *полезной* иногда деятельности последних, и обвиняемые *смущенно* вынуждены признать эти факты, которые, казалось бы, им *выгодны*, – а когда пытаются выяснить, почему такое противоречье – вредительство и рядом полезная работа – они объясняют это профессиональным интересом: иногда делаешь хорошо, потому что захватывает инженерное чувство! (sic!).

Словом, что-то *неясное* до конца.

25 мая. За безобразиями в Сочи – дело Вел. Ибрагимова (крымского предсовнаркома, расстрелянного за безобразия), потом дела иваново-вознесенские, сейчас смоленские. Какое-то поразительное обобщение: люди снизу попадают к власти и немедленно, на почве современной беззащитности и беспра-

вия, начинают пьянствовать, грабить, насиловать женщин и т. д. Поразительное однообразие цикла явлений. И с этим «сознательным» рабочим «мы новый мир построим».

А интеллигенция, по крайней мере «освоившаяся», тоже никуда. Весь достигнутый *маленький* уровень порядочности пошел насмарку. Все жалуются, что нет элементарно честных людей.

*

В Сергиевом Посаде продолжается травля «бывших» князей, графов, духовных лиц и т. д. По последним слухам, Главнаука отстояла-таки от ареста Олсуфьева (которого звали графом, хоть он никогда им не был) и фон-Дервиза, который называется почему-то «бароном». Зато арестовано свыше 200 чел., занимавшихся вязанием чулок, игрой на виолончели в пивной и т. д. Предлогом послужил провокационный (разумеется, безрезультатный), а может быть «амурный» выстрел по одному негодяю из местных коммунистов.

Да, велика боязнь перед старым, особенно связанным с религией, коли так хватаются за стариков.

*

Кошмарным и непонятным остается «шахтинское» дело. Очевидец процесса говорит, что крайне тяжелое впечатление получается от «самообвинений», которые похожи на прокурорскую речь. Руками разводит публика, – чуя, что тут либо провокация, либо запугивание.

В пользу первой версии говорит обычный прием ГПУ *распаивать* группу обвиняемых (ср. знаменитый процесс СР) и некоторые факты (возвращение одного обвиняемого из-за границы, *после* того как там стало известно о начавшемся шахтинском деле; обильное участие старших охранников в деле и т. п.); в пользу второй – просочившийся в общество слух, что один обвиняемый, несколько рехнувшийся, но не подвергнутый экспертизе, сказал защитнику, что его допрашивали 10 раз и 10 раз перед допросом водили «на расстрел».

И будто *сидит* защитник Н. К. Муравьев, формально отстраненный от дела и преданный дисципл. суду *по доносу* двух подзащитных, которые жаловались, что он советовал им изменить показания (sic!).

15 июня. Провинц. известия говорят прямо о голоде. А там, где его еще нет, хлеба не видать все-таки. По-видимому, му-

жики, обманутые властью, как-то инстинктивно выработали определенную тактику, неведомыми путями – вот он где, коллективизм – распространившуюся всюду. Это тактика *упрятывания* хлеба, причем скрывают артистически, так что не найти ни за что.

По осени их заставляют продавать за 80 коп. пуд, сейчас им же приходится покупать хлеб по 4 р. Опыт настолько осязательный, что мужички «поняли» наконец всю дикость современных приемов. Это куда почище прежнего, когда приходилось выплачивать за пособие, полученное в голодную пору, по ценам этого самого голодного времени.

Отовсюду вести поразительные: в Одессе за хлебом дежурят; на Кавказе вывешивают в ресторанах аншлаги: *обед с хлебом*, как в 1922 году. В Полтаве хлеба нет. В Приуралье – Саратов, Челябинск, Тюмень – без хлеба. Местным жителям – по карточке, приезжающим не дают вовсе.

А местами уже голод, «как в 1891 г.», – говорят «социалисты», чтобы не сказать: как в 1920 году.

В Москве с 1-го июня нет белого хлеба, а отпускается какой-то серый, явно с подмесью чего-то (кукурузы?), а вовсе не грубого помола муки, как уверяют власти. Черный же хлеб идет сильно – лошадям, ибо пуд его дешевле овса, стоющего по казенной расценке 3 р. 50 коп. (но в казенных складах есть только цены, овса же нет), продаваемого же по 6 р. на вольном рынке.

*

Мужички какой-то волости Самарской губернии, «идя навстречу коммунизму», составили и прислали властям проект: они, мужики, возвращают в казну всю землю, отдают скот и инвентарь, и пусть правительство их оплачивает, как рабочих, приличной заработной платой, они же будут жить на этот заработок.

Передовицы газет кисло-сладко отмечают проект, указывая, что он «заслуживает рассмотрения».

Думаю, что эта полная коллективизация «хлебного производства», как она ни заманчива (чего же коммунистичнее – фабрикация хлеба в государственном масштабе!!), едва ли по душе товарищам коммунистам. А между тем крестьяне вкладывают все свое достояние, помимо труда, т. е. собираются дать больше, чем дал индустрии рабочий, явившийся в нее с голыми руками (фабрики и «орудия производства» перешли из других рук, из рук буржуазии). Но согласится казна

платить им, крестьянам, хотя бы отдаленно то, что платится малопродуктивному рабочему? Едва ли. Сейчас мужицкий рабочий день идет за 20-40 коп., а тот же день столпа революции, рабочего, расценивается во много раз дороже.

Хитрые мужички, раскусили и не без ядовитости утерли нос правительству.

*

Безработица отчаянная. Из-за недостатка строительных материалов не производится ни строительства в достаточных размерах, ни даже ремонта. Смешно сказать, но чтобы достать для мелкой починки несколько горстей цемента, штукатуры должны подговорить товарища *украсть* это количество на месте казенной стройки под риском попасть в экономич. контрреволюционеры.

На биржах труда (в Петерб., в Москве) скандалы. Не так давно на Каланчевск. бирже огромная толпа безработных (не записал ли я уже это?) громила киоски, лавки, требовала работы, бранила «жидов» («небось жидов безработных нет!»). Приезжал отряд войск ГПУ. Усмирили без боя. В следующие дни избавлялись от безработных сезонников отсылкой их по домам, целыми массами: покупали билеты, сажали в поезда.

Кстати, эти самые сезонники завезли в Москву сыпняк. Забыли уж все про него, а он опять появился, – симптом голода и разрухи.

*

В Москву въехал с большой помпой М. Горький и играет неблагодарную роль хвалителя советских порядков, всюду развозимый и угощаемый. Возят его прямо как «знатного иностранца». Хитрый мужик! Приехал получать 1 200 000 руб. (sic, миллион и двести тысяч) с Государственного Изд-ства за свои сочинения. Нельзя же было не поехать! Но, конечно, стремится назад. На одном заводе (АМО, см. об этом газеты) рабочий умолял его «не ездить больше в фашистскую Италию». На это не совсем тактичное замечание Горький отвечал в другом месте, дня через три, что он сейчас поедет, а вот на будущий год совсем вернется в СССР.

Все время он говорит о бодрости, всем в глаза хвалит «достижения», почувствовав нежность даже к ГПУ за устроенный сим учреждением питомник для беспризорных и рецидивистов. И Горький все славословит. Трудно было бы представить себе Л. Толстого, или «беспринципного» Чехова, или Короленко участвующими в подобном организованном энтузиазме! Да и

вообще никогда (Булгарин?) русск. писатель в такой роли не выступал. Да, далеко Горькому до «Словаря русского народа».

18 июня. Горький продолжает играть двусмысленную роль. Не может быть, чтобы он не разбирался в том, что происходит. Для примера – его посещение сберегательной кассы.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ – ВКЛАДЧИК СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЫ

Среди других советских учреждений внимание Максима Горького привлекли сберегательные кассы.

13 июня писатель сделался вкладчиком образцовой сберкассы, помещающейся при главном управлении Гострудсберкассами – Настасьинский пер., 3.

М. Горький с интересом рассматривал выданную ему единую сберегательную книжку. Вся операция по выдаче книжки была произведена в течение 3 минут. Горькому при этом были даны исчерпывающие разъяснения о порядке пользования сберегательной книжкой.

М. Горький с большим любопытством рассматривал предложенную ему сберегательную копилку. Художественно исполненная, эта копилка русского производства превосходит по качеству американские, а по цене – ниже их.

– Сам-то я, – заявил с улыбкой Алексей Максимович, – в эту копилку деньги класть не буду, а вот для моей внучки это будет занятно.

Для ознакомления с развитием сберегательного дела в СССР М. Горький взял последние номера журнала «Сберегательное Дело», издаваемого главным управлением Гострудсберкассами.

Почему бы ему не дать на заем индустриализации своего гонорара за сочинения, получаемого им с Госиздата?

*

Китайские дела развертываются не в нашу пользу. Правда, Чжан-Цзо-линь будто бы умер от ран после взорвавшейся бомбы. Но зато японцы весьма настойчиво влипают в Маньчжурию и, видимо, не прочь скушать ее вместе с нашей железной дорогой; а тогда и Владивосток повиснет в воздухе, а с ним и выход в море. Единственная надежда, что не допустят американцы. С Европой же японцы поладили

бы. Ведь стоило бы им только отдать приличный куш французам в виде уплаты за те деньги, на которые дорога выстроена и которые заняты были во Франции, – и французы, конечно, признали бы дорогу за японцами.

Освобождение же Китая происходит не в коммунистическом, а в весьма национальном направлении.

*

Мы так окружены атмосферой идейной фальши, что перестаем уже реагировать на различные проявления этой фальши. Но иногда наткнешься на факт, и сразу как-то воочию дикость современных взглядов вверху выпирает наружу; насколько эта фальшь и дичь значительнее ошибочных и нелепых взглядов самого нелепого нашего прошлого. Ну, вот, скажем: искусственно поддерживали падающее дворянское сословие; но рядом росла буржуазия, и жизнь постоянно поправляла нелепое покровительство отмиравшему сословию, а с другой стороны в это сословие вливались новые соки, и из него выходили – становясь разночинцами – неплохие люди, отпрыски ряда культурных поколений.

А вот пример теперешний. Проводится мысль, что дети могут учить взрослых. Не то, чтобы взрослые, приглядываясь к детям, кое-что у них отбирали для себя хорошее, – нет, буквально: дети могут учить взрослых, да еще в области специальной.

Под Москвой, в Братовщине, устроена «база». Туда приезжают дети из школ 2-й ступени. Разделившись на секции: биологическую, агрономическую и общественную, они должны *изучить* край и наставить жителей на правильный производственный путь. «Общественники» получили для этой «работы» материал переписи из ЦСУ и на готовых данных построяют свои соображения о том, кто кулак, сколько бедноты и т. п. (Кстати сказать, это вконец подрывает всякое доверие к переписям: если данными их будут пользоваться для уличения «кулаков», то никто, при даче о себе сведений, не будет откровенен. Прежде данные переписи принципиально становились (личным) секретом.) Биологи устанавливают условия почвенные, водные, вообще природные. А агрономы составляют указания, чем и как выгодно в данной местности заниматься жителям. Для «убедительности» устраивают крошечные участки, где заводят «образцовое» хозяйство, которому мужики должны, предполагается, следовать. Не считаются ни с уровнем крестьян, ни с их трудом, ни с тем, что

детская игрушка едва ли способна внушить доверие нашему крестьянину, агроном был бы много убедительнее.

Ну, чем это не «Плоды просвещения»? «А вы сейте мяту, – тысячу рублей дает с десятины!».

*

Не в первый раз слышу про спор наверху из-за молочного дела. Какой-то еврейской группе захотелось соорудить на казенный счет государственный маргариновый завод. Планы, постройка, оборудование, ведение дела – дали бы возможность кое-кому нагреть руки. Ссылаются при этом на молочную Данию, которая тоже имеет такой завод.

Известный молочный король Чичкин представил свои соображения: Дания насыщена молочным скотом до отказу, расширять это дело нельзя, никакого корма и пастбища использовать уже не представляется; жадные датчане *все* масло выгодно сбывают в Англию; для себя остаются разные отбросы скотоводческого хозяйства, и естественно, что *для себя* они перешли на маргарин. В нашей стране неограниченных скотоводческих возможностей, где совсем не использованы пастбища, бессмысленно переходить на маргарин – лучше поощрить молочное скотоводство, и для этого не считать трехкоровника кулаком. – Власти *отвергли* проект Чичкина. Маргариновый завод будут строить.

26 июня. Окрестные мужики пудами берут в городе черный хлеб, по-видимому, на прокорм лошадей (пуд хлеба ок. 2 р., овес ок. 5-6 р. пуд) и людей, стараясь сохранить муку, если она у кого есть. В городе нередки заминки с хлебом. Казалось бы, до будущего урожая (а он, по официальной версии, «не ниже прошлогоднего», среднего) не так уж далеко, между тем с 1-го июля вводятся, говорят, хлебные карточки. На месяц-другой вводить не стоило бы; значит, сие положение станет длительным.

Политика с хлебом, действительно, возмутительна. Со всех сторон жалобы. Одна из последних, мною слышанных в передаче крестьянки Ряз. губ.: «уж на волостных не надеются, так прислали коммуниста из Рязани; он собрал бедноту: «вам, – говорит, – хлеба нет, а у кулаков есть; покажите где». Бедняки – дурни, все и показали. Думали, им дадут. Ан нет. Велели погрузить на телеги, дали красный холст с надписью и повезли в Рязань: «беднота дарит, мол, свой хлеб». – Картинка эффектная.

*

Под Москвой картошка сгнила (первая посадка). Посадили вторую. Всходит плохо. Загнили от воды и озими, и это все на глине особенно.

*

Подмосковных клубничников в прошлом году облагали по 200 руб. за десятину, сейчас – 600 р. А между тем погода задержала «первый» дорогой сезон, который по времени сольется со вторым, «средним», когда нельзя уже брать крупной цены.

3 июля. Наше дело «Дрейфуса» идет своим чередом. «Экономич. контрреволюция» в «Шахтинском деле» проводится ГПУ политически с таким же основанием, как дело знаменитого еврея во франц. армии. Как там политически считали нужным создать «изменника», так и у нас свои неудачи надо свалить на привлеченных. Неслыханная вещь: прокурор (пресловутый Крыленко) начинает речь с того, что доказывать существование «вредительской организации» он не станет, ибо *все* это признали: и общественное мнение, и целый ряд подсудимых. С каких это пор признание подсудимых является решающим? Для чего тогда судебное разбирательство? Элементарное правило – признание подсудимого недостаточно для обвинения.

Другая неслыханная вещь: один из оговаривающих целый ряд лиц *покончил с собою* в тюрьме, – и об этом только один из защитников упомянул в речи, а оговаривавший – единственная «улика» для обвинения Рабиновича, казни которого требует прокурор. Сегодня *вторник*, а еще не напечатаны речи некоторых защитников, хотя уже прения сторон закончены, хотя уже *даны* выступления обвинителей, возражавших защитникам, хотя уже «последнее слово» подсудимых произнесено сегодня утром.

А эпизод с Скорутто, отпиравшимся при следствии, написавшим покаянное письмо, наконец, *вновь* сознавшимся после *перерыва* заседания, когда обвиняемый опять побывал в тюрьме или вообще *вне* судебного зала!

Дело кошмарное! Прокурор требует больше десятка смертных казней.

И так много непонятного: двое подсудимых, напр., были за границей (один даже с женой), там узнали о начавшемся деле из газет тамошних, и – все-таки вернулись в СССР.

Да, были (у некоторых) денежные взятки, обычные (увы!) в инженерной среде, с давних времен, как обычны они теперь (увы!) уже во *всякой* среде нашего Союза. Стоит почитать скудные газетные сведения о делах сочинских, смоленских, украинских и т. д. и т. д. – без конца.

*

И только Максим Горький, как «дух божий», плавает над всем этим и умиляется. И чего только он ни одобряет: и пивные, и сознательность рабочих, и гуманность милиционеров, и мягкость в обращении проституток и т. д. и т. д.

5 июля. На посрамление нашему времени прилагаю срамноугодливую статейку «Известий» о разрушении «Параскевы-Пятницы», этой изящнейшей церкви, архитектурно прекрасной и крепкой.

4/VII 1928 г. «Известия»

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПАРАСКЕВЫ.

Крепкая, приземистая, широкобокая, дебелая, как старозаветная московская купчиха, обнесена старая церковь забором, на живую нитку сшитым из новенького теса. Тонкой, еле заметной пеленой стоит над церковью известковая пыль, на штукатурке стен свежие раны, в которых видна кирпичная кладка, церковь обезглавлена: купола уже нет. В пустых просветах бывшей «главы» мелькают рабочие. Копошатся они и на крыше и внизу, где свалены балки, кучи кирпича и щебня и стоят могучие битюги с проводами. Рушат церковь.

Слишком уж вольготно расселась древняя купчиха, расползлась по Охотному ряду – нет свободного хода ни трамваям, ни рычащим автобусам и легковым машинам, ни человеческим потокам. Москва распухает, растет, каждый месяц дает прирост населения на десятки тысяч. Советская Москва, как скопидом, дрожит сейчас над каждым клочком лишней площади. Пробивает новые дыры в китайгородских стенах, – сносит старую *архитектурную рухлядь* (льстецы, льстецы!.. – *И. Ш.*), загромождающую драгоценные участки земли. Цель одна – борьба со склерозом сложного городского организма: лишь бы не закупорились артерии и вены столичного движения.

Дошла очередь и до Параскевы-Пятницы.

Любопытно ее расположение. С одной стороны, в глубине грязного извозчичьего двора, белеет своими колонками, кокошниками и орнаментами дом князя Голицына, похожий

на пряничный домик из детской сказки. С другой – гирляндой вывески Охотного ряда. Тут – рябчики, паюсная икра, балыки. Чрево Москвы, старой, гурманской, обжорливой Москвы. Охотный ряд, ставший именем нарицательным, родина былых охотнорядцев, дюжих лабазников, купеческих молодцов, когда-то дробивших скулы и проламывавших головы «жидов и сицилистов». А цитадель, оплот, пуп Охотного ряда – вот эта самая дебелая Параскева-Пятница, сносимая сейчас. По кирпичику.

Первые дни около нее целые дни были «летучие митинги».

Прохожий люд, особенно тот, которому торопиться некуда, задерживался минут на десять-пятнадцать. Стоят. Смотрят. Разное выражение этих глаз.

У рабочих, у молодежи, у служащего народа – любопытствующе-созерцательное. Их занимает самый процесс ломки. Разрушают ли эту ненужную громоздкую церковь или другое строение – не все ли равно...

– А крепка старушка!

– Н-да, голыми руками не возьмешь... Повозиться долго придется...

– Вчера вот колокол спущали. Пудов сот восем будет.

– Пятьсот, – делает кто-то фактическую поправку.

– Може, и пятьсот. Сам не весил, не знаю.

По другому глядят на разрушаемое здание охотнорядские старички и иверские «божьи цветочки», – старушки. Вот к стене прижались две, в черных платочках, старые, все лицо в восковых морщинах. Стоят, точно вросли в стену, глядят не отрываясь на обезглавленную церковь.

– Поразит осподь, – бормочет первая, и в шопоте ее изуверская убежденность. И вдруг, грозя сухим пальцем, кричит:

– Подождите, подождите, накажет вас царица небесная!..

– О-ох, – жалостно вздыхает вторая и трет слезящиеся глаза. – Батюшки, да что же это такое...

Старик в кожаной куртке, туго охватывающей его толстый живот, в высоком старокупеческом картузе, мясистые щеки разрисованы сеткой красных жилок, рассказывает тихо и сокрушенно:

– Триста лет церковь стояла, а вот тут... Ну что же, правительство приказало, им сверху виднее, а мы – люди маленькие... А промежду прочим говорится: отделение церкви от государства... Да-а... Как же так выходит?..

– Берегись!.. – кричат сверху рабочие. – Берегись!..

Балка срывается сверху, с грохотом, подняв пыль, рушится на кучу щебня.

– Кидают... – вздыхает старик. – Ох, ты, осподи... что за народ пошел... Вот иконы снимали, пошвыряли как чурки...

– Ничего не швыряли, – вмешивается, не выдержав, давно прислушивавшийся человек узловатого вида, рыжеусый, рабочий с виду. – Здесь все по порядку делается. Представители Главмузея, из финотдела... Вовсе, отец, твои слова ни к чему... Шипишь...

– А я что же говорю? – сразу увиливает охотнорядец. – Так я, товарищ, и говорю: правительство приказало... Власть!.. Нешто мы против власти?.. Власть – она от бога. Ежели приказали – значит надо... Тоже, ведь, люди с головой.

И отходит, вздыхая:

– Ох-хо-хох!..

– Вот, к примеру сказать, я, – обращается рабочий к слушателям. – Живу сам-шест в проходной комнате... Тут тебе и ребятишки, и хозяйство, – а цельный день народ мимо! Как на улице живешь.

– Тесно, значит? – сочувственно покряхтывает косоворотка.

– И не говори!.. Зашился совсем... Вот ежели бы вместо этого барахла, – пренебрежительно мотает на грузную громаду Параскевы, – домов бы больше настроили, тогда бы еще жить можно...

В другой группе человек с портфелем и в шляпе рассказывает сытым, авторитетным баском:

– Церковь эта относится постройкой к концу примерно семнадцатого века. Выстроил ее князь Голицын, любовник царевны Софьи... из его дома, говорят, подземный ход в церковь...

Постукивают молотки, разбивающие окостеневшую за десятилетия известку, на крыше мелькают рабочие, бьющие тяжелыми ломами. Внизу на площади – лебедки, зубастые колеса подъемника, от которого сухожильями подымаются к опустевшей колокольне стальные тросы.

– А кирпич хороший. Добротный кирпич, – говорит кто-то. – Теперь такого нет.

Парнишка в ковбойке, в крепких футбольных башмаках, ухмыляется:

– Пригодится... У нас не пропадает, не думай!..

Д. Ф.

6 июля. Обнародован приговор по «шахтинскому делу». Вм. затребованных 22 расстрелов – 11. Полный конфуз. Никакого «московского центра», очевидно, не оказалось, раз *никто* из

этого центра к расстрелу не приговорен; ни малейшего намека на дурное отношение к рабочим (тема, которая так муссировалась во время процесса); небольшие злодеи, как Именитов, Рабинович – приговорены сравнительно мягко – 1¹/2 г. и 6 л. Своими показаниями и *колебаниями* в них разозливший суд и, в сущности, вскрывший немножко застеночную его сторону – Скорутт – на 10 л.

Всего любопытнее, что из 11 смертников суд за шестерых ходатайствует, ценя их как раскаявшихся, помогших суду раскрыть дело и как специалистов, – неужели так-таки и будет *помилование*, о чем и хочет ходатайствовать сам суд!

С «Изв.» случился какой-то скандал внутренний. Либо им заранее сообщили приговор, либо заказали статью *заранее*, а потом приговор несколько изменили, только в *передовице* «Изв.» смертники делятся на *две группы*: одни – шпионы – должны быть безусловно казнены – и к их числу относится Мар, Братановский, Бояринов. Другая группа – «воротилы контрреволюционной организации» – они *были* опасны, о них сам суд будет просить у ВЦИК помилования. И сюда вдруг включены опять Мар, Братановский!? В чем дело? Откуда эта путаница?

И затем – газета утешается тем, что на суде *все* обвиняемые не отрицали огромных достижений Донбасса при советской власти, – газета этим хвалится, утешается. Еще бы не признали: ведь они же свое *оправдание* строили на том, что дело процветало и они этому процветанию помогали!

Даже этого писака не в состоянии понять. И *немцев* оправдали всех, проявив «максимальную объективность». (И немного выше сказано, что мы приговор считаем актом прежде всего *политическим*).

10 июля. Фольклор. Шахтинское дело получило прозвище: «Собрание басен Крыленко».

*

Анекдот. В связи с поисками Нобиле, всякие телеграммные сообщения о нем передаются бесплатно. И вот «Рабинович» решил использовать эту бесплатность для своих личных интересов. Он устраивает бесплатную телеграмму своему компаньону ЦипеРовичу: «Ищите Нобиле. Если не найдете, пришлите мне три кипы мануфактуры».

*

В пятницу вечером, 6-го, был *взрыв* в комендатуре ГПУ на Лубянке. Вначале пущены были слухи о взорвавшемся котле парового отопления. Сегодня, 10-го (sic!), впервые напечатано мелким шрифтом в Хронике об этом взрыве. Сказано, что убито два случайных красноармейца, приходивших по делам о беспризорных (а часовой, а дежурный член комендатуры??); что за преступниками гнались и под Подольском, с помощью местных крестьян, арестовали одного и пристрелили другого злоумышленника. Фамилию одного называют: Родзевич, белогвардеец, посланец румынского генер. штаба (sic!). Публика не верит, толки разные: то, будто это 10-летний «юбилей» взрыва в Леонтьевск. переулке; то, будто это анархисты; то – люди, имевшие пропуск на заседание коллегии ГПУ и уронившие бомбу раньше времени. Словом, дело, говорят, серьезнее. Но ГПУ в течение нескольких часов вскрыло все и вставило *все стекла*. Каково!?

13 июля. 9-го казнены-таки 5 человек «шахтинцев». ВЦИК, по-видимому, не хотел или не посмел обнаружить мягкость. 11-го об этом объявили газеты.

В связи с этим бомбу в комендатуре 6-го июля многие склонны считать провокацией, предназначенной попугать кого следует, оправдав ряд расстрелов, доказать бдительность и необходимость ГПУ.

Рассказывают много подробностей о ловле и поимке бежавших бомбистов в районе под Подольском: как необычайно быстро целыми поездами приезжали отряды ГПУ, как изумительно дисциплинированно и «четко» они работали и т. п.

*

Состоявшийся «пленум» ВКП, говорят, вызвал «разногласия»; Сталин будто бы отмирает в значении своем, он будто бы подкузьмил Рыкова, ловко выдвигая Бухарина, и т. п. и т. п. Ждут к след. пленуму, в сентябре, каких-то важных перемен.

Официально же объявляют о верности курса и т. п.

Между прочим, указывают, что на пленуме был доклад, о котором *ничего* в печать не должно проникнуть: на основании перлюстрации ок. 40 000 писем из переписки красноармейцев с деревней установлено крайне враждебное настроение последней; деревенские отцы и братья обычно ругают своих сынов-красноармейцев за то, что они, с оружием

в руках, не умеют ничего добиться от правительства. А «сыны» в письмах отмалчиваются, к революции склонности не проявляют... Вывод докладчика: положение неважное, деревня ведет себя подозрительно и не по-социалистически.

*

От налогов стонут все, а иные припоминают начало большевизма с его лозунгами, среди них: «долой налоги».

*

По поводу «фабзавуча», – соединения школы с производством на фабрике – указывают, что на всех больших мануфактурах были свои школы, по специальностям, и обычно отбирали талантливых ребят (не всяких, как теперь), которые делались квалифицированными специалистами. Так, напр., фабрика Прохоровых (Трехгорная мануфактура) образовала прекрасных колористов, которые и по сию пору с благодарностью вспоминают хозяев, а в производстве и сейчас первенствуют: молоднякам из «ВХУТЕМАСА» (б. Строгановское училище) с ними не сравняться.

*

В Берлине происходит политико-рекламная «неделя русских историков» (в России ее не позволили бы осуществить теперь). На этом почтенном съезде рядом с Платоновым, Любавским, Егоровым – выступают Покровский и какие-то еще молодые люди – марксисты. «Собствен. корреспондент» рекламирует жирным шрифтом своих. Понравился Покровский своим обещанием издать документы по мировой войне, причем он указал, что из документов будет видна вина *не* Германии, а России и ее союзников. Немцам, разумеется, эта мысль очень понравилась.

Никто, конечно, не сказал на этом съезде, что историческое общество в Москве закрыто, а история, как предмет, совершенно *вычеркнута* из курса преподавания в средней школе. Ничего не сказали про то, что *никаких* работ русских историков сейчас не печатают, ниже академиков.

25 июля. С виду все тихо, серо, молчаливо, а между тем все хуже и хуже. Нынче неожиданно объявлено о 2-м займе индустриализации в 500 млн. (первый был в 200 млн.), причем половина – процентно-выигрышная, вторая – беспроцентно-выигрышная (все % уйдут на выигрыши). Сплошное потакание самым обывательским мещанским интересам! И опять пойдет

«добровольно-принудительная» подписка с «вызовами» друг друга на подписку и т. д.

В области духовной – за разорением ненавистной евреям и их подголоскам православной церкви – последовало не «обезбожение», а бегство в секты. Рядом с «комсомолом» сложился могущественный «бапсомол», у баптистов до двух мил. членов, их молодежи; говорят, преимущественно на Сев. Кавказе и на Украине. Последняя в своем националистическом угаре стремится самоопределиться, оторвавшись от Союза, а на этом пути ее подстерегает Польша. Так, чего доброго, разрушится уже каркас будущей России. А внутри – моральный распад, хищения, насилия, пьянство. «Правда» (24-го июля) рассказывает о том, как в Москве $1^1/2$ года процветал народный судья, давно разыскиваемый как убийца, и держался он главным образом *развязностью*, с которой говорил *по телефону* с разными «высокопоставленными» лицами. Нигилизм всюду полный, презрение ко всему – к государству, к власти, к собственности, чужой в особенности, к самим себе. На кооперативном празднестве в Измайлове – где перепились все, между прочим и делегированные из центра пропагаторы кооперации, и где комсомолку «в форме», пьяную, волокли на четвереньках, а потом так и бросили среди дороги, – подвыпивший мужик (почтенный!) всего лучше высказал своему собеседнику сущность теперешней психики: «все мы, что ты, что я, что Мих. Иванович Калинин, все одна сволочь».

Правда, говорят, множатся протесты. В Питере, на крупнейшем заводе (кажется, на Путиловском), одному из главарей северной столицы, «красы и гордости революции», рабочий от имени всех присутствующих, партийных и беспартийных, заявил: «если вы в 10 лет ничего не смогли сделать, то, значит, в правители вы не годитесь, уступайте место другим».

Припоминается года 4 назад (или уже все 5?) данное Калининым на съезде в Тифлисе обещание: «через 5 лет мы *должны* обогнать технически и хозяйственно даже Америку, иначе нам не устоять». Хвастливо было сказано! Так и что же? «Не устоять»?

Страх берет: не поздно ли начинают опоминаться? Ведь нас съедят со всеми косточками и шкурою, уж очень всем мы осточертели.

*

Не иссякает лишь всеспасающий юмор. Недавно слышал:

1) Эрбетту показывают золотые запасы Госбанка и в заключение, с обращением Excellence, подносят ему *золотой* на память о посещении кладовых.

Подбрасывая монету на ладони, Эрбетт говорит: «Et le reste?».

2) Мужику показывают фокс-тротт и спрашивают его мнение о танце. Ответ: «что ж, покрыть венцом, и все».

1 авг. Выступление Бухарина на VI съезде Коминтерна с указанием особо заботиться о польской коммун. партии, чтобы иметь надежную подмогу, действующую в спину (на случай войны с Польшей), возмутило, наконец, поляков, особенно в связи с тем, что в составе чуть ли не президиума или какой-то комиссии съезда оказался и Рыков.

Ряд газет – польских, франц., английских – рвет и мечет. Мы – обвиняем всех в желании вызвать войну!

А запад либеральничает: излавливаемых с фальшивыми паспортами и визами коммунистов – французы отправляют на границу с двумя жандармами. Австрийцы же и вовсе «охраняли» вывозимого от них Белу Куна; то же делали и немцы, из боязни, что Куна убьют, а сей последний, вернувшись в СССР, язвит, что его окружали все время «шпики»: да без них ему бы не уйти живым.

И советской власти, пожалуй, досадно: на что ей Бела Кун без Венгрии? То ли дело, если бы его там убрали, – какой можно бы нажить капиталец, не хуже, чем на Сакко и Ванцетти.

10 авг. С разных сторон вести о волнениях в армии. 1) В Ростове-на-Дону солдатик прочел вслух товарищам письмо из деревни, как там обирают; солдатик после этого был арестован. Товарищи его отказались выходить на ученье, пока его не освободят. Освободили. 2) Нечто подобное в Рязани: собравшиеся территориальники отказались проходить повторное учение, пока не обеспечат пайком оставшихся дома родных. Выдали пайки. 3) В Смоленске воинская часть отказалась выступать в деревню, куда ее хотели послать не для экзекуции, а только «для престижа». Пришлось часть отправить подальше вглубь страны.

*

Мужики, запродавшие хлеб в силу контрактации по опред. цене, бунтуют, когда правительство вдруг накинуло 15 коп. с пуда, ибо никто не хотел продавать дешевле.

На юге начинаются хлебозаготовки, и правительственные газеты с возмущением говорят о том, что крестьяне охотнее продают скупщикам по 18 р. за центнер, чем везти в кооперацию по 8 руб. Еще бы!

*

Знаменитый проект самарских мужиков о передаче всей земли казне, которая пусть платит «зарплату», *как рабочим*, пролетел, при этом сообщалось в газетах «между прочим», в форме интервью с замнаркомземом Клименко, который высказал соображение, что это неосуществимо, т. к. работа крестьян идет не беспрерывно, много пропускных дней и т. п.

*

«Коллективные хозяйства» вводятся насильственно. На Сев. Кавказе, напр., выделяют лучшую землю в обществе, путем передела всеобщего, в пользу коллектива, предоставляя не вступившим в коллектив худшую. Разумеется, приходится итти в коллектив. Но что из этого получится, это вопрос другой.

*

Хорошенький процессик из области юстиции нашей (кстати: деревня стонет от отсутствия правосудия) рассказан в прилагаемом фельетоне. И сколько таких Двориных... Кстати, наверное это еврей. И компания около него была соответственная.

с 24-го VII по 7-ое VIII 1928

ДЕЛО ДВОРИНА И К°.
(Процесс судебных работников).

Процесс судебных работников – необычное в нашей судебной практике дело. На скамье подсудимых среди других обвиняемых двое нарсудей Бауманского района (в Москве) – Дворин и Чегин, привлеченных к суду за взяточничество и другие преступления. Главный герой и душа дела Дворин целых полтора года творил всякие безобразия и был разоблачен случайно. Процесс вскрыл некоторые слабые стороны советского аппарата: наше неумение проверять людей на работе, наличье протекционизма и недостаток общественного

контроля. Похождения Дворина, этого авантюриста в роли нарсудьи, заслуживают внимания общества и печати.

В обширном материале, собранном следствием по этому делу, имеется 40 анкет, заполненных Двориным для различных учреждений, в которых он работал. Знакомство с этим анкетным творчеством Дворина убеждает, что перед судом наглый проходимец, случайно примазавшийся к судебному аппарату.

В анкетах Дворин перечисляет высокие партийные и советские посты, которые он якобы занимал, и дает явно фантастические сведения о своем социальном происхождении и положении.

Судя по анкетам, Дворин является уроженцем пяти городов.

«Родился я в Киеве, – сообщает о себе Дворин в одной из анкет. – Основная моя профессия – парикмахер».

«Уроженец города Новочеркасска, донской казак, профессия – садовод», – указывает он в другой анкете.

В третьей анкете Дворин – уроженец Ковно, литейщик, а на предварительном следствии он указал, что сам не знает, где родился, и профессии никакой не имеет.

– Значит, – спрашивает председательствующий, – вы никогда не были парикмахером?

– Нет, это просто описка.

– И садоводом не были?

– Нет. Это я ошибочно указал в анкете.

– А литейщиком вы себя тоже называли по ошибке?

– Нет, сознательно. Это я признаю самым тягчайшим своим преступлением.

Не менее фантастические сведения Дворин сообщает о своей службе в Красной армии. Получил он будто бы в боях шрапнельные и пулевые ранения, находился в плену у белополяков, совершил ряд геройских подвигов и нахватал тьму отличий. Все это действительно зафиксировано в его послужном списке, но с оговоркой: «со слов самого Дворина».

На советскую службу Дворин поступил в 1923 году на должность начмилиции Горностайпольской волости (Киевской губернии). Об этом периоде деятельности Дворина имеется судебно-следственное дело по обвинению его в убийстве с целью грабежа. Ряд лиц, допрошенных по этому делу, охарактеризовал работу Дворина, как бандитскую, и указал, что поборами он терроризовал население. Дворин был привлечен к суду и взят под стражу, но через два месяца бежал из тюрьмы вместе с двумя другими

арестантами. Объявленный розыск Дворина оказался безуспешным.

Только через восемь месяцев после побега из тюрьмы Дворин добровольно явился к киевскому губпрокурору. Если верить словам Дворина, он добился тогда прекращения возбужденного против него дела.

В дальнейшем служба Дворина протекает в различных учреждениях и городах. Нигде он не остается более 3-4 месяцев. В течение одного 1925 года он успел побывать начальником исправдома в Черкассах и Вологде, пропагандистом на Яхромской фабрике в Дмитрове, помначмилицией в Богородске, еще на каких-то должностях в Киеве и Сочи и, наконец, следователем и нарсудьей в Ростове-на-Дону. Здесь его хотели арестовать по горностайпольскому делу, но Дворин заблаговременно скрылся в Москву, где путем протекции устраивается на должность нарсудьи.

В Бауманском нарсуде Дворин, несмотря на свою низкую квалификацию, быстро выдвигается на первое место и избирается в секретари ячейки. Многим его сослуживцам бросалось в глаза недостойное судьи поведение Дворина – хвастовство, пренебрежительное отношение к товарищам, стремление командовать и выставлять напоказ свои влиятельные связи. Однако, никто выступать против него не осмеливался. В ячейке Дворин создал свою группу, в которую входили судья Чегин и другие постоянные собутыльники Дворина. Чегин, человек слабовольный, любивший выпить, окончательно подпал под влияние Дворина, который втянул его в кутежи и взяточничество. Чегин, по словам свидетелей, «спился с Двориным».

Упрочившись в суде, Дворин вскоре обнаруживает свое настоящее лицо проходимца и взяточника. Он окружает себя подозрительными личностями, которые вымогают от его имени взятки и распространяют слухи, что Дворин «все может».

Интересен список московских друзей Дворина. Вот они: Кацов, торговец, осужденный за кражу, Меламед, «человек, готовый на все», Казинадзе, фальшивомонетчик, бежавший из тюрьмы, Глозман, и в прошлом нарследователь, «позаимствовавший» на вещественных доказательствах несколько золотых монет и изгнанный за это со службы, в настоящем – юрисконсульт Сандуновских бань и подпольный адвокат. Прибавьте сюда несколько спекулянтов и их жен, – и список интимных друзей Дворина будет полон...

Судом установлен ряд случаев, когда Дворин в личных интересах выносил неправосудные приговоры. Таковы приговоры по делам Бейлина, Лубоцкого и других.

Приятель Дворина – Меламед систематически травил своего соседа по квартире доктора Бейлина, стараясь выжить его из квартиры. Меламед, пьяный, нередко врывался в комнату Бейлина, оскорбляя его, грозил застрелить и однажды даже избил. Бейлин предъявил в бауманском нарсуде иск о выселении Меламеда. Дело назначено было к слушанию под председательством Дворина.

В день суда Дворин позвонил по телефону к жене Меламеда: «Фридочка, сегодня буду судить я. Ничего не будет».

Вызванные по делу Бейлина свидетели показали, что Меламед терроризировал своего соседа и систематически издевался над ним. Несмотря на это, Дворин в иске Бейлину отказал и постановил выселить его из квартиры, хотя Меламед об этом и не просил и не предъявил встречного иска. Выселение Бейлина Меламед отпраздновал попойкой, в которой участвовал и Дворин. (Впоследствии губсуд в кассационном порядке отменил решение по делу Бейлина). От имени Дворина и с ведома его этот самый Меламед вымогал взятку от некоего Шугана, дело которого находилось в производстве у Дворина. Другим посредником по взяточничеству у Дворина был его шурин – Кацов. Среди клиентов Дворина Кацов был известен, как «доверенный нарсудьи Дворина по взяткам».

В участке Дворина слушалось уголовное дело владельца аптекарского магазина Асса. Последний был приговорен к двум годам лишения свободы и к конфискации имущества на 5 000 рублей. К Ассу явился Кацов и предложил за 1 000 рублей приостановить исполнение приговора, а за пять тысяч «ликвидировать дело полностью». Асс заявил о вымогательстве прокурору, и Кацов был арестован. Дворин был снят с работы. Но полностью все преступления Дворина и К° выплыли наружу только в связи с вымогательством взятки у Горгидзе.

Владелец пивной Горгидзе привлекался к суду по 101 ст. УК (незаконная торговля спиртом). Дело рассматривалось 1 марта 1928 г. нарсудьей Сокольнического района Сычевым. Горгидзе был оправдан. На другой же день после этого Сычев подал письменное заявление прокурору, что нарсудья Бауманского района Чегин требует от Горгидзе взятку в 600 рублей за то, что он, Чегин, повлиял якобы на Сычева и содействовал вынесению Горгидзе оправдательного приговора. Об этом Сычев узнал от судебного исполнителя Коновалова.

Следствие выяснило, что Чегин и Дворин, хорошо знавшие Горгидзе и часто бывавшие у него в пивной, обещали ему подействовать на Сычева и добиться оправдательного приговора за взятку в 800 рублей. В счет этой суммы они успели получить от него 200 рублей. Посредничали при получении этой взятки друзья Дворина – компаньоны Горгидзе по пивной – Кацитадзе и Казинадзе, некий Пирцхалашвили и Глозман. Кацитадзе и Казинадзе были арестованы в квартире у Дворина, куда они пришли уплатить ему недоданные 600 рублей.

Судом приговорены:

Дворин по ст. ст. 113 (дискредитирование власти), 114 (постановление неправосудного приговора) и 2-й части ст. 117 УК к 8 годам лишения свободы с поражением в правах на три года.

Взяткодатели – Горгидзе и Кацитадзе – к 5 годам лишения свободы с поражением в правах на 3 года.

Кацов и Глозман по ст. 118 УК; первый – к 4 годам и второй к 3 г. лишения свободы. Меламед по ст. 169 УК – к 1 году 6 м. лишения свободы, Пирцхалашвили – к 2 годам. Шабат по ст. 19 и 2-й части 169 УК к 1 году лишения свободы, которое заменено принудительными работами на тот же срок.

Коновалов, Кенчадзе и Синозерский оправданы.

Вместе с тем суд определил довести до сведения МК партии и МКК о неблаговидных действиях некоторых лиц, покровительствовавших Дворину и этим дискредитировавших учреждения, в которых они занимали ответственные должности.

Дело рассматривалось в Москве с 24 июля по 7 августа выездной сессией тульского губсуда под председательством тов. Пахомова. Обвинение поддерживали прокурор тов. Щепетов и общественный обвинитель тов. Егоров.

Защищали: ЧКЗ Гринберг, Левенберг, Липкин, Нурок, Подвальный, Хунададзе и Шварц.

О.

*

Из фольклора. Еврей, нуждаясь в деньгах, лезет на высокое дерево, там оставляет записку самому Богу, прося о 50 руб. Внизу его ловит и допрашивает агент, ведет в ГПУ, выясняет, для чего он лез. Еврей откровенно рассказывает. Думая его привлечь в безбожники, его заверяют, что Бог не поможет, а выручит сов. власть: ему дают 25 руб.

Еврей бежит тогда опять к тому же дереву и шлет Богу благодарность за 25 руб., но просит его другой раз передавать деньги непосредственно, а то они дали только половину, а 25 р. удержали себе.

*

С продовольствием все хуже. Бывают дни, когда вдруг нет мяса, либо нехватка в хлебе. А чаю, масла не бывает чуть ли не по неделям. То вдруг продают *прогорклое* масло. Из провинции жалобы на отсутствие хлеба, очереди за ним. Местами *карточки* хлебные. В Московской губ. кое-где черный хлеб 15 коп. за фунт!

15 авг. Со всех сторон в один голос подтверждения, что мы вывозим лихорадочно все, что можем вывезти, и по какой угодно цене. Везем «второстепенные предметы сбыта»; везем яйца, масло, сыр (себе 32 р., продаем по 15 р.), только бы получить валюту.

Фотограф одного из хранилищ говорит, что денно и нощно занят фотографированием худож. ценностей, уходящих из музейного фонда за границу.

А в фондах огромные богатства из конфискованных частных галерей. И все – молчат. Расхищение и разбазаривание «народного» достояния идет во все тяжкие, а «народ», сознательный народ... плюет на все.

*

В газетах как-то сообщалось, что наркомтруд Васил. Владим. Шмидт (кстати сказать, еврей, из рабочих), взявшись править автомобилем, произвел катастрофу, причем спасся сам, а жена разбилась насмерть. Вдруг из Кисловодска телеграмма – от *жены* его: жива и невредима. Оказывается, репортер поусердствовал, не спросясь: убитая не жена, а маленькая актриса из какого-то театра.

22 авг. Образец педагогического законодательства *новый устав единой трудовой школы* (Изв. 22/VIII) 1928.

Не знаешь, чему больше дивиться: тут и с потолка списанные цифры возрастные, так что получается полная несогласованность; тут и подстановка *политики* вм. учения; тут и горделивое сознание авторов, что они творят «для истории» (о бедных детях и не думают); тут и замечательные педагогические «эксперты»: бабы с заводов, слесаря (все *пролетарии* зато).

23 авг. Из газетной страницы кусочек речи Варги о состоянии СССР в данный момент. Произносилось на конгрессе Коминтерна. И вся речь в таких тонах. *Темп* нашего хоз. развития *неслыханный*, сильнее, чем где-либо (забывается, что в Америке он идет от 100 к 105, у нас от 0 к 10, от 10 к 30 и т. д.). И главное – далеко не достигнуто довоенное положение, несмотря на всякие приводимые цифры. Чего уж лучше: сидим без хлеба, не продавая его за границу; не можем одеться в бумажные ткани, чего всегда было вдоволь. А уж о строительстве и говорить не приходится. Разваливаемся с каждым днем.

*

МКХ (Моск. Коммунальное Хозяйство) упорядочивает кладбища, т. е. прокладываются дорожки, регистрируются могилы. Казалось бы все это хорошо и полезно. Но при этом беспощадно уничтожают старые могилы, сносят прелестные ампирные решетки (их целые горы нагорожены на задворках) – неужели они пойдут в лом или – не лучше – будут продаваться для современных могил? Уничтожали без разбору. Попалась генеральская могила, которую 10 человек разламывали две недели, насилу одолели. Некоторые могилы пытаются спасти, на них рядом с номером наляпана буква *Ж*, – Жаров, фамилия, отмечающая какого-то представителя охраны худож. памятников.

1 сент. И смех и горе. «МОНО» (Московский отдел народного образования) наконец решил, что надо провести «трудовые процессы» в школе, «которая называлась трудовой, но в которой до сих пор трудом и не пахло» (sic!). – Дальнейший план: «орабочить» школу, вводя насильственно туда рабочих, а *потом* можно устроить *обязательный* прием в вузы *без экзаменов*, но со строгим социальным отбором. Можно ли циничнее? Дураков – но своих.

*

Не без некоторой театральности англичанам выдали прах 38 матросов, поднятых с потопленной в наших водах в 1919 г. подводной лодки, – симулируя пиэтет к мертвым. Это у нас-то! При нашем отношении к своим кладбищам, к могилам, к многочисленным казненным, наконец! Правда, и тут не удержались от желания кольнуть англичан: чтобы переданы были норвежскому судну (за перерывом сношений

с Англией интересы англичан в СССР охраняет Норвегия), англ. военного судна не допустили в наши воды.

*

Тот же «укор» англичанам сделан был и в связи с нашим присоединением к пакту Келлога о ненападении. Еще раз выпирая в ответе со своим стремлением к полному разоружению, выражая неверие в пакт Келлога, советское правительство распространилось и насчет того, как не гармонирует с ненападением – разрыв дипломатич. отношений, существующий между некоторыми государствами и являющийся показателем «враждебности».

*

А в Москве по-прежнему повторяется старый, при нынешней власти, анекдот: и чего только в Москве нет, – чаю нет, масла нет и т. д. Прибавилось: нет колбасы, нехватка ветчины, мясо частенько пропадает.

*

С урожаем ничего не поймешь. На Волге, как будто, хлебов много, но «заготовка» идет очень слабо. А на Украине – совсем нехорошо. Сегодня в газете уже речь о помощи Украине ввиду «недорода».

*

Газета на днях усиленно восхвалялась: не вывозя хлеба, мы тем не менее ухитрились не уменьшить вывоза за границу, – и все «второстепенными» продуктами, в частности, сельского хозяйства. Отсутствие сыра, масла, яиц становится понятным.

3 сент. Общество научной связи с заграницей называется ВОКС (Всесоюз. Об-во культ. связи). Идет кто-то, его спрашивают – куда. Ответ: в ВОКС. – Какой? Vox dei или vox populi? – Ответ: нет, judaei...

*

Наркомпрос отзывается на 100-летие Толстого, собираясь справлять его в форме: Толстой и октябрьская революция. Вот интересно-то. Думал ли когда-либо Толстой, что *так* им будут угощать молодежь.

5 сент. Знаменитая Гарримановская (америк. концессия по Чиатурскому марганцу), о которой года три назад так трубили, обещая себе страшные доходы и выгоды (вложат

миллионы!!!), кончилась пуфом. Американцы вкладывали мало, марганцевые запасы, сделанные в годы войны, благополучно *вывезли*, дав взятку грузинскому правительству и выплатив прежним собственникам, находящимся ныне за границей, а теперь от разработки отказываются, оставляя нам неналаженное дело и вложенных несколько миллионов долларов, из 6 %, что вполне прилично.

А наши-то идиоты радовались, что им оборудуют дело и подарят!!

*

Обнародована новая программа Коминтерна, назначенная, по-видимому, затмить и заменить «теоретический» Коммунистический Манифест Маркса.

Итак от Маркса через Ленина к Бухарину (автор проекта), – quelle degradation!

6 сент. Сегодняшнее известие газеты уже несколько приоткрывает (для опытных глаз) завесу над Чиатурской концессией: ничего не сделано концессионером, марганец вывезен, производство сокращено, не остается даже опытного технического персонала.

*

Характерно озлобление газеты по поводу того, что немцы, наконец, догадались нашему Госторгу противопоставить свою организацию. До сих пор, при нашем понятии «экономическая контрреволюция», немцев оставляли в неведении насчет степени *настоятельности* наших нужд; делая свои предложения вне конкуренций, мы вели *тайно* переговоры с отдельными фирмами, сшибали их лбами и снижали под шумок цены. Теперь немцы хотят действовать сообща.

9 сент. Сегодня нехотя справляют столетие Л. Толстого. Газеты (хоть и не на первой странице, это все же не Воровский и не Цурюпа!!!) посвящают ему страницы «с оговорками». В «Изв.» один доказывает, что Толстой не был революционером (открыв Америку), – следовательно он «для нас» не вполне приемлем. Очень много – Ленин о Толстом! Скажите!

А Главискусство опубликовало стандарт того, что можно говорить о Толстом. Так называется: «Тезисы для докладчиков культурно-просветительных учреждений и школ». Там обо всем – и о количестве фабрик и рабочих в 1812 г., и о годе

рождения Толстого в 1828 г. (sic!), и о причинах падения крепостного права, и цитаты из Ленина, даже из Покровского, нет только – Толстого.

А на торжестве рядом с Луначарским и Сакулиным будет выступать Стефан Цвейг. Чудно́!

*

С хлебом неладно. Официальные сведения: жалуются на безобразные условия хлебозаготовок, на скудные результаты. Рядом с этим – опоздания с доставкой семян. А мужички определенно проводят свою тенденцию – *сеять минимально*, ибо лишнее отбирают задешево. На Украине недород: иные крестьяне *купили* себе на зиму хлеб, а этот хлеб у них *отбирают*, сажая хозяев в тюрьму за нежелание продать. И это продолжается *по сей день*, несмотря на официальные запреты репрессий.

*

По рассказам приехавших из Парижа, сопоставляющих нынешнее с прошлым, там очень много любопытного:

1) Демократизация – буржуазия не чуждается бедной интеллигенции; к прислуге отношение очень улучшенное.

2) Отпуск на месяц почти всюду; в июле и авг. закрываются даже магазины и мастерские – все разъезжаются. Прислугу отпускают *на месяц*, платя не только жалование, но и *харчи*, т. к. она не ест дома.

3) Обложение наследства колоссальное, стесняют наследование дальними родственниками, а тем более чужими; делается это путем жестокого обложения, иной раз оставляя наследнику (напр., если он чужой) лишь 1/4 наследства.

И попутно о немцах: они молчаливы, глядят в землю, утратили былое громкоголосие и самоуверенность, с какими вели себя везде, особенно у себя. Теперь они и у себя молчаливы. Психология побитых на войне?

On les aura, – девиз французов на разных вещицах во время войны; on les a – теперь.

Боюсь, не пришлось бы французам скоро говорить: *on les a eu*, – ибо проблема населения у них стоит очень тревожно.

13 сент. Немцы, забыв о том, как они в 1873 г., когда французы *до срока* выплачивали им всю контрибуцию, не хотели за неск. недель до новой уплаты *подготовить* эвакуацию оккупированной территории (о чем французы заботились, желая точно в срок от них избавиться), – забывая об этом,

немцы теперь наседают с требованием об очистке французами прирейнской полосы *до срока.* И это при условии, когда они разоружения у себя не провели до конца, а с репарационными платежами далеко еще не все налажено. Разумеется, наше правительство в негодовании – на французов.

*

До сих пор нередки случаи, когда пролетарии, получив квартиру в новоотстроенном кооперативном доме и не желая платить по стоимости, *продают* свое кооперативное жилье т. наз. буржую, т. е. попросту интеллигенту или служащему.

Теперь открылась новая отрасль торговли. Уже приводят случаи, когда выдержавший экзамен интеллигент, не принятый туда, куда ему хочется, *меняет* свое место с пролетарием, который без усилий и испытаний принят в какое-нибудь специальное учебн. заведение, где он учиться *не может* по уровню своего развития и знаний. Так, был случай промены места в Межевом институте на более ценящееся место в Высш. Технич. учил. А пролетарию последнее часто не под силу, да и шел он больше по командировке, чем по внутренней потребности.

Не принятых в «вузы», выдержавших экзамены, и порою блестяще, – целая пропасть. Говорят, что на мед. фак. отказывали даже рабочим (принимают больше всего фельдшеров и сиделок). На каком-то электро-технич. отделе всего 4 места, – остальные «расписаны» между партийцами, комсомольцами, командированными. Всего обиднее два обстоятельства: 1) для серой публики *снижается* уровень требований; 2) и тем не менее, ко 2-му курсу не остается и половины, – место было занято зря.

Прежде Виппер писал *для средн.* школы учебник (Нов. Истории), который оказался достаточным для студентов. Сейчас появился какой-то Фридлянд, про которого рецензент с похвалой говорит, что учебник годится и для *совпартшколы* и даже для *рядового рабочего* (sic!).

*

Бледно, по-казенному проходит столетие Толстого. Немножко самостоятельности – в Ясной Поляне, где Александра Львовна, говорят, не допускает ни «военизации», ни безбожников, справедливо указывая, что сии принципы расходятся с идеями Толстого. Вот там-то (в газетках даже сказано!!) участники поминовения Толстого пели даже «Вечную память».

Газета («Изв.») уже откликнулась по поводу Ясной Поляны. Смысл такой: оно, конечно, заветы Толстого; но допустимо ли в стране советов, где миллионы детей горят революционным энтузиазмом, *лишать* этого хоть бы сотни детей?

16 сент. Вчера по поводу приема в *вузы* подсчет: везде «рабочие» выпирают детей служащих; где последних было 50% в прошлом году, на приеме этого года не более 20%.

Так сознательно наши материалисты и дарвинисты уничтожают умственный «племенной скот». Хвалятся, что через 10 лет не будет ни в вузах, ни на служебных местах ни одного интеллигента.

На литерат.-худож. курсах новый заведующий Карапетьян производит чистку. Одному слушателю выдали документ с мотивировкой, почему его вычистили. Написано: «отсутствие производственного лица (общее образование); отрыв от масс (индивидуализм); идеологически – буржуазность».

Первое означает: почему не из фабзавуча, почему нет параллельного учению производственного стажа; второе и третье – понятно, хотя и глупо в равной степени.

Результат: армяша очутился перед дилеммой – ячейка гонит, а преподаватели отстаивают дельного студента. Кому верить? Наука – дело хорошее, но важна не она, а «идеология». Решено: пока оставить «на стаж», с обязательством проявления себя «на общественной работе».

*

Нынче воскресенье, с хлебом – заминки. Утром очереди у немногих торгующих булочных; публика зла, ругается, время пропадает. В провинции хлеб все дорожает. Из Рязанской губ. вести, что едят «травку», посыпая ее мукою для сытности.

*

Со всех сторон только и слышишь о невероятно нелепых отказах в поступлении в высш. учебн. завед. Сегодня сообщили такой:

Некая Колпинская, служит в ГИЗ´е, весьма подкоммунивает. Вдова. Муж – старый большевик, участник Свеаборгского восстания, бежал, жил в эмиграции, умер в Италии. Жену советская власть вызвала сюда, памятуя заслуги ее мужа и обещая ей хорошие условия жизни. Ее сын держал в I МГУ на этнографич. отделение. Склонен к археологии. Знает итал. и франц. языки. Держал отлично, особенно по общество-

дению, представил документы: от итал. секции Коминтерна, от О-ва старых большевиков и от своей комячейки, где сказано, что не принят в комсомол лишь по слабости здоровья, не позволяющего нести обществ. работу.

Отказ – «за недостатком места».

Теперь Горький послал от себя просьбу в апелляц. комиссию. Секретаря Горького «приняли холодно».

*

Рассказывают, что в Малом Театре, во время спектакля «На всякого мудреца», был такой казус.

В антракте молодой человек, сидевший с какой-то дамой, отделился, подошел к рампе и, обернувшись к зрительному залу, сказал, что сейчас у нас празднуют Толстого, забывая его заветы; особенно его «Не могу молчать». Молодой человек приглашал молодежь выступить на улице с этим призывом и закончил: «Долой смертную казнь!». Публика молчала в оцепенении. Какой-то одинокий голос крикнул: «да здравствует диктатура пролетариата!» Молодой человек нашелся и ответил: «да здравствует диктатура пролетариата – и долой смертную казнь!»

К нему подошли, спрашивая его документы. Он ответил: «мой партийный билет в раздевальне». Пошли туда. Билет, действительно, оказался, а еще сверток, которого испугались. Юноша успокоил, заявив, что не бомба, а стяг, которого он не успел взять и развернуть... Перед уходом он простился с дамой, успокаивая ее. Его увели.

19 сент. Дело с Яснополянской школой обостряется. Сегодня в «Изв.» уже появились письма разных просвещенцев, грубые и заносчивые: чем виноваты дети, что им приходится учиться в районе проживания родственников Толстого? И допустимо ли превращение живых людей в памятник Толстому?

Какой-то ретивый «студент» выражается еще резче.

На вегетарьянском вечере памяти Толстого были, говорят, резкие выступления толстовцев, часто молодых.

Обе эти категории выступлений не свидетельствуют ли: во-1-х, о том, что нынешняя тьма и нетерпимость превосходит прежнюю, ибо тогда *подневольно* выступал Синод, не встреченный симпатиями общества; во-2-х, о том, что где-то есть дух жив, и жизнь его в том, что выступает молодежь, т. е. люди, казалось бы, оттертые действительностью от всякой живой струи.

*

Разгорается и дело с актерами. 1) М. Чехов, очевидно, уехал прочно; хоть он сегодня в газете и отрицает свое соглашение с Рейнгардтом в Берлине, однако не отрицает изучения дикции на немецком языке, а ведь это не для игры на русском театре? 2) Мейерхольд отказался вернуться немедленно. В наказание труппа его «расформировывается» («Изв.», 19 сент.), т. е. попросту стирается имя его с театра, ибо труппу эту хотят как-то использовать без него. 3) Грановский с «Габимой», говорят, так «выражается» о советской власти, что возвращение его из-за границы мало вероятно.

30 сент. Зловещие слухи подтверждаются: из Эрмитажа начали распродавать уже первые номера – продан «Блудный сын» Рембрандта. Итак – «распивочно и навынос» во славу эксперимента, который все-таки проваливается, но, очевидно, оставит после себя голое место для иноземной колонии.

На днях Осипский для привлечения американских туристов предложил (см. «Изв.») построить 10-этажную гостиницу в 2 000 комнат, с теплой и холодной водой, телефоном, радио в каждой комнате, ибо «американцы не привыкли к нашей жизни». Скотина! Чисто по-барски мирится с грязью собственного народа и предлагает создать что-то вроде отелей для европейцев в Египте, где низы живут, не ведая о той роскоши, какая достается туристам.

1 окт. Интересное заявление в «Вечерней Москве»: собираются муниципализировать около 100 домов, возвращенных было их владельцам, ибо, когда они отдавались, они были бездоходны, а теперь приносят доход. Попросту: когда владельцы их отремонтировали – их отнимают.

Цинизм откровенный! Кто же будет «вкладывать свои средства» в строительство?

*

М. Горький продолжает отличаться. Во вчерашних «Изв.» он поучает молодых пролетарских писателей и, между прочим, изрекает, что антропоморфизм от «антропос», человек, и «морфос» (sic!) – вид, образ; что Гоголь, устав от «мертвых душ» русской жизни, искал отдохновения в романтике «Тараса Бульбы» и т. п.

Уволен Нарбут (кажется, брат покойного рисовальщика), заведовавший издательством «Земля и фабрика» и игравший

видную роль в делах советской печати. Говорят, найдено его письмо из эпохи гражд. войны, с приветствием по адресу белых, когда он служил в разведке у красных. Словом, обычная история.

Неизвестно, последовала ли расправа со стороны ГПУ.

*

В газетах тревожные вести насчет плохого сбора единого сел.-хоз. налога. Вместо намеченных на сентябрь 40% годового сбора выполнены какие-то ничтожные части, местами вроде 4-6% задания. Положим, налог, не играющий решающей роли в бюджете (то водка!), но показующий равнодушие «селянства» к государству.

*

Прежний ботаник, рассматривавший приемные листы новых студентов Тимирязевской Сел.-хоз. академии, утверждал, что среди принятых много *провалившихся* на экзамене *почти по всем* предметам. Это, конечно, благородные представители крестьянства и робкого пролетариата. Ну, что ж: «Они хотя дерут, зато уж в рот хмельного не берут».

*

Газета с удовольствием печатает (4 окт.) мнение одного видного немца (из южной Германии) о том, что Франция для Германии не важна, ибо сейчас только две великих державы: Англия и Америка; немцам надо оторваться от Запада и быть средним между СССР и СШ.

6 окт. На днях умер Россолимо (невропатолог). Его «одобрили» (Семашко), но, по-видимому, родные его отпевали. Газетное известие о его похоронах составлено так: вынесли к памятнику Пирогова, Семашко и др. сказали речи; на могилу возложены венки. Вся промежуточная стадия от Пирогова до могилы (где она?) скрыта от читателя. К чему эта нелепая маскировка?

*

Академические выборы проходят под очень большим давлением. Вчера ленинградская Секция научных работников объявила свои кандидатуры, начиная с Покровского и кончая Бухариным, и прибавив еще «отрицательную» оценку нежелательных лиц: среди них известнейший византинист *Бенешевич* (он де занимается «узкой темой» – о ранней церкви); один из немногих наших оригинальных и широких

географов – ихтиолог и исследователь Аральского и Каспийского морей с их усыханием (сказано, что он антидарвинист и не творец науки – sic!!) – *Л.С. Берг*; отвергнут и *Любавский* и *Железнов*. Зато проводятся *Лукин* (sic!), *Деборин* (sic!!).

Сегодня в газете аналогичное постановление московской секции, – получается, что обе секции сговорились и, м. б., чтобы хоть этим путем дать понять *о давлении* сверху. Теперь остается слово за самими академиками. Грозили им всячески и сильно.

*

Развязность растет. Некто Мандельштам, пишущий под фамилией Лядов, вчера негодовал в «Изв.», что «мы не себе готовим смену, а профессора готовят смену себе» из молодых ученых. К ужасу оказывается, что по «отвлеченным» (sic!) математическим наукам готовится 300 с чем-то аспирантов, а по сел.-хоз. отрасли всего 200 с небольшим. И притом из 1000 готовящихся целых 18 из духовного звания.

Этот же автор высказывает глубокомысленные соображения на тот счет, что памятники старины ценны иногда лишь в одной своей части, а посему следовало бы и оберегать не целые здания, а ценные их части, напр., ворота, – ломая остальное или отдавая здания под *исполкомы* и *детдома*, а монастыри непременно для антирелигиозной пропаганды.

*

«Огонек», в усердном желании разогреть кампанию немецких коммунистов против постройки Германией броненосца, изобразил Германию как милитаристическую державу, раскрыв ее военную организацию, с офицерами, военными обществами под флагом спортивных и т. п.; увлекся автор до того, что объявил Германию хоть сейчас готовой воевать... Так дурацки вскрыты были карты все же «союзника». Кончилось тем, что № журнала изъяли из продажи, отбирали, где можно.

*

М. Горький, кажется, окончательно всем надоевший, снимается с якоря и уезжает – до весны, по его словам, – за границу. Посмотрим, вернется ли он к лету.

В своих литературных статьях, где он делает постоянные промахи (результат отсутствия основательного образования), поучая невежественных (больше его, конечно) молодых писателей, Горький особенно усердно подчеркивает при всяком случае – мастерство Бунина, кокетничая этим, ибо Бунина у нас замалчивают. Говорят, что и у этого есть своя подкладка:

именно Бунин будто бы всячески разоблачает Горького, указывая и на его антисемитизм (понятное наследие среднего мещанства), и на его сочинительство в области своей биографии (говорят, что крючничество Горького, его работа булочником и т. д. весьма *выдуманы* Горьким).

7 окт. Историч. Музей, говорят, получил предписание подобрать для продажи за границу 2 000 икон.

*

О продаваемых сокровищах Эрмитажа толки разные. Иные уверяют, что продажа еще не состоялась. Намечены Madonna Alba Рафаэля и 12 (по другим – 17) Рембрандтов. Идеалисты прибавляют, что Луначарский борется и заявил, что вернет партбилет, если картины будут проданы.

*

Институт Маркса и Энгельса получил серьезное письмо крупнейшей немецкой фирмы, гласящее, что, в связи с широкоорганизованной СССР распродажей культурных ценностей, фирма интересуется, за сколько можно купить целиком всю библиотеку и рукописи института (про письмо рассказывают получившие его и распечатавшие по службе канцелярские служащие, заведующие корреспонденцией).

*

Донской монастырь зовется «бывшим» и превращен в музей. Музей надгробий (в одной из церквей) сохраняет могилы, заделанные в полу, и памятники, спасенные от уничтожения из разгромленного Андроньева и др. монастырей.

Церковь, где погребен Патриарх, остроумно тоже обращена в музей, вход в него платный, и, главное, *устранена* самая возможность панихид по покойном. – На могиле Ключевского «Старая Москва» поставила памятник-плиту, но – на нем нельзя было поставить креста, как нельзя было служить и панихиды.

Во Франции, обратно нам, проходит закон о возвращении церковным организациям отнятого у них – в связи с секуляризацией начала XX в. – церковного имущества, если оно не использовано для других просветит. целей; параллельно открывается возможность обучения духовенства для колоний и миссий за границей. Завоевание для церкви огромное и лишний раз свидетельствующее, что не насильственными мерами изменяются верования и даже идеи человеческие.

*

А наши финансовые дела подчеркиваются новым проектом: заем 1928 г., 8% в 400 мил. Стало быть, дело дрянь.

И опять повторяю, как не поймут наши финансисты, что *такие* займы еще имели смысл в войну, когда, отдавая сбережения (а они были!), люди лишали себя разных благ, отдававшихся на потребу армии (питание, одежда). Теперь же, когда мы отдаем насильственно *не сбережения*, а часть скудного заработка, то, отнимая у себя часть пищи и одежды, мы уменьшаем и покупку у нашей нищей промышленности, на «развитие» которой и идут будто бы «занятые» у нас «сбережения».

8 окт. Вчера в «Изв.» было напечатано, что «сегодня открывают в Новодевичьем монастыре памятник на могиле историка Костомарова». Что это, невежество или намеренная ошибка? Памятник открывался в *Донском* мон. и на могиле Ключевского.

Поэтому было всего 100-150 душ *старшего* возраста. Студентов – и в помине не было.

*

Нынче в газете о предполагаемом разгроме б. Румянцевской библиотеки: наметили к увольнению Готье, Хавкину, знаменитого книгоуказателя Краснова (Кваснова?)...

12 окт. Академические выборы принимают характер прямо скандальный. Особая комиссия отбирает кандидатов, по-видимому, с презумпцией, что отсеянные ею уж никаким образом не могут выбираться. А газеты печатают прямо неприличные отзывы о кандидатах-марксистах. Так, о Лукине написал некто Моносов, что-то вроде преподавателя на рабфаке – и это рекомендация для академика! О Покровском написал какой-то Горин, говорят, *секретарь* общества историков-марксистов, где Покровский состоит председателем. А о Фриче – даже не лицо, а ассоциация Рапита, где он *начальник*. Восхваления нелепые, вроде того, что Фриче *придаст авторитетность* (sic!!) Академии Наук; Лукин превозносится как работающий по источникам, и тут же указывается, что он впервые проник в Архивы лишь два года назад; цитируются «*наугад*» (sic!) обычные заключительные строки его работы по Парижск. коммуне, копирующие слова Маркса, и т. п. А про Покровского

все больше насчет того, что еще рано подводить итоги его работе (есть ли они?), он еще в расцвете творческих сил (60 лет!!), когда людей старше 50 л. объявляют у нас непригодными...

*

В «Экономической жизни» от 11 окт. напечатано об *усилении* концессионной деятельности. Предлагаются к отдаче иностранцам какие угодно отрасли: леса и руды, земледелие и курорты, трамваи и электрич. силоустановки. И все это с наглой развязностью, что нам, собственно, иностранцы не нужны и ни в какую экономическую от них зависимость мы не попадаем, ибо «внутреннее наше вложение» в ближайшие годы равняется 20 миллиардам, а иностранцы нам нужны на 400 миллионов, т. е. всего на 2%, а это такая ничтожная сумма и т. д. и т. д.

Но если нам всего они нужны на 2% вложений, то не лучше ли нам потужиться, прибавить эти 400 млн. к своим миллиардам и вложить 204 000 000 000 без всяких иностранцев? Казалось бы проще.

В том-то и беда, что мы сейчас жадно ищем продаться. Хорошо, если иностранцы не пойдут на эту удочку. А если пойдут? Тогда – либо силой будут закреплять свои позиции, либо мирно обратят нас в колонию капитализма – не русского только.

*

В Китае без нас пока все сладилось. Чан-Кай-ши примирился даже с сыном Чжан-Цзо-лина, и теперь у них единое нанкинское правительство. Надолго ли, вопрос другой; дадут ли им так устроиться – тоже вопрос.

18 окт. «Торгово-промышл. газета», кажется, так дает всего несколько строчек западных откликов на нашу новую «концессионную политику». Не решаясь приводить *текста* статей, газета больше ограничивается заглавиями статей в газетах разного направления. Заглавия эти все одинаковы: «Давно ожидаемое совершилось», «Колонизация России», «Крах советского строительства» и т. д. в этом же роде. (Сам не видел газеты, передаю со слов).

19 окт. Сегодня в «Изв.» негодующая передовица на тему телеграммы из Берлина, гласящая, что немецкие банкиры, во

главе с Мендельсоном, вступили в международный консорциум кредиторов царской России с целью добиваться уплаты долгов немецким держателям русских бумаг.

Негодование понятное, ибо в Рапалльском соглашении стороны отказались от взаимных претензий. Но там была клаузула: если СССР *кому-либо* будет платить долги, то и Германия вправе требовать их оплаты. Наши большевички подмахнули эту оговорку, полагая, что *никогда* платить не будут. А теперь, когда уверенность в получении долгов, по-видимому, везде выросла, немцы не хотят терять своих прав...

Выходит конфуз. А мы наглым образом продолжаем уверять, что у нас социалистическое строительство идет необычайно успешно.

23 окт. Передают о выступлении тов. Калинина на заводе швейных машин, б. Зингера, в Подольске. Рабочие выступали весьма выразительно, не стесняясь в словах. Между прочим спросили т. Калинина: сколько получаешь жалования? а на его ответ: «получаю партмаксимум», – спросили: «А любовницу на партмаксимуме содержишь?» – Мужик, говорят, совершенно вышел из себя, стучал кулаком по столу и кричал: «вы что же, царя захотели? куда я попал? в николаевскую Россию?» – Если все так, глупее нельзя было говорить.

*

В партии склока: борьба Сталина с правым уклоном (Рыков, заступающийся за мужиков). Кавказец, говорят, проглатывает Рыкова, Томского и даже Бухарина. Торжествует идея «индустриализации».

Вступление немецких банкиров в консорциум кредиторов России и держателей русских займов все еще волнует нашу печать. К сожалению, отзывы зап. печати до нас не доходят.

*

Прилагаемый кусочек – из воззвания ЦК комсомола к молодежи, студентам и т. д. Дикая смесь военщины, человеконенавистничества и нелепой похвальбы: «производить товары дешевле и лучше капиталистов».

...Из воззвания ЦК комсомола
к молодежи [23/X-1928]

И когда партия вновь бросит клич – «страна в опасности», у нас под винтовку станут миллионы людей, чтобы запрудить

собой многокилометровые фронты, чтобы отстоять социалистическое отечество трудящихся всего мира.

Великие классовые битвы предстоит пережить нам в грядущее десятилетие. В одной шестой части мира мы строим социализм. Пять шестых – под пятой империализма.

Мы поможем китайским кули и металлистам Германии, производя товары дешевле и лучше капиталистов, объединяя распыленные крестьянские дворы в мощные коллективы. Мы поможем политическим узникам запада и восстающим рабам Индии, когда перестанут расти в безграмотности тысячи трудящихся, когда в цеху у каждого станка, за прилавком каждого кооператива, подле каждого забойщика в шахте будем видеть тени классовых войн.

Каждый удар киркой, каждый поворот шестеренок, каждый новый метр ситца, каждая книга, каждый завод, каждый новый колхоз, это – сгустки нашей классовой ненависти, это – помощь братьям востока и запада, это – создание крепкого тыла для будущих когорт пролетарской революции, это – заготовка боевого снаряжения для грядущих классовых битв.

*

Газета 27 окт. дает характерную передовицу на тему о том, что мы неэкономно тратим муку – на пирожные; мужики – на самогон. Далее, рекомендация говядину заменять *бараниной* и *свининой* (как будто они есть в продаже), а всего лучше есть овощи, которые пока (!) кооперация не научилась хранить и распространять (!). Попросту – угроза гнилой картошкой, как в 1920 году.

*

И везде крики о том, что пора заменить старых людей новыми спецами из низов.

А вот образцы.

Аспирант (по-прежнему: оставленный при Университете, через год-другой доцент, на кафедре) приступает (только после оставления при Университете) к изучению нового языка. При чтении ему – агроному – попадается *Аргентина*; не знает, что такое. Тем более не знает Никарагуа, а на объяснение, что это государство в Америке, уверенно говорит: «ну да, в Соединенных Штатах».

*

Аспирант общественник, лет 30, человек *неглупый*, после занятий *языком* подходит к преподавателю за объяснениями:

1) В книжке о каком-то французском художнике сказано: «французский Микель Анжело, он...» и т. д. Спрашивает: «а ведь я всегда думал, что Микель Анжело итальянец».

2) Прочитав слова Помпея, Равенна, спрашивает: «что это, места что ли какие?» Преподаватель в двух словах говорит о Помпее, засыпанной извержением...: «разве вы этого не слыхали?» Ответ: «Так вот что...» (задумчивый взгляд)... «а то Равенна, стало быть» (sic!!).

Всего хуже то, что эти подчас хорошие головы доводятся до истощения и сумасшествия зубрежкой. Тщетные усилия: нельзя во взрослом виде учиться азам, которые *с детства* впитываются из обстановки.

30 окт. Постепенно выясняется, почему нем. банкиры именно теперь примкнули к консорциуму кредиторов.

Мы недавно заключили с американской электрической компанией контракт на поставку нам электрических снаряжений. Но этой компании была должна царская Россия по военным заказам. Мы особенно возгордились тем, что в новом договоре компания *отказалась* от прежних претензий, и *вслух* об этом заявили. Но немцы оказались хитрее нас: с карандашиком в руках они *прикинули* заказы и уплачиваемую сумму и выяснили, что заказ невелик, а в сумму *включен* весь старый долг. Словом, нас изловили в том, что мы *тайно* уплатили одному кредитору в надежде на дальнейшие кредиты. Ну, а раз мы уплатили одному, поднимают голову и все другие.

*

Остается Сталину пойти – вправо, если он не дурак, и все «признать».

1 нояб. С упорством, достойным лучшего применения, газета доказывает, что мы и *без хлебного вывоза* в этом году увеличили вывоз. Именно, в прошлом году вывоз около 740 мил., а в этом году 722 мил., но в прошлом 200 м. пало на хлеб, которого мы *совсем* не вывозили в этом. Казалось бы, вывод грустный, ибо вывозили необходимое себе: масло, яйца. Газета заключает обратное: если столько *могли* вывезти, то значит *возможности* – колоссальные. Оказывается, наш вывоз лишь *половина* довоенного. Казалось бы, заключить, что, след., из рук вон плохо наше сырьевое хозяйство, в частности – хлебное (без помещиков). Газета заключает: надо

больше вывозить, ведь вывозили же масла и яиц *втрое* больше до войны. А откуда же брались эти *избытки*, ибо ведь мы дома не нуждались в масле? Газета мягко признает, что сейчас у нас *внутри* некоторые затруднения в снабжении, «но это не снимает вопроса об усилении экспорта» (sic!).

Эх... «Вы, друзья, как ни садитесь,
Все в музыканты не годитесь».

Не хотят люди сделать необходимого и неизбежного вывода.

*

30 окт. умер крупнейший специалист по горному делу, известный далеко за пределами России, Влад. Ефим. Грумм-Гржимайло. Его затравили, после того как он подал (после шахтинского процесса) записку, где писал о полной непригодности советской хозяйственной системы, а недавно выразил те же мысли в анкете о снижении цен; не будучи экономистом, он, иногда в наивной форме и с не совсем удачными ссылками, доказывал преимущество частной инициативы в промышл. и торговле.

Ему не возражали, а отдали его записки на осмеяние какому-то еврейскому фельетонисту. Фельетон появился в воскр. 28-го. А 30-го скончался Грумм. Невольно ставится в связь это поношение – и волнение 64-летнего больного человека.

Газеты *замалчивают* его. Только в «Экономической жизни» помещен некролог, откуда видно, что это оригинальнейший ученый, большой специалист, крупный изобретатель (20 патентов только за последние 15 лет), отличный устроитель советского хозяйства, посвятивший все силы строительству, *в чем ему мешали до последнего дня.*

2 нояб. Сегодня в газете *петитом* напечатан краткий некролог Грумм-Гржимайла, но суть не в нем, а в двух интервью – доктора Качаловского и проф. Мартынова, приведенных в доказательство естественной смерти покойного. Стало быть, были разговоры везде и всюду, надо было доказывать, что умер Гр.-Гр. «не от советской власти».

Относительно похорон, рассказывают, что их велено было произвести на казенный счет, но *никто* не решился отдать распоряжение. Велели *трем* лицам дать это распоряжение, и замечательно, что все, не *сговариваясь*, написали: «на казенный счет, но без проявлений громких»!?

6 нояб. Канун 11-й годовщины Октября. Вывешивают флаги, а обстановка и настроение – подлейшие. К «праздникам» торгуют несвежей ветчиной и маслом, – как говорят, из возвращенного назад посылавшегося за границу груза. Слухи, слухи и слухи... То говорят о восстании на Украине, то о снятии с видного положения т. Бухарина за его «правый уклон», о полном устранении Юровского, заведовавшего всем валютным делом.

Раскрываешь газеты – сплошная ложь или фальшь. Врет сегодняшний номер: прежде всего длинный цикл статей на тему «активизация нашего концессионного дела». Тут ряд нелепостей. Напугавший всех у нас и обрадовавший всю заграницу (кстати, – впервые даны единодушные отзывы всей европейской печати на эту тему, принявшей весь план за показатель полного хозяйственного краха СССР) концессионный план, с отдачей всего, распивочно и навынос, иностранцам, ныне трактуется, как план «альтернативный» (словечко каково!!), т. е. мы де не все отдаем, а из этого всего – что хочешь. Далее, опять наивное доказывание, что при огромных *своих вложениях* допущение иностранцев на 40 милл. (прошлый раз говорилось – на 400 млн., где опечатка?), сущие пустяки, все «командные высоты» остаются за нами. И тут же (это на 40 миллионов-то) указания на *десятки* заводов (машиностроительных и др.), которые мы за эти 40 млн. построим. Указание на то, что мы «обеспечиваем концессионерам здоровую прибыль», тут же сопровождается (похвастать надо!) указанием, что в 1926/27 г. некоторые концессионеры имели у нас *51%* прибыли на вложенный капитал. Действительно, «здоровая» прибыль, но стоило ли тогда разрушать *русскую* промышленность, которая, по признанию другого автора, какого-то Розенталя, достигала *чудовищных* размеров 17% ?? Этот второй автор, критикуя экономич. статьи Базарова, доказывает, кстати сказать, что русские промышленники пропивали и проживали *половину* этого дохода, ибо ежегодно вкладывали лишь 7% к прежнему капиталу («проживая» остальное), и от этого де «темп» развития промышленности у нас был медленный. Он куда быстрее сейчас; а сейчас исчисляется так: берется 1920 год, голое место, в 1921 г. вложено 10 млн., в 1922 вложено 8; след. «рост» выразился в 80%; в 1923 г. вложено еще 6 млн., след. рост – 60% к прошлогоднему и т. д. и т. д. В этом же № «Слово крестьянину» ряд мужицких, «не выдуманных», как оговари-

вается редакция, писем. Среди них голос *казака,* который начинает: «я – донской казак» (Усть-Медведицкого округа, а *подписывается* крестьянин»). *Никогда* казак не назовет себя крестьянином, тем более, когда начал письмо с «казака»; сие последнее словоупотребление, впрочем, *запрещается.* – Баба начинает письмо с экономич. географии: нас таких крестьянок более 50 миллионов, – хорошо знает! – А один мужик прямо пишет по плану агитки. Не говоря уж о том, что мужики – исчисляют свою землю гектарами!! (sic!).

*

«Смута» все продолжается. Говорят о немилости Бухарина, о странном отбытии в отпуск Енукидзе – как раз накануне «праздников».

В финансовых сферах тоже кавардак. Уволен заведовавший всей постановкой валютного дела Юровский; поговаривают о скорой отставке наркомфина РСФСР Фрумкина.

*

Когда после долгого промежутка оглядываешься, замечаешь постепенно въевшееся в жизнь одичание. Опять – народ сам по себе, а те, кто носит шляпу и европейское платье – «господа». (Народ и при этом отлично выделяет хамов и хулиганов, даже носящих европейское платье).

И в то же время народ *снизу* насел на всю жизнь, наложил на нее отпечаток. В Москве, вполне оставаясь на своем уровне, этот народ сидит, однако, в хороших квартирах часто *рядом* с людьми интеллигентными, но строит жизнь по-деревенски: полощет белье в ванне (удобно!), обкладывает стульчаки, сушит портянки и валенки на мраморных подоконниках, сидит-лущит семечки у ворот барских домов и многоэтажных небоскребов; на бульваре малый-гармонист наигрывает однообразную плясовую, тут же, словно на околице, двое вытаптывают немудреные свои па, публика сбирается в кружок; иной идет по бульвару и горланит непристойную песню, и его не только никто не останавливает, даже улыбаются, – совсем как, бывало, баре в добрую минуту посмеивались над «пьяными мужичками».

Наконец, *на площадке возле Пушкина* поводырь демонстрирует медведя, толпа образует круг, увеселяются, как при Мейерберге и Олеарии! Это ли не торжество крестьянской Руси?

18 нояб. Очередной скандал в Белоруссии. На стеклянном заводе «Октябрь» три мастера всячески издевались над работницей-еврейкой. Непостижимо, как могло это дело не выплыть наружу, ибо, если верить газете, оные рабочие на протяжении ряда месяцев, с перерывами, производили свои подвиги: то изобьют, то разорвут платье и бьют, то, наконец, раздев, творят всякие гнусности. И творилось это на глазах у рабочих, а разные месткомы и ячейки замалчивали дело(?!). Теперь оно наконец всплыло. Кажется, ясно, что мы имеем дело с проявлением нетерпимости, темноты, хулиганства. А газета делает вывод:

> То обстоятельство, что к этому мерзкому делу причастны рабочие, не затемняет классового характера этой истории. Три заводских мастера в данном случае делали дело наших классовых врагов.

*

В Изв. 16 нояб. напечатаны на 2-х столбцах составленные Покровским тезисы, обязательные для ораторов по Чернышевскому. Между прочим, необходимо доказывать, что «мы» ценим в Чернышевском социалистическую его основу. Но у него же был ряд *ошибок*, подхваченных и раздутых народовольцами, а потом их преемниками (удар в злополучных эсеров)... Этих ошибок «мы» не принимаем... и т. д.

Но всего лучше предпосланное будущим академиком *письмо*, где к услугам будущих ораторов не только *мысли*, но и подобранные к ним *цитаты*, подкрепляющие данные обязательные мысли о Чернышевском. Браво, светильник мысли!!

30 нояб. Во внутренней политике какая-то хаотическая жуть. Талмудисты сходятся и шепчутся о том, кто одерживает верх: Сталин или Рыков; вычитывают какой-то тайный смысл в постановлениях съезда ЦК партии, где будто бы победа Сталина знаменует собою уступку Рыкову и т. д. Куда-то исчез Ворошилов; потом оказалось, что он был в отпуску, а это будто бы потому, что он где-то заявил о ненадежности армии ввиду недовольства составляющей ее массы крестьянства. – Только что отпраздновали десятилетие «бессменного» наркомтруда Шмидта (выяснилось при этом, что он тоже еврей), и вдруг сегодня – его отставка, а на его место Угланов, про которого на днях говорили, что он ввиду правого уклона впал в

немилость. Рожа этого Угланова печатается (см. приложение) в официальной газете в таком виде, что перед Европой неловко. В биографии этого Угланова почему-то скрыто, что он был вахмистром во время мировой войны.

*

Странный у нашего «государства» взгляд на людей. Говорят о *трудовом* начале, а работать не дают. Сильных людей, обладающих знанием и вполне работоспособных, выбрасывают от дела: у нас целые полчища учителей, юристов, инженеров, химиков, администраторов в возрасте 40-50-55 лет, отставленных от дел *безо всякой* поддержки или с пенсией в 30-60 рублей. Рядом с этим ставят на работу молодежь – 17-25 лет, не подготовленную, не умеющую работать, лишенную руководства, обременяют ее непосильной работой (есть «вузовцы», которые наряду с ученьем занимают ответственные места), и удивляются, что дело валится, молодежь не справляется, болеет, стреляется, утрачивает вкус к работе, и – развращается. И таким нездоровым приемом думают ускорять смену старого новыми людьми, полагают, что так создадутся послушные орудья для того рая, который грезится ... кому? Не знаю, ибо идеалистов осталось мало (и они не умеют работать, только мечтают), а «волевые» люди, готовые итти на все «везде», не имеют за душой никаких идеалов и полны цинизма и шкурничества. Сейчас не редкость видеть 40-50-летних родителей, снятых с мест, занятых их беспомощными детьми, *учащимися* еще во 2-й ступени!!!

Отсутствие же свободных профессий не дает никакого выхода здоровым еще силам среднего возраста людей. Прямо преступление так швыряться трудоспособными людьми – в государстве, где только и говорят о «труде».

*

И все идет карикатурно, куда ни обратиться. Есть общество культурной связи с заграницей ВОКС, про которое недаром говорят, что это не vox dei, а vox judaei. Там состав служащих, начиная с главы – Каменевой – все евреи. Оно и понятно: оттуда бывают командировки за границу, дела с долларами, прием иностранцев, – словом, всякие гешефтообразные дела.

Недавно ВОКС вдруг испустил лозунг: *языки массам*. Можно было думать, что речь идет о популяризации иностр. языков в рабочих что ли массах. Оказывается, ВОКС имеет

в виду обучить своих еврейчиков, которые собираются – в корреспонденты «Правды» за границу (конечно, с соотв. ассигновками) и т. п. И главное, еврейчики все посменили фамилии. Если выходит, напр., товарищ, рекомендующий себя Цыплаковым, то он, оказывается, урожденный Цыпис.

2 дек. Отовсюду о «спецеедстве». Уже с год сидит в тюрьме инж. Пальчинский. «Шахтинцев» отсудили давно, а его все держат. Передают заключение Крыленки: судить его не за что, но истребить в интересах власти необходимо. Но – у Пальчинского заручка: вдова Кропоткина заявила, что она устроит мировой скандал в случае его осуждения.

Спецы бегут. Передают, что один инженер (до войны еще богатый человек) давно изобрел способ утилизации газов, – обычно пропадающих при нефтеобработке. Ему дали патент и у нас, но разработка его не по силам и не по уменью. За границу же его не выпускали. В конце концов, инженер послужил, добился командировки – и уехал-таки, да там и остался. Слышно, что патент уже доставил ему хорошие барыши. Фамилия его Афонин (?).

А рядом с этим – «с конапель истуар»: в Берлине в торгпредстве работал с правом подписи родной брат Литвинова (под фамилией той же, не под своей – Валлах), работал да и проворовался. А проворовавшись бежал во Францию, которая готова выдать его (как обычного мошенника), – да не тут-то было: нашим неловко настаивать на выдаче, а и замять дело нельзя, нельзя просто оплатить покражу, ибо неизвестно, сколько Литвинов надавал подписей. И ничего себе: наш Литвинов и в ус себе не дует.

Такие «спецы» годятся.

*

В Париже у нас на откупу какая-то нефтяная газетка (Le Petroleum?). Ее редактор добросовестно восхвалял нашу нефть, и вдруг в этом органе статья Детердинга. Наши всполошились, вызвали редактора, а тот, показав им детердинговский чек на огромную сумму (что-то вроде 3 000 долл.), наивно заявил, что против такого взноса нельзя же было возражать, но он, редактор, готов истратить часть этого куша на оплату опровержения этой статьи в какой-либо другой даже официальной газете.

Хороши нравы!

*

Мы собираемся, как говорят сегодня «Известия», догнать и перегнать Англию, Германию и Америку своей техникой... Словом, превратить «аграрно-индустриальную страну в индустриально-аграрную» (так и сказано в передовице!).

Вот иллюстрация этого хозяйственного размаха.

Приезжает из Курской губ. *химик*. Он получает 75 руб. жалования, служит в «комбинате», т. е. объединении нескольких сахарных заводов с неск. совхозами и «контрактированными» по части свекловицы деревнями. Во главе «комбината» красный директор из рабочих. «Техническая часть» – в руках инженера, технич. директора химика. Живут, как в уезде жили в чеховские времена, если не хуже. По субботам симулируют культуру. Собравшись в клубе, целуют ручки у дам (машинистки, химички и т. п.), играют на гитаре и – напиваются. Химички (плохо умеющие мыть посуду, больше ничего) получают 73 коп. в день, поломойки – 53 коп. Красный директор умилился, увидав где-то шторки механические, и обязательно захотел их иметь. На месте нет. И вот, устраивается командировка химика, чтобы привез шторки из Москвы. Химик едет. А кстати – главному химику галстук «не меньше как в три рубля» и весь «прибор», т. е. запонки, перемычка к галстуку, всего на 76 коп. Ну разве это не Чехов? Или это похоже на Америку, которую мы собираемся обогнать?

И страх, страх безумный. Каждый последовательно боится – ниже его стоящих. Ну, какой возможен тут энтузиазм в работе?

*

А чаю нет. В лавках прямо говорят, что хорошего не будет, а низшие сорта будут поступать оказионно.

Хлеб отвратительный. Черный еще можно есть, а «белый» – никуда; он серый и на какой-то отвратительной закваске. Черный же можно доставать лишь ранним утром. На окраинах его, говорят, продают лишь с покупкой других закусок, чтобы избавиться от мужиков, закупающих хлеб для кормления лошадей.

4 дек. Сообщают, что некоторые русские нефтяные акции Нобеля и др. котируются на биржах Лондона и Парижа выше номинала. Объясняют это так: наш нефтесиндикат, занятый завоеванием внешнего рынка и готовый продавать за границу, не имеет технич. аппарата для такой продажи (наливных судов, честных агентов и т. д.). Поэтому он вошел

в соглашение со «Стандард Ойл», который, конкурируя с Royal Dutch (Детердингом), пользуется всеми средствами и, между прочим, готов покупать даже советскую нефть. Покончилось тем, что нефтесиндикат попал в экономическую зависимость от Стандард. И без того низкие (ввиду конкуренций) цены на русскую нефть Стандард, говорят, сбил так, что нам остается копейка с пуда; зато, добившись с помощью нашей нефти монополии на востоке (Индия и т. д.), Стандард торгует по *своей* цене, сильно ее повысив, для успокоения же всех протестующих против покупки «краденой» нефти, Стандард часть прибылей затрачивает на оплату *акционеров* русских обществ, ныне национализированных. Так получилось, что акции на журавля в небе (надежда на будущий возврат нефтеносных земель) котируются на бирже.

*

А жмых с сахарных заводов Курской губ. погружается немедленно в вагоны и увозится за границу. Так в корне подсекается расширение русского скотоводства. И все из-за валюты.

*

В добавление к перепечатанной 1 дек. статье «Тан» сегодня в газете сообщение, что во франц. финансовом органе сообщается, будто бы Эрбетт вот уже целый год шлет во Францию очень пессимистические сообщения о советской экономике, – раньше его отзывы носили характер более благоприятный.

5 дек. На сессии ВЦИК´а докладывается бюджет. Между прочим, приводится, что подушное налоговое обложение выражалось в прошлом году в 22 р. 60 коп., в будущем намечено в 26 р. 90 коп. (почти 27 руб.). В утешение говорится, что душевóй *доход* повысился с 172 р. до 186 р. – При этом из *прироста* народного дохода «мы вбираем в русло государственного перераспределения почти 60%», – проще говоря, населению «излишков» не оставляется. А кроме того умалчивается, что ведь население *колоссально* переплачивает на всем, что потребляет, той же казне: на хлебе, на продуктах, на тканях, – все это в руках *монопольного* государства, которое, покупая, напр., дешево пшеницу, заставляет людей жрать какую-то серую мешанину по дорогой цене; то же с чаем; не говорю уж о чудовищных ценах на все изделия.

Но особенно мило о водке. В этом году «перебрали» доходу с нее, ибо выпили вместо 40,2 млн. декалитров – 52,89 млн., хорошая *плановая* ошибка более чем на 25%!! В будущем году (давно ли *уверяли* в сокращении!!?) намечено 56,58 декалитров и рост дохода еще 100 млн. При всем том будто бы мы пьем 3,8 литра на душу вм. довоенных 10,8 литров, т. е. всего 40% довоенного. Сомнительно! И, несмотря на все разговоры, спаивание идет дальше. И *никто* на съезде, конечно, не возражает.

7 дек. Из передовицы «Известий». Для успехов социализма необходимо «превращение нашей страны из страны преимущественно аграрной в страну преимущ. индустриальную»... другие страны осуществили индустриализацию: «Англия – за счет ограбления колоний, Германия – за счет контрибуции, *полученной* (так мягко!!!) от побежденной в 1871 г. Франции»... Мы – особо: западная буржуазная пресса «не понимала, да, собственно, и не могла понять, что энтузиазм миллионов (какой марксистский подход!), готовность их (как просто!) пересоздать экономику страны значит куда больше тех испытанных способов индустриализации, какие известны буржуазной экономической науке» (так вот в чем пролетарская наука). «Пролетариат может делать чудеса там, где капитализм окончательно сдал бы свои позиции».

Успехи займа индустриализации: из реализированных 472 млн. руб. город дал 424,– «доказательство доверия пролетариата партии и правительству». И «едва ли нужно повторять, что заем реализируется исключительно [подчеркнуто в газете] на добровольных началах. – В деревне заем поддержит – *батрачество* и *беднота*» (sic!).

Для кого все это пишется?

*

Серьезная заминка с *бумагой.* В лавках отпускают по 5-10 листков скверной писчей бумаги. В иных учреждениях нанимают безработного, платят ему 2 р. 50 к. за 8-ми часовой рабочий день и заставляют перебирать шкафы, обрезывая чистые четвертушки и клинушки от старых бумаг деловых.

Переписка большой научной работы настолько затруднительна, что в одном случае молодой ученый потратил две недели на отыскание источника бумаги в маленьком провинциальном городке, куда пришлось за стопой съездить самому, ибо по почте пересылать отказались.

*

«Самокритика», которую так поддерживают большевики, превращается у них в «самокрытику» (слово, допущенное и в печати), или, как не без остроумия говорят в публике, в «авто-мать».

16 дек. В Москве вдруг заминка с хлебом. Газета уверяет, что хлеба больше чем нужно, но «распределение» не на высоте. Это на 12-й год социального опыта! Куда проще было бы вернуться к обычаю всех народов: там хлеба всегда вдоволь, и никаких «заминок» не случается.

Упрямство ослиное с социализмом все продолжается.

Теперь на деревне пущена в ход такая мера: при помоле муки надо предъявлять от волисполкома бумажку, где помол разрешен лишь в пределах числа едоков. Этим путем хотят заставить крестьян сдавать хлеб казне, а уж та будет «снабжать», – идеалом является столичное снабжение: дрянным хлебом в недостаточном количестве. А что делается в провинции, и не рассказать: в хлебных районах вроде Омска выдают хлеб по карточкам.

Сегодня газетчик договорился до такой рацеи: «все это “безобразие“ с очередями прекратится, как только прикрепят жителей к определенным хлебным лавкам; давно об этом говорили, почему же этого не делают?»

*

Коллективизируется и земледелие. Уговаривают (а где и подгоняют) мужиков сложить полосы, распахать общим трактором (мужики рады – можно не работать), а потом зерно складывать вместе. Вот тут-то и начнется, когда переведут на паек. Получается крепостное право плюс военное поселение, но без того *обеспечения*, которое там, конечно, проводилось неуклонно, ибо казна отпускала средства.

*

Анекдотическая дичь творится во всех областях.

На юге были маневры. Действовали «по программе». Один усердный комначальник арестовал германских концессионных инженеров, «для порядка», как иностранцев и предполагаемых шпионов. Пришлось ездить извиняться перед немецким представительством.

Со своими церемонились меньше. Предполагаемая «газовая бомба» сопровождалась такими последствиями: с извоз-

чика стаскивают обывателя, едущего на вокзал, волокут его (при сопротивлении) на амбулаторный противогазовый пункт, заставляют *два часа* делать телодвижения и усиленные выдыхания, натирают водой и т. д. Надо же дать *практику* будущим борцам против газовой войны.

*

Образец рабфачного сочинения с освещением «социальной сущности» стихотворения Лермонтова «На смерть Пушкина». – Пушкин, видите ли, вынужден был вступить в дворянство и «пребывал в обществе с свинцом в груди и с жаждой мести». Когда он был убит, «голосом масс явился Лермонтов со своими стихами», где клеймил дворянское сословие и говорил (цитата из Лермонтова): «Напрасно вы прибегнете к *сословью*, оно вам не поможет вновь» и т. д.

*

Перед Рождеством по *новому* стилю (которого верующие не признают) ударили из пушек по воробьям: повели антирелигиозную пропаганду. В числе лозунгов, выставленных на заборах, были и такие: «боремся за культурный, безбожный быт против дурманного наследия царизма – религии и алкоголя». Своеобразная «амальгама».

*

Как понятно восклицание англичанки, занесенной случайно к нам и присутствовавшей на бирже труда, где днями стоит терпеливая, загнанная толпа баранов: «И этот народ мог сделать революцию!».

В том-то и дело, что «народ» тут был ни при чем. Да и революция ли то, что произошло?

*

Середина зимы. Серо, тупо, пьяно, грязно. Походил по улицам: дома разваливаются, стекла склеенные, парадные ходы все еще забиты, население все продолжает деклассироваться. А торговые лотки и будки по всем углам улиц дают впечатление мелкого уездного города.

Люди, причастные к искусству, говорят, что театр падает катастрофически: нечего и не для кого играть.

1929 год

3 янв. На фоне тусклоты вдруг опять «истерика». Литвинов «вызывает» Польшу немедленно подписать признание акта Келлога (большинством государств еще не ратифицированного) между СССР и Польшей. К чему бы это понадобилось? Иностранная печать отмечает, что к Румынии вызов не обращен, а посему, не собирается ли Литвинов связать Польшу обязательством «ненападения», чтобы иметь развязанными руки по отношению к Румынии? Указывают и на то, что имеется в виду выслужиться перед сторонниками пакта Келлога в Америке, чтобы ускорить фабрикацию акта там, а Америка нужна нам по части кредитов.

Но – тут же и «скандал». Газеты наши, наконец, печатают то, о чем говорят давно: родной брат Литвинова, участвуя в берлинском торгпредстве и имея право подписи, навыдавал обязательств от имени торгпредства на какую-то большую сумму. Дело пробовали замять, но когда поняли, что сумма велика, а главное – трудно установимы пределы ее, то пошли на разоблачение. Теперь газеты объясняют, что оный Литвинов *с мая 1927 г.* со службы уволен, связался с мошенниками бело-эмигрантами и подделывал *задним числом* обязательства. Арестован он и судиться будет во Франции. Но по-видимому, не в заднем числе дело и не в подделке: он просто – прохвост, злоупотреблявший положением, которое занимал исключительно по родству с братом. По-видимому, социалистическая бюрократия не изъята от грехов, какие случались со всякой другой.

*

Характерно стремление нашей печати всячески доказать неплатежеспособность Германии по долгам. Между тем, экспертная комиссия (Гильберт) справедливо указывает, что немцы платили *без напряжения* в течение трех лет, что богатство их растет, валюта устойчива, города и области выкачивают у казны огромные средства на свои «нужды» (чтобы показать меньше доходов, немцы ухлопывают казенные

деньги на местное строительство: здания дум, жел.-дорожн. вокзалов, мосты – строятся с неслыханным великолепием); «чрезмерный же рост безработицы объясняется тем, что перед войной (1901-1914 г.) население множилось неслыханно, и эта молодежь теперь как раз подросла».

7 янв. В Третьяковск. галерее берут плату в 17 коп. с экскурсантов и в 40 коп. с обычных посетителей. Грубейшим образом нарушена воля завещателя, чтобы галерея для всех посетителей на вечные времена открыта была бесплатно.

*

Сообщают об убийстве старухи Иловайской, вдовы знаменитого автора учебника, издателя «Кремля» и менее известного как серьезного историка, «тайного советника» Иловайского. Старуху долго травили, взяли у нее библиотеку и обстановку мужа, отняли дом, пытались выселить, таскали по судам, арестовывали, словом – всячески деградировали в глазах всех окружающих. Недавно она исчезла, и лишь через несколько дней обнаружен ее труп, где-то под полом, в уборной. Нашли и убийц: дворник, его жена и еще какой-то их родич. Ограбили. Попались на продаже вещей покойницы.

В газетах о такой «мелочи» нигде ни звука. Можно предвидеть и наказание: что-нибудь вроде года тюрьмы с амнистией либо зачетом предварительного заключения. Вот иное дело, если бы был убит какой-нибудь провокатор-комсомолец или «рабкор»-доносчик.

13 янв. При «общих» выборах в Академию из навязанных кандидатов прошли: Крыжановский («создатель новой науки – планирования»), Рязанов (издатель Маркса и Энгельса, создатель института их имени – на большие деньги, отпущенные правительством, ярый библиофил и – никакой ученый), Бухарин (парень бойкий, развязный, умный и с хорошим образованием, подозрительный теоретик подозрительного предмета – ленинизма, ныне гонимый за какой-то уклон), и М. Н. Покровский, едкий разлагатель, слюнобрызжущий критик, не автор какого бы то ни было исследования.

Забаллотированы: Фриче, Деборин, Лукин; первый – компилятор и публицист-марксист; второй – философ-марксист, сочетание достаточно нелепое; третий – посредственнейший из учеников талантливого Р. Ю. Виппера.

Как-то будет «реагировать» советская печать, а пуще разные месткомы из агитаторов и «технического персонала», выдвигавшие сих кандидатов.

*

Наше правительство вдруг сделало опять нервный жест. Литвинов почему-то предложил Польше подписать с СССР *отдельный* договор на основе пакта Келлога. Предложение поразило своей неожиданностью. Завязалась переписка. Мы «ликуем»: наше предложение остается без *немедленного* принятия, следовательно, и т. д. и т. д.

В Афганистане восстание против Амануллы приняло формы столь острые, что падишах, спасая свое положение, отказался от целого ряда решительных мер в сторону европеизации, отказался от европейского платья, отмены паранджи, постоянной армии и т. д. Спасает ли он этим свое положение – вопрос. По-видимому, англичане все-таки свое дело тут сделали, – недаром они весной отговаривали Амануллу от поездки в СССР. Сегодня печатают, что «полковник Лоуренс выехал в Европу», – это тот самый полковник, которого ставят в тесную связь с последними волнениями.

В Китае тоже нам не везет. На железной дороге нас теснят, поговаривают о стремлении китайцев забрать все дело в свои руки; в Харбине окончательно закрыли «Молву» за неприличные выходки по поводу болезни английского короля. А сегодня сообщают, что сын покойного Чжан-Цзо-лина расправился с умнейшим китайцем (плохо знаю имя его) за его японофильство, отмстив попутно за отца, но все это под флагом того, что расстрелянный генерал *мешал* слиянию с югом (дружба с японцами), т. е., иначе говоря, сын Чжана *ловко* проводит политику единства Китая (около нанкинского правительства) без японцев, без русских, без, пожалуй, и Европы, а под покровом САСШ, которые дадут денег и, конечно, меньше всех других посягнут на территорию Китая. Так мудрый Чан-Кай-ши, глава Нанкина, видимо, выводит Китай на путь независимого национального роста.

*

А у нас все смятенно. Во внутренней политике – аресты и высылки пачками, кажется, гл. обр. троцкистов. Вчера говорили об аресте Воронского; значит, напор на фронте уже литературном. Говорят, что *нажим* производится «для масс», и что будто бы внутри решено, при суровом обличьи, проводить *правую* политику.

На местах путаница полная: везде пролезают «кулаки»; вернее, середняки превращаются частенько в «кулаков». Органически (биологически) разная порода – людей, склонных к хозяйству, и дармоедов (т. наз. бедняков) – ведут борьбу не на живот, а на смерть. За «бедноту», даже плодящуюся в иной, более угрожающей пропорции, чем хозяйственные, стоит власть, и власть эту на местах проклинают отчаянно.

Образчик головотяпства хозяйственного передают из *Шенкурска.* Ок. 1915-16 г. там для освещения города построена была электрическая станция соответственной силы. Там же был небольшой, работавший пáром, лесопильный завод для заготовки тары (бочек) под смолу, дававшую краю хороший вывоз.

Пришли современные «планщики», с лучшими идеями, кстати сказать безбожники. Решили провести электрификацию. Отняли храм под будущую станцию. Завод решили электрифицировать, а потому временно его закрыли, разбазарив паровую установку. Станцию не построили, ибо не удалось устроить колодца, а старую станцию разорили. В расчет на *будущую* электрическую силу построили новый завод по технической переработке дерева, но приехавшие спецы объявили, что завод этот нужен в Архангельске, а не в Шенкурске. И вот теперь: храм разорен, электрического освещения нет, лесопилка стоит (пока не купят и не установят заново паровой двигатель), из-за ее простоя нет тары, следовательно, стоит смолокурение и экспорт, доходивший до суммы свыше полумиллиона; новая проектированная станция не может быть доделана, а начатый новый завод бросают, ибо он не на месте... И так везде и всюду.

*

На съезде историков-марксистов окончательно объявлен буржуазным – исторический, или экономический материализм, ибо и «буржуазные историки иногда принимают экономический фактор за главный, и даже единственный». И классовую борьбу принимал даже Гизо. А вот Ленин ввел понятие диктатуры пролетариата, которая *осуществит* сознательно, путем власти, все, что нужно. Знаменитый «прыжок из царства необходимости в царство свободы», следовательно, совершился, и им оправдывается вмешательство лиц или партии в *сознательное* перестроение мира. Итак, воскрешение лавризма, бакунизма, «субъективного взгляда», личности и т. д. Зато робкое стремление некоторых «историков-марк-

систов» говорить об *объективной* (а не откровенно классовой) трактовке исторических тем заслужило упрек в «заакадемизировании» (каково словечко!!).

Пожалуй недалек от действительно возможных отношений анекдот про Троцкого: приходит он у себя в ссылке с охоты, смотрит на портрет Ленина и говорит: «Эх, Ленин, Ленин, рано ты умер; охотились бы мы теперь с тобой».

*

И вдруг – Немезида. В газете сегодня петитом напечатано, что бывший врангелевец А. Слащов (б. генерал, с большим треском расправлявшийся в Крыму с красными) и в 1920 или 1921 г. неожиданно перешедший на сторону советской власти и подозрительно ею прощенный не в пример Колчаку, Аничкову и друг., занимавшийся преподаванием в какой-то школе переподготовки комсостава, убит у себя на квартире кем-то, пришедшим к нему и после убийства ушедшим.

*

По сведениям с мест, *леса* сведены и проданы у нас вплоть до очередей 1936-37 года. Запродажа фарфора и картин из Эрмитажа – ничтожная доля в расхищении народного достояния, чем советская власть спасает пока себя. Говорят, сейчас сроки немецким векселям, а платить нечем.

Скверно и на продовольственном фронте. В Архангельске хлеба совсем нет, а в Одессе дают кукурузу да и то американскую. Куда все подевалось? В публике самые фантастические слухи о том, что кто-то *доводит* сознательно до абсурда, чтобы резко повернуть вправо. Этим Талейрано-Наполеоном считают многие Сталина.

19 янв. В Афганистане с чрезвычайной быстротой произошло попятное движение Аманулы, передача власти его брату, отречение и последнего, захват власти повстанцами, вождь которых провозгласил себя падишахом *Хабикуллой* (чуть ли не имя последнего эмира, смещенного и зарезанного Аманулой). У нас – кислая мина. После Китая это вторая большая неудача. Всего обиднее, что спасаются лишенные престола – в Индию, т. е. ту же Англию, а не к нам.

*

Хозяйственные дела наши плохи. Сегодня газета печатает статью о необходимости *усилить* вывоз всякий и *возродить* вывоз зерновой. А в передовице прямо заявляется, что

Казахстан сразу выполнил положенную на него разверстку, доставив весь хлеб по расписанию: следовательно, у них там большие еще запасы, не последнее же они доставили, значит можно еще нажать, – на них и наложили новый взнос, который теперь усиленно выколачивается.

*

До чего нелепо применяются у нас хозяйственные идеи, видно из след. примера. На севере у нас обычно один-двое в деревне имеют установку для дегтегонки; остальные жители округи, возвращаясь с лесных заготовок, *сдают* свободную бересту этим дегтегонщикам, которые и добывают деготь.

У нас решили, что это – кулаки, и их обложили усиленно; а те, кто возил раз-два в год бересту, – беднота; след., надо их коллективизировать и кооперировать на производстве, которым они не занимаются и заниматься не хотят и не могут. Результат: дегтепромышленники бросили гнать деготь и закрылись; остальное население лишилось маленького приработка и бросает теперь кору зря; дегтя нет, а он *чрезвычайно* нужен в промышленности. Получился кризис дегтяной.

25 янв. Академический скандал разрешается. На днях финский ученый Тальгрен обратился с письмом по поводу «Семинариума Кондаковианум», газеты напечатали это письмо рядом с тут же помещенным «достойным ответом русского ученого», именно Жебелева, который, сказав «а», вынужден сказать и «б», все гуще и гуще доказывая свою «советскость». Кстати пристегнулся и Марр, с излияниями совсем уж неубедительными и даже грубоватыми. А Европа смотрит! Тальгрен имя очень крупное.

Нынче дальше: в Академии было заседание при участии новых академиков (правда, собралось всего 40 чел. вместо 80); высказывались по поводу неизбрания трех коммунистов. Президиуму (увы, среди них и Платонову) пришлось отстаивать перевыборы вторичные, тогда как другие доказывали ненужность и неправильность таких перевыборов. Особенно резок, по-видимому, был И. П. Павлов (величина совсем уж мировая), против выступал и Петрушевский, и, к великому многих изумлению и к негодованию коммунистов, столь подкоммунивающий всегда Сакулин, только что избранный в академики.

Скандал на всю Европу.

А в «Правде» выступил Ларин с недвусмысленными угрозами: надо бы перетрясти академию, не выбирать пожизненно, а на 10-летний срок и т. д. и т. д.

*

Аманулла отрекся, брата его сместили, но теперь, пишут, Аманулла взялся за подготовку сопротивления. И что-то во всем этом делают англичане. При решении вопроса очевидно их голос будет весить очень много. История эта, видимо, длинная. Выступления Амануллы ждут лишь весной.

На днях припомнили, что когда в школах, в приезд Амануллы к нам, *разъясняли* значение этого события, одна девочка пророчески спросила: «а что, его расстреливать будут – у нас или там?»

*

Вчера в газете, в отделе хроники, мелким шрифтом напечатано об открытии ОГПУ троцкистской организации, с *нелегальной литературой* (каков термин!) и т. п., за что 150 челов. «подвергнуто изоляции», – это уж не ссылка, а одиночка, очевидно.

Примыкая к этому, определенно говорят, что скоро обнародуют про целый «заговор», тем более, что Троцкий, по-видимому, ускользнул: в городе поговаривают о его бегстве в Турцию. Поживем – услышим.

*

Газеты сообщают, что «мы» на парижской выставке гастрономии получили 20 премий и оказались hors concours по рыбе, икре, яйцам, маслу и т. д. Прямо диву даешься: хоть бы кто-нибудь поинтересовался, *чем нас кормят*, в стране, казалось бы, широчайших сел.-хоз. возможностей.

*

Нынче сообщают, что приехал из Америки «фермер» *Кэмпбел*, у которого крупное зерновое хозяйство (65 000 гектаров, но только 200 рабочих, при широчайшей тракторизации). Ведь это же кулак, магнат-землевладелец, а мы его – за образец! Ведь в том-то и дело, что он *хозяин* предприятия.

28 янв. Во Франции парламент во имя *единства* и столь излюбленной у французов централизации дружно выска-

зывается против эльзасских автономистов, отстаивающих для Эльзаса закон Божий в школах и идущих против отделения церкви от государства. Сию клерикальную программу автономистов в парламенте поддерживает только *комфракция*. Мило!

*

Пребывание Троцкого в Турции отовсюду подтверждается, но уже с объяснением, что он туда *выслан* нашей властью с соизволения турецкого правительства, которое едва ли взяло на себя роль сторожа, но почему-то думают, что там его легче устеречь, чем в Европе. При случае, как намекают иные, можно и укокошить: у себя это сделать было бы боязно, а в Европе «мы» принципиально этого не делаем.

30 янв. На днях сообщалось, что в Румынии арестован на почтамте с шифрованными документами в руках *румын* (забыл фамилию, см. Изв. 28 янв), в 1925 г. заочно приговоренный к каторге. Он из Москвы, где заседал в Коминтерне. Одновременно арестован ряд других московских посланцев. Очевидно в Коминтерне даром денег не дают...

Как бы то ни было, сейчас ходят в публике какие-то тайные слухи, будто бы на февраль-март намечено было «восстание» в Бессарабии с провозглашением присоединения к СССР; что внезапная нота Литвинова Польше объясняется желанием скоропалительно *оторвать* Польшу, подписанием протокола о взаимном ненападении, от Румынии. Если бы Польша подписала, Румыния была бы solo перед фактом восстания и, м. б., не решилась бы с оружием отстаивать теряемую территорию.

Se non è vero...

*

Экономика – плохо. Газеты тревожно говорят о грозящем из-за недостатка семян и орудий недосеве. Вывозим за границу все – до рубца, кишок и рогов включительно. У себя уничтожили фабрикантов, бравших 10-15% прибыли и оставлявших ее почти всю в деле на его расширение (так действительно шла индустриализация), а теперь пускаем к себе крупицами *рваческий* иноземный капитал (типа пресловутого Hammer'а), даем ему наживать 80%, из которых 30 отбирает себе правительство, а обыватель страждет, платя неслыханные цены за бесконкурентный, след., дрянной товар.

*

И так во всем. Не пускаем в вузы детей интеллигенции (попросту, оставляем без применения и смариваем «племенной скот»), зато усиленно вливаем туда явно непригодный для науки серый элемент, который занимает места, обходится очень дорого (стипендии, дополнительное обучение и т. п.), а в конце концов уходит, не вынеся науки. Из 10 едва *двое* годятся для работы. Говорим о будущем бессословном государстве, об обязательности труда, а не пускаем на фабрику целые категории граждан!!

*

На Тверской поперек улицы повешен огромный плакат-цитата из Ленина. Никто его не читает, все привыкли к этим нелепым возгласам, лень даже вникнуть в никчемность и подчас фальшь этих лозунгов. «Тяжелая индустрия – основание социализма». Но ведь так же в других советских книжках (напр., Павловича, а то и того же Ленина) можно прочитать: «тяжелая индустрия – основание империализма». И ничего не возразишь! В САСШ и других государствах тяжелая индустрия стоит очень высоко и является основанием – вовсе не социализма.

*

Травля Академии Наук продолжается, вплоть до угроз («это ведь не собственность Академии, эти средства государственные»).

*

В газетах уже появляются резолюции различных «рабочих» собраний о необходимости высылать троцкистов за границу. Очевидно подготовляется почва для объявления о высылке Троцкого в Турцию.

*

Говорят, с Фордом не поладили. Он спросил, на какое производство рассчитывать проектируемый для СССР автомобильный завод, и, услыхав о цифре 3 000 машин в первый год, ответил: «обратитесь в игрушечную лавку». – Другие уверяют, что расхождение было серьезнее: по примеру своей датской концессии, Форд хотел наладить у нас сборку частей, присылаемых из Америки, а наши потребовали делать все у нас.

7 февр. Экономика наша все резвится. Сегодня постановление ВЦИК'а о том, чтобы во что бы то ни стало до конца

бюджетного года привлечено было в сберегательные кассы 200 млн. руб., для чего назначается *месячная* «агиткампания». Принудительное сбережение – после того как самый *принцип* накопления (принцип, конечно, «буржуазный») всячески вышучивался и изничтожался.

*

Другой номер. Вдруг спохватились: «*Турксиб*» (еще до войны намеченная туркестано-сибирская жел. дор.) и «*Днепрострой*» (могучая электрическая установка, которую задумали, не рассчитав еще, кого, собственно, она будет обслуживать; теперь Кржижановский, академик и творец «науки проектирования», придумывает разные производства, между прочим добычу алюминия, для которой сырье будут возить из-под... Петербурга!!) оказались впереди Волго-Дона (знаменитого, еще Петром Великим намеченного канала). И вот – опять горячка: экстренно отпускаются деньги на Волго-Дон, все тот же Кржижановский пышно заявляет: «включая Волгу в орбиту влияния Донецкого угольного бассейна, мы превращаем эту крестьянскую реку в мощный индустриальный хребет, создаем энергетическую базу для развития Поволжья». Какие пустые и демагогические слова!!

*

А с хлебом дело плохо. Газеты выработали себе (при молчании какой бы то ни было критики) удивительно лицемерный самоуверенный тон. Ясное дело, что ничего наладить мы не умеем и не можем. И вот все это надо замазывать. Готовят публику постепенно к хлебным карточкам. Расхваливают их применение в разных местах, в Одессе, в Сормове. Удивительно, мол, все упорядочилось: дают рабочему 600 гр., служащему 400 гр., кустарю 200 гр. – и как это всем нравится. «Пора перестать кормить лошадей хлебом», – жалуется газета, притворяясь, будто она не знает двух вещей: 1) что далеко не весь хлеб в деревне идет на лошадей; увы, в подмосковном районе давно нет хлеба; 2) если кормят хлебом лошадей, то это потому, что овса совершенно нет, а платить по 4-5 руб. за пуд его, конечно, крестьянину не по силам, он и покупает хлеб по 2 р. 50 коп. пуд, – а эта цена, действительно, убыточна заготовительным органам; хотя за рожь заготовщики казенные и платят всего по 1 р. 50 коп., но способы хозяйничанья делают то, что еще одного рубля (до 2 р. 50 коп.) мало на покрытье социалистического хозяйства по заготовке и сбыту хлеба.

*

Насчет водки – тоже лицемерие. Все думают, что бюджет наш чуть ли не более пьяный, чем до 1914 года. Но нужно облаять прошлое. Поэтому, с одной стороны пишут, что «водка, религия и хулиганство – наследие царского режима», – и рядом оправдывают эту самую казенную продажу водки. Если же прекратить продавать, то наживутся – кулаки: они излишки хлеба будут перегонять в спирт и спаивать бедноту, батраков и рабочих (это сознательный-то пролетариат?!). И тогда «деньги попадут в руки наших классовых врагов», а теперь они достаются честному пролетарскому государству.

И вот таким-то стилем все.

5 февр. В «Изв.» Луначарский обрушился остро написанным фельетоном на академиков, которые позволили себе «пошутить с огнем». Раза 4 этот пассаж в фельетоне повторен, наряду с угрозой отнять у Академии ее имущество ученое и отдать на использование коммунистическим учреждениям.

Прелестно одно место, где стремления академиков, старавшихся мириться с советской властью, объявлены «доходившими до настоящего комизма»; они «напоминали ту знаменитую сцену у Пушкина, в которой дядька говорил Гриневу перед лицом грозного Пугачева: «поцелуй ручку, плюнь да и поцелуй ручку у злодея». – Здесь очень мило это сопоставление советской власти с Пугачевым.

10 февр. В газетах заявлено, что после какого-то собрания советских чиновников по финансовой части предложено учредить «Добровольное общество друзей госкредита». После добровольных займов, можно себе представить, что получится.

12 февр. Когда-нибудь наши потомки будут дивиться тому, что говорилось в 1929 г. после Р. Х. на большом собрании *писателей*, т. е. людей, которые обычно все-таки считаются более широкими, более гуманными и более терпимыми (в массе), чем обычная толпа. Приклеиваю из «Известий» от 12 февр. кусочек речи одного из писателей, упрекавших *грузинских* писателей в «национализме» и «нетерпимости».

> Идеализация прошлого – одна из основных болезней современной грузинской литературы. В своем воспевании прошлого грузинские поэты доходят до того, что Сионский

собор в Тифлисе, в котором заставили признать зависимость Грузии, называют историческим храмом и скорбят о том, что теперь в этом здании ставят оперетку «Аршин Мал Алан».

*

Ольденбург письменно поздравил всех новоизбранных академиков. Все, даже Бухарин и Покровский, ответили благодарностью за поздравление. Рязанов вместо благодарности отправил Ольденбургу письмо (разослав другим копию с него), где выступил против болтологии (sic) Академии, сравнивая академиков с дворянчиками времен Николая Палкина и предлагая Академию упразднить, разбив ее на отдельные институты. Зачем он шел в Академию?

18 февр. Экономика. Приехавший из Зарайского у. середняк, крестьянин 42-45 лет от роду, сильно припух с лица. Объяснение: едят *вику*, 1/4 муки, 3/4 вики. Действие – все пухнут. А вику едят потому, что урожай был в Рязанской губ. неважный, а хлеб все же отобрали. Ездили было покупать в Зарайске, теперь запретили продавать в городе хлеб крестьянам.

Какая блестящая иллюстрация тому, что у нас сейчас *город* живет за счет деревни, чем и объясняется, напр., инстинктивная тяга мужичья (бездольного) в Москву. Устроившись здесь кое-как, хоть бы в углу, у родни, они живут за счет деревни – и это сознают. Тут тебе и квартира даровая, и «способие», и разные «кооперативы» с продуктами, какие до деревни никогда не доходят.

Другие факты из того же источника.

Лютая ненависть середняка к бедняку. Кулаков извели, ибо землю давно переделили. Ищут везде кулаков, которых нет. Теперь наваливаются на середняка: весной середняк обязан вспахать землю «бедняку». Это все для подъема урожайности. «Как же, стану я для него пахать, как для себя? Так распашу, что и ничего не уродится».

Далее жалобы на ростовщичество государства. Прежде за взымание 12% ссылали в Сибирь, а теперь советская власть берет 32%. За 100 кило, данных в ссуду, приходится возвращать 132 кило! Это под предлогом составления запасов, которых никто не видит.

К колхозам ненависть не менее велика. Ибо всякий колхоз через год-два разворовывается и исчезает. «А лозунги

развешали везде, – у ворот и на зданиях. Я бы все лозунги эти снял и написал бы: «мы пропали», и тире бы поставил». (Так и сказал!!).

Поразительное экспериментирование!

Любопытно показание того же крестьянина про *церковь*: никто почти в деревне *не ходит* в церковь. Объяснение его: одичали. – Между прочим, в этом районе нет и сектантства, столь заметного сейчас везде.

*

Подпалочных академиков – Деборина, Фриче и Лукина – все-таки «выбрали».

*

Итальянское правительство – договорилось с папской властью. По-видимому, Италия оттеснит теперь Францию из ее роли покровительницы христиан-католиков, а *внутренне* выиграет католическая церковь, подъем которой после войны вообще очень значителен.

*

Фольклор. Вверху над кооперативной лавкой лозунг: «Социализм это учет». Внизу на дверях: «по случаю учета магазин закрыт».

*

Квалификация нашего хлеба: 20 % муки и 80 % наших достижений.

*

Тем временем работает и подлинное народное творчество. На севере записана сказка, которую собиратель не может, конечно, не только напечатать, но даже и распространять сколько-нибудь свободно:

Жил-был царь Совдеп. Царь свирепой и весь ушел в декреты. Утром пишет, до полудни не хватает. В полдень пишет, до вечера не хватает. И был у царя слуга, по прозванью Луначар. Царь как декрет напишет, фукнет (показывается жест – вроде воздушного поцелуя), а Луначар подхватит декрет и полетит.

И все у Совдепа не выходило, и стал он тогда беситься: не может белого цвета видеть, а от красного – ничего. Как увидит кончик платка белого, так весь и затрясется. И вот зовет он ученых и велит им весь народ окрасить в красную краску. Ученые отговаривают: как же то не понимаешь, царь Совдеп; вот ты сам от красного цвета какой стал, а если весь народ перекрасить, все заболеют. Знать ничего не хочет царь,

требует, чтобы всех перекрасили. Попался тогда ученым мужичонка. Они к нему: Мужичок, мужичок, всегда ты нас выручал, что нам делать? Велит царь народ в красный цвет красить, а нельзя, народ от этого заболеет. А мужичонка им и говорит: эх, вы, глупые люди; а вы возьмите, да на царя на дурака наденьте *красные очки*...

Дальше не слыхал, не знаю.

*

После разных колебательных известий, теперь опять утверждают, что Троцкий, обритый (чтобы не быть узнанным, но где – здесь или за границей?), на пароходе «Ленин» из Одессы отплыл в Константинополь. Наши хотели бы, чтобы он там и оставался, он же будто бы устремляется в Германию.

С другой стороны передают, что в рейхстаге, отвечая коммунистам, чуть ли не сам председатель рейхстага Лёбе заявил, что коммунисты в России своих засаживают, либо заставляют уезжать; так де поступают и с Троцким, и Германия, как страна вполне *демократическая*, конечно не откажет ему в гостеприимстве.

19 февр. В отделе «хроника» газеты петитом печатают, что Троцкий за антисоветскую деятельность высылается за границу по постановлению ОГПУ.

26 февр. Некий Лядов (Мандельштам), стоящий во главе Главнауки (?), заявил, что «наша задача» за 50 лет уничтожить всякое воспоминание о том, что когда-то существовала барско-буржуазная культура. А для этого необходимо снести церкви, оставив лишь редкие немногие экземпляры, снести барскую архитектуру, продать за границу иконы, оставив лишь редчайшие спрятанными, не показывая их публике, лет на 50.

Эта «идеология» помогает кстати добывать деньги. Идет усиленная скупка и перепродажа за границу художест. ценностей, в частности редких книг, бронзы, фарфора, картин, особенно икон.

В Берлине сейчас *иконная* выставка, куда увезли и Рублевскую Троицу. Вернется ли она? Уверяют, что вернется, но многое, близкое к ней, конечно, будет продано.

Все продадут, гады, если только дадут деньги.

А немецкие газеты пишут о справедливой «национальной гордости» русских, у которых *такие* сокровища!

Национальная гордость!?

*

Курьезов и нелепостей не оберешься. В Москве ок. 70 000 «лишенцев», т. е. граждан, лишенных права голоса. Само по себе это право, конечно, никому и ни на что не нужно, все тяготятся нелепой обстановкой выборов, когда сгоняют людей и единогласно принимают решение об избрании заранее намеченных лиц. Но «лишение» сопровождается одиозными последствиями: травлей, ограничениями в квартире, обложением сугубым и т. д., и т. д.

И вот лишают права голоса жену проф. Кольцова, работающую лаборанткой, за то, что она из купцов; проф. Плетнева, вероятно за то, что был землевладельцем; старика-педагога Грузинского, родом из ямской слободы, получающего от ВЦИК´а *персональную* пенсию, за якобы дворянское происхождение; Станиславского, как бывшего фабриканта (Станиславский на письменном столе поставил *диплом на звание народного артиста* и *объявление о лишении прав*); Немировича-Данченко, как помещика и дворянина; какого-то ученого, бывшего домовладельца, лишенного дома, а потом получившего его обратно *за научные заслуги*, как домовладельца и т. д., и т. д.

*

А на съезде ученых тот же Лядов, обрушиваясь на интеллигенцию, музеи, академию и университеты, говорит со злобой о том, что Историч. Музей набрал 32 000 икон, а проф. Богословский на средства Академии напечатал труд, где выясняет, какими подьячими написаны главы *обложения* (sic!). Речь идет, по-видимому, об Уложении Алексея Михайловича, где очень важно знать, *какою* обществ. средою выдвигались те или иные требования, средактированные нормы и внесенные в закон.

*

Фольклор. Американизация наших «Универмагов» идет так далеко, что скоро в каждом будет всего по 1 продавцу при пропуске в 20 000 покупателей. Единый продавец будет всем говорить: товару нет.

3 марта. Новый хозяйственный блеф. В газетах большая шумиха по поводу того, что мы запродали англичанам 3 млн. тонн

что ли бензина и что покупщиками являются недавние наши нефтяные противники, чуть что не с самим Детердингом.

Но из сведущих кругов уже вносятся поправки и скептические оговорки. Прежде всего 5% с суммы, уплачиваемой за бензин, отчисляется на покрытие долга обобранным английским капиталистам, заинтересованным (до революции) в нашей нефти. Наши газеты утверждают, что в договоре *нет* такого пункта, но ведь отчисление могло быть поставлено в счет и без *оговорки* его в контракте.

Далее указывается в газетах, что мы *можем* поставить столько бензину, ибо наши вложения капитальные в нефтяное дело таковы, что ... и т. д. Но оправдаются ли вложения, получится ли технический эффект – это большой вопрос. Пока факты говорят иное: у нас *для себя* уже не хватает бензина, и наши автомобили жгут уже нечто суррогатное.

Хуже всего третье соображение. Мы и сейчас при выполнении поставок бываем вынуждены *недостающую* часть покупать по цене, равной или немного выше поставочной. Выигранное на своей добыче мы теряем на покупке, – и все делается для поддержания нашего хозяйственного престижа. А что, если англичане *намеренно* заключили контракт на партию столь значительную, что мы не сумеем ее поставить? И вот, тогда, когда мы на затычку будем искать *докупить* партию бензина, не заломят ли стакнувшиеся керосинщики-монополисты такую цену, которой мы не сможем осилить? Не провокация ли весь этот грандиозный заказ, кажущийся нам таким успехом?

*

Пока что – утешают, что *яиц* не будет, ибо заготовка их катастрофически провалилась.

6 марта. История с запродажей нефтяных продуктов в Англию понемногу выясняется. Наши газеты утверждают, что условия о выплате 5% стоимости нефти прежним кредиторам-нефтяникам, обобранным в России, нигде не записано. Однако подтверждают, что нефть продана «несколько ниже» мировой рыночной цены. Стало быть все ясно: выплата будет и именно за наш счет. Дальнейшее увидим.

*

«Вечерка» уже «лягает» Троцкого за его лозунг «ни война, ни мир» во время Брестских переговоров. Теперь, оказывается, можно говорить, что это были глупые слова, за которыми по-

следовало наступление немцев и захват ими у нас территории и припасов; тогда, будто бы, Ленин не разделял подобного взгляда Троцкого (однако не остановил, не решил иначе), Ленин настаивал на каком угодно мире. Конец статьи – опять ложь: Брестский мир уничтожен германской революцией. Не в ней дело, а в том, что Фош, разбив немцев, в первую голову потребовал отмены всех навязанных Германией миров,– Брестского с Россией, также мира с Румынией.

*

Усиленно стягивая деньги в сберегательные кассы, придумали выдавать премию в 18 коп. всякому, кто привлечет пайщика с вкладом минимум в два рубля.

Уже разыгрываются аферы. В газете сообщается про ловкача, который вырабатывает в день около 4 р., привлекая мужиков, которые, вложив утром два рубля, вечером берут обратно 1 р. 75 коп., оставляя в кассе на книжке 25 коп., а премиальные 18 коп. – надо полагать – пропивают. Число же сберегательных книжек растет.

*

Газеты пышно объявляют: *100000 автомобилей в год.* Под этим напечатано, что Куйбышев велел в двухнедельный срок разработать проект завода, который, если его построят (когда?) должен выпускать 100 000 машин.

И параллельно, в другом месте, сообщается, что у нас всего *несколько десятков тысяч машин,* меньше, чем в какой-либо из годов последнего пятнадцатилетия (как скромно!).

*

Очередному газетному раз(до)носу подвергнут литературовед Жирмунский за книгу о Блоке.

8 марта. Происшествие дня – напечатанное в «Правде» сообщение об антисоветском выступлении Троцкого за границей. Сфотографированы две страницы английской газеты, где статья Троцкого, но снимок сделан так, что даже с лупой ничего нельзя прочитать. Но большевики, конечно, будут кричать, что они «целиком перепечатали» статью – и не боятся.

Успех газеты был такой, что к вечеру не осталось в продаже номеров ее. Ругательная статья принадлежит «кисти» Ели Ярославского (Губельмана).

*

Проповедь «безбожия» люто двигается вперед. На Пасху назначена «антипасха», учителя должны в ночь на Пасху быть в школах и т. п.

Церковь Ржевской Божьей Матери на Пречистенском бульваре отнимают под клуб китайцам-студентам. Учащиеся в Каретных переулках составили «наказ», требующий отдачи под физкультуру церкви Спаса на Песках.

*

Не всегда все в школе проходит гладко. После яркого урока про уделы и татарское иго дети вздумали – бить татарчонка. Раздули в скандал!

В другой школе антирелигиозница говорила про Христа, что он еврей и евреи его распяли. Школьники стали кричать (знать они *ничего* теперь не знают): не может быть, евреи своих не тронут; вот сейчас – евреи не станут трогать советскую власть. (Из рассказов на школьном совещании Хамовнического района).

13 марта. Гнусности творятся невероятные. Кампания по лишению прав привела к выслеживанию, доносительству, клеветам; в печати ежедневно «прохватывают» то отдельных лиц из дворян, духовенства, государств. служащих прежнего времени, то пачками, целые общественные группы. Жалобы бесполезны. Люди исподличались до невероятия. А тут – «ренегатство» Троцкого, которого незаслуженно превозносили, теперь так же незаслуженно клеймят. Зато евреи все, без различья взглядов, скорбно поматывают головами, – как же, свой национальный гений!

Сегодня *уголовный* процесс, по которому засадили в тюрьму с отобранием имущества целую группу евангелистов-кооператоров за то, что они, устраивая столовые, многих привлекали к себе. В чем, собственно, уголовное преступление, так и не видно.

Кризис экономический и, в частности, продовольственный, все растет. Разваливается, разваливается новое самодержавие, а развалиться никак не может. Народ гнусен теперь, как был он гнусен и в 1917 году, т. е. не *весь* народ, не хотелось бы говорить этого про здоровую, но инертную массу, а именно гнусно то, что на поверхности, чьим именем и при чьей *потачке* все это делается.

14 марта. Рассказывают, что в «Госиздат» явилась старушка с документами (черновиками и т. д.), доказывающими, что ее сын, белый офицер, погибший лет 9 тому назад, является автором романа, который выпущен у нас под именем Шолохова. Последний, подразумевается, достал при неизвестных обстоятельствах единственный имевшийся у автора хорошо переписанный экземпляр и «использовал» его, причем последующие части (а таковые уже появились в печати) много хуже первой.

Tableau!!

Газеты *пусты*, если не считать юмористики, вроде того, что решено рабфаковцев без экзаменов допускать в высшую школу (какой, подумаешь, отбор!), или что «1 349 селений в Рязанской губернии приняли «агроминимум» (т. е., обязались, что ли, получить определенный урожай?).

Пустота зловещая, особенно когда инсценируется «довольство» подданных: каждый день гоняют с музыкой стада избирателей на поклон к Моссовету, где какой-либо «член» держит с балкона приветственную речь.

А у лавок – очереди. А гвоздей, мыла, чаю, электрич. лампочек, бумаги и еще много кое-чего нет. А яйца стоят 2 р. 40 к. десяток в частных лавках, ибо в кооперативах дают редко по 3-4 яйца (половина затхлых) ценой в 95 коп. десяток.

Троцкий же что-то мутит на западе. Рабочие у нас «протестуют» против его измены, а публика кормится слухами об уходе из ГПУ тов. Ягоды.

Наркомфин Брюханов в ответ на множество письменных запросов – правда ли, что заем индустриализации запрещено будет продавать в банки, дал в газете разъяснение, что все займы у нас вполне свободные (!), что все займы покупаются в банках без ограничения, что так же будут поступать и с облигациями займа на индустриализацию, когда они окажутся в руках владельцев; *но*: т. к. заем сделан с тем, чтобы трудящиеся уделили часть своего заработка на поддержку индустриализации, то обратная продажа займов в банк равносильна *сокращению* суммы займа, а след., продающий – *дезертир* на фронте индустриализации; потому, перед продажей *пусть подумает* всякий, нельзя ли урезать себя в чем-либо ином скорее, чем в займе.

Прибавим сюда, что в сущности правительство знает, какие №№ у кого на руках, ибо при продаже в рассрочку через учреждения №№ *закреплялись* за определенными лицами особой на руки выданной распиской. Следовательно, если это понадобится, можно *каждое лицо* притянуть к проверке, потребовав у него указаний на то, куда он дел свои облигации за №№ такими-то.

*

Фольклор. Приговоренным к расстрелу русскому и еврею обещано помилование, если они укажут способ поднять червонец и привести к упадку доллар. Русский отказался решать невозможную задачу и потребовал расстрела. Еврей подумал и утром объявил свое простое, быстрое и дешевое средство: поменяйтесь правительствами.

19 марта. Хлебные очереди, кажется, устранятся, зато другие – входят в самую полосу, за всем стоят, ибо ничего нет, и паника непрерывная. А власти мечутся – денег нет. Экономическое состояние ужасное. Из деревни прямо стоны. Положение безвыходное. Говорят о местных мятежах, будто бы усмиряемых быстро и решительно.

В народе почему-то ждут войны. Об этом говорят и посылаемые на митинги ораторы (в связи с выборами и со вчерашним празднованием Коммуны).

23 марта. На днях в Донбассе в шахте «Мария» убило 27 горняков при спуске клетки. Напечатали об этом с запозданием. К счастью, нельзя было свалить на инженера, и принцип «вредительства» на сей раз пришлось оставить. Но: 1) газеты, описав похороны жертв (хоть и мелким шрифтом), сделали это в таких тонах, что получилось... торжество советской власти, ибо рабочие, будто бы, в энтузиазме говорили, что эти жертвы, как и жертвы гражданской войны (?!!) не остановят рабочих в их стремлении усилить успехи социалистического хозяйства и добыть больше угля. Как, однако, меняется психика рабочих при социализме!! На западе устроили бы забастовку.

Ночные известия, что в деревне Малое Иголкино Владимирской губ. сгорело и раздавлено в панике при пожаре передвижного кино (эпически спокойно сказано: «причем кинооператор был пьян») 114 человек. Напечатано мелким шрифтом!! Когда в Париже арестуют при демонстрации

полтора коммуниста, газеты три дня печатают статьи с жирным заглавием.

Для успокоения нервов горняков шахты «Мария» отправлено 400 чел. на месяц в Кисловодск, а еще 300 чел. пошлют в другое место. Ну, прямо рай рабочий!

*

Фольклор. По поводу «заборных книжек» (пока на хлеб, но задние страницы их предусматривают, по-видимому, и другие товары): заборные книжки – это бесплатное приложение к «нашим горьким достижениям».

*

Незамеченным прошло небольшое *постановление* ЦИК'а о *дефицитных* товарах, открывающее путь самым широким конфискациям; и главное, оно является не временным, а вносится в *Кодекс*.

«Известия» 21 марта 1929 г.

> «Дефицитные товары, значащиеся в списках, устанавливаемых Народным комиссариатом торговли РСФСР, передаются государственным торговым предприятиям или кооперативным организациям согласно указаниям местных органов торговли по ценам, устанавливаемым теми же местными органами торговли».

*

Старушке (см. 14 марта) назначили выдавать *половину* гонорара за «Тихий Дон»!! Оказывается, несколькими вставленными штрихами *белогвардейское* произведение превращено в пролетарское!

24 марта. Наркомфин наш не лишен юмора. Сегодня в газетах объявлено о правительственных распоряжениях СССР: «В целях предоставления населению возможности удобного и выгодного помещения сбережений, ЦИК и Совет Народных Комиссаров и т. д.» постановляет выпустить заем в 50 млн. рублей.

*

Куда до нас Европе, которую «содрогают кризисы», как выразилась «Комсомольская правда» вчера или третьего дня.

Очень мило и определение «явно кулацкого хозяйства», откуда видно, что балансирование между кулаком и улучшающим хозяйство (а посему достойным награждения льготами) середняком крайне затруднительно.

26 марта. Среди властителей данного момента есть всякие, но особенное усердие из наркомов проявляют двое: Семашко и Луначарский. Первый – недалекий пьяница, и грубость его тона понятна, пожалуй. Луначарский считался писателем, интеллигентным и даже образованным человеком. Тем гнуснее проявляемое им все больше и больше подлаживание и паденье.

На днях на 10-летии Нахимовского рабфака он сказал (почти буквально) следующее: «Когда идешь к любимой женщине, захватываешь букет цветов или бонбоньерку; я прошу извинения, товарищи, за опоздание, но я не хотел придти к вам с пустыми руками: только что мною подписано постановление коллегии Наркомпроса о разрешении принимать рабфаковцев в вузы без всякого экзамена». (Раньше они сдавали конкурсный экзамен со всеми – и проваливались; в прошлые два года они сдавали экзамены весной – дома, у себя; теперь – *никаких* экзаменов).

Сегодня Луначарский напечатал гнуснейший фельетон, где играя и вольтижируя словами – свобода исповедания, терпимость к чужой вере; никого не преследуем, но нельзя же не удалять верующих учителей, и т. п. – оправдывает антирелигиозную политику правительства.

Бухарин и тот куда мягче. На подобном 10-летии «своего» рабфака (есть и такой!) Бухарин говорил учащимся, что не надо зазнаваться, указав, что управлять, оказывается, труднее, чем думали большевики, когда принимали власть и т. д.

*

Умер маршал *Фош*, на похороны Франция тратит 60 млн. франков, т. е. меньше 5 000 руб. Франц. коммунисты *резко* выступали против лишних расходов, и наши им поддакивают в печати.

Правда, Фош только спас Францию. На похороны Ленина, не спрашивая никаких народных представителей, затрачены были десятки, если не сотни тысяч рублей. Но Ленин ведь, правда, и дело сделал большое, развалив Россию.

*

Кажется, ничем уже нельзя нас удивить, но постоянно является новое и удивительное. Уже несколько лет, как стали поощрять «застройщиков». Артисты, писатели и музыканты, затратив по 10-15 тыс. рублей, устроили себе

общими усилиями сносное жилье, живут что-то около полутора-двух лет, и вдруг – им «предлагают» потесниться, учесть свою площадь и т. п., предлагают даже *готовое постановление* об этом, которое они сами должны принять!

*

Преследование «бывших людей» переходит всякие границы. Графа Павла Сергеевича Шереметева, проживающего в Остафьеве на кухне и служившего за 60 руб. хранителем своего дома-усадьбы, памятной по Вяземским, Пушкину, Карамзину, – в конце концов «прогнали», как «лишенца» оставили без хлебной карточки, а когда неделю назад к нему съехались родичи на похороны его давно лежавшей в параличе матери, то его «прокатили» в какой-то газетке. Он настолько заголодал и обнищал, что музейные работники, все люди с окладами ок. 50 руб. в месяц, собирают ему на хлеб и на брюки (он совершенно обтрепался).

Неслыханное глумление над человеком. И тот же Луначарский отлично знает все это – хотя бы потому, что у него хватало наглости жить летом в Остафьевском доме на даче.

*

Образчик нелепого словоупотребления среди нынешнего пролетариата: беседуют трамвайная стрелочница с торговкой; вторая говорит о том, что тяжело жить, с хлебом заминка; первая – «стрелочница» – отвечает: «ну, это явление периодическое» («временное», что ли, она хотела сказать?).

28 марта. «Правда» глумилась над «шовинистическим опьянением» 600 000 парижан, явившихся к Arc de Triomphe в день погребения Фоша. Забывают прибавить при этом, что ведь не было «обязательной явки», как бывает у нас на выборах, докладах и т. п.

Сверх 60 000 фр., отпущенных правительством, самим населением и муниципалитетом, как сообщают франц. газеты, затрачено было свыше 1 000 000 франков.

30 марта. В последнее время сильнейшему обстрелу со стороны «Комсомольской правды» подвергаются научные учреждения и художественные музеи. Между прочим – ГАХН, где «президентом» состоит мелкий приват-доцент (ныне, конечно, профессор) Коган Петр Семенович (давний выкрест). Его

помощник – Г. Г. Шпет, проф. философии, личный его приятель, является вместе с тем главой «идеалистической» философии, т. е. попросту философии в этом учреждении. И вот – каламбур:

«О, Коган, Коган! Твоя песенка *шпета*». И еще: «Предстоит пересмотр Густава академии».

*

Изустные сведения отовсюду самые ужасающие. В Западном крае крестьяне от голоду бежали массами в Латвию и Эстонию, а их оттуда *гнали*, и они попадали в лапы наших властей, пока не догадались: переменить политику, доказывая крестьянам, что вот, мол, буржуазные правительства их не приняли, а советская власть – готова им помочь (стараются устроить местные промыслы).

На севере антирелигиозная борьба. Членам колхозов запрещают ходить в церковь. Жены бегают тайком. Дети (служащие) не идут на похороны отца, погребаемого «с обрядами» и т. д.

В «Экономической жизни» на днях длинный перечень потрясающих нарушений «трудовой дисциплины»: на жел. дорогах сплошное пьянство поездного состава, машинисты сводят с рельс поезда, едут пьяными и спящими, застревают в пути, вызывают крушения и т. д. И бороться нет сил.

В «Правде» сегодня тревожнейшая статья Пятакова о падении червонца и о катастрофической пустоте Государственного банка, куда рекомендуется сдавать всю наличность учреждений.

Антисемитизм становится бытовым и все более грозным явлением преимущественно в рабочей среде.

«Комсомольская правда» (вчера, кажется) пишет резкие выпады против Крыленки за то, что он сажает прокурорами людей, отставленных от этого дела за «разложение» и сугубое пьянство, а Крыленко оправдывается, что они – из рабочих.

В обществе какие-то смутные слухи про «организованность» троцкистов, и при всем отрицании троцкистской программы многие возлагают какие-то надежды на то, что, м. б., троцкистам удастся свергнуть кровавый режим Сталина, с тем, что потом слетят и сами троцкисты во главе с самим Троцким. Так думают одни. А евреи таки еще надеются на своего «Наполеона» для себя.

*

1 апр. Недавно я высказал предположение (по поводу брюхановского разъяснения, что займы наши добровольные и свободные, а потому нелепы предположения о *запрете* продавать их, – *но*: всякий продающий – дезертир на фронте индустриализации), что в сущности очень легко проверить наличность облигаций в руках держателей, ибо №№ записаны на предварительных «закрепительных» квитанциях, и какие-нибудь пионеры могли бы сразу все выявить.

Оказывается, идея эта блестяще осуществлена (говорят, выдумщиками являются усердные беспартийные, вроде Юровского, Лоевецкого и друг.). На днях в ВЦСПС на большом собрании в 300 чел. прямо было поставлено задание: облигации не продавать, для надежности – не давать их на руки держателям, а хранить в учреждении. Ошарашенные собравшиеся не знали, что делать. На вопрос, кто за, подняли руку 20; кто против? подняли 5; кто воздержался? никто не решился поднять руку. Занесли наглейшим образом в протокол: большинством всех против 5 принято.

А многие рассчитывали наивно пустить эти сбережения в ход летом на отдых.

Теперь понятно, что заем котируется *выше* стоимости. Его *нельзя* купить, ибо нет продавцов, и банк с серьезным лицом может говорить, что не продают, ибо дорожат займом.

*

История с «Тихим Доном» Шолохова не утихает, хотя появилось в газетах письмо, странным образом не Шолохова, а нескольких партийных литераторов, ничтожных, «крупнейшим» среди них является Серафимович (репутация которого стоит *очень* не высоко). Письмо это говорит о *подлинном* авторстве Шолохова и призывает к расправе над теми, кто будет себе позволять говорить что-либо о подложности автора.

А рядом с этим продолжаются толки, что автор (слышал *два* имени, Карпов или Макаров) писал уже раньше в «Русском Богатстве», что его матери *Госиздат* платит гонорар, обязавшись контрактом, что была устроена в Госиздате встреча этой дамы с Шолоховым, и они отшатнулись друг от друга, он – ибо узнал мать преданного им офицера, она – ибо сразу вспомнила чекиста, арестовавшего ее сына и *его бумаги*. Словом, легенда (?) растет, а Шолохов – молчит.

Апрель. Сведения отовсюду все мрачнее. В Покровской губ. выносили на мороз грудных детей, чтобы их *заморозить*, так

легче (?!), а то прибегают к угару. Под Сергиевым дают кило муки на душу в неделю. Стон стоит в деревне, а в городах, и особенно в Москве, – демагогически поддерживают простонародие, льстя ему всячески: не хотят повторять ошибки самодержавия, раздражившего в конце 1916 и начале 1917 года именно городскую толпу.

Отовсюду сведения об упорной борьбе со «сбрасыванием» (новый термин) займа индустриализации. Особенно кисло приходится тем «усердствовавшим», которые давали двухмесячный заработок в расчете летом, сбыв заем, отдохнуть в Крыму или на Кавказе.

*

«Антирелигиозный» натиск, между прочим, выразился в распоряжении по МОНО: сейчас (начало апреля) проводить каникулы, зато *учиться* все дни Страстной и (впервые!) в самый день Пасхи, в *воскресение*.

*

В противовес этому: на днях было торжественное служение в католической французской церкви, бездействовавшей несколько лет; приехал специальный папский посланец, кардинал; служил в лиловой мантии, как полагается, поздравил с Пасхой куличом, подарком и благословением самого папы. В газетах об этом нет ничего, передают очевидцы. С кем же и когда устроено это соглашение? Через Муссолини? Какою ценой?

*

Приехавшие в Москву «торговые» англичане (олицетворяющие капитал в 5 млн. рублей), ок. 90 чел., всюду бывают, все смотрят. Говорят, они приехали по приглашению нашему – брать, что можно, только бы дали деньжонок. Пока не слышно, *самостоятельны* ли они в своих визитах, есть ли с ними знающие по-русски?

Рассказывают, что *четверо* посетили (4 апр.) бывшую типографию Кушнарева. Там по этому поводу впервые за 5 лет вымыли окна и не позволили вешать пальто (рваных) рядом с машинами. Рабочие передают, что англичане эти – русские. Хотят ли они сказать, что это англичане из старых москвичей под другой фамилией, подлинно русские, или знающие язык?

*

Образец интриганства. Покровский из зависти (импотент сказывается) давно хочет напакостить Рязанову. Подстроили

так, что Рязанова выбрали в вице-президенты Акад. Наук, и пока он там поглощен был делами (на него навалили устройство новых научных институтов), здесь под него подкопались, собираясь *сливать* его детище – «Институт Маркса и Энгельса» – с Коммунистической Академией. Грызутся гады! И даже Деборин, говорят, продал Рязанова, высказался за этот проект.

*

Фольклор. В Кремле все играют в карты по-разному: Рыков в пьяницы, Крупская в акульку, Сталин в короли, Калинин в подкидного дурака.

*

Большой фурор произвели англичане своим появлением в Большом Театре на «Коньке Горбунке». Полсотни людей, вполне прилично умеющих держать себя, одетых в вечерний костюм и чистое белье, – явление столь непривычное, что публика ходила за ними толпами.

На улице их тоже видно сразу. Идут прямо, голову держат по-человечески, нет робких, шмыгающих глаз, говорят про себя, сдержанно, а чаще молчат. Ходят они все больше парами.

Готовили для них переводчиков из молодежи. Но когда этой молодежи стали рассказывать, чего говорить нельзя, в чем надо не признаваться, о чем делать вид, что не понимаешь, – то большинство сбежало, хотя вознаграждение предполагалось приличное.

*

Когда же кончится эта фальшивая «установка», как теперь говорят, т. е. установка на «классовую борьбу», которая *немедленно* «переключается» на классовую *вражду*, с соответственно обязательными выводами о ненависти к классовому врагу, о его «истреблении», о дозволенности для этого всяких средств.

Пока это будет признано движущим началом прошлого (история), и основой устроения будущего общества (политика), мы, очевидно, не войдем в человеческое общество.

И как будто можно, обобщая деяния отдельных лиц, даже групп, даже эпох, говорить об *исключительно* корыстной роли государства, церкви, властителей, духовенства, ученых, писателей, жителей прошлого. Все равно, как если бы признать *безусловными* злодеями всех радикальных деятелей только потому, что они радикальны. Этого нельзя

делать, несмотря на то, что выдвигая *исключительно* материальное начало, как основу всего и цель всего, они скорее давали бы повод обвинять их в узкой корыстности.

10 апр. По слухам, американцы, пораженные тем, что в одной Москве 70 000 лишенцев, т. е. граждан, подвергнутых *политической смерти*, как бы преступников, да еще лишенных хлеба, предложили учредить новую АРА для поддержки этих обреченных. Им, будто бы, отказано.

*

Приезжим английским предпринимателям т. Пятаков заявил, что для оживления торговли необходимо предварительное восстановление дипломатическ. отношений. Английская *консервативная* печать не без основания возражает: условия этого восстановления известны – признание долгов и прекращение пропаганды, следовательно, СССР может начать; далее, почему дипломатическое признание является «ясным и честным предварительным условием» для торговли с Англией, и не нужно для торговли с САСШ? (Наши все хвалятся, что торговля с Америкой развивается, но американцы и не думают *признавать* СССР). Указывают и на то, что *крупные* концессии Вольфа и Гарримана оказались неудачными и т. д.

Словом, мы надеемся на приход «рабочего» правительства в Англии.

*

Слухи о примирении Сталина с Рыковым *до урожая*, ввиду явно тяжелого сейчас момента.

*

Знаменитый «5-летний план» хозяйства будет предметом пропаганды, резолюций, докладов, всякого бума, но он *уже отменен*. Вместо него строится *двухлетний* план *практического* характера (?).

*

Натиск с займами на карманы граждан становится все развязнее и наглее.

*

Картинки современных школьных и иных нравов.

1. В бывшем Реформатском училище во время урока 13-летний мальчик, хорошо учившийся и со всеми ладивший, выйдя на середину класса, покончил с собою из револьвера.

Причина, говорят, семейная: отец расходится с матерью. Между тем всячески набросились на школу, нужно найти «угнетателей» мальчика. В результате, вероятно, разнесут школу.

2. В Хамрайоне [Хамовническом] отлично работала почтенная дошкольница, за усердие провозглашенная недавно «героем труда» (40 л. службы). Приставленная к ней на месячный стаж 22-летняя девица оказалась малопригодной, «распустила» свою группу. Чтобы дать ей возможность поправиться, дошкольница, не без протеста инспекции, выхлопотала ей еще месяц стажа (обычно это не полагается). Когда стажерке заявили о льготе для нее, она... разругалась на дошкольницу (затираете молодежь, заскорузлые педагоги и т. д.) и с бранью ушла, затем как-то ухитрилась так лечь под трамвай (или поезд), что ей отрезало *обе* руки, сама же она осталась здоровой! Дело. Дошкольницу выгнали за то, что она «затравила» (в месяц-то!) молодую учительницу и т. д. Говорят в утешение, что вступившиеся *судебные власти* подошли к делу иначе.

3. В Плехановском институте молодой парень, слушатель, убил из револьвера свою молодую жену, недавно родившую мальчика и ушедшую домой от нестерпимого характера своего супруга. Она тоже студентка. Он застрелился на месте.

На вопрос, обоих ли хоронить вместе, приходивший студент отозвался: «зачем? нет, – убийцу – того, уж ликвидировали» (sic!). Покойницу вскрывали на Девичьем, в клинике; оттуда перевезли опять в институт, с тем, чтобы из института снова нести – в Новодевичий монастырь, ныне почетное кладбище коммунистов (ее отец был партиец). У входа в институт, ободранного и грязного, сторож, засунув в дверь скалку, «не пущал» любопытствующих местных жителей. В зале института, с хорами, уставлен был помост с красным гробом, развешаны соответствующие «плакаты», галерку заняла «публика», кругом шныряли слушатели, иные с папиросой в зубах и портфелем под мышкой, перебегая из аудитории в лабораторию, подходили «заглянуть» и шли дальше. Произносились речи – главным образом о том, что она «стремилась к общественной работе и учебе» и вышла замуж за грубого человека, чтобы «его исправить», а он – такой-сякой и т. д., все в этом духе. После речи группа военных музыкантов (в шапках, иные отложив папироску) исполняет

несколько тактов «Вы жертвою пали...», словно заменяя «вечную память» христианского богослужения. Ни малейшего не только пиетета к покойнику, который ведь не может же никак отзываться на все это, но даже без малейшего чувства приличия совершаются эти нудные, ни для кого не нужные «гражданские панихиды». Дальше лучше: отхлопотав разрешение хоронить рядом с отцом, похоронная комиссия не сторговалась с могильщиками из-за неск. поленьев дров для отогревания земли, и те вырыли могилу – в стороне, где грунт был удобнее; так и схоронили *не* около отца. А венок (с лентами «от студентов») к концу церемонии просто исчез. Оказывается, он взят был из похоронного бюро *напрокат*. Ну, для чего же тогда было выставлять этот венок? Ведь это же «буржуазный предрассудок»? Получилось мещанство в сочетании с *жульничеством*.

*

Фольклор. Современные модные танцы: в СССР – сталинстон, в Европе фокстроцкий.

Завет Ильича о продвижении книжки в массы исполнен: массам раздали заборную книжку.

12 апр. Образец непослушания мест центру, из «Известий» от 12 апр. Выговор свой ВЦИК не посмел сопроводить требованием *возврата* церкви верующим. Можно себе представить, какое «помещение» местный горсовет предоставил под церковь.

В мелочах это неповиновение еще значительнее. Так, «орабоченные» домоуправления систематически не выполняют постановлений судов о *возврате* помещения лицам, из них изгнанным. Только *удержавший* помещение в руках может надеяться удержать его после судебного приговора и дальше.

13 апр. Напечатанная в «Известиях» «сокращенная» стенограмма речи Рыкова все же говорит о том, что *продовольственных затруднений* в этом году не избежать.

15 апр. В напечатанной вчера *сокращенной* стенограмме речи Рыкова несколько раз отчетливо сказано, что хлеба для прокормления всего населения у правительства нет; хорошо, если удастся снабдить хлебом городское и особенно рабочих; вообще «трудностей» предстоит еще много. Отдельные районы

сократили сев на 15% («индивидуальные» хозяйства), и эта убыль *не* возмещается даже развитием «гигантских» колхозов.

*

На собрании марксистских ученых институтов (у них был съезд) большинством голосов (или даже единогласно) провозглашено было, что единственно научное мировоззрение – диалектический материализм в трактовке именно Деборина (!!).

М. Н. Покровский украсил съезд новым афоризмом. Объявив никуда не годной буржуазную науку вообще, он с особой яростью обрушился на философию, объявив ее *паразитом* на теле науки. Когда пробовали смягчить эту квалификацию, он настойчиво ее повторил и усилил, сказав, что это *паразит, как вошь или клоп.* В газете эти слова – жирным шрифтом («Вечерняя Москва»).

19 апр. В газетах напечатан обмен мнений между приехавшими английскими промышленниками и председателем комиссии, с ними говорившим Пятаковым. Результаты кислые. Из слов англичан видно, что они не очень очарованы видимым; они, правда, обещают в Англии высказываться за желательность возобновления дипломатических сношений, но еще больше настаивают на необходимости уплаты долгов.

Уже уехавшая группа англичан с границы благодарила телеграммой за «организованную встречу», – не без иронии?

«Власти» с англичанами дела не имели, кроме одной встречи с Литвиновым, который сейчас распинается в Женеве за всеобщее разоружение. Как легко говорить, когда никакой ответственности за себя не чувствуешь! Точь-в-точь, как педагоги радикальные: «не нужно заставлять, ничего не требовать с учащихся».

*

В верхах все еще длится борьба. Рассказывают, что о небольшом подавленном под Батумом восстании Рыков узнал post factum. На выраженное им по этому поводу удивление, он получил будто дерзкий ответ Ягоды: «А вы нас запросили письменно».

*

Продукты понемногу исчезают. С мясом очень трудно. Картофеля в лавках нет. Мужички дерут за него изрядно: 9 р. за то, что стоило до войны менее рубля.

*

Информация у англичан, по-видимому, всесторонняя, ибо они, как утверждают, днем ходят по предприятиям, учреждениям, а вечером по знакомым. По всей вероятности, среди приезжих многие знали Москву раньше, а теперь имеют адреса по указанию зарубежных русских.

*

Ходят слухи, что англичане имеют право шифра и что их телеграфное сообщение нашими было-таки расшифровано: для нас доклад оказался неблагоприятен.

*

Редакционное примечание *искажает* весь смысл английской резолюции. По-видимому, она подчеркивает, что «при существующих условиях СССР не может 1) удовлетворить потребностей населения, 2) платить еще долг, – если не будет создано такое экономическое положение, когда *обе* эти потребности могут быть удовлетворены». Приговор резкий и суровый.

20 апр. Отовсюду сообщают о проявлениях антисемитизма. В Москве, в Замоскворечье отмечены даже разговоры о «ритуальном убийстве».

В рабочих кругах негодуют на то, что у евреев будет маца, а православным не дают муки на куличи.

*

В газете промелькнуло, что приехали в Москву и уже побывали в «Главконцесском» два немца – представители мирового калийного синдиката. У нас, судя по недавним изысканиям, огромные залежи калия, годного для удобрения.

Наши правители, по-видимому, продадут и это золотое дно, как они спустили уже леса, спускают нефть и т. д. И все только для того, чтобы продержаться у власти. Какая же разница между ними и другими «самодержцами» и «узурпаторами»? Рано или поздно они уйдут и оставят несчастную страну нищею, выброшенною из среды народов, проданную за дешевку, – и когда они уйдут, иностранцы сумеют отстоять свои дешево купленные в Советской России блага, и нашим ближайшим преемникам придется горько переживать полосу тяжкой экономической и моральной зависимости.

И кто тут будет хуже, англичанин или немец?

*

Всякий раз, когда возвращаешься мыслью к гражданской войне, положившей начало нынешнему нашему ничтожеству, неизменно приходишь к одному обобщению: если отбросить «идеологии», которыми прикрывались обе стороны – царь, великая Россия – власть советов, – то в сущности боролись из-за власти две до чрезвычайности накаленные друг против друга группы, обе изничтожавшие взаимных сторонников: белые (не вожди, а господа дворяне, сопутствовавшие войску) истязали массы, а красные – верхушку общества, сравнительно малочисленную. Отсюда, неизбежный результат – торжество тех, кто увлек за собой массы.

Теперь положение изменилось; массы накалены и смутно уже ощущают свое ослепление. Но кто же поможет? Власть *всякая* и *всегда* себя отстаивает во имя общего блага. Диоклетиан редкий.

23 апр. В официальных постановлениях правительства напечатано, что Арон Львович Шейнман (*без* квалификации «тов.») устраняется от должности замнаркомфина Союза, от должности председателя правления Госбанка (его имя стоит бессменно на всех червонцах) и от членства в СТО. – Говорят, что этот *старый большевик* (из банкирской семьи в Вильне, давно разошелся с родными) просто *остался за границей* вместе с женой. Иные хотят думать, что он – это из троцкизма. Так ли, нет ли, но по-видимому, соответствующее количество валюты он себе обеспечил, состоя так давно у финансового корабля СССР.

25 апр. Замечательный трюк: кое-где по Москве, малозаметно, расклеены небольшие листки, совсем похожие на обычные агитационные плакаты, а скорее на объявления о курсах машинописи. На этих листках по-русски и по-еврейски изложено: «еврейские антипасхальные дни». Далее скромные лозунги: «всякая религия – помощь контрреволюции»; «Религия служит только попам»; и наконец – объявлено, что в *четв., пятн* и *суб.* (еврейская Пасха!) будут устроены собеседования и доклады на антирелигиозные темы в нескольких местах, в *частности в помещении еврейского театра*, вечером, в 7 час. Итак, еврейские артисты в их праздник не вынуждены играть, а *христиан заставят играть* в ночь под Пасху!!

Может ли быть что-либо бестактнее этой новой еврейской выходки?!

*

Развитие хозяйства становится у нас анекдотом. Приложенное «социалистическое состязание с договором» (кто заключает? кто может ответить за него?) высоко комично. И таких договоров сейчас целая полоса.

Подтверждается, что Шейнман остался за границей, подал об этом очень резкое заявление послу Крестинскому через какого-то Пауля Леви (говорят, отрекшийся большевик немецкий), который *опубликовал* это заявление, и затем «вернул партбилет». Эффект изрядный. Говорят, однако, что Шейнман обещал не гадить большевикам.

Видный коммунист, спрошенный о Шейнмане, заметил: «ничего особенного; он нам не нужен, мы просто его выбросили; так мы выбросили и Троцкого». Для кого это говорится?

26 апр. Образец словоблудия, из речи Рыкова на XVI партконференции, которая открылась с большим запозданием и скоро закроется. Предварена она была жестокой дракой внутри, но снаружи поддерживается спокойствие, даже обсуждается пятилетний план, хотя он давно сдан в архив за полной невыполнимостью. Вот кусочек из Рыкова:

> В соответствии с этим резко возрастает продукция всего народного хозяйства – больше чем в два раза, в особенности продукция промышленности, увеличивающаяся на протяжении пятилетия свыше чем в два с половиной раза. Таким образом, пятилетний план намечает не просто рост производительных сил народного хозяйства, но рост в направлении превращения нашей страны из аграрно-индустриальной в *индустриально-аграрную.*

Из беседы с другим коммунистом, преподавателем обществоведения в техникумах. Он откровенно объяснил, что для торжества советской власти нельзя допустить материального возвышения мужика; нужно всякое такое улучшение имущественное пресекать немедленно под предлогом кулачества. Наоборот, обеднение деревни, *пролетаризация* ее приведет к возможности сверху насадить коллективизм, и с ним восторжествует советское начало. Итак: палками в рай ad majorem gloriam communismi!! чем это лучше деспотизма монархического?

Под шумок издается новый закон о религиозных обществах. Напуганные ростом всяких религиозных течений,

особенно сектантских, быстро занявших место обессиленной и разрушенной православной церкви, большевики решили, нарушая § 13 конституции, так обузить права верующих, чтобы не было возможности даже приватно давать детям или взрослым духовное образование, а пуще всего стремятся подорвать *основу христианства* — братское чувство, возможность *помочь* ближнему и материально. Вот на образец некоторые статьи:

17. Религиозным объединениям воспрещается: а) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; б) оказывать материальную поддержку своим членам; в) организовывать как специально детские, юношеские, женские, молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь.

19. Район деятельности служителей культа, религиозных проповедников, наставников и т. п. ограничивается местожительством членов обслуживаемого ими религиозного объединения и местонахождением соответствующего молитвенного помещения.

Допечатанная в газетах от 28 апр. часть указа урезывает право процессий, публичных проявлений (напр., в больницах умирающему можно давать причастие в обособленном помещении). Ничего не заметил про колокольный звон. Интересно, что в газете Temps уже от 11 апр. изложен этот закон с ударением на воспрещение всякой благотворительности на церковной почве.

*

Даже экономисты из марксовых поклонников и зашибающие изрядно социализмом недоуменно останавливаются перед «индустриализацией» сельского хозяйства по советскому рецепту, указывая, что с передачей всей почти работы в руки тракториста (т. е. городского рабочего-механика) крестьянские-то руки останутся незанятыми; что же они-то будут делать? Получат государственный паек (допустим, что урожайность будет сказочная) даром? Социальная проблема

останется неразрешенной. Или же эти массы, лишенные земли, скота, всякой связи с кровным делом, превращены будут в пролетариев, которых так или иначе впрягут в работу (но какую? где? если *всё* будет делаться комбинированно-механически), превратив их – в крепостных, что ли.

Непонятны и комбинации в газетах одновременно рядом двух разноречивых известий, как это сделано сегодня в «Известиях», относительно колхоза «Гигант» на юге. С одной стороны – полный успех; с другой стороны – полный провал.

3 мая. Нажим на религию сделан серьезный, полицейско-запретительный. Куличей не пекут не только в казенных, но и в частных булочных, где пытались было делать крендели из куличного теста. Пасх совсем нет, и творогу массам не продавали. По улицам *совсем не видно*, чтобы кто-либо нес пасхальные яства.

В театрах 4-го (в Страстную субботу) объявлены спектакли, начинающиеся в 10 ч. в. (во *всех* театрах). Кино объявили, что они *работают всю ночь*. Для кого это? Верующие не пойдут, а неверующим, казалось бы, не имеет смысла не спать ночь ни с того, ни с сего.

Очень грустно положение детей, которых приучают к лицемерию и умению лавировать. Маленькие ребятишки *допрашиваются* приезжающими в школы инспекторами, к какому празднику они готовятся, те шустро отвечают: «к 1 мая». *На репетиции* же этого допроса, подготовленного учительницей, смеясь хором говорят: «*конечно*, к 1 мая». А потом подходят к учительнице и заявляют: «мы знаем, как надо отвечать; дома у нас готовятся к Пасхе».

Необычайно жалкий вид имели маскарады уличные 2-го мая. Шел дождь, и вот от времени до времени по улицам с гиком проезжали грузовики, а на них еврейки, одетые бабами, школьницы и школьники, какие-то вихрастые и неуклюжие юноши, воображающие, что они похожи на становых и офицеров, только потому, что надели истлевшие военные мундиры с ошмыганными погонами.

В пасхальную ночь предположены карнавальные шествия с музыкой, переодеванием и т. п. Уверяют, что натиска на молящихся не будет. Другие опасаются бестактностей, какие делались года три назад и потом были осуждены властями, ныне, кажется, склонными к ним вернуться.

За границей 1-е мая, судя по газетам, везде муссировалось коммунистами, добившимися резких выступлений полиции с отдельными случаями даже увечий и убийства (в Берлине – 6-9 чел.).

*

В газетах даже у нас уже сообщают о новом политическом мотиве, приписываемом Польше, а на деле весьма распространенном на западе: пока Россия вооруженною рукой держит чужие страны – Кавказ, Ср. Азию, Украину – с чуждыми ей народами, военная опасность на востоке не устранена. За этим мотивом нетрудно видеть стремление ресчленить бывшую Россию, раз что она не идет в ногу с Европой, и расчленить на основе советского учения о самоопределении народностей. Почему, в самом деле, требовать ухода из Египта (ими высоко поднятого) и удерживать Украину, которой место в объединении с Галицией?

4 мая. В празднование Пасхи своеобразно вовлекаются с другого конца – массы, предполагаемые неверующими, или имеющие быть таковыми, или совсем уже одичавшие: их взманивают зрелищами. Сегодня все театры начинают в 10 ч. веч., чтобы задержать публику на часы заутрени; едва ли это целесообразно, ибо кто идет в театр, тот в церковь идти не собирался. Далее объявлено, что все 22 больших кино работают всю ночь, причем с 10 ч. цены стандартизированы (?), в иных (на окраинах) сеансы закрытые, т. е. не рассчитывая на посещаемость, просто билеты раздали по соотв. организациям. Танцы у нас не поощряются (гонения на танцульки!), но на сей раз сделано исключение: во всех фойе кино танцы всю ночь. Интересно, кто будет танцевать?

Хуже дело с детьми. Они с 10 ч. до 3-х будут задержаны в школе, где тоже будут танцевать (юноши, конечно, и пить, как всегда делается теперь); перед этим их будут развлекать «безбожными» лекциями общественники и биологи. Завтра, в Пасху, дети обязаны быть на занятиях (это после бессонной-то ночи!). Словом, измывательство ужасное. А каковы будут последствия? Они скажутся при наступлении реакции. К началу XX в. у нас, как никак, наступало некоторое царство внутренней свободы. Внешних понуждений уже становилось все меньше и меньше. От взрослых людей не требовали свидетельствовать о говении, в школах преподавание религии отмирало (как обязательный предмет), можно было выразить

свои взгляды почти свободно. Теперь, после нынешнего заявления, не уступающего эпохе Ник. I, а во многом ее превосходящего, реакция будет очень яркой: опять будут сажать в тюрьму за неснятие шапки перед иконой и т. п.

*

Из напечатанного сегодня обращения XVI партийной конференции к рабочим: найдено новое слово «социалистическое соревнование» – вот лекарство (сколько было таких слов: «электрификация», «военный коммунизм», «нэп», «смычка с деревней» и т. д.). «Соревнование и пятилетка неразрывно связаны между собой». «Наряду с агитационно-идейным воздействием и с репрессиями по отношению к бездельникам... могущественной силой подъема производительности труда является соревнование». «Трудовой героизм и самопожертвование трудящихся выражается также в добровольном повышении норм выработки». «Героические традиции прошлых лет сохранены и приумножены рабочим классом нашей страны... Принципы коммунистического отношения к труду все больше начинают внедряться в производство» (см. *газеты*: прогулы, пьянство, хулиганство по отношению к машинам, мастерам и специалистам, брак в невероятном количестве и т. п.).

13 мая. ГПУ будто бы циркулярно распорядилось преследовать анекдоты, задевающие советскую власть. И все же фольклор не унимается.

1. Мужик запряг осла и выехал извозчиком. Народ кругом дивится. Мужик: «тише, погодите, это выдвиженец, через две недели лошадью будет».

2. Успехи социалистического строительства так велики, что через пять лет у каждого гражданина будет своя авиэтка. *В воскресение* будет, напр., такой разговор: «Ты нынче что делаешь?» «Да вот, думаю, не слетать ли в Нижний, может удастся фунта два хлеба привезти»!

3. Жена приспособила безработного мужа дежурить в очереди, но там спутали, на какие купоны заборной книжки что дают. «Вернулся он у меня, *а ему яйца вырезали*».

Шутки-шутками, а и плохо же. Аресты снова участились. Сейчас, говорят, берут личных знакомых Троцкого. Подумаешь! На рынке *ничего* нет, ни мяса, ни овощей, особенно по понедельникам.

Слухи о «бунтах» в Смоленск. губ., в Пскове, т. е. мужики идут к разным исполкомам, требуя хлеба.

Среди служащих – чистка.

И вакханалия переездов. Только что слышал, как «перебрасывают» из бывшего здания [Пабалковского (?)] училища педагогич. техникум – в Сергиеву Лавру, откуда надо *увезти* библиотеку в 600 000 томов (куда?) и очистить музейные помещения. А зачем? Очистка московского помещения *не* вызвана определенной потребностью в здании.

15 мая. На западе уже поговаривают о том, что экономическая сила вещей заставит большевиков, растративших колоссальные средства на тщетную борьбу с европейским хозяйственным укладом, пойти на уступки. И характерно, что с оговорками и критиками, конечно, но наши газеты печатают о тамошних предположениях (см. «Известия» от 15 мая).

29 мая (?). Недостаток продовольствия сказывается все резче. С рынка припасы исчезли. Мяса нет. С усилиями его достают, становясь в очередь с раннего утра, да и получают, не все, по полкило. Карточек на мясо *не вводят*, ибо нечего было бы раздавать. Продажу *белого* хлеба по двойной цене для всех граждан прекратили, без карточек хлеба не купишь.

В «Коммунаре» (б. магаз. Елисеева) полки пустые. Ветчины нет и в помине. *Рыба иногда бывает*. Вм. белого хлеба запасаются печеньем, но его скоро не хватит, пожалуй, раз мука на рынке *75 коп. фунт*. Что это, уловка или в самом деле катастрофа? *Что произошло бы, если бы сейчас на нас напали*? А отовсюду это возможно: с Польшей кисло, и, говорят, Рыков очень резко бросал ей вызов в своей речи. Японцы решили «свободно» ловить рыбу в камчатских наших водах, не поладив с нашими властями на арендных условиях. В Сред. Азии, после отъезда Амануллы из Афганистана в Индию, к англичанам, делается что-то смутное и, возможно, угрожающее нашим владениям.

Мы же все «хвалимся» без конца, несмотря даже на цифры. Вот из речи Рыкова на Съезде («Известия», 25 мая 1929). Казалось бы, следовало волноваться, ибо *убыль* продукции на душу ужасающая. Мы же все время всячески доказываем, что при царизме мужик *недоедал* из-за небольшого, в сущности, вывоза; теперь же *нет* вывоза (нечего вывозить) и даже при

его отсутствии *явна нехватка*. С другой стороны, упадок урожайности угрожающе подчеркивает нецелесообразность состоявшегося упразднения крупных хозяйств. А мы, отдав помещичью землю крестьянам, теперь (как откровенно сказал Калинин в своей речи) принимаемся за *обратный процесс* – коллективизацию земель в колхозах и совхозах (последние, правда, пока на целине, не на поместьях), т. е., устанавливаем крепостное право с безземельными батраками.

Продукция зерновых хлебов на душу населения.

Годы:	Килограммы:
1913 г.	584,1
1926-27 г.	532,3
1927-28 г.	489,6
1928-29 г.	484,4

Уменьшение в последние годы валового сбора зерновых хлебов на Украине и Северном Кавказе было связано со стихийными бедствиями, но до настоящего времени есть еще такие районы, как Северный Кавказ и Поволжье, в которых посевная площадь недовосстановлена по сравнению с довоенной процентов на 15-20. К этому надо прибавить и то, что урожайность по ряду важнейших зерновых культур не достигла еще довоенной.

Ручательством же нашего быстрого хозяйственного подъема является новое «словечко», которому придают всерешающее значение:

Социалистическое соревнование, это – отнюдь не временная кампания, а метод, имеющий огромное принципиальное значение, требующий особых и менее всего бюрократических, подходов к организационному охвату и руководству этим движением; метод, который по мере роста культурности масс будет все прочнее входить в повседневную работу фабрики, предприятия и т. д.

Этим я ограничу отчетную часть своего доклада по промышленности и перейду к сельскому хозяйству.

Тот же казенный оптимизм в деле школы:

...До сих пор еще можно в средней школе, а иногда и в вузе встретить людей, которые не совсем грамотно пишут. Оборудование нашей школы ниже всякой критики, несмотря на то, что у нас введены новые методы обучения, лучшие в мире. Положение учителя точно также оставляет желать

много и много лучшего. Здесь нам предстоит огромный труд, так как от роста культуры, повторяю, в значительной степени зависит осуществление пятилетнего плана.

Оратор, по-видимому, даже не понимает юмористичности его утверждения про «методы», и уж конечно он жульничает, создавая у слушателей иллюзию, что «не совсем грамотно пишут в вузе» – по наследству от прежней школы.

Таковы же и все разговоры про то, что в нынешнюю пятилетку «в последний раз» принимается в расчет *водка*. Дальше количество выпускаемого вина будет сокращено для города на 70%, а для деревни на 10. Масса-то ведь деревенская, мужик на водку достанет, – а вот рабочего надо спасать.

И все эти речи провожаются аплодисментами, все решения по ним выносятся единогласно, а «прения» сводятся к выкликам: «да здравствует», с прибавкой колокольных рассуждений: «а вот у нас до сих пор быка нет», или: «зачем в вузах 30% наших классовых врагов»? Говорят все те же лица, круг небольшой. Досужие рисовальщики в каждом номере газеты зарисовывают фигуры законодателей (в утешение им, ибо это все не говорящие). Беру на образец оба портрета к ряду, из одного и того же № от суб., 25 мая, без подтасовки.

Мамед-Ораз Мали-Оглы, скотовод (Туркменистан), член ЦИК.

Михаил Дзюба, забойщик (Донбасс).

Натиск на высшую школу продолжается. Намечены к замене очень многие из старых и молодых почему-либо неугодных преподавателей. Т. наз. «аспиранты» (готовящаяся к профессуре молодежь) ходят, потирая руки: «мы их почистим»! Самих аспирантов и молодых из «красной профессуры», говорят, поделили на три группы: одних выпустят в столицах, других – в провинции, третьих, не выпустимых на кафедру, устроят в «производствах». Персонал, вообще говоря, мало подходящий, за редкими исключениями, ибо узость, ограниченность невероятная – в соединении с поразительным апломбом («то, чего мы не знаем, и не нужно знать»).

С другой стороны, все (начиная с пресловутого Покровского) говорят о продолжающемся «улучшении социального состава вузов» – именно о росте % рабочих среди слушателей.

*

И надо всем два ужасных вопроса:
1) избегнем ли голода?
2) обойдемся ли без войны?

*

На днях сообщено об открытии (когда?) нового «заговора» и о казни трех лиц (сидевших в тюрьме уже *ровно год*): Н. К. фон Мекка, крупного железнодорожника, наладившего советскому правительству транспорт (будто бы намеренно не так), старика за 70 лет, – инж. Величко, председателя ассоциации инженеров, и горного инж. Пальчинского, лет 45, выдвинувшегося при Керенском, очень, говорят, даровитого, но и определенно не скрывавшего своих убеждений. Некий проф. Коровин (кажется международник) доказывает «кустарность» русских ученых, которых он хотел бы видеть выполняющими по плану определенные научные задания социалистической науки (не буржуазной). Словом, дело свелось бы к надзору за тем, что дать печатать русским ученым за границей. Вот отрывки из этих соображений.

> Однако, именно эта научная масса создает пока еще лицо советской науки и отображает его в научной печати запада, не выходя, разумеется, из рамок привычной научно-индивидуалистической кустарщины. Иначе говоря, эта научная масса выносит на суд мировой науки не важнейшие достижения нашего культурного и *политического* опыта, не те вопросы, которыми болеет наше хозяйственное строительство и над разрешением которых оно бьется, но случайные темы – *случайный продукт* кабинетных раздумий и лабораторного творчества. Если *выступления* эти в громадном своем большинстве не приносят вреда советскому строительству, то в значительной своей части они все же остаются для него глубоко безразличными.
>
> ...А это значит в частности, что организованными усилиями советской науки и общественности (ВАРНИТСО, союз работников просвещения, ВОКС, НКпрос, НКИД и др.) должен быть поставлен предел нашей научной кустарщине и в первую очередь – в ее международных проявлениях. Речь идет не о какой-то цензуре для заграничных писаний советских ученых, но именно о планировании этих выступлений в заграничной печати по отдельным секторам нашего государственного строительства и по отдельным дисциплинам, с ними связанным. Иначе говоря, на определенный отрезок времени соответствующими научно-общественными

организациями должна быть проработана программа комплексных тем и вопросов, обсуждение которых и постановка на страницах заграничной печати представляют в данный момент наибольший интерес для СССР.

Газеты очень гневаются на бывшего латвийского посланника Озольса, который понакупил здесь художественных ценностей и, пользуясь дипломатической неприкосновенностью, вывез их в Латвию. Из этого частного случая видно, во сколько раз значительнее беспардонная распродажа нашего художественного достояния руками нынешних темных руководителей нашего «государства».

РИГА, 27 мая. (ТАСС). Орган латвийской социал-демократической партии «Социалдемократс» сообщает следующие подробности о деле Озольса: «В багаже, уже выданном Озольсу, имеются 76 килограммов картин без рам, целые коллекции икон разных размеров, украшенных драгоценными камнями, и большое количество бронзы, фарфора и мраморных вещей большой художественной ценности. Значительная часть вещей снабжена штампами из номеров и инициалов. Это свидетельствует о том, что вещи находились в музее, где они были, очевидно, зарегистрированы. Особенно богата коллекция старинных золотых монет, а также коллекция различных крестов, украшенных драгоценными камнями. В багаже имелись также очень дорогие золотые и платиновые браслеты и другие изделия. При вскрытии чемоданов, прибывших с дипломатическим багажом, в министерстве иностранных дел установлено, что содержимое их состоит, главным образом, из икон и картин старинных художников. На одном ящике, запечатанном дипломатической печатью, была сделана надпись «осторожно». В этом ящике оказалась икона – «лик чудотворца».

По мнению «Социалдемократс», некоторые картины и иконы могут быть проданы за границу по баснословным ценам.

«Социалдемократс» сообщает, что советское правительство вручило особую ноту латвийскому правительству в связи с торговой деятельностью Озольса в Москве.

На днях в издаваемом бывшим *австрийским* послом в СССР Полем *немецком* московском журнале был напечатан *тайный* договор Франции с Польшей от 1922 г., заключенный на 10 лет и имеющий в виду взаимную поддержку в случае провоцированного нападения со стороны соседа.

И вдруг конфузная поправка. Спрашивается: если Франция и Польша заключали союз в 1922 г., то как они могли говорить о «Советском Союзе», которого тогда *не было* и не предвиделось? Не говорит ли эта «корректурная ошибка» о возможности промаха – *сочинителя* этого договора?

ПОПРАВКА. Изв., 30 мая 1929 г.

Редакция «Москауер Рундшау» просит нас поместить следующее исправление: «В параграфе 10 текста франко-польской военной конвенции, напечатанной в «Москауер Рундшау» от 25 мая, вкралась корректурная ошибка – вместо выражения «Советский Союз» следует читать «Советская Россия». Аналогичное исправление следует сделать в тексте конвенции, перепечатанном в «Известиях» от 26 мая.

4 июня. «Чистка» партийная – «без копания в личной жизни» партийцев. Пожестче чистка *служебная*, для которой издан новый *закон*, по которому РКИ имеет право делать обязательные для всех государственных, кооперативных и обществ. учреждений *постановления*, устраняющие временно или *навсегда* тех или иных лиц от службы в определенной местности, определенной категории мест и даже от *службы вообще* в СССР на основании признания их *вредными для рабочего класса*.

Неслыханный размах!

Что же удивительного, если газетки заявляют о необходимости *не выбирать больше* тех или иных профессоров на их кафедры – под самыми разнообразными предлогами: про одного слышали, что он «нанимает такси к генерал-губернат. дому», про другого (Борисов в сел.-хоз. Акад.), что он поет в церкви и след. не может преподавать метеорологию по-марксистски. К удалению наметили проф. Плетнева, «помиловали», говорят, Шатерникова и Мартынова, грозят математику Егорову и т. д. и т. д.

Студенты иногда требуют: «избавьте нас от этого старого хлама». А верхушки советские кадят молодежи, приглашая ее следить тщательно за «уклоном» и за «методами» старых профессоров.

А «новые» ученые? Кое-кто из молодых половчее стараются приноровиться, но основная масса – все эти аспиранты, «красные» профессора и т. п., мало пригодны.

В аспирантском рассаднике, где будущие профессора с азов проходят латынь (впервые ими узнаваемую) и новые языки, есть люди лет по 30, с «невывихнутыми» мозгами, по выражению т. Покровского. У них возможен, напр., такой «стиль» разговора с преподавателем (передаю *буквально*): «Товарищ преподаватель, – обращается аспирант по совправу, – чего я вам скажу: оказывается, Мирабо-то был граф?» – Да, ну и что же? – «А я так считал, что он из буржуазии мелкой (результат современного политического образования), ну, думал, из врачей что ли, а он оказывается еще адвокат...» – Да, был адвокатом. – «Так что же Матиэс-то его *почем зря кроет*?» (sic!).

12 июня (?). В «Известиях» напечатаны длинные пояснения о недавно казненных вредителях. Почему-то вместо документов или допросов даны «беседы» с какими-то товарищами из тех ведомств, где служили убитые. Соображения крайне смутные. Выходит, что, напр., Пальчинский не занимался собственно ни золотыми, ни платиновыми делами, в расстройстве которых его обвиняют. Но он «почему-то был привлечен в качестве консультанта, хотя непосредств. отношения к делу платиновой промышленности не имел». Почему? Вывод: явно намеренно, чтобы вредить!

Про железнодорожных «вредителей» докладывал – редактор «Транспортной газеты» т. Сверчков; судя по газетному отчету, нельзя понять, в чем было вредительство, так общи, голословны, иногда противоречивы указания («стремились оттянуть приведение путей в такое состояние, которое позволяло бы пропуск тяжелых паровозов» – и – «намечали введение ненужных сверхмощных паровозов». Когда им указывали, что их распоряжения невыполнимы, они отвечали, что указывающие ничего не понимают, и угрожали «увольнением» ; – явное дело, провал жел.-дор. транспорта беспомощными «советскими» взваливают на тех, кто имел неосторожность пойти на ответственные места, забывая, что толку, все равно, не получится, а вину взвалят).

*

Идет усиленная «антирелигиозная» деятельность, бьющая гораздо дальше этой цели и направленная по существу к искоренению всего русского прошлого. Ломают церкви – зря, теперь снимают колокола с Ивана Великого, когда можно

было бы добыть той же меди из колоколов, не имеющих значения исторических памятников.

Во главе же культурных учреждений ставят заведомо непригодных людей, но достаточно грубых и – послушных.

В Историческом Музее выставку религиозного быта превращают в антирелигиозную; заведующий библиотекой портной Мильштейн говорит: «Зачем нам столько книг по *истории Франции*? Оставили бы одну, самую хорошую, и будет».

Удивительно ли, после этого, что «инспектор» выговаривает опытному педагогу за тему: «Горький – певец пролетариата». «Какой же он певец? Разве он поет? Ведь он же писатель, ну так и скажите – писатель». Словом, инспектор даже *записал* учительский грех в свою книжку и только ловкость учителя заставила его изменить позицию. Педагог сказал: «Значит вы не согласны с формулировкой т. Луначарского, это он так назвал Горького»! – «Инспектор» струхнул и *снял* свое замечание.

*

«5-летний план», доложенный Крыжановским, вызвал бурю восторгов, говорят, шумели и пели «Интернационал». По плану производительность через 5 лет поднимется на 107 (не 100, а именно 107!!) процентов, зараб. плата на 70%, потребление чая вырастет «вчетверо» (от почти нуля?) и – даже безработных как-то разместят, хотя тут план отделывается общими цифрами.

На деле *рационализация* должна *сократить* число нужных рабочих, а их станет больше, ибо деревня выбрасывает их миллионами, особенно грядущая пролетаризованная деревня да еще *тракторизованная*, т. е. не нуждающаяся в нынешних рабочих руках.

*

И доносы, доносы без конца. Всяк на всякого. Вслух и даже печатно. В газетах считают возможным находить место для таких, напр., важных фактов, что такой-то студент не только «поддерживает связь» со своим семейством, но даже «столуется» у своего отца – «попа» (см. «Вечерняя газета», 4 июня). И таких сообщений *ежедневно* сколько угодно.

*

И – «буйный» рост антисемитизма. Не говоря уже о постоянных «анекдотах», в житейском быту проявления самые яркие. На заводах, в школе (чего никогда не было прежде,

среди учащихся), среди комсомола – постоянно есть известия даже в газетах.

Недавно для антирелигиозных целей устроили в рабочем районе тир – целью сделали фигуры «попа, ксендза и раввина». В результате пришлось *снять* цель, ибо стреляли исключительно в раввина, и с такими присказками, что не поздоровилось.

*

Передают, что 1 мая, на параде, Ворошилов держал речь о том, что у нас трудящиеся свободно празднуют свой день и т. п., а вот в буржуазных странах – запреты, и м. б. в Берлине «сейчас проливается кровь рабочих» и т. п. (Вещание, недвусмысленно указывающее на то, откуда шла берлинская демонстрация). А потом появился на площади картонный бронированный крейсер с карикатурами канцлера Мюллера и других министров, Цергибеля, с фашистскими значками и т. п. Германский посол встал и ушел с эстрады в сопровождении чинов посольства. Пришлось глупо извиняться, и извинение это от нас было скрыто (у нас ведь нет тайной дипломатии), а соотв. № «Берлинер Тагеблат» был конфискован у нас, равно как конфискован был и другой, с большим фельетоном Шефера, где есть все, начиная с разбора пьесы «Клоп» и кончая школой и индустриализацией.

*

Аресты опять усилились. Указывают на связь с путейскими делами. Казнь трех, особенно Пальчинского, не перестает волновать публику.

*

По слухам торгпред в Греции вернул свой партбилет и остался за границей.

Под Москвой 6 июня произошел бунт – самосуд над охранником ГПУ, застрелившим безбилетного пассажира-рабочего. Официальная версия видит провокационный самосуд. «Слухи» говорят о расправе охранника с рабочим, вызвавшей прямой бунт с разгромом станции и зверским растерзанием охранника.

*

В жадных поисках вывозных статей дошли до... кошек. Цитата из газетной статьи на тему о разных «пушных» продуктах. Мы вывозим все, удовлетворяясь для себя собаками и кошками. Но и последние теперь пойдут на вывоз:

...Переработка шкурки кошки дает нам рентабельное меховое сырье на много миллионов рублей.

Образчик того, как далеко заходят «открытые» доносы. Отрывок взят из рецензии вечера памяти 130-летия рождения Пушкина (вечер 6 июня):

...Романсы на слова Пушкина очень хорошо исполнены были камерной певицей З. Л. Афанасьевой. Но певица вышла на эстраду... с крестом на шее. Если даже считать, что она не имела в виду продемонстрировать перед огромной аудиторией известного рода чувства, то все же остается неясным: что общего между атрибутами религиозности и стихами прославленного атеиста Пушкина.

Вл. Василенко.

Похороны «жертв трагического случая» на Гривне лишь 12-го, через 6 дней. «Подготовка» достигла своей цели, можно было из похорон сделать – манифестацию в пользу правительства и ГПУ. Такова, по крайней мере, официальная версия (см. «Изв.», от 13 июня).

*

Житейское. Есть такой «аспирант» по «совправу», из бывших народных учителей, человек лет за 30, очень стремящийся постигнуть всякие науки, но наивный, первобытный и малокультурный умственно. Своим профессорам он частенько выкладывает свои мысли, чувства, наблюдения. Он – коммунист.

То он начинает поучать своего руководителя (правда, не обществоведа, – но он наивно думает, что «историю» знают одни обществоведы), что в Америке только две партии – республиканская и демократическая; а когда руководитель делает невинный вид и спрашивает: «а коммунисты»? – тот, ничтоже сумняшеся, с ясным взором говорит буквально следующее: «Ну, какие там коммунисты, в Америке люди живут хорошо; коммунизм появляется ведь только там, где угнетение, беднота...». Говорит это – и никаких дальнейших выводов не делает.

А то вдруг такой казус:

«Я с крестьянами у себя в Н-ской губернии всегда жил дружно. Вот теперь приехал один приятель в Москву с жалобой к Калинину. Мы ведь вот-вот дошли было до хлебной порции в полфунта, однако партия велела нажать на крестьян, взяли еще 25% того, что взяли осенью. Мой приятель

не кулак, у него хозяйство крепкое. Их 13 душ, земли у них по 2 дес., всего 26 дес.; три коровы, две лошади, 20 овец. Сдали они 300 пуд. хлеба. Теперь осталось в обрез до нового хлеба. Приехал финагент. Давай еще 75 пуд. Крестьянин заартачился. У него свели лошадей, коров, овец, разорили вдребезги, нечем будет убирать хлеб. Я пойду за него хлопотать к Калинину, он всех принимает по таким делам, а я – партиец».

Дня через три – ходит мрачный. Досказывает: «Не принял, к нему с такими делами и не пускают. Секретарь же заявил, что дело самое законное. У них много земли, *должны были* дать еще 75 пуд. хлеба».

*

Русская дама, москвичка, имеющая здесь замужнюю дочь, приехала навестить ее из *Вильны*, куда сама уехала с мужем-поляком и двумя сыновьями-мальчиками лет 5 назад, т. к. измучили беспрестанные обыски и преследования мужа-поляка.

Рассказывает, что, въехав в Вильну с 200 долларов, сначала смутились, но «за страшно дорого» (10 руб. на довоенную расценку) достали квартиру в 4 ком. Муж-инженер устроился на жел. дороге, получает ок. 200 р. (там все сейчас же переводят на довоенные русские деньги), мальчики учатся, один – в классич. гимназии, другой в реальном. С польским языком справились. Впрочем, в гимназии есть даже преподаватели, преподающие *по-русски*; их, стариков, не заставили переучиваться. В городе есть синагоги, костелы и православные храмы. Прихожане русские уговорили духовенство перейти на новый стиль, все уладилось без принуждения и преследования. Всего более в Вильне евреев, есть литовцы, русские и поляки. Сожительствуют мирно... Ни о каких очередях не слыхали. Товаров – сколько угодно. Сюда взяли с собою кое-что, и все пришлось оставить дочери, до того она обнищала. Прежняя присылка в 15-20 долларов, дававшая 50-70 руб. при продаже их, теперь сведена на офиц. курс, ибо банки *не дают* долларов при реализации иностран. переводов. В довершение [неразб.] задерживают визу на выезд. Уехать она уедет – посольство вмешается, – но, пожалуй, дочери будут неприятности.

16 июня. Курьезная рецензия *Сергея Городецкого* на книжку, написанную любовницей, кажется, Сокольникова

и снабженную предисловием... Покровского. Рецензент очень одобряет книгу (полную ошибок, извращений и легковесную) и еще больше автора предисловия, который, по словам рецензента, написал «тонкий памфлет» на буржуазную историческую науку, доказав, что вся она, от Ранке и до наших дней, в сущности – «беллетристика» на вкус читателей буржуазного класса. – О «классовой» литературе теперешней рецензент не сказал бы, что она «на вкус» – хотя бы пролетариата!

*

Аресты продолжаются. Особенному разгрому подвергается путейское ведомство, где в связи с майским расстрелом трех уже повыслано и посажено ок. 250 чел., как уверяют. Снято с работы и заточено много инженеров с мест, с пути. Иных так отправляют на службу в места, куда никто не хочет ехать. Недоверие к верхушке выражается приглашением немецких рабочих, а для орошения Средней Азии «наняли» на два года даже крупного американца, Дэвиса. Вопрос: не является ли он одновременно и *контролером* со стороны американского капитала?

Семьи путейцев подвергаются и разграблению: у них отнимают имущество, а их высылают «минус шесть».

*

«Классовое государство» в средней школе удаляет детей интеллигенции после третьей неявки в класс без уважительной причины. Как заявлено было вслух на одном профсобрании: «пускай попляшут, жаловаться некому, Каменева-то нет».

*

В одном из высших технических «вузов» уже прозвучал на заседании новый термин: «приемные испытания по куриям». Суть: испытаемые делятся на две группы: для пролетариата и крестьян задания облегченные, для интеллигенции – посложнее. Мотивы: «им достались все блага – чистые квартиры, образованные родители; пусть расплачиваются».

22 июня. Нарком Луначарский телеграфно попросил задержать курьерский поезд в Петербурге, чтобы Розенель могла со спектакля попасть на вокзал и отбыть в Москву. Для параллелизма пришлось отложить и выезд курьерского поезда из Москвы. И все это было сделано.

Результат: когда сей скандальный поступок стал известен, «сановника» не тронули в правительственной газете, равно как не отозвался на это и ВЦИК. Зато в «партийном порядке» в «Правде» напечатали выговор «за задержание поезда без государств. надобности» т. Луначарским.

*

Люди будут со временем дивиться тому, как извращались шиворот навыворот все человеческие понятия в том своеобразном государственном укладе, какой приняла Россия при большевиках. Каждый день встречаешь подобные извращения.

1) «Изв.» 26 июня. Какой-то маленький писатель из выдвиженцев, Зозуля, пишет фельетон «Прохожие», где бесталанно и неярко пробует давать «характеристики» людей по внешнему виду. И вдруг – верное, чисто советское (разумеется, бесчеловечное – при постоянном указывании на благо человечества у коммунистов) отношение к «старикам», выраженное с оголтелым цинизмом.

Дополнением к отрывку этому могло бы служить напечатанное недели три назад, помнится, в «Комсомольской правде», где проводились мысли, что старикам поскорей бы исчезнуть, чтобы не служить укором молодежи – дать ей возможность, уже не считаясь ни с кем, строить жизнь по-своему.

2) Из той же газеты. Упреки по адресу «обнаруженных» в партии классовых врагов. Дается *лестная* характеристика «блестящего артиллер.-офицера империалистической войны, кавалера двух георгиевских крестов», – и он выкидывается, как по существу негодный, только за то, что *был* выдающимся человеком. Будь он из рабочих, или хотя бы из хулиганов, это бы ничего (речь идет о «чистке» партийной).

3) Беру самое *скромное* (28-6. 1929 «Изв».) газетное сообщение о «перевыборах» в высшей школе (в сущности, та же чистка); другие сообщения, особенно в «Рабочей Москве», «Комсомольской правде», «Вечерке», много резче. Одни профессора – очень старые, приемлются (если угодны); других за старость удаляют (правильно, если бы с сохранением содержания, уважением и без шельмования). Одни профессора принимают «всерьез» критику со стороны *студентов* и *рабочих*, другие резонно, в сущности, замечают, что критикующая инстанция некомпетентна. Часто доходит дело до *доносов*, всячески поощряемых, вплоть до вывешивания

на видных местах соответствующих плакатов с просьбой сообщать, даже без подписи, факты из деятельности профессоров.

Ну, можно было думать, чтобы *шпионство* и *донос* когда бы то ни было открыто признавались доблестью?

29 июня. Под шумок проходят всякие драконовы меры по адресу крестьянства. Местные власти получают огромные карательные функции против отдельных лиц, «уклоняющихся» от выполнения общих постановлений; дело, конечно, о выколачивании хлеба, пожалуй еще о «несброске» займов (сейчас всюду проводится кампания о непродаже займов до срока их выкупа правительством).

ДЕЙСТВИЯ И РАСПОРЯЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и совета народных комиссаров РСФСР о расширении прав местных советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов.

Идя навстречу многочисленным ходатайствам бедняцко-середняцких масс районов хлебного производства и в целях обуздания кулацко-спекулянтских элементов, Всероссийский Центральный Исп. Комитет и Сов. Нар. Комиссаров РСФСР постановляют:

1. Разрешить сельским советам в тех случаях, когда общим собранием граждан (сельским сходом) принято постановление о выполнении в порядке обязательства всем селом хлебозаготовительного плана и в связи с этим произведена раскладка задания между отдельными хозяйствами, налагать на отдельных хозяев, не выполняющих указанных решений и уклоняющихся от сдачи хлеба, штрафы в административном порядке в пределах до пятикратного размера стоимости подлежащего сдаче хлеба, с применением в случае необходимости продажи с торгов имущества соответствующих лиц.

2. При отказе от сдачи хлеба группами хозяйств и противодействии по проведению хлебозаготовительного плана возбуждать против указанных лиц уголовное преследование по части 3, ст. 61 уголовного кодекса РСФСР.

3. Из взыскиваемых в порядке настоящего постановления штрафных сумм, поступающих от продажи с торгов имущества, производится в обязательном порядке отчисление

25 проц. с обращением их в соответствующие фонды кооперирования и коллективизации деревенской бедноты данной местности.

Председатель Всеросс. Центр. Исп. Ком.

М. Калинин. etc.

Другое постановление.

...Изложить ст. 61 уголовного кодекса РСФСР в следующей редакции:

«61. Отказ от выполнения повинностей общегосударственных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение –

в первый раз –

штраф, налагаемый соответствующим органом власти, в пределах стоимости наложенного задания, повинности или работ;

во второй раз –

лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года;

те же действия, совершенные группой лиц по предварительному соглашению с оказанием активного сопротивления органам власти в проведении повинности, заданий или работ, –

лишение свободы на срок до двух лет с конфискацией всего или части имущества, с выселением из данной местности или без такового».

Председатель Всеросс. Центр. Исп. Ком.

М. Калинин. etc.

11 июля. Все идет по трафарету, заранее намеченному: в июне выплатили рассрочку по 2-му займу индустриализации; сегодня в «Вечерней газете» уже агитация за «3-ий заем», объявленный «детищем пятилетки»; уже «рабочие» в Питере сами «требуют» нового займа, выражают опасение, состоится ли он (на одном заводе описана сценка: рабочий колеблется, объявят ли заем-то; другой его убеждает: как же не объявить, когда мы потребуем?), подписываются вперед на 500, 400, 300 рублей. Помещаются «письма в редакцию» наборщицы, продавца из Тулы на тему: «как бы тут нам пригодился миллиард, и мы его дадим». Вчера же в «Известиях» опять доказывалась необходимость и выгодность займов, притом, если их не продавать преждевременно, хотя продавать и можно. «Материалисты» строят всю хозяйственную

политику – на энтузиазме, на жертвах, забывают вдруг как-то об «интересах» масс, ибо ведь смешно же думать, что отъятие у себя месячного, а потом двухмесячного заработка есть предприятие *выгодное*.

*

Тов. Вышинский (сегодня в «Известиях») уверяет, что профессорские перевыборы себя оправдали, хотя были допущены и промахи, среди них: не подумали о подготовке достаточного числа заместителей. За малым дело стало!!

Продолжается единственно успешная работа «пятилетки»: закрывают церкви. Уже разворотили верх колокольни Симонова монастыря.

*

Любопытно, что в Питере не сломали ни одной церкви и не сняли памятников, – только к Ал. III прибили «озорные» стихи Демьяна Бедного.

26 июля. Ломают колокольню «Благовещения» на Тверской.

Умер сидевший много месяцев в ГПУ Серг. Павл. Ордынский. Официальная версия гласит, что смерть последовала от грудной жабы в момент, когда объявили об освобождении. Труп выдали родственникам. Похороны были многолюдны. Какие-то велосипедисты усердно снимали процессию...

*

Китайцы отняли-таки Манчжурскую жел. дорогу, разогнав советских служащих. Мы – пацифисты поневоле – не ответили на вызов. Только перервали сообщение транзитное (не вмешается ли заинтересованная в торговле Европа?). Зато сейчас же расстреляли 16 «белогвардейцев» в Харбине, из которых некоторые, кажется, попались недавно, а другие, по-видимому, давно сидели по тюрьмам и пали обычной жертвой наших провалов во внешней политике. Да, трудно оккупировать чужую территорию, не опираясь на военную силу! Предложения о посредничестве нами отвергнуто: за ним, разумеется, кроется вмешательство в наши дела, и интернационализация дороги – не к нашей выгоде.

Зато китайские события дали повод создать шумиху около 3-го займа индустриализации, которого вдруг «потребовали» в разных местах «рабочие», размером в 750 мил., притом – на оборудование заводов и на *оборону* Союза. Новый мотив открыт!!

31 июля. Сломали Иверскую часовню у Воскресенских ворот. Сделали это с большой «обстановкой». Загородили с обеих сторон (из Китай-города и со стороны Тверской) обе проездных арки, остановив все движение, а сломали чуть ли не в одну ночь.

Прибавилось новое бессмысленное разрушение к другим, ранее содеянным: Красные Ворота (где *ничего* так и не сделали в смысле трамвайных путей, ради которых «спешили» ломать), церковь Трех Святителей там же, церковь Параскевы в Охотном и др. Теперь на очереди Кремль, где собираются, будто бы, сносить Чудов монастырь, а иные говорят – даже какой-то (!) из соборов.

*

Китайские дела смолкли. Никакого движения. Воевать китайцы, видимо, не собираются. А мы?

2 авг. Сносят «Благовещение» на Тверской; уже снесли ц. Ржевской Божьей Матери на Пречистенском бульваре; совсем решен вопрос о сносе Чудова монастыря в Кремле с соседними постройками, где будут возведены казармы.

*

Китайцы «путают» по-восточному. То предлагали поставить нового русского начальника дороги, то умалчивают об этом вовсе. Вообще, что там будет – не видно. Драться никто не собирается, а, по-видимому, дело кончится «международным» надзором за дорогой.

*

Англичане дали определенно понять нашему посланцу, явившемуся в Лондон для возобновления сношений, что о последних не может быть и речи до предварительного улажения некоторых вопросов.

*

Вчера устроен был большой «бум» с демонстрациями против возможной войны. Все подстрекательства к выпадам на ту же тему в Европе, кажется, ни к чему не привели: нигде что-то не стреляли и никого не убивали.

10 авг. Под лозунгом энтузиазма масс идет самое беззастенчивое принудительное распределение 3-го займа индустриализации; везде проводится отчисление месячного

заработка, т. ч. в течение года у многих вычитается $2^1/2$ мес. заработной платы (1 месяц 2-й заем, 1/2 месяца заем Моск. Совета, 1 месяц 3-й заем).

И все-таки успешно пройдет, по-видимому, лишь одна пятилетка – по разрушению церквей. На Пречистенском бульваре на месте снесенной церкви строится, кажется, жилищный кооператив. Так «понадобилось» место.

13 авг. Официально сообщается о назначении командующим особой *армии* на востоке тов. Блюхера. А в общем – по системе Троцкого в эпоху брестских переговоров: воевать не воюем и мира не заключаем. Слухи о «посредничестве» держав несколько смолкли. Но транзит, столь важный для всех (кроме русских, которых все равно не пускали), нарушен.

«Экономисты» наконец-то нашли формулу: индустриализация совершается за счет инфляции; а стремление остановить эту инфляцию в пределах ведет к выцеживанию всех средств из населения. Отсюда «3-й заем», принятый с таким «энтузиазмом», с каким все обещают наказать «зарвавшихся китайских империалистов».

А на западе нет-нет, да и напишут, что «уничтожение большевистского режима столь же необходимо для всего культурного мира, как и для народа, живущего в этом большевизме».

*

Скудость необычайная. Нет мыла (жиры вывезены за границу); нет яиц; мясо появляется все реже, и больше на окраинах. В большом магазине «Коммунар» (бывш. Елисеева) на Тверской – нет рыбы; стоит немножко икры, да кусок балыка, – нет ни севрюги, ни осетрины, ни даже семги. Исчезновение махорки объясняют отправкой сего зелья в армию(?). Цены на *новые* фрукты сразу вскочили, явно указывая, что старые цены держались только по инерции. Яблоки – 20-30 коп. штука, груши 30-50 коп. (штука!), арбуз мелкий и дрянной – 60 коп. фунт (прежде обычно 30 коп.).

А финансисты-талмудисты утешают себя тем, что *червонец* обеспечен и тверд, а вот бумажки – казначейские знаки, они и создают инфляцию.

18 авг. воскр. Слухи о столкновениях с китайцами будто бы на нашей территории.

Съезд пионеров в Москве («слет» под «слетовским» (sic) флагом), поэтому вечером тормоз в трамвайном движении. На днях во всех магазинах забрали сосиски, т. к. не хватило выделки МСПО на прокорм пионеров.

Не видал, но слышал, что уже сломали решетку у ц. Никиты Мученика на Басманной. Пятилетка по разгрому церквей – единственная успешная.

В соседней церкви, говорят, нет освещения за всенощной (завтра Спас), не то по требованию, не то по вмешательству в дело пионеров. Что это такое? Надо бы проверить.

24 авг. Газета *молчит* о Китае, как будто там ничего не происходит. Сообщают только, на второй странице, о проезде Блюхера через Читу, да об энтузиазме, с каким проходят митинги на заводах, где берутся образовывать отряды и т. п.

*

Из современной «научной» педагогики. – Года 4 назад у всех на устах был Дальтон-план. Его забыли, как многое другое. Теперь – тесты. Приехал в Яснополянскую школу ученый педагог проводить тест на сообразительность. Сделав строгое внушение, чтобы не смели спрашивать, не смели совещаться и т. д., дал им вопросы. «Мальчик Сережа идет в кооперативную лавку покупать в кредит товар; что же он должен захватить с собой»? Отвечали: «Рыдыкуль»; «денег, – чтобы не брать в кредит»; «хлеба, чтобы стоять в череду». Оказывается, по тесту, надо было отвечать: «расчетную книжку отца». Между тем в Ясной Поляне нет фабрики, нет найма, нет и никаких расчетных книжек. На другие вопросы ответы были столь же неожиданны (частью от непонимания детьми слов). Напр., на вопрос: «кто эксплуатирует труд»? отвечали: «советская власть».

Но и в «ключе» к тестам есть нелепости. Так, на вопрос: «чем питается чайка», там стоит ответ: «мышами».

26 авг. Окончился съезд («слет») пионеров. Организация, скопированная с бойскаутов и отчасти с чешских соколов, у нас носит очень своеобразный характер. В основе – власти «подлизываются» к этим ребячьим скопищам. Так, в газетах последних дней было напечатано о совместном заседании *коллегии Наркомпроса* с пионерскими председателями, причем последние сделали ряд замечаний о школе, признанных

высшим учреждением весьма ценными. А потом заседал ВСНХ с пионерами, – сам тов. Крыжановский вводил юных приверженцев Ленина в план пятилетки, и сказано, что в общем пионеры этот план одобрили, сделали ряд опять-таки ценных указаний по сельскому хозяйству, так что, по мнению оного члена ВСНХ (это тоже *напечатано* в газете), если бы «все наши руководители на местах обнаруживали такое *понимание* хозяйств. вопросов, как пионеры, то можно было бы ручаться за успешное осуществление намеченных задач» (привожу близко к тексту, – по смыслу).

*

А про Китай – молчание, если не считать сообщений о «зверствах», чинимых над советскими гражданами в Манчжурии.

Энтузиазм же среди армии (Особой Дальневосточной, под начальством Блюхера) так велик, что весь командный состав подписывает месячный заработок на заем индустриализации, а рядовые – двухмесячный (!!).

27 авг. Печатают о «расстрелах» советских граждан в Манчжурии – и молчат.

А какой-то Майзель в «Известиях» исчисляет новые статьи нашего экспорта и называет в числе экспортируемых товаров гранит и кирпич (!!). Хороший товар! И это при нашем кирпичном «голоде»!

31 авг. Нашей дипломатии (что значит безответственность перед родиной, потомством, историей!) положительно везет. Сегодня напечатано китайское предложение: начать переговоры о выкупе дороги, предварительно назначив с советской стороны *нового* управляющего дорогой и преподав русским служащим *не нарушать* условий прежних договоров. Мы вносим от себя поправки: зачем *нового* управл., но можно и нового, если и китайцы назначат другого; не нарушать условий прежних – пусть будет сказано *обеим* сторонам.

Победа *словесная* полная, ибо китайцы обратились, а не мы; мы опять можем указывать, что без оружия, без «империалистических» приемов добиваемся своего и т. д. Но суть, конечно, не в этом, а *в вопросе о выкупе.* Правда, Карахан тоже говорил об этом в недавней ноте своей, но, видимо, выкупу не верили. Теперь же, очевидно, произойдет

следующее: дорогу оценят, скажем, в 2-3 миллиарда, платежи выкупные рассрочат, деньги будут давать, скажем, американцы, но СССР их не получит, их под той или иной формой возьмут в погашение всяких долгов, а мы, для виду, получим 200-300 млн., правда, *валютой*, т. е., следовательно, опять передышку на полгода. Дорога же, строенная когда-то на займы Франции, оплатит эти займы в одной части и *уйдет от нас навсегда*. Еще одним звеном прошлого меньше, и еще одно ослабление России. Дорога, как таковая, конечно, китайская, да мы по ней и не ездили (при СССР), т.к. туда русских не пускают (за границу удерут!). Китайцы же и *международный* транспорт, несомненно, страдали с того момента, как СССР отказался пропускать насквозь европейские поезда. Опять – наше убожество, экономическая отсталость, отсутствие живой торговли – все это нам опять помогло. Мы ничего не теряем, а потому могли *швыряться* такой дорогой и всем этим транспортом, который нам ни к чему.

А дорога тю-тю!

Вероятно, у нас теперь будут доказывать, что и хорошо, – отделались от последних следов «империализма», а «свое» (деньги) – получим. Вот тут-то и закавыка: *ничего* не получим, или мало, а в скрытой форме уплатим часть своих долгов другим странам.

*

Положение с продуктами, особенно съестными, все хуже и хуже. Мы же строим новые «универмаги», где ничего, кроме магии, нет. Только вновь открытые магазины щеголяют товаром – первую неделю, а потом усыхают.

*

Чистят Академию Наук, где поразогнали многих из служебного персонала. С отчаяния придумывают новый календарь, копируя франц. революцию; глупо и бесцельно, ибо не в этом дело.

Только что «отпионерили», а завтра уже назначен «международный юношеский день».

*

Европа идет своими путями. Как ни каркали наши газеты о провале Гаагской конференции (по поводу замены плана Дауэса планом Юнга), эта конференция не провалилась. Стороны сторговались, и, что всего удивительней, Германия принесла новые «жертвы» – понятно, ибо провал

плана Юнга означал бы продолжение Дауэса, что много тяжелее), – в пользу Англии, которая, видимо, идет к своей прежней «изоляции» и решила не все же расплачиваться за других (как известно, одна Англия *полностью* платит свои военные долги).

Лейбористы, ведущие дело, приобрели всеобщую популярность, и Сноуден стал героем дня. Какое проявление солидарности классов (принципиальной!) вм. «классовой борьбы», считающейся у некоторых по сию пору незыблемой *основой* мировой истории.

5 сент. О китайском конфликте молчание. «Вожди» что-то совсем не выступают. Про Сталина говорят, что он уже объект лечебной психиатрии. Если это так, – новое подтверждение того, что озверение (а он, конечно, расстреливал) не проходит даром даже грубейшим натурам. – Кто же правительство? Обычно на это отвечают: ГПУ.

Газетки, распустившись, заняты самыми разнузданными выпадами. То травят писателя Пильняка, подводя его под высылку, то с наслаждением докладывают, как «чистили» служебный состав Академии Наук при благосклонном согласии Ольденбурга и Ферсмана, то вдруг требуют отмены колокольного звона, который в 6 ч. утра не дает покоя вернувшемуся со смены рабочему.

И рядом с этим – пятилетка, какие-то цифры колоссальных успехов – в будущем, с возможностью выполнить план не в 5, а в 4 года.

А тут же служащие в некоторых учреждениях с ужасом и тихой покорностью говорят о вычетах на 3-й заем, на Москзаем, на профсоюз, на МОПР, на ОСОАВИАХИМ, на трактор, на аэроплан и т. д. в размере 40% ежемесячного заработка – и это при колоссальной дороговизне!

А экономика? Себестоимость растет. Хлеб в «Гиганте» (образцовом грандиозном зерновом хозяйстве на юге) по себестоимости обходится чуть ли не в 5 руб. пуд. – Огромные запасы масла не идут за границу, ибо прошла эпизотия, не позволяющая иностранцам брать русский продукт. Перетопить его нельзя, ибо бациллы убиваются лишь при 120° (?). Особые совещания, с Семашкой, решают, пустить масло своим или не пускать, причем Семашко ставят на вид, что невыпуск масла причинит колоссальные убытки.

7 сент. Утром в 10 ч. длиннейшая очередь перед госиздатовской книжной лавкой: школьники дежурят, дожидаясь открытия магазина, нацеливаются на тетради. В газетах на днях сообщалось, что по разверстке приходится по 1 тетради в месяц на школьника в Московской губернии (или области?). Это в центре. Ну, а подальше?

Продуктов нет. Появившаяся на этих днях в «Коммунаре» «житомирская колбаса» (попросту – еврейская, из говядины, а не свинины, заделанная не в кишки, а просто чем-то облепленная) была вмиг расхватана. В магазинах – консервы, очень дорогие фрукты (груша маленькая 25 к. штука) и дорогая рыба (балык, семга).

Молоко хотят запретить ввозить в город крестьянам. У застав будут «скупать» огулом и «распределять» – преимущественно детям.

По сведениям с границы там за червонец дают 80 коп. Еще два года назад давали 6-7 руб. Золото (в вещах, по магазинам) стоит уже в 3-4 раза дороже, чем год назад.

А рядом с этим, – «кипучее» законодательство: издано постановление ВКП о «единоначалии», постановление, где как-то настаивают на единоначалии (все в руках директора фабрики), соединенном с бдительным контролем снизу. И все это сдобрено необычайным восхвалением небывалого расцвета нашей продукции. Сидит там какой-то наглец и смело валяет «по Щедрину», и всё всерьез.

*

Какая-то мрачность, охватившая в последнее время решительно все, не оставляет даже места шутке. «Фольклор» сжался. Лишь изредка отмечаются его проявления. Так, в связи с чисткой, рассказывают, что *чистят* теперь *всех* служащих под разными предлогами: приходящих на службу с опозданием в пять минут – за разгильдяйство; являющихся ровно в девять – за стремление вернуться к бюрократизму эпохи царизма; наконец, тех, кто на месте уже за пять минут до срока – за стремление скрыть свою классовую сущность проявлениями услужничества и подхалимства.

*

«Собеседования» с рабочими становятся все труднее. Среди трамвайных, напр., рабочих политические ораторы даже из «Известий» встречают определенные возражения. Оратор пытается доказать, в опровержение англичан, официальную

нашу версию, что партия и правительство у нас два дела разных. Встает рабочий и заявляет: «Ну, а если меня выдвигают низы, а я с.-р., примут меня в правительство»? Ответ смутившегося докладчика: «У тебя, тов., сразу видна связь с землею». Оратор сбивается и пытается отвлечь внимание темой о безработице и голоде в Англии вследствие отсутствия связи с СССР. Опять встает рабочий, другой, доказывая, что голоду и у нас сколько угодно, а в доказательство приводит факты: после артельного обеда трамвайных рабочих за ними под столом и со столов подбирают объедки безработные. Докладчик: у нас это единичные случаи, а ты их обобщаешь; в Англии, м. б., еще больше таких. В конце концов, оратору приходится уходить с замечанием: вы, товарищи, сегодня не так настроены (sic!), с вами трудно говорить.

14 сент. Хорошенький образчик самого беспардонного поощрения доносительства дают «Известия» от 11 сент.

И подумать, что на этом строится хозяйство страны. Принципиально поощряются беднейшие. В нашей стране, при ее относительном просторе, беднейшие – в массе ленивые лодыри, слабые пьяницы или негодяи. Их натравливают на трудящихся, которым, наоборот, не дают хода: вторая лошадь или третья корова превращают дельного мужика в «кулака», становящегося жертвой властей и бедноты.

Ведь если бы только сбросить нелепую нынешнюю хозяйственную систему, мы могли бы в несколько лет, даже платя международные старые долги, превратиться в цветущую страну – до того изголодались люди по работе, деловой жизни, порядку.

И чего ломаться, когда система явно обнаружила свою непригодность. И ведь это сознают и нынешние властители (не дураки и не фанатики из них). Недаром они, под шумок, все-таки скупили 20% долговых обязательств наших за границей, и недаром они ведут из года в год правильные *счета* наших заграничных долгов, вычисляя и все %%, явно готовясь к «признанию» долгов.

*

«*Идеологический*» фронт обстреливается очень сильно. Травят писателя Б. Пильняка за участие в зарубежной печати; травят Академию Наук (там так грубо расправились с сотрудниками и чиновниками, что даже уступчивый

С. Ф. Ольденбург не выдержал: по частным известиям, он подал в отставку); в «аспиранты» РАНИОН´а [Российск. Ассоциация н.-и. ин-тов обществ. наук] наприняли в этом году почти исключительно евреев (рабочих и крестьян нет, а интеллигенцию русскую отстранили за «поповское», «дворянское», «купеческое» и иное происхождение); школьников доходят не мытьем, так катаньем: *обязали* в некоторых школах *всех* малышей покупать «Пионерскую правду», ибо чтение ее обязательно, она объявлена учебником, материал которого изучается в классе.

*

Десять лет назад при жалобах на закрытие Кремля говорили, что правительство нуждается в спокойной работе; когда построят для него особое помещение, Кремль очистят. Сейчас на Болоте строится такое помещение, а тем временем – ломают в Кремле большой участок – Чудов монастырь с Воскресенским, и церковь арх. Михаила, и тамошнее кладбище, и пещеру Гермогена, – для постройки, как говорят, казармы или военной школы. При этом сначала созвали комиссию, которая высказалась за *сохранение* старины, а потом тут же начали ломать.

15 сент. Прочтение целого газетного № (да еще воскресного) всегда дает много всяких дикостей. Так, сегодня: «Из пятидесяти премьер нынешнего года – только две по своей тематике увязываются с пятилеткой» (т. е. с пятилетним планом реконструкции промышленности), – самым серьезным образом негодует в большой статье некий Р. Пикель, не без удовольствия докладывая дальше, что из репертуара исчезает совсем Булгаков, «талант (которого) столь же очевиден, как и социальная реакционность его творчества».

И дальше:

> «Однако, наиболее значительным сценическим произведением из отмеченных выше следует признать «Выстрел» Безыменского. Сюжет этой «комедии в стихах» чрезвычайно прост. Молодежная бригада трамвайного парка, руководимая группой энтузиастов партийцев и комсомольцев, несмотря на противодействие администрации и части партийного руководства, выпускает до срока из ремонта трамвайный вагон. Пьеса насыщена громадным социальным пафосом и беспощадным сатирическим обличением отрицательных персонажей».

Дальше – М. Горький, выступающий по поводу изничтожения Б. Пильняка со статьей, где рядом с верными мыслями неправильные (точнее – унижающие) выводы. Ну, хорошо хоть то, что он обращает внимание на дикую манеру возносить и затем тут же топить вознесенных. (Вспомнить бы Щедрина, у которого глуповцы при всякой оказии топят по Ивашке).

Главспирт предлагает для пополнения бюджета (доход от водки указан тут же: 1 миллиард рублей) увеличить выпуск водки на 5 миллионов ведер, и это после построения *пятилетки* на *уменьшении* выкурки. Мотивы: а) доход; б) борьба с самогоном. Возражают, однако.

Немцы обижены тем, что их обругали в советской печати за малое рвение в деле заступничества за советских граждан в Китае, и указывают на *вздорность* наших сообщений о трупах с отрубленными головами и т. п.

Ликвидирована контрреволюционная организация «Воскресение». См. приложение: «Изв.» 15 сент. 1929 г.

В Ленинграде ОГПУ открыла новых «вредителей». Уже слажено целое дело. На этот раз в Судострое (трест по постройке судов). Года три-два назад с похвальбой спускали разные лесовозы («Зиновьев», «Рыков» и др.), теперь оказалось, что они никуда не годны и обошлись нарочито дорого.

20 сент. На днях, в целях рационализации, из «Исторического Музея» удалено свыше 30 человек, среди них археолог Городцов, акад. Сперанский и ряд других. Сделано было так: при уходе со службы после занятий швейцар указал на вывешенный список с именами уволенных.

*

Музей 40-х годов, особняк Хомяковых, перестал быть музеем. Обстановку частью удалили, а помещение заняли под студенческие квартиры.

*

То же самое сделано с Остроуховским собранием иконописи и картин. Остроухов умер несколько месяцев назад. Теперь разрушили все дело его жизни.

*

В Кремле сносят монастыри. Могилы цариц и царевен вскрывали, искали ценностей. Оказалось, что погребения очень скромны, ведь большинство умирали в схиме. В одном погребении нашли венецианский стаканчик (куда выливали

остаток елея от соборования). Собираются останки отправить в подвал Архангельского собора.

*

Распродажа идет вовсю. На *валюту* продают охотнее, а самое ценное – только на валюту. «Валютный товар» массами идет за границу. Посольства превратились прямо в скупщиков.

*

Новые «вожди» развертываются вовсю. Молотов, на какой-то большой конференции (см. «Изв.» 19-20 сент.) нагло заявляет, что у нас *реальная* заработная плата повысилась в этом году на 2-3%, номинальная даже на 10. Он *замалчивает* займы принудительные и *лжет*, притворяясь, что деньги не пали в цене, а товары не возросли. Далее выпад против всей интеллигенции, которая не должна оставаться беспартийной, а обязана показать лицо: или с нами, или – против нас.

*

Другой «вождь», Ярославский, печатает (каким путем добытое??) письмо одного из троцкистов – Солнцева – к Раковскому. Письмо характерно: обычные талмудические построения, столь известные из приемов Ленина, Троцкого и др. теоретиков. Цинизм рекомендуемых приемов необычайный: обмануть, притвориться, выиграть время для наскока, не дать забежать другим, объегорить молодежь, которая поддается, а потом можно ее повернуть куда угодно. И всего курьезнее: Ярославский *нападает* на все эти столь хорошо всем нам известные по большевистской практике приемы.

*

И опять политическое дело: в Ленинграде ГПУ, как объявлено сегодня, опять открыло «шпионскую белогвардейскую организацию».

*

А иностранцы все смотрят, смотрят и даже пытаются сделать вид, что, осторожно ходя около этой помойки, можно, не запачкавшись, получить некоторую выгоду.

*

То, что было прежде средней школой, наполнилось теперь самой пестрой толпой, где многим вовсе не нужно такой школы, и потому школа снизилась.

25 сент. Интеллигентный еврей-урод (псевдоним Ю. Ларин) Лурье, от времени до времени поднимающий какую-то «кампанию», недавно провел еще одну, за «непрерывную неделю». После некоторых колебаний ее теперь осуществляют. Подкладка всего: для автора – умирающего желчевика-урода, плохо спящего по ночам, никакого отдыха не требуется, а шуму можно делать много; для *партии*: а) убивается физически воскресенье и все христианские праздники; б) разрушается семья, всякое целостное объединение людей в определенные традиционные дни; в) создается видимость напряженного труда (а этим «форсит» социалистический строй, хотя работают меньше и хуже, чем где-либо; г) наконец, получается возможность занять большее число безработных.

На практике вводится пятидневная неделя: за четырьмя днями работы идет первый день отдыха, *обязательный* для каждого (зато никаких длительных отдыхов по 2-3-4 дня не будет); но работа идет непрерывно, т. к. эти дни отдыха в каждом учреждении для всех не совпадают; 4/5 состава всегда на работе. Пока еще не разъяснено, сохранятся ли старые названия дней.

*

Мужиков опять взгрели: картошку они обязаны сдать всю по 6 коп. за кило (на рынке она 10 коп.); сено – по 15 коп. пуд (его продажная цена сейчас 40 коп.); наконец, даже в Моск. губ. (Таруса) мануфактуру дают только за хлеб, учитывая его по 1 р. 12 к. (!!) за пуд. Мужички воют, а ничего не поделаешь.

Коллективизация вводится усиленно. Т. наз. интеллигенция (агрономы, статистики и т. п.) работают усердно, осуществляя идеалы, столь недавно казавшиеся им чуждыми. И в мужике *опять* ненависть к «господам».

26 сент. Мужики скандалят. Под Подольском опять было какое-то «избиение» властей, в ответ на что «Вечерка» публикует несколько имен рабочих, называя их кулаками, и *выдает* при этом то, что в *свое время* скрывалось: именно, что один из этих рабочих, Буданов, публично заявил тогда Калинину, что «советскую власть надо по шапке».

*

Самопохвальба всюду идет страшная. А между тем, сев идет скверно, хлеба не поступает в требуемом количестве, на учет взят весь хлеб даже в Московском уезде.

Сегодня в газете претенциозные цифры, что мы, напр., на *строительство* затратили в этом году больше, чем американцы. Отсюда вывод: наш *темп* больше американского. Но не говорится *ни слова* о том, что у американцев все *обстроено*, у нас же – голое место.

*

Прилагаемый образчик привета Сталину (от маневрирующих войск) дышит преклонением, как перед монархом. Пышные слова – прикрытие *разложения*. («Изв.» 26 сент. 1929 г.).

*

Personalia. Разгромлен постепенно состав Наркомпроса. Удалили и Яковлеву-палача. Луначарского, говорят, вызывали в ЦК партии с требованием развода. Он отказался. А и во Францию его не принимают в послы из-за Розенели, дюже уж потаскуха.

С подобным же упреком обратился НК и к Семашке, который «оформил» свои отношения с певичкой Гольдиной, несмотря на протест жены, мирившейся со всем, только бы не скандал развода. Устоит ли этот пьяненький и глупенький земский врач из плохеньких?

9 окт. Очередной скандал. В Париж сбежал старший советник полпредства Беседовский. Газеты (наши) уверяют, что он растратился, что просто уголовщина, никакого «расхождения» политического нет. Но, по-видимому, были попытки задержать его на территории посольства, ибо он обманным образом призвал к себе на помощь французскую полицию, с нею и ушел, «высвободив» и семью.

*

Зато у нас *два* успеха, по крайней мере, видимых. Англичане обмениваются посольством с нами *до* переговоров (об условиях последних *ничего* не говорится); китайцы, запутываясь внутри, утрачивают устойчивость по отношению к нам.

*

Продовольствие ухудшается. Нет яиц, нет масла, нехватка в мясе; в помине нет муки нового размола (это в октябре-то!!). Мужиков напугали угрозой запрета привоза молока, а потом *сняли* предполагаемый запрет. Разультат: напуганные мужики «подписали» обязательство сдавать молоко на сливные

пункты, где его все-таки мало и оно прокисает; от этого в Москве дают его *только* по карточкам, притом *только детям*, и его не хватает. Одинокие бабы с молоком – на расхват, и, конечно, озорничают.

14 окт. В одной из замоскворецких школ старую учительницу сменила юная комсомолка, часто пропускающая уроки из-за «общественности» и быстро разладившая налаженное обучение. Между прочим, на вопрос о причине ухода Луначарского учительница дала такое объяснение: «он пил вино, много любил женщин, а его жена торговала бриллиантами». В таких словах донесла до дому слова своей учительницы 11-летняя девочка.

*

Фольклор. Иностранец, услыхав в лавке, что яйца выдают только на детей, удивленно изрек: «везде надо иметь яйца, чтобы получить детей, а у вас нужно иметь детей, чтобы получить яйца».

*

Выдачу молока сократили даже для детей. Они должны хотеть молока лишь 25 дней в месяц.

> СОКРАЩЕНИЕ ОТПУСКА МОЛОКА. СЕГОДНЯ, 12 октября, молоко по детским талонам распределяться не будет. В дальнейшем в связи с увеличением потребности в молоке рабочих, занятых на вредных производствах, молоко будет отпускаться только 25 дней в месяц.

Газеты удивительно пусты. Почти сплошь истерические выклики о наших успехах, чаще – о намеченных цифрах, о том, что будет; и слова сплошь сильные: обгоним, бурный рост, энтузиазм масс, фронт боев за индустриализацию, вести с фронта боев еженедельно и т. п.

*

А между прочим а Москве остановился на несколько дней проездом в Японию (это из Америки-то – через Москву!) сотрудник банковского дома Рокфеллера – м-р Ли.

*

Фольклор. «Безбожник» в деревне долго доказывал мужикам, что Бога нет. После доклада он пристает к слушателям, спрашивая, верно ли все так, как он объясняет. Один из мужичков прибегает тогда к сократическому методу.

«Ты видал, как лошадь серет?» – Видал. – «А какое у нее говно, видал?» – Видал. Потом спрашивает про человека и выясняет, что говно у лошади и человека разное. «А ты знаешь почему»? Безбожник не находится ответить. – «Так как же ты, сукин сын, в говне не разбираешься, а про Бога судить берешься».

*

Подробности про *Кремль*. Уверяют, что сломан лишь Воскресенский монастырь. Могилы цариц обшарены. Ценного, разумеется, ничего не нашли на погребении схимниц. Останки предлагали поместить у Спаса на Бору, но Петерс заявил, что он их выкинет, ибо пусть их кладут в Арханг. собор, где цари (а там и так теснота невероятная). Чудо Архангела Михаила будто бы не тронуто, равно и кладбище около него, и Чудов монастырь. Уверяют, что какой-то коммунист из военных инженеров, Зиновьев, относится очень заботливо к старине.

А строят все-таки грандиозное здание военного училища, создают *свою* охрану, почище царской. Потребовал этого будто бы Петерс, не ручаясь иначе за жизнь кремлевцев. По всему видно, что они и не собираются уходить из Кремля, и единственно, чего они боятся, – это народ, толпа, они трусят, из страха перед народным волнением. В новой казарме будет *театр на 3000 челов. ...*

*

Еще раз подтверждается, что Красные Ворота сломаны бесцельно. Это подвиг Енукидзе, в общем добродушного, но порою упрямого и всегда тупого кавказца.

15 окт. Выдержки из немецких газет, очень сдержанные и скромные, не оставляют сомнения в том, что на западе понимают отчаянное наше экономическое положение, приводящее, однако, и к огромному хозяйственному вреду самого запада. Наш «вывоз» уже квалифицируется как «демпинг». Так сегодня в «Известиях»:

> фактор, внушающий возрастающее беспокойство. Политика демпинга, которой, по словам газеты, держится советская экономика, должна когда-нибудь привести к тому, что германское хозяйство примет меры самозащиты.

Как образчик, указывают, напр., на *спички, фрукты*, на сыр, который обходится *себе* в 80 р. бумажных (на Кавказе), а продается за границу за 14 р. *золотом*.

*

И рядом с этим какая-то рука *внутри* ведет линию упрямого *уничтожения* культурных сил, работы, *принижения* всего до какого-то необычайно убогого уровня. См. «Известия», статья Шкловского (см. ниже)...

И выжимание доходов из населения принимает такой характер, что теряется всякий стимул к хозяйственной деятельности, люди опускают руки, работают равнодушно, все заработанное стараются грубо пропить и проесть, не вкладывают ничего в вещи, книги, стараются «не обзаводиться». Лишь пролетарии проявляют в самой мещанской форме принцип домовитости: покупают кровать с никелевыми шишками, занавески с бахромой на окна и, непременно, шкаф с зеркалом. И потом переполняют свою комнату... жильцами до невозможности, и все от жадности, ибо человеческого житья они не понимают. Переполнение домов получило потрясающ. характер. Комнаты переполнены копошащимися детьми и коечными жильцами.

*

Город выкачали. Теперь дошла очередь до мужика. Хлебом, скотом, картофелем его уже обобрали. Надо еще выкачать мнимые его «сбережения». Наваливается новая «кампания» по извлечению денег на заем. См. «Изв.» 15 окт.:

> Трудности, имеющиеся на этом пути, видны хотя бы из того, что нам ни в какой мере не удается *охват* крестьянских накоплений в такой мере, как удается охватить денежные накопления городского населения. Так, при выполнении контрольных цифр по госзайму выполнено *больше чем на 100 проц.* по организованному городскому населению, в деревне планы выполнены пока лишь примерно на *20-25 проц.*, к тому же при *сильной сброске.* При этом дело не только в организационных дефектах, не только в том, что в деревне мы не имеем тех организационных *рычагов* для продвижения займа в глубь населения, которыми мы располагаем...

> Мыслить специалиста, как некое чужеродное тело, мы не можем. Нам нужен специалист, который идет в ногу с пролетариатом, а не сбивается с этого пути, пытаясь всякими теоретическими выкладками, которым с научной точки зрения грош цена, повернуть нас от того пути, который дает нам генеральная линия ленинского ЦК. С такими «специалистами» нам, очевидно, не по пути, и их должна будет выявить чистка. Но выявив их, чистка должна будет указать

те пути, по которым должна пойти реконструкция нашего госаппарата, для того, чтобы в дальнейшем в процессе работы мы имели возможность в порядке систематического контроля выявить все те извращения, которые аппаратом допускаются.

Г. ШКЛОВСКИЙ.

17 окт. Удивительная по наглой развязности статья в «Правде», «опровергающая» немецкие газеты, которые писали о «демпинге» нашей нынешней внешней торговли и об отсутствии в СССР общественного мнения. Второе «опровергается» обычными ссылками, что у нас нет «свободы» для буржуазной печати, но мы ее не хотим. Тема же о демпинге в торговле трактуется с неслыханной наглостью: для СССР не обязательны мировые цены, которые устанавливаются монополистами капитала; мы же со своей «плановой политикой» хозяйственно так сильны и самостоятельны, что можем ставить на первый план интересы бедного потребителя. (Жаль, что не объяснено, какого: *немецкого, английского*? и не сказано ничего о *русском* потребителе).

22. окт. Мелким шрифтом в отделе «Хроника» печатается известие о целой контрреволюционной организации с 5-ю смертными казнями и неисчислимыми тюремными заключениями! Душно и сперто все.

«Изв.» 22 окт. 1929 г. ОГПУ ЛИКВИДИРОВАНА КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ШПИОНСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ. Органами ОГПУ раскрыта и ликвидирована контрреволюционная, вредительская и шпионская организация в военной промышленности СССР. Организация ставила перед собой задачи путем вредительства и шпионажа ослабление обороноспособности СССР и содействие иностранным интервентам. Личный состав ее состоял в подавляющем большинстве из бывших высших чинов царской армии – бывших генералов и полковников. В связи с этим коллегией ОГПУ приговорены к расстрелу: Михайлов, Б. С. – бывш. генерал, дворянин; Высочанский, Н. Г. – бывш. генерал, дворянин; Дымман, В. Л. – бывш. генерал, дворянин; Деханов, В. Н. – бывш. генерал, дворянин; Шульга, Н. В. – бывш. генерал, порученец при бывш. великом князе Сергее Михайловиче. Приговор приведен в исполнение. Все остальные обвиняемые по указанному делу приговорены на разные сроки заключения в концентрационные лагеря. (ТАСС).

30 окт. Ежедневно смертные приговоры за вредительство (в Астрахани 17 приговоров), за убийство или покушение на убийство, иногда за убиение рабкоров, селькоров, хлебозаготовителей, которых, действительно, стали истреблять как-то стихийно. Обычно в первую голову присуждают «попа», затем «кулаков» и всяких «бывших» людей. Всюду глубокое брожение. Отнимают у крестьян все: хлеб, овес, картошку. За недоставку – конфискация имущества. Недаром «ВКП» расшифровывают теперь так: второе крепостное право.

Кроме того массовые аресты. Забирают мужиков десятками по деревням и куда-то угоняют; не то на работы, не то по тюрьмам. Хватают всех по указаниям, очевидно, заинтересованных лиц и групп. Цель, говорят, уничтожить сопротивление коллективизации.

Идут расстрелы и по «интеллигентной» линии. За генералами и офицерами – инженеры и химики. Аресты приняли неслыханные размеры. В последние дни слышишь об аресте мирнейших безразличных, а рядом – сочувствующих новшествам людей.

Какая-то склока и там. В ГПУ вдруг удалили Трилиссера, еврея, игравшего огромную роль первого заместителя председателя всей коллегии. На его место – другой, давно там же работающий еврей с полонизированной фамилией – Ягода. Наконец, вводится некто Мессинг, из латышей. Своя своих. Подписаны назначения Калининым и Енукидзе. А *кто же* назначает?

20 нояб. Газеты либо тускло-серые, либо наполнены гимнами в честь необычайного размаха нашего строительства. При этом перспективы наивно выдаются за *достижения*, в нетерпеливом желании видеть социалистический рай – закрываются глаза на все *сопутствующие* явления и на всю ужасающую окружающую действительность. Один восклицает в восторге:

> Царской России понадобилось 45 лет, чтобы увеличить бюджет на 3 миллиарда. В СССР такой прирост будет достигнут за только текущий год.
>
> Увеличение размера бюджета потребовало изыскания новых источников дохода. Эти ресурсы были найдены за счет снижения себестоимости, увеличения обложения частника, мобилизации ресурсов внутри обобществленного сектора и т. д. (Вырезка из «Известий», речь какого-то оратора из больших),

– забывая, что «бурный» рост бюджета вызван в значительной мере *падением* рубля (а он падает, как ни стараются стянуть *все* средства в казну), затем – разорением последних следов частного хозяйства (хотя тут же странным образом возлагается надежда на обложение частника), наконец – хищническим изъятием заработной платы из рук трудящихся («мобилизация ресурсов внутри обобществленного сектора», – у предприятий даже казенных отбирают все средства, не говоря о лицах – их донимают займами).

*

Типичным примером хозяйственной операции является «картофельная эпопея», которая сейчас на устах у всех.

Стремясь разрушить «зависимость» города от деревни и уничтожить самостоятельное хозяйственное значение крестьянства; желая не мытьем так катаньем заставить мужика бросить частное хозяйство и околхозиться; справедливо опасаясь, что предоставленный себе мужик в декабре и марте продаст свою картошку из запаса по рыночной конъюнктуре, которая *вскроет* катастрофическое падение рубля; – наше правительство удумало внезапно, к осени, отобрать у крестьян по фиксированной (конечно низкой) цене (осенью она всегда ниже, чем зимой, но ее и для осенней назначили низкой) по возможности *весь картофель* и заставить жителей *запастись* на всю зиму, продав эту картошку обывателю *с прибылью.* Идея коммерческая, но не предусмотрели, что негде складывать запаса общественно и еще меньше (при тесноте и застройке всех сараев) хранить картофель приватно. И пошли безобразия: у крестьян отобрали все, они воют; картофель под открытым небом портится; в «ударном» порядке его разгружают, навязывают насильно гражданам («добровольно», как займы); мешков не хватает – их собирают чрезвычайными мерами; за неимением подвалов завалили *ряд церквей,* выполняя попутно «пятилетку» борьбы с «религиозными» предрассудками. Добра сгубили невероятное количество. Мужика разорили вдребезги. Зато сделан шаг к социализму, и можно сбросить с себя упрек, когда к весне окажется нехватка в снабжении: говорили, запасайтесь картофелем с осени!!

А продуктов все меньше. Недостаток мяса пополняют так: под Москвой на каждую голову (корову) наложено по 1 п. мяса и по 2 курицы. Где хочешь бери, хоть покупай. Результат: куры, стоившие недавно до 3-х рублей, продаются в казенных

лавках по 1 р. 60 к. Но зато это *последние* куры, а яиц весной уже совсем не будет. Мужички с отчаяния прирезывают кур и организованно сбывают их в Москву. Приехавший рассказывает во дворе эпически спокойно, что его, как кулака (значит, все равно, – обреченного), деревня откомандовала в город распродать прирезанных кур и уток, что он и выполняет.

Хлеб продолжает быть скверным, в нем все – ячмень, овес, кукуруза – только не пшеничная мука. Власти уверяют, что они запасают «фонд»; иные уверяют, что хлеб увозят за границу.

*

Лжи не оберешься. На Кудринской площади над фонтаном сооружен к празднествам 7-8 ноября (и сейчас все стоит) павильон *МОПР'а* в виде тюрьмы, а на нем намалевана вверху статистическая таблица из *пятизначных* чисел, гласящая, что в первую четверть 1929 года международным капиталом

убито 86000 челов., сотен и единиц не помню, но *тысяч* 86
ранено 16000
посажено в тюрьмы 11000.

Прежде всего эта *градация* чисел: *убито* больше всего! Что это за статистика? Она стоит той, что на Красной площади изображает индустриализацию.

*

Куда девались «лозунги» революции *осенью* 1917 года! Тогда кричали и писали: «хлеба», «долой налоги!», «землю трудящимся!», «долой войну!», «свобода!».

Результаты: в земледельческой стране, ничего не вывозящей из зерна, на 12-й год революции дают по карточкам скверный хлеб и *только в городах*, а у деревни все отнимают (и даже, отобрав раз, являются за *вторым* сбором); налоги – ужасающие, и в виде прямых сборов, деньгами и натурой, и в виде *чудовищных* цен, взимаемых за неслыханно дрянную продукцию «государственных» фабрик и заводов; «земля» – да, крестьян взманивали выжигать усадьбы, уничтожать помещиков, инсценировать «народный гнев», а теперь *отнимают* эту и всю прежнюю землю у крестьян, и цинично называют это марксистской диалектикой (sive ленинизмом, – это как кому больше нравится), которая де позволяет переходить от одного принципа к прямо противоположному, чтобы идти к высшему; «война» – внешней нет, ибо мы *не можем* воевать, но

«оборона» разоряет страну, и уже сейчас китайские дела сказываются (уже начались сборы на «подарки» в армию, на «красный крест»); да и выходили ли мы из войны? Войска, как встарь, воюют с «унутренним» врагом, – и на сей раз этот враг едва ли не чаще всего – крестьянин и рабочий; «свобода!» – ну, кажется, можно не говорить.

*

С интеллигенцией дело обстоит совсем плохо. Профессура отмирает, либо изгоняется; подроста же нет. Специалистов по всем ведомствам «снимают» (заменяя «выдвиженцами»), либо, что еще хуже, *сажают*; наиболее частое обвинение – вредительство. Химиков сидит чуть ли не половина всего наличного количества их. ГПУ даже «торгует» химиками, т. е. за большие деньги отдает посаженных химиков в работу разным трестам и учреждениям, конечно, зорко досматривая, чтобы ученые не удрали; а не то ученых *отсылают* на работу в гиблые места на малом содержании (как арестованных). Есть даже такие, что работают в тюрьме, куда им доставляют книги и необходимые пособия. Одного из недавно *расстрелянных* генералов, говорят, даже взманили написать серьезную работу, пообещав ему за это жизнь.

Количество арестов за последнее время огромно. Хватают всяких людей, особенно много крестьян.

И расстреливают сильно. Бывает, что и коммунистов, «разложившихся».

*

Разгрому подвергается, наконец, и *Академия Наук*, под предлогом, что в ее учреждениях хранились, в тайне от правительства, документы, в разное время ей отдававшиеся на хранение разными лицами. Наличность таких документов никем не отрицается, но самое хранение, условия его, обстановка – все это истолковывается весьма злостно, и, по-видимому, многим не сдобровать. Газетная травля уже идет в сторону обвинения во «вредительстве» и «контрреволюции».

21 нояб. (?). В Англии лейбористы в лице мин. ин. дел Гендерсона все твердят, что, согласно предварительному договору, СССР отказывается от *всякой* пропаганды. Гендерсон говорит, что и *Коминтерн* сюда подходит, поскольку он субсидируется русским правительством. Наши газеты, до сих пор нагло печатавшие уверение, что Коминтерн не подконтролен правительству, сегодня (21 нояб.), в лице

«*Известий*», экивочно заявляют, что пора бы прекратить все эти разговоры, ибо мы ведь обещали, что поддерживаемые нами учреждения *не будут* вести агитации, и при этом *замалчивается* Коминтерн, он не упомянут, лазейка опять оставлена.

*

Скоро произойдет обмен послами. С нашей стороны едет сын аптекаря с Трубной площади, Бриллиант, ныне *Сокольников*; говорят, толковый; это он устроил керосиновую сделку с Америкой, где мы, скрыто, выплачиваем убытки американцам, пострадавшим от экспроприации бакинских промыслов; был он в *троцкистах*, за что отставлен из наркомфинов, – но это забыли пока.

Зато на очереди Рыков. Его уйдут не сегодня – завтра. Да и то, какой же это предсовнарком, про которого газетчики на улице кричат: «последнее предупреждение тов. Рыкову»!

Средина дек. Лишь 12 дек. становится зима. Долгое ее отсутствие вызвало шуточный вопрос, почему нет зимы? Оттого, что крестьянин не торжествует (Зима, крестьянин торжествуя...). Разорение в деревне полное. Хозяйство разрушено вконец. И все это ради торжества коллективизма, который *теперь* хотят уже осуществить много раньше конца пятилетки. Всякое нежелание войти в коллектив беспощадно карается. Недавно проезжий видел в Туле море мужицких голов на площади: то родственники провожали 500 крестьян, высылаемых на принудительные работы на север, там «срывают» лесозаготовки из-за дешевизны оплаты в невозможных условиях, (а экспорт леса – наша *первая* статья в бюджете). В других местах идут расстрелы, отъятие имущества, увод скота. Крестьяне с отчаяния режут скотину, а птицу, зарезав, передают по мирскому выбору (не трогательно ли) «кулаку», который везет ее на продажу в Москву. И здесь не редкость видеть во дворе, чаще всего в квартире либо у дворника (открыто нельзя – накроют), распродажу деревенской птицы. Много ее и в кооперативах, это последнее, что мы едим. Рыбы уже нет. Молочных продуктов нет давно. Колбасами, когда они появляются, очень часто отравливаются. Примером массового разорения могут служить немцы-колонисты, которые, через 150 лет пребывания в России (с Екатерины II), потянулись на запад; они проезжают через Германию и оттуда едут в Америку. Их вконец разорили. Землю и дома пришлось

бросить, за паспорт брали по 220 р. с души, за бедняков платили состоятельные (отработают в Америке!), денег увозить не позволили. Уезжают они тысячами. В интервью (Berliner Tageblatt) они объяснили, что доняло их насильственное вгоняние в коллект. хозяйство, циничное отношение к их хозяйств. гордости (они *гордились*, когда имели много скота), принудительное «осведомительство», которого требовали от должностных лиц, обязательное безбожие. Словом, как выразился один, «ни физически, ни духовно не давали жить».

*

О том давлении, которое идет всюду и о котором не знает мир, можно судить каждодневно по массе фактов, иногда сообщаемых в печати, иногда идущих из рассказов в публике.

1) Из газеты. Принимая приехавшего из Рима, из Аграрного института, японского гостя, явно очень «правого» уклона, проф. Калантай, известный сыровар, сказал, что он приветствует гостя, ибо «для науки нет политики». – Кто его *уполномочивал* сказать это? – тявкнула «Вечерка». Результат: председатель Главнауки тоже обрушился на несчастного сыровара, и его исключили из сельско-хоз. секции ВОКС'а (сношения с иностранными учеными).

2) В школе проводили подготовку к 7 ноября. Муштровали не только школьников, но и их родителей, для чего устроили особое собрание. Требовали проведения таких-то пунктов, а после 7-го собрали *анкету* со всех детей и послали ее в район (можно представить себе, как там *используют* анкету). *Пункты* были такие: имя родителей, кто они, чем занимаются, кем были в прошлом. – Чем отметили дома день 7-го ноября? Чем *обед* в этот день отличался от обычного? Какие сделаны подарки детям? Были ли в гостях и что говорили там в этот день? и т. п.

Сейчас в школах проходят тему: СССР – союз угнетенных прежде народов. Цель темы показать, что не было народа гнуснее русского, ибо он всегда всех угнетал, стремился к великодержавию и т. д. Пора его поставить на место, что теперь и делается.

3) В параллель к этому гнуснейшие фельетоны М. Горького («Изв.», 12-го и 13-го дек. статья «Ответ»). Когда Л. Толстой, более образованный и менее озлобленный, пускался в философию, получалось достаточно конфузно. А этот хам, не

преодолевший своего хамства, несмотря на все общение с культурными слоями, его баловавшими за талантливость, теперь изрыгает хулу на культуру всю до большевиков, на христианство, на русского «мужика», на интеллигенцию...

*

Полоса арестов, еще не закончившаяся, обогатилась бесконечными высылками после кратких порою допросов. Высылают в Соловки, в Нарым, в Архангельск.

Параллельно идут расстрелы. Расстреляли 12 чел. по астраханскому делу (самое большое обвинение – взятки). Расстреливают – «кулаков», т. е. зажиточных крестьян, если в деревне случится пожар или побьют чересчур паскудного корреспондента («селькора»), который волен *безответственно* писать все, что угодно.

И *унижение* человеческое, подчас добровольное, превзошло тацитовские размеры. Вчера какой-то инженер Кривицкий пишет письмо в редакцию, где просит *исправить* совершенную по отношению к нему ошибку (5 лет назад...). Он много претерпел *гонений*, над которыми теперь хохочет (sic!), а между тем его противники оказались ведь «вредителями», многие (называет поименно) расстреляны...

*

Систематически разрушают остатки церковных и религиозных начал. Собирают по дворам подписи с населения об уничтожении колоколов, якобы «раздражающих» жителей. Церкви завалили картофелем, а то и прямо разрушают. Подбираются уже к Путинкам на М. Дмитровке (единственный «шатровый» храм!) и к великолепному барочному храму на Маросейке. Образчик – под нарочитым заглавием известие из Рыбинска (синагоги крикливо выдвинуты).

СИНАГОГИ И ЦЕРКВИ – ПОД ХЛЕБНЫЕ СКЛАДЫ.

РЫБИНСК, 26 ноября (Роста). Около 20 тыс. трудящихся Рыбинска высказались за закрытие собора, синагоги и старообрядческой церкви. Президиум окружного исполкома, учитывая это требование трудящихся и прибытие в Рыбинск большого количества хлеба, постановил закрыть все эти три церкви и использовать их под хлебные амбары.

28 . 11. 1929.

*

Недавно созданы особые «рабочие бригады» для проверки действий фининспекции. Бригады устанавливают по документам прежних лет «недообложение» и «потачку» людям со средствами. И вот на этой почве несколько явлений.

1) Трое евреев в эпоху НЭП'а торговали заграничными тканями, и, в конце концов, проторговались. Их придушили налогами, разорили, отобрали у них все, и до 1927 года они все платили, пока не расплатились. Теперь, в 1929 г., им объявляют, что с них «недобрали» по 19 000 р. с каждого. Описали последнюю обстановку, увезли все платье (кроме одной смены белья), сняли с мужа и жены обруч. кольца, причем с жены не без физич. насилья, ибо кольцо за 20-летний брак вросло в палец.

2) Приезжает «бригада» в семью, где муж – сын когда-то богатого фабриканта, и под предлогом, что в семье *много драгоценностей* (sic!) отнимают все, вплоть до серег и колец, вплоть до 2 фунтов серебра [неразб.].

Правда, бригаду эту раскассировали, ибо обнаружилось, что она *не сдала* части отобранных вещей. Но основание для отнятия?

3) Налёту бригад подверглись лица, имеющие *открыто* большой заработок: проф. Плетнев, медик, акушер *Благоволин,* юрист Вормс (защитник немецких инженеров в процессе о «вредителях-шахтинцах»). Первому, у которого отняли валюту, картины, вещи, все, говорят, вернули. Надо надеяться, то же будет и по отношению к некоторым другим, как Кончаловский (лечит Кремль). Но возможность такого «изъятия» ценностей все же характерна.

Напрашивается даже мысль (она высказывается очень многими), что какая-то тайная рука вертит этими мероприятиями, направленными к созданию всеобщего недовольства, преследуя какую-то тайную *свою* цель. Какую? Иные думают, что предстоит резкий поворот, и кивают на Сталина, который сказал как-то, что пора перестать опираться на книгу, написанную 70 лет назад (подумайте, какое кощунство – покушение на самого Маркса!).

*

Из пикантных политических сплетен надо отметить одну. Говорят, что долгое пребывание Чичерина, который там не лежит, а передвигается свободно на глазах у Европы в Висбадене, вызывает уже на западе различные толки. Словом, у нас будто бы решили пригласить Чичерина хоть на

время в Москву, а он, будто бы, приезжать не желает. Будто бы поехала даже на запад комиссия «уговаривать его».

*

Последние сессии ЦИК´а СССР и перед этим ВЦИК´а РСФСР проходили под истерическими лозунгами: индустриализация, выполнение пятилетки в 4 года, т. е. к концу 1932 года, коллективизация сельского хозяйства (совершаемая будто бы при высоком энтузиазме крестьянства), электрификация в таких размерах, что лишь САСШ будут в 1932 г. стоять впереди нас по мощности электрич. энергии.

Разумеется, все решения и резолюции принимались единогласно. Только «Интернационала» на сей раз что-то не пели в большом количестве. Зато сделали *7-го члена* Союза в форме Таджикской республики.

Обгоним и перегоним! Поэтому, когда указывают на отсутствие калош, валенок и недостаток обуви, шутливо утешают себя: «босиком обгонять легче»!

*

С продовольствием положение ухудшается каждодневно.

16 дек. В утешение говорят, что три ближайших года будут в продовольственном отношении трудные, а потом...

Указывается, что много настроено и строится фабрик и заводов, и, следовательно, индустриализация будет осуществлена.

Но: фабрики строятся за счет голодания, отбирания у населения всего, общего морального одичания, упадка знаний, отнятия всяких стимулов к деятельности, истребления «племенной» интеллигенции и замены ее «дворовой».

Далее: сырье безбожно распродается на сторону. Хватит ли его к моменту «расцвета» индустриализации?

Наконец, «кадры» квалифицированных рабочих явно не удаются.

Я уж не говорю об озлобленности общей, о попытке *строить* на ненависти, на «классовой борьбе».

Преследования людей со средствами принимают характер какого-то «узаконенного» отобрания имущества. Идет, напр., погоня за ценностями. Под предлогом борьбы с религиозными предрассудками «низовые» организации рассылают циркуляры к «верующим рабочим», чтобы они уничтожали иконы и – сдавали обручальные кольца (куда? кому?), как

варварский предрассудок. Удивительно ли, что «рабочие бригады» *отбирают* кольца у квази-недоимщиков по налогу.

Гонения на лишенцев облекаются в форму поголовного истребления. В булочных духовенству *не продают черного хлеба*, а комиссариат внутренних дел разрабатывает закон о лишении лишенцев всякого крова.

ВЫСЕЛЕНИЕ НЕТРУДОВОГО ЭЛЕМЕНТА ИЗ МУНИЦИПАЛИЗИРОВАННЫХ ДОМОВ.

На заседании коллегии Наркомвнудела был заслушан доклад тов. Сорокина (ГУКХ) о выселении нетрудового элемента из муниципализированных домов.

Сообщив о ходе выселения, тов. Сорокин отметил, что практика применения закона о выселении показала полную его целесообразность. Масса трудящихся и в первую очередь рабочие и демобилизированные получили жилплощадь. Недостаток закона заключается в том, что им не полно охвачены все группы нетрудового элемента и совершенно не предусмотрено выселение лиц, лишенных избирательного голоса.

Коллегия признала необходимым разработать новый законопроект, который предусматривал бы выселение из муниципализированных и национализированных домов всех лишенцев без различия категорий. Выселение должно быть закончено к октябрю 1930 г.

(«Изв.», 15 дек. 1929 г.)

22 дек. Англичане в палате поднимают вопрос о «гонении на христианство» в СССР. Но ведь это «вмешательство в наши внутренние дела».

*

В Охотном появилась конина во всяком виде, даже в форме «фарша». Пока продают всем. Очевидно, подготовка к моменту, когда будут давать «по карточкам».

*

В Берлине у магазинов, продающих задешево (и в ущерб тамошним хозяевам) «избытки русских припасов», говорят, появились плакаты, указывающие, что эти излишки выхвачены изо рта голодающего русского населения. Все это «проделки» соц.-демократов.

*

Прием послов состоялся. 20-го Сокольников принят принцем Уэльским (почему не королем?), а вчера Калинин

принимал Овия. На картинке английский дипломат, в расшитом золотом мундирном фраке, словно барин разговаривает с дворней, – до того «простой» вид имеют Калинин, Енукидзе и какие-то еврейчики около них.

*

В огромном объявлении («Известия», 22 нояб.) от юмористической газеты «Чудак» напечатано en toutes lettres: «Лучше поздно, чем никогда», – сказала следственная комиссия Академии Наук, (когда) обнаружила кое-чего интересного[1] (sic!) в архивах Академии».

*

В том же № «Известий» в провинциальной корреспонденции сообщается, что какой-то местный правительственный агент Маслоцентра «смазал классовую линию», создав «четырехлошадных бедняков» и «однолошадных кулаков» (sic!).

28 дек. В этом году Рождество «отменено». 25-го по нов. ст. (хотя православные не считают его праздником) сделалось предметом неистовой антирелигиозной пропаганды (вплоть до призыва детям в *анкетах* указывать на то, верующие ли родители и праздновали ли Рождество), попутно проводят разрушение церквей, снятие колоколов (со ссылкой, м. проч., на Петра Великого); «*удушливые стенгазы*» разных учреждений полны *поименных* указаний на отдельных лиц, «попавшихся» в посещении церкви, участии в хоре и т.д. 25-е «по единодушному порыву» везде работали «*на индустриализацию*», а последующие анкеты должны указать, кто не работал и *почему*. Доносительство и подставление ножки достигло неслыханных, казалось бы, размеров.

Нет пределов и угодничеству, не без ядовитости отраженному в анекдоте:

«Захотели большевики уйти от власти; но нельзя же уйти так, надо иметь предлог. «Интервенцию» накликать не удалось. Решили устроить «бунт» и, чтобы поднять его, приказали *перепороть* всех, а сами заперлись в Кремле и ждут вестей от ГПУ. Но – тишина. «Не бунтуют?» – «Нет. Краснопресненский район перепороли, теперь хамовнические

[1] Газета «Вечерка» напечатала то же объявление, но от себя поправила: ... «обнаружила *кое-что* интересного» (!!!).

– стали в очередь». Вдруг шум. «А, наконец-то!» Оказывается: «Все шло хорошо, а тут из-за того, что явилось ЦЕКУБУ[1] и потребовало, чтобы ему пороться вне очереди, – ну, а другие не пропускают».

*

50-летний день рождения Сталина «отпразднован» бесчисленными приветствиями вождю (и даже «теоретику» ленинизма), перепечатанными в газетах. Вся страна превратилась в верноподданных (везде повторяется: «тебе, вождю», «тебе, стальному вождю»), не без оттенка институтской восторженности (почти все приветствующие шлют «пламенный привет», либо «горячий привет», либо «пламенный пролетарский», либо «пролетарский горячий»).

Один за другим летят последние интеллигентные «вожди». Сейчас добрались до Кржижановского, автора «пятилетки».

В газетах есть уже статьи вроде «*Сумерки университета*» («Известия»), где доказывается, что университет – пережиток, надо его раскассировать на производственные школы. Сильно раздувают сел.-хоз. академию, развертывая 13 факультетов.

*

В деревне стоит стон. Вместо единоличных хозяйств, обрадовавших было мужичков, вместо хуторов и отрубов – коллективизация, причем ее проводят без достаточного числа машин. Принуждаемые к ней крестьяне режут скот и птицу и входят в обобществленное хозяйство, сравнявшись в нищете. Идея коллективного машинного хозяйства, с повышенной техникой, улучшаемым урожаем, понижением ручного труда, увлекает многих, даже не во всем сочувствующих большевикам. Но принудительное осуществление, сопровождающееся разорением, ссылками, ненавистью и враждой (все же в XX веке люди не петровской эпохи!), надрывает самое идею, не говоря уже о том, что остаются неразрешенными жгучие вопросы: куда деваться массам свободных крестьянских рук, которые отрываются от привычного труда, при склонности заменить их рабочими-машинистами из города? что делать с детворой и ее запросами, когда *разрушена* всякая деревенская жизнь, а городской наладить нет средств и возможностей? Как-то не думают о том, что ведь не мы же

[1] Центральная комиссия улучшения быта ученых.

первые *додумались* до таких форм хозяйства (сельского), – однако, почему-то при всей «выгодности» их, не везде их применяют *так*; ведь вот в области промышленности давно применили новые формы, – следовательно, не в инертности же других народов тут все дело.

*

И насилия, насилия без конца. Пронеслись какие-то глухие слухи про попытку побега из Соловков и про расстрелы. Теперь говорят, что 14 (?) человек убежали при помощи иностранных судов, но зато свыше 30 челов. (все из дворянства) в отместку расстреляны. Конечно, никаких точных данных нет и не будет.[1]

30 дек. Ллойд-Джордж договорился до того, что признал Сталина действующим в смысле коренного преобразования хозяйства страны с энергией Петра Великого, – а газеты вчера этот отзыв перепечатали.

Итак, можно Петра считать Великим?

Но какая богатая страна: на протяжении 10 лет дает второго Петра Великого, ибо первым не раз объявлялся в недавние годы Ленин. Во всяком случае «нагремевшую» речь на съезде марксистов-хозяйственников о новых формах хозяйства составлял, как уверяют, очередной «гений», 35-летний т. Яковлев (оказывается, тоже еврей).

*

Некоторые черты эпохи Петра есть. Так, колокола снимают с церквей, хотя, казалось бы, в невоенное время легче добывать неисчерпанное наше сырье, чем *предметы* обращать в сырье.

Далее – мания приглашать иноземцев. Но при Петре не было русских, а сейчас своих специалистов расстреливают и держат в Соловках, а иноземцам платят бешеные деньги. В Баку средние американские инженеры получают по 1 200 долларов в месяц, притом 600 долл. выдают здесь *долларами* же, – сценка, сопровождающая выдачу, такова: американцу говорят, что ведь он, все равно, будет *продавать* доллары, продажей он может подвести русского покупщика; банк не может давать выше курса (1 р. 92 к.), – так вот таким-то (указываются фамилии) можно продать по курсу черной у, а в

[1] В «Архипелаге ГУЛаг» (т. 5, стр. 62) А. И. Солженицын сообщает, что 15. 10 - 29 было расстреляно приблизительно 300 человек. – *Ред.*

биржи, а она сейчас дает 5 р. 60 к. за доллар. Так, через агентов, правительство *само же* покупает доллары по повышенному курсу, признавая тем самым падение червонца.

*

Фольклор: обещают осуществить вскоре «заочное питание», как высшую форму социализма.

*

Один из способов закрытия церквей – «за недостатком верующих». Предлагают округе, желающей сохранить храм, собрать столько-то подписей, но на подписном листе ряд вопросов: фамилия, оклад, партийность, происхождение и т. д., поставленных так, что ответ на них лишит куска хлеба, ибо *на службе, ни на какой,* не допускают людей, открыто признающих себя верующими.

*

В Менделеевском училище на чистке партийных, при опросе одного студента, носящего форму чекиста, обнаружилось, что он пьет, и это было ему поставлено в укор, как партийцу. Но его все-таки оставили в партии, когда он парировал обвинение следующим образом: подняв руку, он произнес: «Вот этой рукой я пристрелил более 200 контрреволюционеров; скажите, можно ли при этом не пить»? Называют фамилию этого героя – Левашов. При чистке были, как водится, беспартийные.

*

Сообщение из *Дмитрова,* б. Московск. губ. Сначала там действовали фининспектора, которые произвели грандиозное переобложение, иногда не без корысти; одного такого фина осудили на 5 лет за присвоенную корову. Но затем приехали агенты ГПУ, заняли в городе несколько домов и произвели «изъятие» всякого имущества, платья, ценных вещей и т. д., уже *без* фининспекции и ее притязаний. Террор полный. Из города выехали в уезд.

1930 год

8 янв. Рождество большевикам удалось-таки сорвать *совершенно*, по крайней мере – внешне. Разрушение церквей, занятие их под картошку, превращение в клубы, снятие колоколов, изгнание из квартир священников, лишение их возможности покупать хлеб даже по повышенным ценам, давление на служащих («подписка» о закрытии церквей), вовлечение детей (дети приглашались в *анкетах* указывать, ходят ли они в церковь, и если ходят – добровольно или «по принуждению» родителей; дети приглашались *приносить* в школу иконы для публичного сожжения и т. д.), – все эти приемы завершились введением «непрерывки» и «пятидневки», чем сбито самое понятие о празднике и уничтожена возможность общения людей.

Наконец, по невежеству, увидя в *елке* религиозный институт, запретили продажу и устройство елок, а кстати, т. к. торговля вся почти насильственно сосредоточена в советской кооперации, устроили так, что к праздникам лавки были пусты, нельзя было достать ни пряников, ни сладостей, ни закусок, ни вина.

И вот, надо было видеть *русскую* толпу людей, ходивших по магазинам и порою довольно открыто возмущавшихся этим намеренным игнорированием интересов граждан. Тут-то и стало видно, что только *насилие* ничего не поделает. Внешнее торжество полное – ну, а внутри? Для вящего торжества вчера, в день Рождества, утром можно было видеть, как на Страстном монастыре молотком сколачивали какие-то остатки церковного облика колокольни; нынче втянули туда огромную решетку, вероятно для каких-либо озорных надписей или рекламы.

По провинции тоже дан лозунг. Отовсюду телеграфируют о дружных постановлениях закрыть церкви, снять колокола, сжигать иконы и т. п.

По Москве были маскарадные шествия («карнавалы») антирелигиозного характера. Не знаю, правда ли, что при этом пользовались предметами богослужебного культа.

За границей страшное возмущение по этому поводу. Но – это «внутреннее дело», вмешиваться нельзя. Это не то что Сакко и Ванцетти!

*

Люди, приехавшие из деревни, говорят, что крестьяне достаточно равнодушны к религиозным утеснениям (за исключением сектантов) и даже «охотно» идут в коллектив, уступив давлению и объясняя свое поведение так: «м. б., оно и лучше будет, продам все свое, войду в коллектив, там работы 8 час., хлеб давать будут, не все ли равно»? Власть старается только приостановить предварительную распродажу и «забой» (sic!) скота, доходящий до полного уничтожения всякой живности.

*

Раболепие, готовность забегать вперед, предать – все это достигло невероятных размеров и производит омерзительное впечатление. Тут нужен был бы Тацит. Примеров не оберешься. Газеты ежедневно приносят их массами.

Ныне обрушиваются, напр., на старый русский алфавит и готовы заменить его латинским, доказывая, что русский алфавит подлежит *уничтожению*, ибо им пользовался старый порядок для внедрения религии и т. д. Ну, а латинский алфавит? И легко ли будет только что приобщенную к грамоте многомиллионную массу *переучивать* по-новому? И так ли просто будет создавать знаки для сложных звуков, для всех наших ч, щ, ш? И станет ли изучение языка от этого легче?

Другие распластываются, чтобы показать финансовое усердие. Неловко говорить о 4-м займе индустриализации, так начинают кричать о займе коллективизации (!).

Третьи вдруг сорвались и лают на ЦЕКУБУ, которое, очевидно, мозолит глаза. Нельзя же допустить, чтобы части интеллигенции жилось *немножко* приличней. Алчно лязгают зубами, стремясь захватить добавочную площадь, попутно обливая помоями цекубистов, среди которых, действительно, много еще ученых и притом *прежних*, ибо новых-то ведь и нет!

*

Вернулся Чичерин. Говорят, «уговорили» его приехать из политических соображений, а то на западе уже поговаривали, что он не хочет возвращаться. Его приезд совпал с началом процесса *Беседовского* (не явившегося, конечно).

20 янв. Когда-нибудь потомки наши будут дивиться чудовищному варварству наших дней в СССР. Мир содрогался, когда во время *войны* распаленные враждою народы уничтожали города, а порою с особым садизмом и памятники старины (немцы – Лувен, Реймс). Что же сказать про правительство, которое спокойно, обдуманно, с затратой больших средств, стараясь придать *энтузиазм* и *праздничность* разрушению, уничтожает ценнейшие, никому не мешающие памятники? Кирпич, так добываемый, обходится втридорога даже при чудовищно вздутых ценах нынешнего производства. И то же творится всюду *от имени* рабочих, крестьян, «народа», «общественного мнения» и т. д. В Питере с *гордостью* пишут о «первосортной меди», которая получится... от монферрановских колоколов, снимаемых с Исаакия. Почему бы не добыть первосортное полотно из холстов картин XVIII в. или чудесную фарфоровую пыль из мейссенских статуэток?

*

Торжествующий Хам (увы, его в самом деле выпустили и поощряют порой под видом «выдвиженцев») заявляет себя решительнее. На днях в одном совещании о специалистах один партиец заявил: «нам не нужны специалисты, которые целиком и полностью не идут с рабочим классом; пусть они знают, что они будут биты не только исторически».

*

Ходят слухи, что в Академии приступлено уже к арестам. В частности, арестован будто бы историк Платонов, заведовавший библиотекой и Пушкинским домом.

«Известия», 19 января.

СНОС СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ

22 января в 9 часов утра, в Ленинской слободе организуется грандиозный субботник по сносу Симонова монастыря. В ночь на 22 часть стены и основание колокольни будут взорваны, затем кирпичи и камни будут разобраны и сложены. В СУББОТНИКЕ БУДЕТ УЧАСТВОВАТЬ СВЫШЕ 5 ТЫС. ЧЕЛОВЕК. Работа будет заснята на кино-фильм. По окончании субботника, в 2 часа дня, состоится митинг, на котором предполагается выступление членов правительства и партии. По случаю массового субботника райком ВКП(б) и райсовет Пролетарского района (Ленинской слободы) выпус-

кают однодневную газету в количестве 18 тыс. экз. под названием «За дворец пролетарской культуры».

НА МЕСТЕ ТЕРРИТОРИИ СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ ВЕСНОЙ 1930 Г. БУДЕТ ЗАЛОЖЕНА ПОСТРОЙКА ДВОРЦА ПРОЛЕТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ. Дворец будет готов через полтора года. СТОИМОСТЬ ЕГО БУДЕТ СВЫШЕ 5 МЛН. РУБ.

22 янв. Огромные полотнища поперек улиц: «*сбором утильсырья увеличим свой экспорт*». Государство решительно вступает в борьбу с мусорщиками. На улице слышен такой разговор. Некто, типом дворник, дружественно перекидывается с мешочником-мусорщиком. «Ну, что, не поймали тебя»? – «Нет, ушел». Явно, что осмотр бедняками мусорных ям возведен уже в «экономическую контрреволюцию».

Сегодня «мобилизированы» комсомольцы, домоуправления и еще кто-то – собирают утиль, т. е. бутылки, кастрюльки и т. п. И прежде было общество «пожертвуйте, что вам не нужно», собиравшее хлам и на него воспитавшее множество детей. Но, чтобы *государство* строило (в нормальное время!?) что-нибудь на отбросах – ?

Порою доходит до комизма. Примеры из жизни:

1) Школа собрала «утиль», наняла извозчика за 2 р. 50 к. и сдала утиль, получив за него 1 р. 60 коп. по расценке.

2) В «городе», где-то в Черкасском что ли переулке, принимают *обувную рвань* в каком угодно виде по 2 коп. (!) за кило!!!

Не напоминает ли это бюрократической переписки, с затратой бумаги, марок, писания, сургуча и т. д., для взыскания недоимки или недоуплаты в 2 коп.?

*

И еще одно, кажется, в истории еще небывалое явление. Бывало поголовное истребление завоеванных завоевателями; бывало предание *всех* в рабство; бывало положение крепостных, зависимых целыми миллионами, но и за ними оставались некоторые права. Впервые в Советском Союзе открыто *провозглашается* (см. особенно выступления Сталина) отступление от развития принципа постепенного приближения к *равноправию* и *принципиальное изничтожение целого класса общественного*, всех тех, кого угодно назвать кулаками, капиталистами и т. п. И притом их со всем их *родством*, восходящим и *нисходящим*.

Так, открыто отказывают их детям в возможности получать высшее образование и т. д.; отказывают им не только в политич. правах, но *в жилье*: им *не продают* продуктов (так с духовенством) и т. д. и т. д. Словом, 10-миллионная, примерно, масса людей обрекается изничтожению.

*

30 янв. С каждым днем все гуще. В печати уже пущена в оборот мысль о запрещении частной практики врачам. Ежедневно целыми страницами печатают о местных *крестьянских* постановлениях: *отнять* у кулаков инвентарь и имущество, а их *выселить*. Местами на этой почве убийства. В ответ – расстрелы группами, по 3-5 человек.

В Москве воспрещен колокольный звон. Провизии нет. В быв. магазине Елисеева пустуют даже яблочные стойки. Сегодня была зернистая *икра*, *миноги*, да отпускали по 1 лимону на покупателя.

В Европе – мы скандалим. Требуем выдачи Беседовского. В Париже судили брата наркома *Литвинова* (когда-то агент-распространитель «Искры», времен раннего Ленина) и еще двух евреев за мошенничество: они на *200 тыс. фунтов* надавали векселей – в сущности *настоящих*, ибо Литвинов имел *право* и *печать* для их выдачи. Присяжные оправдали их, ибо, видимо, хотят нам пакостить и *тоже* стали на «классовую» почву. С Америкой – кисло. В Англии – обвинение нас в пропаганде. Немцы возмущены тем, что мы жалуемся на *таможенные* трудности со стороны немцев при ввозе *наших* продуктов. Подумаешь, что мы открыли двери для других! «Пятилетка», по общему мнению, проваливается. – Вышинский (с университет. образованием) торжественно заявляет, что пролетариат не услышит больше в университете церковных слов ректор, декан, а вместо них – знакомое по фабрике: директор.

БЫВШИЕ МОНАСТЫРИ И ДВОРЦЫ ПОД КУЛЬТУРНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ.

СНК РСФСР предложил НКпросу и всем исполкомам проверить историческую ценность всех бывших дворцов и монастырей, чтобы выяснить возможность использования их помещений для учебных и социально-культурных целей. Эта работа должна проводиться с привлечением широких масс трудящихся через профессиональные и другие общественные организации.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН В МОСКВЕ ЗАПРЕЩЕН.

В ответ на массовые требования со стороны общественных и рабочих организаций о запрещении в Москве колокольного звона президиум Мособлисполкома и Моссовета запретил колокольный звон в церквах Москвы. Наблюдение за выполнением этого постановления возложено на административный отдел.

*

Недостаток самых необходимых продуктов (люди часами ждут, не появится ли какой-нибудь товар – сыр, мандарины, колбаса, лимоны или миноги, безразлично – и тут же, в густой очереди, разбирают все). На этой почве вспыхивают самые фантастические предположения, иные из которых, впрочем, близки к осуществлению. Говорят, что будут отобраны у частных лиц пишущие машинки (несчастные переписчицы в истерике), как уже отняли в большинстве зубоврачебные кресла; то говорят, что отберут рояли, ибо их не хватает для дарований из рабочего класса; наконец, толкуют об уничтожении денег и замене их какими-то бонами.

Действительность только поощряет подобный расцвет фантазии. Вчера напечатано чудовищное по своей «новизне» постановление ЦИК´а СССР о *полной конфискации*, по желанию местных властей, *всего имущества кулаков* с выселением их из пределов районов коллективизации. А т. к. последняя, по идее, должна захватить вскоре *всю страну*, то это равносильно *истреблению физическому* многих миллионов людей со всем их потомством. И тут же *этическое* добавление: конфискованное имущество кулаков вносится в колхозы *в качестве взноса бедняков и батраков*.

Как же после этого не поверить тому, что все *духовенство* предполагается *сплошь* выселить из Москвы, дабы затруднить ему приезд и совершение богослужения...

Зато устраиваются курьезные коммуны. Одна называется: «Шесть лет без Ильича», предполагая, очевидно, каждый год менять числовое слово в своем названии. Другая, в черноземном мужицком районе, зовет себя именем немецкой коммун. газеты: «Роте Фане».[1] В числе юридических новшеств – ссылка по суду, со всеми оттенками, какие были у прежнего «Положе-

[1] «Изв.», 1 февр. 1930 г.

КОММУНА ИМЕНИ «РОТЕ ФАНЕ».

Тамбов, 30 января. (Роста). Крупнейшее в округе село Мучкап полностью переходит в коммуну. Решено назвать коммуну именем «Роте Фане». В коммуну входят 10 тысяч человек.

ния об усиленной охране 1881 г.», которое, хоть и обновлялось ежегодно, все же считалось всегда мерой чрезвычайной, а потому временной.[1]

Газеты каждый день дают что-нибудь новенькое. Сегодня, 3-го, открыто говорится, что Восточный институт отныне «по существу комвуз», а готовит он разных агитаторов для стран востока – Индии, Японии, Турции и т. д.[2]

Наркомздрав открыто проповедует классовую медицину, т. е. лечение рабочих, а не других. На практике уже делаются выводы, и поговаривают *о запрещении врачам частной практики*, что достигается очень легко: аптеки не будут выполнять рецептов без особого штемпеля.

В Академии Наук «кричат» на весь мир о *единственном* правильном методе, диалектическом, обругивают религию и «всякий идеализм», издеваются над «буржуазной» наукой и провозглашают, что Ленин был *великим физиком*, правда, не по специальности, но тем не менее...

А вовне – скандал за скандалом. Если два дня молчат об Англии, то с Францией совсем неблагополучно. Там *оправдали* теплую компанию из брата Литвинова и др. Очевидно *векселя*, им выданные, извне были правильны, ибо он *имел право* их выдавать. Черт знает, что такое.

Наверное так же оправдают и берлинских червонцеподделывателей на том основании, что корысти у них быть не могло, ибо червонцы везде (кроме СССР) не более, как бутылочные ярлыки; и след., их подделка, вредная для СССР, является *политическим* актом, средством политической борьбы. Вероятно, обвиняемых для приличья просто вышлют из Германии.

---

[1] «Изв.», 2 февр. 1930 г.

ДЕЙСТВИЯ И РАСПОРЯЖЕНИЯ. Постановление Всеросс. Центр. Исп. Ком. и Сов. Народн. Комиссаров РСФСР о высылке и ссылке, применяемых по судебным приговорам.

Всеросс. Центр. Исп. Ком. и Сов. Нар. Ком. РСФСР постановляют:

1. Допускаются следующие виды высылки и ссылки по суду: а) высылка из места, где данное лицо проживает, с запрещением проживания в отдельных местностях или без этого; б) ссылка в определенную местность; в) ссылка в определенную местность в соединении с принудительными работами. ...

[2] «Изв.», 3 февр. 1930 г.

1. Московский Институт Востоковедения имени Н. Н. Нариманова является высшим востоковедным учебным заведением (по существу комвуз) и ставит перед собою задачу подготовить марксистские кадры практических и научных работников (в области экономической, дипломатической, общественно-культурной и языка) по всем странам зарубежного Востока. ...

9 февр. Вслед за парижским оправдательным приговором – берлинский. Немцы *оправдали* трех немцев, участников процесса о подделке червонцев, и *амнистировали* обвиняемых грузин. Газеты наши полны негодования и видят в приговоре акт «классовой ненависти», – подразумевая, вероятно, что мы у себя руководимся принципом классовой любви?

*

Все силы брошены на посевную кампанию, куда гонят партийцев и комсомольцев, рабочих и учителей, и просто всякую интеллигенцию. Глухие слухи говорят о том, что кое-где избивают и чуть ли не убивают апостолов. Газеты бьют тревогу о недовыполнении заданий, о головотяпстве, о снятии с работы ряда должностных лиц на местах, – и рядом ликующие о грядущем, наконец, и в деревне социализме под руководством класса-вожака, пролетариата. К этому ликованию всюду грозно уничтожающие ноты (и акты) по адресу кулака. Такова знаменитая речь Куйбышева («Известия», 5 февр.), такова сегодня статья Уншлихта, где заглавие – «Оборона», а суть – пропаганда социализма в деревне.

И в этих же газетах «гримасы» жизни. Сегодня, напр., распоряжение не *возвращать* паев кулакам, которых *выгоняют* из кооперации.[1] Или объявления с отречением от религии, с отречением детей от родителей.[2]

12 февр. Очевидно ad captandam benevolentiam Europae [чтобы получить благоволение Европы], или, лучше говоря, для

---

[1] «Изв.», 9 февр. 1930 г.

ПРЕКРАТИТЬ ВЫДАЧУ ПАЕВЫХ ВЗНОСОВ КУЛАКАМ И ЛИШЕНЦАМ.

Центросоюз отмечает, что при утверждении годовых отчетов потребительских обществ имеются случаи возврата паевых взносов кулакам и лишенцам. В связи с этим председатель Центросоюза т. Бадаев телеграфно предложил вчера всем органам потребкооперации принять решительные меры к прекращению выдачи паев кулакам и лишенцам.

[2] «Изв.», 9 февр. 1930 г.

От отца лишенца Утробина, А. В., я категорич. отказываюсь и живу самостоятельно своим трудом, с 1929 г. Л. А. Утробин.

. . . .

Я, б. свящ. слоб. Казацкой, Обоянск. Р-на, ЦЧО, Ф. В. Лукьянчиков, навсегда порвал с религией с января мес. с. г.

заметания следов, *снимаются* из состава учебных заведений при *ЦИК'е* все пропагандистские и готовящие агитаторов учебные заведения: Коммунистич. Универс. трудящихся Востока, китайский университет, Коммунист. Универ. Нацменьшинств Запада, – все они передаются: первые два – Обществу по изучению народов Востока, а третье – Обществу по изучению народов Запада! Можно будет официально говорить, что *не правительство* готовит агитаторов.

Неожиданно объявляется, что президиум МОСПС признал необходимым в виде пая на кооперацию взять по *месячному окладу* заработной платы, погашая его вычетами по 2% в месяц, – т. е., иначе говоря, на *пять лет* пайщик становится закабаленным в уплате вычетов. Как всегда, эта «признанная необходимой» мысль передается на «обсуждение» рабочих и служащих.

*

По слухам, в Рязанской губ. голод и сыпняк. То же сообщают из Астраханского района.

*

В утешение говорят, что ответственные большевики не спят ночей, поняв, куда они влезли. Но, утверждают они, выхода не было. Изъятие хлеба у крестьян показало, что в следующем году крестьяне *не дали бы* хлеба (недосевом прежде всего). Следовательно, надо было *взять* дело в правительственные руки принудительно, – отсюда коллективизация. Но и она обеспечивает в лучшем случае лишь *зерно*. Мяса, яиц, масла совершенно не будет. Их, в сущности, нет и сейчас. Месячную выдачу масла для детей начали 10-го февр., вм. 1-го, растит. масло *обещано* к 20-му. Мяса часто не дают вовсе. Пошла уже конина. Яиц давно нет. Детям выдаются, но тухлые часто. Молоко исчезло.

Но вопрос, получится ли и зерно-то.

*

И все, все – за границу. В реорганизованном Госторге есть даже отдел Антиквариат (рядом с Маслоэкспортом и Лесоэкспортом). Еще короткий срок, и у нас не останется т. наз. культурных ценностей.

Пример хозяйничанья: на Кавказе научные учреждения усиленно культивируют *рыбу* и достигли больших успехов в разведении сигов, форели и т. п. И что же? Самим учителям и понюхать не дают этой рыбы. Ее замораживают на месте

и везут – в Ленинград, по дороге перемораживая еще раз в Ростове. После нового морожения в Питере, рыбу, завернутую поштучно в пергамент, направляют в Германию, Францию и Англию. Чего стоит один провоз на 2 500 вер. жел.-дорожного пути? Хоть бы возили через Батум, но там нет холодильника.

*

В Европе – во Франции, в Германии, в Чехо-Словакии, отчасти и в Англии – острое нерасположение к нам. Показатель – оба приговора, в Париже и Берлине, по делам, связанным с векселями торгпредства и с подделкой червонцев. Мы негодуем. А тут и *китайцы* вывертываются, доказывая, что никаких уступок, кроме как по жел.-дор. делам, они в Харбине не делали.

*

Ipse dixit. [«Сам» сказал]. Сталин «ответил» на 10 вопросов, заданных свердловцами. Эти, конечно, из центра поставленные вопросы и по обдуманию освещенные ответы являются директивами. Смысл такой: обирание кулаков в деревне *пока* не значит, что будут обирать и в городе, ибо город был уже обобран, а кулаки – впервые. – И везде формула: *Партия* и *правительство* ставят себе задачей...

16 февр. В «Известиях» напечатано поразительное «интервью» «заместителя местоблюстителя патриаршего престола и его синода» группой (?) журналистов. Вопросы поставлены лукаво, ответы – на языке газетчиков, исполненные признания полной свободы религии у нас, вплоть до заявления, что даже церкви закрываются порою по постановлению самих верующих(!). И все это на посрамление европейцев и всякого западного духовенства, вплоть до папы, поднявшихся на защиту христианства.

Редкий документ! Вот по таким источникам писать позднее *историю.*

23 февр. За первым интервью последовало второе, данное тем же Сергием «группе иностранных корреспондентов». Все это напечатано. Вопросы похожи на то, о чем вежливо могли спросить иностранцы. Ответы – уклончивы, вплоть до извинения всего происходящего и до утверждения, что если некоторые церкви закрыты, то по желанию самих верующих. Опять тот же мотив!!

Разговоры об этих интервью (теперь ждут еще обещанного послания к пастве) очень большие. Одни утверждают, что никакой подписи не было, но иерархи должны молчать, дрожа за себя и за участь церкви. Другие подчеркивают, что Сергий (прежде архиепископ финляндский) был всегда чиновником и только. Он и тут делает политику. Утверждают, что за согласие на эту подпись отпустили 200 арестованных священников. Наконец, были и столкновения паствы со своими водителями. Рассказывают, что в Палашах верующие после всенощной имели крупный разговор с одним из подписавших – Питиримом. Во всяком случае, и здесь правительство, принципиально ни с чем не считающееся, добилось своего: получило чуть ли не благодарность за хорошее отношение к церкви и верующим.

Другая сенсация – займы. Несколько дней в газетах печатались «требования» рабочих слить все займы в один – «Пятилетка в четыре года», хранить облигации в организациях, не сбывать их и т. д. И правительство быстро решилось. Опрокидывая все свои обещания (займы на *много* лет, хождение их свободное, прием в уплату за налоги и т. п.), рискуя в корне подорвать всякую веру в свои кредитные операции, правительство остановило продажу займов, решило их объединить в один общий, развязало себе руки в смысле выпуска дальнейших облигаций в безграничном количестве. Займы уже сняты с котировки. Почуявшая недоброе публика хлынула в банки, и за два дня много было спущено займов. Вчера уже было поздно. Но публика сбывает теперь другие займы, берет деньги из сберегательных касс. Словно какой-то «вредитель» нарочно разваливает все.

А денег действительно нет, нечем платить рабочим и – колхозникам, которые ложатся новым огромным бременем на казну. Работают везде потрясающе скверно, и на фабриках, и в колхозах. Вывозить стало нечего. И, вопреки сталинскому обещанию не разорять всех горожан, опять поползли слухи о «неделе сундука», о всеобщем изъятии одежды (для продажи в пустых магазинах) и всяких ценностей – для пополнения казны и вывоза за границу.

Недурно было бы казне через своих агентов скупить займы по дешевке. Многие сейчас удовлетворились бы, получив % 20-25 за свои облигации.

Можно ждать всего.

28 февр. Еврейские раввины (минские) «от себя» написали письмо в редакцию, где говорят о непреследовании еврейской веры и евреев в СССР. Позиция их выгоднее, чем у православного духовенства, – они могут усиленно указывать на «гонения» при старом режиме, они честно могут говорить о том, что евреям лучше. И, думается, совершенно соответствует истине их утверждение, что *не было расстреляно ни одного раввина*. Да, это не то, что священники.

Сегодня и Рыков беседовал с иностранными корреспондентами, утверждая, что не знает случая расстрела священника «за веру» и что проповедь учения о непорочном зачатии и о превращении вина и хлеба в «кровь и тело» не подвергается преследованию у нас...

11 марта. За две недели краски сгустили еще. Сталин дал отбой: отбирание *коровы* признал перегибом и чрезмерным усердием коллективизаторов. Результат: коров стали отдавать, а с тем вместе начался массовый выход из колхозов, развал их; местами – угрозы коллективизаторов, принужденье мужиков к лесозаготовкам и т. п. В городе массами появились исчезнувшие было молочницы... С мест известия (устные) самые ужасные. Ничего не готово, орудий нет, хозяйство в полном разладе, скот перерезан, му́ки, переживаемые сотнями тысяч не только кулаков, не поддаются описанию. Какая-то злая рука замесила кашу – но остановка, сделанная в эти дни, опять *оттягивает* развязку.

Вовне – идет что-то похожее на мировое желание придушить советские эксперименты. Жмут экономикой – отказываются покупать наш вывоз, ссылаясь на то, что бросовые цены у нас применяются для подрыва общей экономики, что дешевый лес – результат «арестантского» труда наших ссыльных. В Париже суд налагает арест на торгпредство – по иску в 10 000 дол. к бывшему Добровольческому флоту, за который правительство наше, его получившее, не хочет отвечать и т. д., и т. д. Самое бесшабашное давление на умы, травля ученых, всюду находимое «вредительство» с печатанием в газетах подписанных (несомненно!), но страшных признаний во вредительстве, взяточничестве и т. д. Разгром Академии Наук, процесс украинских самостийников (акад. Ефремов и К°), процесс высших чинов магистратуры Узбекистана (официально обвиняемых в «разложении», на деле, говорят, повинных в национализме и желании

отделаться от центрального руководителя), надвигающийся голод, судорожно перебиваемый изредка выбрасываемыми на рынок маленькими партиями колбасы, рыбы, макарон, апельсинов и т. п. Невеселое житье.

На трамвайной площадке пара молодежи, он и она, служащие, разговаривающие о своей малограмотности и беспомощности в ученьи, тут же делятся новостями; спокойно, без всякого политического сознания, она рассказывает ему, как у них в учреждении неделю тому назад получено известие об отходе из колхоза 8% участников, а теперь – новые сведения: ушло 50%, причем мужики «ходили шествиями, носили белые флаги и кричали – долой колхозы, да здравствует советская власть».

Фольклор – частушка:

При моем характере –
Трудно мне на тракторе.

Galgenhumor. На юбилее своем Сталин *повторяет* свое утверждение, что за революцию он готов отдать свою жизнь капля за каплей... Голос из публики: почему такой медленный темп?

16 марта. Вчера дальнейшее: большое заявление ЦК ВКП «О борьбе с искривлением народ. линии в колхозном движении». Заявление превращается в *распоряжение*, *в приказание* – изменить некоторые «приемы» колхозной политики. Твердили о том, что партия – одно, а правительство – другое, и вот партия *заменяет* правительство, распоряжается за него. И всего курьезнее, что *правительство* молчит. А изменения важные: только что твердили (и подтверждали это «беседой» с митроп. Сергием), что никаких религиозных преследований у нас нет, а тут вдруг признаются, что были насильственные закрытья церквей против воли населения; указывается, что «за издевательские выходки в отношении религиозных чувств, крестьян и крестьянок (значит, издевательства были, и религ. чувство не просто «пьянство», с которым всячески надо бороться!) привлекать «виновных к строжайшей ответственности» (!).

Молочницы кричат, что это «папа римский потребовал». Давление несомненно, но чье: папы римского (иначе – запада) или мужичков (т. е. «экономики»?). А в конце концов, не в обоих ли давлениях экономика?

*

Предусматривает ли какая бы то ни было «теория» политической экономии создавшееся у нас хозяйственное положение? Люди из-за отсутствия основного стимула – интереса – работают отвратительно (не говорю об энтузиастах и идеалистах, такие среди большевиков должны быть), а созданные таким ленивым темпом продукты труда мы сбываем втридешево за границу, дешевой конкуренцией *убивая* там определенные отрасли. Примерно: вм. 1 часа работы идет 5 час., итого – впятеро, да продаем втрое дешевле, итого в 15 раз производительность труда ниже. Удивительно ли, что при всем «бурном» темпе нашей экономики мы нищаем с каждым днем. Вертимся, измочаливаем людей, а толку никакого.

28 марта. Фольклор.

1) В уборной «Дома крестьянина» б. губернского города черноземной полосы на стене помещено четырехстишие:

Пришел великий пролетарий,
На нем – дырявые штаны,
И без малейших комментарий
Забрал три четверти страны.

2) Деление народонаселения страны:

1% коммунистов;
2% сочувствующих;
97% чувствующих.

*

Вчера Енукидзе поместил (для Европы?) статью о перегибах в толковании избирательного закона. Цель статьи – показать, что выгоняние из квартир лишенцев, изгнание их детей из школ и т. п. – «перегибы». Важно признание, что все это было; ну, а во-вторых, где гарантия, что этого дальше не будет?

Европа же все волнуется, молится, – и ни с места. Лучше бы уж не волновались, ибо, конечно, никакое «вмешательство» не имеет смысла да и неосуществимо.

*

Около б. магазина Елисеева продавец газеты «Безбожник» выкликает: «невероятные зверские проделки (!) римского папы, который сжег на костре 1 800 человек». Что отразилось в голове этого выкликателя и его слушателей?!

*

Показатели экономической петли:

1) Художественным хранилищам прямо дается наказ «выделить» на продажу ценностей на столько-то миллионов золотом. Подобные наказы получили: Румянцевская библиотека, петербургские дворцы, Эрмитаж и т.д. В Эрмитаже уже «взяты на учет» (а по другим сведениям уже проданы): «Елена Фурман» Рубенса, «Собесский» Рембрандта, «Уортон» Ван Дейка и друг. Из редких книг есть такие, что проданы по 25 000 руб. за экземпляр.

*

Напутствуя вузовскую молодежь, отправляемую в Сибирь на лесосплав, т. Угланов (Моссовет) заявил, что Сибирь должна дать *миллиард* экспортным лесом, 40% всего вывоза (кажется, цифры гласили так). Посему рекомендуется не бояться ни правых, ни левых уклонов, *сносить* мельницы и всякие предприятия, если они будут мешать сплаву; за неимением барж и связок, лес будет по Оби и Иртышу сплавляться прямо вплавь, а посему будет *летом* прекращено всякое судоходство по этим рекам.

*

Аресты продолжаются и не видно плана в них. Как-то просто хватают разных людей, кажущихся не советскими, долго держат, а потом высылают и разоряют. Почти не слышно об отпускаемых. Кто попал – изымается из оборота.

*

Затевается Волгострой, на Самарской Луке, сильнее Днепростроя в $2^1/2$ раза. Пахнет сотнями миллионов... И строить можно *дешево*, ибо рабочие руки стоят гроши: за 1 р. 10 к. можно иметь массу чернорабочих, что равняется 19-20 коп. золотом, и это на *своих* харчах, которые, впрочем, организуются правительством за *дешевую* плату, – за счет *дешево* отнятых у мужика припасов, – какой-то circulus viciosus! И все же *стройка* – самое дешевое дело. Вот только *оборудование* дорого, и на него уходит все.

Расчет: за границей здание стоит 2/3 и машина – 1/3 расхода; у нас здание – 2/7, машина – 5/7.

И потом – у нас никуда не годные рабочие. Где уж тут стать «индустриальным» государством.

7 апр. Пока идут разговоры о том, усидит на месте Сталин или не усидит; от него или не от него идет зигзагистая

политика; даст ли эта политика что-нибудь интеллигенции, или давление будет продолжаться, – пока все это так неустойчиво, твердым остается одно: ГПУ строится надолго, рассчитывая, очевидно, «подготовлять социализм» десятилетиями, поколениями, если судить по необычному размаху строительства у этого ведомства, соорудившего чуть ли не 10-этажные корпуса на месте бывшего дома Пожарского с 3-ей гимназией. Размах большой!

Апрель. После сталинской статьи «Головокружение от успехов» ждут «успехов от головокружения», но их что-то не получается.

Сумятица полная. В газетах усиленно обсуждают «перегибы», доказывая, что на местах неправильно поняли указания. Почуяв «ослабление» линии, жизнь начинает кое в чем «пробуждаться»: вдруг, напр., опять заторговал с рук Охотный ряд, появились мужики с курами, яйцами и творогом, впрочем быстро вытесненные евреями, которые и тут как-то изловчились перехватить торговлю в свои руки. И вдруг (ок. 13-14 апр.) «разогнали» Охотн. ряд, отодвинув его в Обжитный пер., а потом и совсем прижав. Это, говорят, «политика»: сейчас Страстная неделя, так чтобы не было видимости Пасхи и предпраздничного торга.

*

Чуть не ежедневно печатаются «льготы» колхозникам, «единоличникам», которые превысят запашку. Тем же, кто не посеет, имея землю, придется платить налог, а землю отнимут и т. д., и т. д. Видимо, получится недосев изрядный. На обывателе это отражается *пока* урезкой белого хлеба, а «после праздников», т. е. после 1-го мая, обещают сокращение вообще хлебного пайка. Вместо мяса обещают банки с консервами.

Кто правит – неясно. То говорят о союзе Сталина с Рыковым, то о каком-то «посрамлении» Молотова, то о сумерках Сталина, о том, что будто его не то били, не то ранили в заседании секретариата. Но «пока паны дерутся...».

Финансовое положение очень плохо. Распродаем помаленьку все. От будто бы состоявшегося вывоза партии золота (за неимением валюты для уплаты обязательств) газеты отрекаются. На торговлю нашу покушения серьезные: все чаще на рынке появляются *экспортные* товары: (спички, папиросы, масло и т. д.), т. е., следовательно, почему-то не вывезенные или возвращенные. Дело с займами (о них *вдруг*

перестали говорить), по-видимому, повелось так неудачно, публика так напугана, что поговаривают о *непринуждении* в этом деле и т.п.

На западе двойственно: во Франции – несомненный нажим; по *двум* делам суды положили секвестр на торгпредское имущество, в 30 и 31 млн. франков, в одном случае не без участия Литвинова младшего. Зато в Англии дела у нас идут «успешно», т. е., по-видимому, англичане готовы еще раз попробовать иметь с нами дела при *обещании* нашем *платить*, – о последнем хоть глухо, но все же проговариваются в английской печати (у нас – одни отражения этого). С Германией какие-то нелады. Защищая свое хозяйство и уже не нуждаясь в нас политически (вернее, оценив невысокое наше политическое значение теперь), немцы повышают пошлины на ввозное сырье, особенно сельскохозяйственное, отказываются у нас покупать и т. д.

В Польше порою пахнет каким-то авантюрным стремлением к захвату Украины (она им нужна как рынок для польской промышленности); но поляки глупцы, не умели вести терпимой национальной политики. У нас же знаменитый процесс украинских сепаратистов (Ефремов и К°) идет как-то вяло, никто им не интересуется, даже печатать о нем стали мало и притом мелким шрифтом.

К великой досаде нашего правительства, Испания хочет уничтожить монополию у себя советской нефти, введенную при диктаторе Ривере, как уничтожаются там многие из его предприятий. А мы, негодуя, отстаиваем сделки «диктатора»!!! «Бытие определяет сознание»!

Никакой уверенности в жизни и быте нет. То поощряют застройщиков, то их же обирают. Соблазняют возможностью жить прилично, чуть посвободнее, а потом уплотняют. Поощряли было мелкое судоходство, и вдруг (не в бешеной ли досаде на *полный* провал рыбной путины, из-за которой полгода назад в Астрахани *расстреляли* многих, поощрявших «частника», без него же сейчас провалились с позором) сегодня – национализация мелких речных и морских, особенно моторных судов с *бесплатной* (как великодушно) их передачей в НКПС.

В области религии то же самое. Огромные «антипасхальные» афиши с объявлениями о спектаклях, концертах, кино и танцах в течение последних дней Страстной и Пасхи; снимание колоколов; запрещение звона; дальнейшая ломка

церквей в Москве. А в Коломенском – уже звонят. В деревнях *открывают* закрытые было церкви. Правда, в Вологде в них настроены *нары* в несколько этажей, где живут ссылаемые кулаки с семьями, с сыпняком и всеми прелестями.

*

Огрубение общее ужасно. Стоит попасть на заседание профсоюза или домового собрания при самом разнообразном составе жильцов, – не увидишь ничего, кроме кепок и платочков, не услышишь ничего, кроме беспардоннейших инсинуаций против отдельных лиц, причем это *поощряется*, как полезная самокритика.

Живые примеры: 1) на собрании жильцов рабочий «отводит» кандидатуру какого-то гражданина, предупредив, что его «разговор слуховой» (!), т. е. он *не знает* этого гражданина, а *слыхал* о нем; минусы такие: не нашего класса, а вроде как из помещиков (кандидат – еврей!!), служит бухгалтером и *дочь его поведения легкого* (!!). Никто не останавливает гражданина, так рассуждающего, бабы даже находят, что насчет дочери надо расследовать (!!).

2) При чистке в библиотеке какого-то высокого учреждения предлагают удалить библиотекаря – профессора Университета, как лже-специалиста (не прошел библиотечных курсов), а старушку одну за то, что она *придворная дама*, – служила 30 лет на Императорском фарфоровом заводе, состоявшем в ведомстве Императорского двора. Когда пытались разъяснить последнее, чистильщики пробовали аргументировать так: «служила, знаем, как служила! небось была хозяйкой этого самого завода».

*

Удивительно ли, когда *директор гимназии*, по-нынешнему, «зав. трудовой школы», партиец, типографский рабочий, (выдвиженец) пишет квитанцию (видел сам): «получено от 4 групе напоеску» (т. е. на поездку «бригады в подшефную деревню»).

14 апр. Сегодня застрелился Маяковский. Вероятно, драма личного распада, но какой удар для власти!

23 апр. К прежним словесным лжам прибавляются все новые: давно уже придумали «военизацию», чтобы не говорить «милитаризация», которая пахнет империализмом;

теперь говорят «коренизация», когда хотят сказать, что местный аппарат, напр., Украины должно создавать из местного, коренного населения, – но почему это не национализация.

*

Колбасу по степени съедобности делят не без остроумия на три сорта.

1) Высший сорт – 1-я конная имени тов. Буденного (сейчас есть такие юбилейные марки в честь 1-й конной дивизии).

2) Второй сорт – имени Склифасовского (институт скорой медиц. помощи).

3) Третий сорт – (после конины и верблюжатины) – из тракторятины (поломанных тракторных частей).

*

Известия о *севе* тревожные даже по официальным данным. «Единоличник», по-видимому, уклоняется от засева, боится, да порой и не имеет чем засевать, ибо в колхозной передряге был обобран и вернулся на голое место. Мало того, это разорение толкает сейчас многих к возвращению в колхозы, о чем газеты трубят громко, не объясняя причин этих возвращений.

*

И опять глухие слухи о войне, опровергаемые официально и на западе, и даже в ближней Польше. А между тем военные расходы Польши до того выросли, что надо либо разоружаться на две трети, либо – losschlagen [все распродать], совсем как это было с Германией в 1914 г.

А как ответим на это мы? Едва ли найдется «энтузиазм» для защиты нынешней власти. Найдется ли здоровое национальное чувство отбиваться от поляков, – или мы сведены будем к Руси Ивана Грозного, с тем чтобы уже *долго* не подняться?

Июнь. Хозяйство наше, судя по отзывам сверху, «бурно» растет, мы «гигантскими шагами» идем к социализму, «темп» нашего роста обгоняет всю капиталистическую Европу и Америку. На образец – речь т. Коссиора на харьковской партконференции 28 мая 1930 г.

«Совершенно бесспорно – и это отчетливо видно всякому, что мы с вами сейчас находимся в полосе еще небывалого, величайшего размаха социалистического строительства. Это

строительство мы ведем с колоссальным успехом, ведем победоносно».

Признавая, что сейчас два вопроса – *мясо* и *товары*, оратор от вопроса о *хлебе* отмахивается так:

«Год-два назад главным вопросом у нас был вопрос о хлебе... К сегодняшнему дню мы добились в основном разрешения проблемы хлеба. А сейчас коллективизация... хлебную проблему разрешает полностью и целиком. Это совершенно бесспорно». (Хлеб в *Москве* скверный и по карточкам; муки нет; в провинции его и вовсе не дают; цены на муку аховые; вывоза за границу, в сколько-нибудь значительных размерах, давно уже нет).

«Среди (новых) трудностей – трудности с мясом и товарами дают себя чувствовать; остальные не так мозолят глаза» (а строительные материалы, а шерсть, а кожа, а хлопок, а гвозди, а мыло, а папиросы, а химич. товары, а лекарства???).

Относительно мясного кризиса пояснение такое: «В 1926 г. на Украине мы превысили в отношении животноводства довоенный уровень всего только на 7%. В то же время городское население увеличило потребление мяса и мясных продуктов вдвое. Деревня также начала больше потреблять мяса». (В городах – карточки, обязательные постные дни, полное отсутствие ветчины, колбасы, сала и друг. мясных продуктов, а деревня сплошь вегетарианствует, если – не режет скот вынужденно, чтобы не прослыть кулацкой). «*Вот вам и вся арифметика*», – торжествующе заявляет оратор.

«Теперь о товарах. Трудности в этой области также являются предметами спекуляции (?) наших внешних и внутренних врагов». Следовательно, нехватка признается, но – и она объясняется «бурным» ростом потребления, оно выросло на 50% будто бы (пока что это выражается в *общей* раздетости и разутости, одинаковой как в городе, так и в деревне).

Напечатанный в газете текст этой речи не сопровождается пометкой: бурные овации, все встают и поют интернационал.

*

Теперь бытовое отражение этих успехов. Т.к. везде условия жизни и прокормления *очень* плохи (даже в Питере недавно только поставлена проблема «довести питание до уровня Москвы» – тонкая ирония!!), то Москва перенаселяется не по дням, а по часам. В ней уже считают 2 300 000 жит., а через два года ожидают 2 800 000. Жилищные условия в этом

наиболее обслуживаемом центре все более портятся. Застроены все сараи, на старых крепких зданиях, уродуя их архитектуру, воздвигают новые этажи, иные церкви снабжают «этажами» и приспособляют под учреждения; водопровода не хватает, и он, и канализация постоянно «лопаются». Обнищание, предвидимое на много лет, повело к расширению тротуаров за счет проездов, – конный транспорт почти уничтожился, автотранспорт приватный не развивается, толпа прет по улицам невероятная, – серая, грязная, грубая. Город весь разрыт, и, пользуясь дешевизной рабочих рук (за 1.20 – 1 р. 50 к., т. е. в сущности за 20-25 коп. можно иметь толпы неквалифицированных рабочих, а если им дать $1^1/2$ ф. хлеба и какое-нибудь горячее хлебово, то можно даже кичиться социальной заботливостью), всюду делают хорошие мостовые (дело тормозится лишь нехваткой цемента, асфальта и мраморной пудры, и т. п.).

Товаров в лавках нет никаких. Похоже на 1919 г., но тогда по крайней мере «рассыпную Иру» продавали в изобилии, а сейчас – кризис с папиросами! Можно видеть длиннейшие очереди у будок и даже у продавцов-моссельпромщиков. Хозяйственная политика по отношению к табаководам (их всячески теснили налогами и хищническим приемом лучшего табаку по ценам второго и третьего сорта) принесла свои результаты: нет табаку, нет даже махорки. В провинции и на окраинах так уже *давно*, еще с прошлой осени, в Москве все это резко сказалось теперь.

Такой же кризис с мылом. Простое мыло исчезло давно, его малыми дозами дают по карточкам. Туалетное еще прошлым летом продавалось свободно. Среди зимы уже не отпускали дюжинами. Потом стали давать по куску, наконец – нет мыла вовсе.

Иллюстрация – разговор в трамвае, едущем на окраину.

Пролетарий, при проезде трамвая мимо длинного хвоста за папиросами, замечает вслух: «до чего дожили, покурить нечего». Военный из современных, в форме, с кубиками, счел нужным вступиться: «Папиросы – неважно; табак ведь признан вредным, так что м. б. заминка с ним дело полезное, м. б., даже это делается сознательно, – многие курильщики отучатся от табаку за время отсутствия его». Пролетарий: «Ишь ты, а вот мыла нет, это тоже приучают, чтобы без мыла обходились»? Военный: «Ничего подобного, мыла сколько угодно; если где его не дают, это знак плохой работы

кооперации». Пролетарий: «А по-твоему, Москва плохо кооперирована»? – «Нет, конечно, хорошо. И у нас, напр., в Замоскворечьи все есть, кооперация доставляет *на дом* все необходимое. Я сам вчера получил 5 кусков мыла на дом». – «Да если, ты говоришь, мыла много, на кой же ты его запасаешь-то»? Военный прекращает разговор и глядит в окно, а пролетарий торжествующе заканчивает известным русским рассказом о том, как цыган совсем было приучил лошадь не есть, да она только издохла...

Товаров *нет*, безразлично – привозных (их не ввозят из-за валюты) и отечественных (их, очевидно, делают слишком мало), несмотря на то, что цены выросли ужасающе и покупатели берут всякую дрянь, какая только появляется на рынке. Сейчас нет следующих товаров:

1) йода, хинина, глицерина, нафталина, аспирина;

2) мыла туалетного;

3) никакой *мужской* обуви, даже холщовой;

4) никаких подметок; ставить их берется только «кооп-ремонт», только по кооперативным книжкам и сроком через 4-6 недель (явная насмешка над людьми, у которых *давно уже* водится всего одна пара обуви).

Из съестного: нет *сыра, колбасы*, муки, *сметаны, творога* и мн. др. Яйца стоят 1 р. 70 к. десяток; масло (хорошее) 4 р. 50 к. вологодское; яблок нет вовсе; апельсин стоит *один* 2 р. 50 к., лимон – 90 к.-1 р.

Это приводит к вопросу о падении рубля. О его *твердости*, об *индексах* цен никто давно не говорит даже в официальной печати. Примерно 1 р. равен 15 коп., но эта цена – условная. Особенно фантастично обстоит дело с *одеждой*. Бельевых тканей *никаких* давно уже нет. Но изредка выдают по карточкам, только членам кооперативов, а иногда и *только рабочим* по одной паре (sic!) кальсон.

С денными рубашками обстоит так: их вовсе нет, но *вдруг* появляется партия, однако очень *маленьких*, детских почти размеров. Объяснение: прежний заготовщик знал, что *на сотню* рубашек надо 5% малых, и 5% очень крупных, остальные – на разный средний рост. Теперь, в социалистич. соревновании, какая-нибудь *Москшвея* готовит 50% малого размера, заведомо ненужного для рынка, зато фабрика показывает, что она сделала 110 сорочек из материала, отпущенного на 100!!

Костюмы в продаже бывают по 29 руб. (это то, что прежде стоило, примерно, 3-4 р.), либо по 120 р. (соотв. прежнему

рублей на 18-25). Брюк – не достать. Но есть по 69 р. за пару, примерно, прежние руб. в 7-8 из русского материала.

Финансовое ведомство прямо заявляет, что, ввиду изничтожения частной торговли и отсутствия этого источника доходов, приходится ввести «классовое» начало в торговлю кооперативную, т. е. отпускать иные товары по утроенной и упятеренной цене для «классового врага».

В магазине б. *Елисеева* картина сейчас такая: в отделе *рыбном* до недавнего времени торговали папиросами; теперь – пусто. В большом отделе фруктов – теперь «весенний базар цветов». В отделе кондитерском – детские игрушки и изредка немного сквернейших конфет. В парфюмерном – одеколон, но нет мыла. Торгует один винный, ибо в колбасном изредка *жареная* птица по 6 руб. за кило. И только в задней комнате торгуют по карточкам хлебом, сахаром, когда он есть.

Иностранцы (особенно посольские) заказывают *по телефону*, и им отпускают сыр, икру (она 26 р. за кило!!!), семгу, осетрину и т. п.

В Охотном ряду, после манифеста Сталина о головотяпстве, появилось было все, по высоким, правда, ценам. Мужички-торговцы сильно вытеснены евреями и грузинами, но торговля все же шла. Под предлогом антисанитарности и недоброкачественности товаров Охотный перевели на *Цветной бульвар*, в опустевший рынок (почему тут товары будут доброкачественнее?). Торговцы заняли пустые, заброшенные лари-будки. Но уже объявился «человек с портфелем», который начал записывать и описывать. По всей вероятности, разбегутся.

А огурец стоит 40 к., и не всегда его найдешь (огородников тоже так обобрали и стеснили, что огородничество сгинуло под Москвой).

Даже *презервативы* (58 коп. за 1/2 дюжины, очень грубые, и больше не дают, как любезно сообщил один молодой человек) в резиновом магазине предмет очереди, правда, пока не выходящей за пределы самого магазина. Но что будет, когда хвост окажется на улице и домашние хозяйки начнут подходить с вопросом: «а что дают»?

*

Снаружи вся видимость работы. Все заняты, мечутся, пишут проекты, всех дергают нервами, никому не дают сидеть на месте, постоянно снимают с работы, даже учреждения все перемещаются, сливаются, переименовываются, больше

того – в *помещении* каждого учреждения вечные переносы касс, столов, вешалок, приемных с места на место. И все это – впустую. Строят заводы, здания, учреждения, и правильно делают: труд дешевый, был бы материал, строить *выгодно*; но – построенные заводы либо оказываются не на месте, не имеют сырья, либо вовсе не нужны. Вовсе не выдумка, когда в Казахстане с огромными затратами создают завод для разработки будто бы обнаруженного на месте свинцового серебра, а в конце концов обнаруживается, что там не серебро, а цинк. То же и с другими делами. Кричали о курской магнитной аномалии. Сулили необычайные выгоды. Потом замолкли. Извлечение магнитного железа из таких глубин оказалось невыгодным, если не невозможным. К тому же на Урале железо, не эксплуатируемое, чуть ли не наружу валяется. Бросили аномалию, занялись Магнитостроем, где создается даже какой-то особый, новый социалистический город Магнитогорск. Недавно по газетам прошли вести о том, что там сплошные нелады и неудачи, «срывается» (любимое слово!) все начинание.

Сколько было разговоров о Волго-Доне! Даже папиросы были такого наименования. Забыв, что Петр Великий носился с этой мыслью, ругали «гнусный царизм», который «тормозил» хозяйственное развитие страны. Теперь вдруг смолкли: денег не хватает, да и технически что-то ошиблись насчет уровня воды в обеих реках.

Цифры иногда попадаются самые неожиданные. Вдруг, например, в газете по индустриализации читаешь, что вместо намеченных на развитие Урала 1,8 млрд. рублей решено бросить до конца пятилетки (т. е. на 2 года, ибо осталось всего 3 г., а мы пятилетку совершаем в 4 года) 5,5 млрд. Почему не 10 или не 3??

Нередко, размахнувшись на грандиозное предприятие, забывают о его *использовании*. Разные электрострои, с огромным напряжением средств созданные за последнее время, в большинстве *пока* убыточны, ибо работают в 1/2 или в 1/3 своей возможности, энергию некуда девать, энергия создана, не вызванная определившимся спросом на нее.

Очередной тяжелый экономический провал – распад *концессий* (иностранных, ибо русских не бывает). Уже провалился Мологолес (во главе был б. канцлер Вирт), с ним разверстались прилично, хотя, по-видимому, немцы свернулись, успев слизнуть все, что было *удобно* к вывозу, и

отказались от работы, – когда надо было врубаться вглубь, подальше от рек. Со скандалом закрылся карандашник Гаммер (американский еврей из быв. русских евреев), потом трикотажник Альтман (австрийский еврей), судя по отчетам в газетах наживавший до 60-80%, из которых половину брало сов. правительство, – брало с кого? с населения (конечно). Потом разные другие, не говоря уже о Чиатурах (марганец!).

Сейчас со скандалом рушится Лена-Гольфильдс. Назначили третейский суд. Тем временем у нас стряпня-процесс «вредителей», закончившийся осуждением нескольких лиц из администрации концессии и очернением других, к счастью для них находившихся уже за границей. После этого концессионеры сознательно стали отходить от дела, а потом и совсем его бросили, конечно, уже не щадя интересов советского правительства, которое растерялось, ибо на него падает ответственность за тяжелое положение далекой окраины (Якутия!), казавшееся *обеспеченным* благодаря концессионеру, который так некстати оборвал все дело.

Едва ли у иностранцев явится охота идти на концессии. А американские инженеры или мостители московских улиц работают за высокую плату и, конечно, без всяких вложений, привезя только несколько крупных (на *наш* масштаб) машин.

*

Капиталистическая и буржуазная Европа, по-видимому, начинает новый этап *экономической* борьбы с СССР. Германия провела у себя усиленные пошлины на зерновые и пищевые продукты, ввозимые из СССР (для *Польши* та же Германия дает иные, льготные тарифы) и одновременно *облагает* вывоз некоторых товаров из Германии в СССР. Объяснение они дают такое: бросовые цены (dumping), по каким идет наш вывоз, приводят к тому, что наживаются немецкие спекулянты (там нет *монополии* внешней торговли), которые, беря наши товары дешево, продают их выгодно для себя, но дешевле конкурентов, тем сбивая всю торговлю, подрывая и немецких сельских хозяев с их продуктами, и других поставщиков – венгров, румын, поляков, которые не могут продавать так дешево *за счет* своего населения, как это делает советское государство, *отнимающее* продукты у русских потребителей. Ну, а соответственное обложение *вывозимых* из Германии товаров имеет в виду подорвать хищническую торговлю ими в СССР, ибо наша *монополия* закупки делает

то, что цены на привозные из-за границы товары назначаются прямо произвольные.

Наши внешнеполитические отношения носят характер достаточно кислый. В газетах жизнь всего мира почти не находит отражения. Пишут об отдельных скандалах, с удовольствием размазывают беспорядки, волнения, «революционные движения» и т. п. Но, напр., о постройке Апеннинского туннеля или Транссахарской жел. дороги – ни звука; о нашем же «Турксибе» печатают очень много.

Ни САСШ, ни Чехо-Словакия, в свое время нас не признавшие, не собираются, по-видимому, сделать это теперь. Ждут чего-то. С Англией ведутся переговоры, и наш представитель даже приехал в Москву с осведомлением, очевидно, о ходе этих переговоров. Но *осязательного* пока мало. Правда, газеты не так уж сплошь ругают Англию, прекратились и карикатуры. Но Индия – под газетным обстрелом. И немудрено, что такое отношение дает повод английскому парламенту чаще, чем нужно было бы, говорить о русских делах.

С Францией совсем нелады. Занятая сейчас реконструкцией, материально оправляющаяся, даже опять разбогатевшая и стремящаяся денежно влиять на всю Европу, глубоко буржуазная Франция, естественно, видит в СССР, с его беспокойными устремлениями, естественного своего врага-подрывателя. Иные у нас думают даже, что возможна комбинация: Франция и ее спутники Чехия и Польша – в столкновении с СССР и его союзниками, Германией и Италией!! Италия идет своим путем и всячески дразнит Францию, причем Муссолини усвоил тон Вильгельма II. А Польша – ее не поймешь: и хочется, и колется. Но *темного* в наших отношениях с нею очень много. Ведь до сих пор (июнь!) не разрешен вопрос о *бомбе*, найденной чуть ли не 26 апр. в дымоходе советского посольства. Мы *опять* подали ноту, это было третьего дня оповещено в газете, *без сообщения самой ноты*, которую, следовательно, могут знать в Европе все, *но не мы*.

Польские вожделения вертятся около Украины. Поляки сманивают ее *освобождением* от Москвы. Если бы не глупое увлечение поляков национализмом и католицизмом, их попытки могли бы очень и очень сопровождаться успехом, ибо Украина охотно отдавала бы свой хлеб за польские промышленные продукты (как это было при монархии в России). А большевики нелепой религиозной политикой

словно *облегчают* полякам их дело: ведь, прикинув, украинец может придти к выводу, что хуже не будет.

*

Сейчас, пока что, заволокло отдаленные горизонты: Индия, Китай. Погибает или погибнет европейская культура, *смытая* поднявшимися массами Азии? Все та же тема, которая волновала всех с рубежа XIX и XX в., от проникновенного Соловьева, до поверхностно-хвастливого Вильгельма II. СССР, во всяком случае, этой темы не боится: прошлого он знать не хочет, отрывает людей от него, а будущее –?

*

Политика на так наз. «просвещенском фронте» ведется в том общем тоне, в котором непонятна основная движущая пружина: на знамени – стремление к «бесклассовому обществу», на деле – преследование «до седьмого колена» всех, кто связан по происхождению с общественными группами, отмененными революцией, и тупое стремление выдвинуть на места, где требуется в широком смысле интеллигентность, такие особи, которым она недоступна. Забывается «естественный отбор», забывается всякое естествознание, игнорируется целесообразность, только бы обеспечить «классу-гегемону» господство во всех верхах сложной жизни страны. И, как всегда, разумеется, лишь «примазавшиеся» умеют пролезть – вместе с пролетариатом – в высшие школы, где потом и стараются подладиться..

В Университетах, кстати сказать, расформированных и превращенных в какие-то группы «производственных», а попросту – чисто и узко прикладных технических школ, и в специальных высших учебных заведениях социальный состав считается «неблагополучным», если там не 80-90% рабочих. Подбор такого состава дается недешево. С этой целью не пускают подготовленных молодых людей, зато вербуют разные «тысячи» из рабочих, партийцев, приспособившихся, часто уже солидного возраста, таких, которые сами и 10 лет назад, когда могли это сделать, не стремились к науке. На них затрачивают средства, их учат со скрежетом зубовным *терпимые* учителя из прежних педагогов, им дают стипендии, а их семьям, если они женаты, назначают пайки, их с огромными усилиями «втягивают в учебу» (какая гнусная терминология), «законтрактовывают», т. е. всячески связывают по окончании курса, потом учат через силу (множество

туберкулезных, массовые самоубийства и постоянные нервные расстройства), нагнетательно вгоняют в них науку, делая ударение исключительно на прикладное, избегая теорий, не допуская углубления... И тех, кто кончает, называют новыми людьми. На деле, одни из них становятся интеллигентами, что-то постигают в науке, невольно *отрываются* от серой массы своего класса, другие, не восприявшие науки, либо выбиты окончательно из колеи, либо самоуверенно считают себя на все пригодными, – и вот последняя категория и есть величайшее зло. Из них теперь вербуются «деканы» и начальники учебных заведений, «главки», директора фабрик и институтов и т. п.

Вот историйка одного высшего учебного заведения, уже сменившего несколько подведомственностей, но получающего субсидию от казны. Это *Высшее инженерное строительное училище* (кажется, так, в просторечии ВИСУ): в тяжелые годы недопускания интеллигенции, в 1927-28 гг., создалась группа человек в 20 молодежи из генеральских, помещичьих, купеческих, духовных семейств. Т. к. все они прошли недурную школу и хорошо готовились в «вузы», выдержали отлично испытания туда, но оставались за флагом «по социальному признаку», то решили заниматься сами. Пригласили двух студентов в консультанты и принялись изучать математику, физику, химию. Дело пошло хорошо, энтузиазму было много, подготовка и умственные данные достаточные. Группа разрослась до 100 чел., потом выпросили себе где-то разваленный сарай, выскоблили, вымыли и выкрасили его, продолжали занятия – и на этой стадии были замечены. Оценили их коллегиальность, самочинность, пошли хорошие слова – «коллективно», «собственными усилиями», «по-советски» и т. п. Группу решили приютить, дали ей приличное помещение, а для полного упорядочения начали «орабачивать», влили что-то 70% «рабочих от станка». И что же? Сейчас это «вуз», занятия – в здании наркомата [?], но – из первой сотни энергичных создателей этой школы остались – 5 (sic!). Остальные вычищены по социальному признаку.

В средней школе «унтер» Бубнов строит *программы*, гвоздь которых в *политехнизме*. Школа превращается в какую-то мастерскую, где учат «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь»; окончивший такую школу в 17 лет должен, по словам программы, занять любое место, столяра или слесаря, *все равно*.

Даже Академию, казалось бы, прежде всего *научную лабораторию* страны, превращают в конгломерат прикладных институтов, задача которых создавать *ценности* (в прямом смысле слова) для страны. Уже обречены на новое *изничтожение* или естественное *отмирание* такие отрасли, как славистика, византийство, палеография, филология вообще и т. д. Состав академиков пополняется в области гуманистических наук подозрительными фигурами, и только в естествознании и математике дело обстоит несколько лучше (там не пускают тех, кто где-либо высказывался по *общим* вопросам *философского* характера).

*

Курьезный характер носят подчас *рецензии* о книгах.

В одной разносится автор из своих, впавший в неслыханные ереси, *не донести* о которых до сведения властей рецензент не считает себя в праве. Как же, в книге говорится о прегрешениях «против каузальности и *даже* диалектики». «Как, *даже* диалектики»? – восклицает рецензент: значит автор позволяет себе «ставить диалектику *после* каузальности?» и дальше в том же духе.

Другая рецензия (из «Вечерней Москвы» в *конце мая*) обнаруживает, что коммунистическая академия выпустила книжку, проверенную полдюжиной «ученых секретарей» академии и патентованных марксистов (теперь говорят чаще «ленинистов») и содержащую утверждение, что политика 1919 г. и еще больше колхозная политика наших дней является дальнейшим развитием идеи *военных поселений* Александра I и Николая I. Картина!? Автор, в сущности, не далек от истины, – но надо было сказать, вероятно, что это *диалектический* процесс – формула, которою прикрываются всякие проявления расправы и деспотизма, когда они совершаются коммунистич. руками.

*

Фольклор.

1) Мать твою догнать и перегнать! (приспособление «пятилетки» к привычной формуле отечественной митирогнозии).

2) Менжинский (ГПУ) упрекает Куйбышева в слабых достижениях в области хозяйства. Куйбышев объясняет неуспех: кабы у меня столько было инженеров, сколько у тебя (намек на истребление и заключение всяких «спецов»).

3) Различие между кооперацией и добберман-пинчером: а) у доббермана нет хвоста, у кооперации – есть; б) у доббермана есть яйца, у кооперации – нет; в) у доббермана есть . . ., у кооперации ни . . .

Поражает отсутствие *черешен* и *клубники*, обычно изобильных об эту пору. Уверяют, что *черешни вывозятся за границу*, ибо все должно дать валюту. Через год обещают лучшую жизнь. Но ведь наши платежи валютой за оборудование *рассрочены* на ряд лет, следовательно, и в будущем году и дальше – будет все то же.

*

Специалисты по отдельным отраслям производства говорят об огромных достижениях у нас. Но – все, что мы производим, мы продаем *задешево* за границу, чтобы завоевать себе рынки какой угодно ценой и чтобы получить валюту, которая вся ухлопывается в *тяжелую индустрию*, развернув ее, мы сразу начнем сами строить машины и создадим, на костях нынешних людей, могучую *индустрию вообще*, которая будет обслуживать и нас (т. е. наших преемников) и успешно конкурировать с другими странами.

Мы, например, создаем на востоке (Персия, Турция) прекрасные чулки, изящный трикотаж, великолепные конфеты, сахар, вина и т. д. Даже Англию, будто бы, дразним дешевыми бумажными тканями, – не станет же Англия *от нас* загораживаться таможнями!!

*

Почему-то ждут сенсации от предстоящего XVI съезда партии. Поговаривают, что может произойти своего рода «кемализация» всего дела: «вождь» покроет собой все – уже откровенно, отбросив все «аппарансы».

*

Кажется, не будет ошибкой сказать, что попытка строить социализм в отсталой стране резко расходится со схемой Маркса, представлявшего себе социализм возможным в стране высоко индустриализованной.

У нас идет дело навыворот: *вопреки* ходу развития мы хотим создать «мощный пролетариат», *создать* промышленность, ценой неслыханных страданий масс, потом *создать* социализм на искусственно созданной базе. Но тогда (если это удастся), где же закономерность, где правильность марксизма, диалектики и т. п. теоретических построений?

И еще: сейчас мы не только *строим* у себя, но и *роем* у других, чтобы свалить ненавистный капитализм в мире, допустимы *все средства.* И вот мы бросовыми ценами не только на сырье, но и на фабрикаты *сбиваем* цены везде, внося расстройство в чужое хозяйство, подрывая капиталистов, но и их производство, а следовательно, и возможность оплачивать рабочих, *способствуем* там разоренью рабочих, безработице и т. д. – всё с единственной целью и *там* вызвать волнения и революцию. И мы здесь, голодая, мучаясь, терпя вечное насилие, этой ужасной ценой добиваемся упадка жизни там, – все для того, чтобы одержала верх чья-то концепция, ложно, но, надо сознаться, злобно и хитро построенная.

И наш народ, *страдая сам,* вгоняет в страдания и другие народы. Какая же цена такому народу?

21 июня. Из «Коммунистической Академии» выведены (sic! термин, применявшийся прежде к трактирным дебошанам) три лица, подозреваемых во всяких ересях. Про одного из них Ленин еще в 1923 г. сказал, что его *учебник* можно взять за основу, но... с разными оговорками. Опираясь на этот отзыв, Покровский воскликнул: «еще в 1923 г. Ленин так сказал, мы *тогда же* должны были выкинуть этого автора, а мы это делаем только теперь». О, холопство!

*

Калинин в одной из речей накануне съезда аргументирует: везде в буржуазном мире перепроизводство, безработица, кризис; у нас *нехватка* продукции, значит, у нас нет кризиса, это *здоровый рост.*

*

Все гадают о съезде: все ли удалось придавить, пройдет ли все гладко, или где-нибудь прорвется и выйдет потасовка?

*

Самоуверенный тон газетных передовиц и речей на собраниях становится все решительней. Подчеркивается полная победа на сельскохозяйственном фронте, ставшая возможной благодаря бурной индустриализации и энтузиазму рабочего класса, руководимого твердой рукой «первого ученика» Ленина и великого теоретика ленинизма – Сталина.

*

Глухие слухи о бесчисленных казнях крупных специалистов. Щадят лишь тех, кто «сознается» во вредительстве. В чем дело? Для чего это нужно?

24 июня. На Кавказе что-то неладно. Сообщают, что 8-го июня в Пятигорске повторилось кисловодское происшествие: город был захвачен горцами. В Пятигорске[?], будто бы, 10 дней «не было советской власти». Поезд с ехавшими с Тифлисского съезда невропатологов участниками съезда был «раздет» почти догола, причем особенно пострадали немцы из-за своего шелкового белья. Поезда, обычно в эту пору идущие переполненными, теперь направляются на Кавказ полупустыми. Публика побаивается.

Из «головки» никто, по-видимому, не решился выступить – перед XVI съездом партии – на Кавказе. Послали гонимого за уклон Томского. Его выступление с попыткой доказать, что сделали «ошибку» на местах в толковании «колхозной политики» партии, совершенно не удалось. Грузины разбили его самым простым соображением: одна республика ошиблась, другая ошиблась, округа ошиблись, все, вплоть до отдельных ячеек, ошиблись на местах, но *ошиблись одинаково*, в *одном пункте*, – не лучшее ли доказательство, что такое общее заблуждение в одном и том же – результат усердного выполнения определенной директивы из центра?

*

В Финляндии крестьяне, отчаявшись в возможности изжить большевизм в стране, перешли к фашистским методам; бьют коммунистов, «выкрадывают» их и поставили правительству категорическое требование: изменить конституцию.

*

Аресты не унимаются. Слухи про арест «хозяйственников»-профессоров, из числа лиц, много и усердно работавших с советским правительством; говорят про арест Кондратьева и *Чаянова* (последний сильно расшаркивался перед правительством).

*

В не дошедшем до русского читателя номере «Берлинер Тагеблат» была, говорят, статья под заголовком «Golovokruschenje in Russland» – на основе знаменитого сталинского «Головокружения от успехов».

*

Сообщают о *ценах* на проданные из Эрмитажа картины. Больше всего, что-то ок. 800 000 руб. золотом, уплатил американец за Ван-Дейка *духовного* содержания (Богородица?), но с оговоркой в договоре о продаже: в течение 2-х лет покупатель обязывается *не публиковать* о своем приобретении.

*

Начался XVI съезд «партии». Участники его получили прежде всего *подарок*: розовую квитанцию, которая дает им право в особом отделении магазина ГПУ приобрести по сходным ценам ряд товаров. Вот более или менее полный список их:

отрез на костюм – хороший бостон, 3 метра по 18 р.	54 р.
10 м. бумажн. материи	10
резиновое пальто	33
2 пары нижнего белья	
1 верхняя сорочка	
2 катушки ниток	
2 куска мыла простого	
1 к. туалетного	
1 жакет шерстяного трикотажа	30
1 пара обуви.	

Кроме того на *отъезд* выдается:

800 гр. масла, 800 гр. сыру, 1 кило копчен. колб., 10 коробок консерв, 800 гр. сахара, 100 гр. чаю, 125 папирос.

*

Это, конечно, явный подкуп. И в то же время, какое убожество! Казалось бы, за свои деньги каждый приезжий, не только депутат, мог бы свободно купить не только вещи, *если бы они были в обороте*, но в том-то и беда, что мы кричим о «бурном росте производства», а между тем *две катушки* и *кусок мыла* – это привилегия!!!

*

Доходят смутные вести о том, что на юге (Одесса) исчезает мелкая монета (крупная – рубли и полтины – исчезла давно, ибо содержит порядочную пропорцию серебра). Объясняют так: в двугривенном серебра на 4-5 коп., след. рубль мелочи стоит *20-25 коп.*– за серебро, в нем заключенное; это уже *много выше* реальной стоимости бумажного рубля, оцениваемого коп. в 15.

Рассказывают об удивительных усильях, с какими извлекают из всяких людей подозреваемые у них *доллары*: заставляют сидеть в ГПУ (не в тюрьме, а в коридоре), без сна, на табуретке, по несколько суток. Обычно, у кого доллары есть, их отдают, получают по курсу наши деньги, и больше ничего.

*

Речь Сталина на заседании съезда занимает в газете несколько страниц большого газетного листа. Нового ничего нет. Выдвинуты пункты программы последнего времени и резко подчеркнуты «упадок» в буржуазном мире и «бурный рост» промышленности у нас.

*

«Уступка» некоторых картин из Эрмитажа в Москву уже оказалась, как своеобразное прикрытие распродажи: только что поступившие в Москву картины, – называют, м. п., голову работы *Фр. Гальса* и *Рубенсовскую* Фурман (*не* Елену) с дочерью.

*

Москву старую разрушают систематически. Сносят множество новых церквей – Растрельевский храм на Серпуховке, и Иоанна Предтечу в Кречетниках (Новинский бульвар).

Подобное же разрушение идет в Средней Азии, где разрушена Бухара и разрушают другие города.

Все это никакими разумными соображениями не оправдывается. Кричат о социалистическом *новом* городе, а втискивают многоэтажные казармы в старую тесноту; иногда же в бессилии *ломают*, а строить нечего. Так, сломали Красные Ворота и *ничего* сделать с трамвайными путями (для них будто бы ломали) не могут, хотя заодно сломали и церковь на углу; сломали Благовещение на Тверской, – и ничего там строить не нужно.

5 июля. Давний инцидент с писателем Шолоховым, молодым парнем, который выдвинулся романом «Тихий Дон», получил некоторое разъяснение. Хотя в газетах и была напечатана в свое время угроза преследования через ГПУ всякого, кто станет отрицать авторство Ш. и говорить про то, что роман украден у убитого автора-белогвардейца, однако новые данные подтверждают эту версию. Во-первых, напечатаны письма Л. Андреева эпохи 1917 (?) г. к С. Глаголю. В письме

одном Андреев говорит про автора, принесшего на отзыв «Тихий Дон», ч. 1-я, очень недурная, и ч. 2-я – совсем сырой материал. Во-вторых, на Украине опубликованы данные о том, что автора знали, он был белый офицер, был расстрелян, а Шолохов, совсем мальчишка, очутился обладателем его вещей. Шолохов этот *два года* учился у одного писателя грамотно выражаться, и писатель этот был изумлен, когда узнал, что его неграмотный ученик вдруг написал «Тихий Дон».

А Серафимович заверял *в печати*, что Шолохов – подлинный автор.

*

Сообщают, что художник Сергей Чехонин, много лет работавший при новом строе на быв. императорском фарфоровом заводе, составивший себе богатую коллекцию фарфора (как оценщик при советских правительственных покупках, он всегда *для себя* покупал с выгодой и выбором) и получивший разрешение на вывоз этой коллекции за границу *для выставки*, будто бы остался за границей и даже выпустил там книгу: «Десять лет в плену у варваров».

Судя по речи Орджоникидзе, процент советских служащих-невозвращенцев очень велик. Аппарат наших торговых учреждений он выражает цифрой ок. 1 200 чел., между тем с 1925 г. оставалось, отказываясь вернуться в СССР, за границей по 30-40 чел.; в первое полугодие нынешнего года – 40 чел.

*

Исчезает из оборота все. *Глицерин* в аптеках даже по *рецепту* отпускается лишь в составных лекарствах, а не в чистом виде. Йод по рецептам. Нет электрич. лампочек. Мыло – по карточкам, но его все же нет. Конфеты дряннейшие; 1 ф. шоколад. трюфелей стоит 10 р. 80 коп. (недавно 3 р. 60 к.), изредка появляющаяся палочка шоколада «Золотой ярлык» – 2 р. 75 коп. (недавно 1 р. 25 коп.). *Кажется, явное признание полного падения нашего рубля.*

Люди моются чистолем, продаваемой в нефтелавках смесью *песку с чем-то*; стоит 50 коп. и употреблялся пока исключительно для мытья кухонной посуды.

О платье нечего и говорить. Его нет, как нет и обуви. Недаром разницу между Маяковским и Моссельпромом усматривают в том, что первый дал «Облако в штанах», а второй – штаны в облаках.

8 июля. Самая успешная пятилетка все же по разрушению церквей. Уничтожается церковь на Басманной при Куракинской богадельне. Уже сломана почти целиком Неопалимая Купина в Неопалимовском пер. на Смол. бульв. Разбирают ц. Смоленской Божьей Матери на стыке Плющихи и Дорогомилова [?], ц. Иоанна Предтечи в Кречетниках. Разворотили покрышку купола, а на подкуполье оказалась вековая залежь голубиного помета – с южной (теплой) стороны – как, значит, голуби климатически облюбовывали свое жилье. Когда едешь окраинами, то тут, то там не досчитываешься опорных пунктов московского пейзажа.

Да, народ податливый! Не только все снесет, но и забудет быстро все свое прошлое. Думаю, что с французами или немцами этого не сделаешь.

*

Аресты продолжаются. Говорят об аресте Кондрата Чаянова, Левицкого, Садырина и множества людей из круга молочного и масляного дела, среди них называют старика Чичкина, ему лет под 70!

*

Из области «своя своих»: у Рыкова выслали всех трех его личных секретарей, чем лишили его всякой опоры в отчитывании перед партийным съездом, ибо известили, что он, как Сталин и все другие, работает «на секретарях», не только доставляющих материалы, но и пишущих часто самые речи...

Затем передают, что Рыкова уговорили «для фасона» подать в отставку, с указанием, что он де не может работать при таком недоверии партии и т. п., но заверили его, что отставку, конечно, *отклонят*. Рыков подал будто бы – а отставку-то *приняли*.

Редкий пример мужества явил один маленький «технический» служащий Ленинской библиотеки. Он подлинный пролетарий, но его – единственного из технических – пришлось поставить на правеж ввиду его явно антисоветских разговоров. Комиссия отнеслась к нему однако крайне бережно. В передаче свидетелей «чистки» диалог был примерно такой.

– Вы, товарищ, разговаривали с другими, резко отзываясь о советской власти?

– Отзывался.

– Вы, значит, недовольны советской властью?

– А кто же ею доволен? Вы вот спросите хоть здесь всех.

– Но ведь вы, пролетарий, только при советской власти стали жить и дышать свободно!

– Зачем же-с? Я и раньше жил и никакого стеснения не чувствовал.

– Но ведь советская власть заботится о поднятии уровня вашего. Она дала пролетариям грамотность...

– Да я всегда знал грамоту, грамотей и сейчас.

– Но ведь вот ваши дети только при советской власти могут поступать даже в университет.

– А на что нам университет? Вот они (указывая на служащих библиотеки), из университета-то, сидят на 105 рублях, а на производстве получают по 200, по 300.

– А скажите, что вы делали в 1917 году, на чьей вы были стороне?

– Ни на чьей. Я лежал больной, контуженый.

– Ну, а если бы пришлось сражаться, вы бы за кого были?

– Кому присягал, за того и был бы.

– Стало быть, и за Керенского?

– Стало быть и за Керенского.

– Ну, а теперь, вы бы стали бы защищать советскую власть в случае гражданской войны?

– Ну, это мы еще посмотрим.

Чтобы спасти положение, допрашивающий в долгой речи по пунктам доказывает преимущество советской власти и кончает вопросом: «Вы меня поняли, товарищ»?

– Чего же тут понимать, я и раньше все отлично понимал.

Характерно: пока что служащий этот на месте, работает, сидит при дальнейшей чистке других и т. п.

*

Рабочий другому, приглашая его садиться, на трамвае: «Ну, садись что ли, вот скоро тебе место освободится, вместо Рыкова сядешь».

9 июля. Кривая идет книзу быстрее, чем это казалось еще месяц назад. Уже прикрываются, навсегда или надолго, отдельные магазины и предприятия: «Винторг» на Петровке (вин уже нет!), б. аптекарский магазин Кельц, ныне маг. фабрики им. Семашко (нечем торговать), поговаривают об Эйнеме; некоторые фабрики свертываются.

Припасов нет. Мелочь серебряная исчезает из оборота. Сдачу не везде дают. Мужики, повысив за 15 дней молоко с 20 до 30 коп. за кружку, начинают неохотно брать деньги вообще, предпочитают предметы потребления (хлеб, сахар, конфеты, *папиросы* и, конечно, всякую мануфактуру).

Лавки стоят пустые. На «вольном рынке» (какая ирония в названии!) при высоких ценах длинные очереди. Недоедание у *большинства* населения – факт. Народ недоумевает, хмуреет и до чего дойдет, сказать трудно.

На всякий случай новейшие здания (институт Ленина, расширение «Моссовета» позади б. д. ген.-губернатора, все новые телеграфные станции и т.д.) все имеют плоскокрышные вышки – чрезвычайно удобные для пулеметов.

14 июля. Ответственный работник, получивший командировку на Украину, при получении соответствующего аккредитива был поражен предложением самого чиновника, дававшего аккредитив, выписать часть *наличным серебром*. На удивленный вопрос чиновник ответил, что на Украине, в городах, на рынке ничего не достанешь без серебра: там сдачи не дают, а серебро берут охотнее бумажек.

Другой факт: в Смоленске при покупке на 70 коп. и уплате рублем выдали вм. 30 коп. в сдачу – 3 яйца.

В Москве у Эйнема, при «стандартной» очереди за печеньем по 1 р. 90 коп., давали *без очереди* платящим 80 коп., из 1 р. 80 коп., серебром.

Это уже показательно. Деревня определенно предпочитает продукты.

Сейчас наступает острейший момент эксперимента. Значительная доля земли околхожена, взята в проработку новыми, машинными приемами земледелия и должна, a priori, дать повышенную урожайность по сравнению с индивидуальным, ручным, тяжелым трудом.

Но раньше вступает экономика. Посевы законтрактованы, т. е. львиную долю урожая, которая останется за вычетом семян и прокорма колхозников, правительство возьмет в свое распоряжение, по установленной заранее цене, скажем, что-нибудь ок. 2 р. за пуд, когда покупательная цена наших денег невероятно пала. У колхозников будет двойной соблазн: 1) получить *сейчас* больше деньгами; 2) отчетливое сознание, что за полученные от правительства деньги адэкватно *в товарах* не получишь.

Конечно, можно опять начать принудительность сбора (опираемую на обычную «сознательность», т. е. внедрение социалистической идеи), но если она трудно удавалась в прошлом году в применении к единоличникам, то ее еще труднее будет провести в организациях, колхозах. Конечно, можно постановления колхозов сделать «единодушными» и «единогласными»...

Однако подлежит некоторому сомнению, удастся ли вообще продержаться эти несколько недель. По слухам, пошли на большой риск: задешево продали хлебные запасы в расчете покрыть их близким урожаем. Вот тут-то всегда может наступить заминка в снабжении. Согласятся ли людишки голодать несколько недель ради вящего торжества социализма?

Наконец, *риск общий* идет и дальше. Со всей индустриализацией зарвались отчаянно. Всякие «гиганты» промышленные готовы наполовину, а главное – почти совсем не оборудованы и не снабжены сырьем. Остановиться в строительстве значило бы расписаться в провале, а потому перенапрягаясь строят и строят – с риском очутиться без средств, которые выжимаются невероятными способами. Словом, идет дело на ва-банк. Риск огромный. И капиталисты, мировые, конечно, подстерегают момент. Порою кажется даже, что их кредиты и авансы (САСШ, напр.), в сущности *для них* мизерные, преследуют какую-то особую цель. Так дают иногда зарвавшемуся клиенту лишний четвертной, чтобы окончательно затянуть петлю.

Поэтому весь «энтузиазм», которым закончился только что закрывшийся XVI съезд партии, носит характер той уверенности, с какой вел себя Наполеон в прокламациях, выпускаемых чуть ли не из Фонтенбло. Послушное стадо баранов послушно кричало ура, а «вожди» – вожди проявляли изумительное холопство и хамски лягались по указанному адресу: обеим оппозициям, и левой (Троцкий), и правой (Бухарин, Рыков), доставалось изрядно. По совести говоря, все три течения – «генеральная линия» и обе «оппозиции» – одного стоят.

*

Новое словечко – «невозвращенцы», те, кого советское правительство из-за границы вызывает назад и кто не едет. Число их с каждым годом увеличивается. Виною – соблазн. И европейская жизнь привлекает, да и средства получаются.

Оказывается, что все посланные отсюда «акквизиторы», направляемые для закупки товаров, с момента их служения пользуются вниманием иностранных фирм, которые заводят (без их ведома) на их имя текущие счета, и скоро наш представитель оказывается обладателем некоторого капитала, на который ему и преподносится чековая книжка, – особенно часто в момент, когда его *отзывают* в СССР. Ну как тут устоять?

16 июля. Сегодня в газетах напечатано, что Гендерсон назвал поименно (имена приводятся) английских представителей в согласительной комиссии о долгах и перечислил и русских представителей, *которые, однако, у нас не названы* в газете, да и о самой комиссии мы до сих пор ничего не слышали.

Тут же цитируемый отзыв Manchester Guardian гласит, что «непризнание долгов» для Англии неприемлемо принципиально, но, конечно, надо будет многое просто списать и забыть и т. д.

Итак, мы уступаем, – и какою ценою? Опять «кредиты»?

*

Передают, что в Армавире, в Абинской станице, в Новороссийске, Одессе, Киеве были значительные разгромы на почве голодовки. В Новороссийске бабы разнесли горсовет, отбили арестованных из рук милиции, а милиционеров всячески избивали. Большую роль играли *камни*. Оружие огнестрельное *не применялось*. Тем не менее убитых 70 чел. с перевесом на стороне представителей власти.

*

В газете напечатано постановление ВКП от 15 июля, в котором ЦК ВКП *поручает Совнаркому* (sic) в *двухдекадный* срок разработать уничтожение *округов* (созданных за последние $1^1/2$–2 года). Открыто «партия» диктует распоряжение правительству.

*

Портретированный в «Правде» 25-членный президиум ВКП заключает 11 евреев, 8 русских, 3 кавказцев и 3 латышей.

20 июля. В газетах мелким шрифтом, но уже без всяких ругательств и ироний по адресу «капиталистического мира», рассказывается о начатии переговоров с англичанами, о том,

что назначены представители обеих сторон, о том, что, конечно, англичане не согласны примириться с «принципиальным» аннулированием долгов, но понимают, что некоторые претензии придется просто списать. Характерно, что действуют вместе *английские* и *русские* (за границей) претенденты на уплату царских долгов. И все это в нашей печати приемлется без комментарий.

Очевидно, мы вынуждены идти на уступки. Но Европа-то дает нам эту «передышку» для дальнейшего наскока?

В Москве пропасть иностранцев. Стоит отметить, что рядом с немцами и всякими англо-саксами появились и французы.

За границу никого не пускают, даже при отказе от валюты. Очевидно, хотят полной изоляции. А там, за завесой, что-то творится.

Разруха какая-то *общая*, как в 1917 г. – растет с каждым днем. Мелочь исчезла из оборота. Уже торговцы продают только на папиросы – колбасу, селедки, мыло. Сдачи не дают. В провинции извозчики предлагают «на выбор»: 5 руб. бумажкой или 2 р. 50 к. серебром. В магазинах вывески: просят не затруднять разменом. То же у касс железных дорог.

Уже шепчут о сбыте серебра в Монголию; о том, что у каких-то мужиков отобрали «пуд серебра» монетой; о том, что в этом направлении ведутся обыски и т. п.

Трамваи работают скверно. Развороченные московские улицы убираются клочками, медленно, хоть и работают «американцы» (рабочие-то руки – русские). На железных дорогах постоянные катастрофы, число которых и размеры растут с каждым днем.

С провиантом – все хуже.

Газеты кричат о необыкновенном урожае и о том, что его некуда девать: нет не только помещений, но даже мешков для хранения собранного тракторами и комбайнами зерна!

А в Питере съезд почвоведения, науки, можно сказать, созданной русскими. Приехало более сотни иностранцев. Что они увидят? Пока что, знаменитый Вавилов держал речь-агитку, как-то плохо вяжущуюся с его научной репутацией: он говорил о необычайных успехах социалистического хозяйства, о том, что наука и социализм тесно связаны, о том, что в СССР нет религии, вместо нее – наука!

Как будто наука не процветает там, где есть религия, и как будто без социализма нет науки? Не знаю, как отнеслись

к его речи ученые других стран, но в их речах было больше о значении науки почвоведения и о заслугах русских ученых, еще досоциалистического времени, в этой именно области.

*

Исчезновение разменной монеты у нас склонны объяснять действиями чуть ли не шпионской организации. Наивное опровержение закона о том, что лучшие деньги изгоняются худшими.

А как это напоминает инфляцию эпохи войны! Тогда с бóльшим основанием можно было говорить о тыловой работе наших противников, – а теперь?..

*

Шутники говорят, что обувь русского изделия, сплавляемую по дешевке за границу, можно получать оттуда *беспошлинно*! В сущности это действительно не нарушало бы интересов нашей страны: оплачивалась бы эта обувь валютой, а получали бы ее русские люди с удовольствием – в подарок от заграничных благодетелей.

*

Помимо известий о многочисленных столкновениях, в разных углах Союза, на почве голодания и плохого снабжения, сообщают, что в Питере была забастовка путевых рабочих, отказывавшихся грузить отправляемые за границу съестные припасы. Забастовщиков будто бы заменили командой комсомольцев.

*

Из великолепных конфет, сладостей, дичи, рыбы, икры и т. д. остается в Союзе лишь минимальное количество на потребу Кремля, крупных партийцев, иностранцев и на обеды и завтраки в парадных случаях (напр., празднование 10-летних юбилеев). Разница, или сопоставление с прошлым, не в пользу настоящего: тогда очень хорошо жили наверху, но неплохо жила и вся середка, все, кто зарабатывал, – словом, «основание» благополучия было шире, так сказать – демократичнее!

*

Несчастная страна, точно оккупированная или отданная в колонию иностранцам.

Утром у б. Елисеева, наглухо закрытого, пропускают «по карточкам» отдельных лиц; идут какие-то дамы. У подъезда стоит два иностранных автомобиля, на обоих развеваются

дипломатические флажки. Знать, иностранцы приехали – им заготовляют и отпускают все, равно и для властителей, конечно. Остальному населению, в виде милости, по кооперативным карточкам – сушеного леща, под именем *воблы*, безотносительного вкуса и жирности последней.

*

Баба в трамвае, при военных (если это не провокация только!): «мужики наши вернулись из Москвы, денег привезли, а только ничего не купили. Я вот приехала хушь что-нибудь ребенку добыть (на руках младенец); только наши мужики решили больше казне ничего не давать, потому их обманули, хлеб взяли, а товаров нет, и деньги ни на что не нужны. Вы, может, партийные (к военным), так мне все равно; ну, расстреливайте, а только мы хлеба не дадим».

Быт. На б. Большой Московской гостинице висит объявление, смысл которого тот, что ввиду наплыва иностранцев ресторан с 9 ч. утра до 9 ч. вечера для «граждан» закрыт.

Отправился туда после 9 ч. веч. некий профессор – медик из отлично зарабатывающих и лечащих, между прочим, в Кремле. Хорошо поужинали, выпили. На выходе профессор соблазнился купить что-то из хороших сладостей, выставленных в буфете. Продавец вежливо остановил его: «извините, гражданин, это только для иностранцев».

В дополнение к этому. Один немец, давний москвич, ныне приехавший по делам в Москву, но уже немцем, остановился в Большой Московской. Там, увидя сладости и зная от своих сестер, – живущих в Москве и к которым он как раз собирался заехать, – что сладостей нам не дают, он подошел к стойке и по-русски стал покупать. «Да вы разве иностранец, вы так хорошо говорите по-русски», – запросила его продавщица. Он показал *паспорт*, сказав этой даме: «Вы м.б. сомневаетесь»? И она ему продала пастилу и две плитки «Золотого ярлыка» по 1 р. 30 к., с нас берут 2 р. 75 к. (когда бывает), что он нашел, конечно, *очень* дорогим, помня этот «Золотой ярлык» у Эйнема по 40 к. за плитку в 1/4 ф. (*более* 100 гр.).

Ну, уж сюда же и третий случай. Приезжий доктор обедал во вновь открытом «Отель Савой». На 5-й день к нему подошел некто из высшей администрации с замечанием в вежливой форме: «Вы что-то к нам зачастили обедать». На изумленный вопрос посетителя, разве это незаконно, – заведующий сказал: «Мы ведь отпускаем обед за 2 р. себе в убыток, и делаем это для иностранцев, которые ведь меняют у нас

доллары, а вы платите нашими деньгами... Мы, конечно, не можем запретить ходить, но было бы лучше, если бы вы заходили не чаще одного раза в пятидневку».

Ну, чем же это не колония порабощения?!

И все ложь, ложь и ложь.

А главное, – иностранцы, сюда приезжающие, не видят, либо не хотят видеть.

И везде – ГПУ, которое все знает, за всем следит, все «искореняет». Вот как теперь – ловит «злоумышленников», которые скупают мелкую монету и будто бы распространяют слухи о том, что правительство изымает серебро из оборота. Ни разу такого слуха ни от кого не слыхал. Дело, конечно, просто в действии непреложных законов политической экономии.

30 июля. Восторженные отзывы об *огромном* урожае сменились жалобами: а) на недостаток хранилищ и даже просто мешков (в мелких хозяйствах хранение было, конечно, проще) и б) на *слабое поступление* 1/3 и 1/4 зерна от колхозов, на что́ так рассчитывали для экспорта. Пессимисты объясняют это тем, что мужики, как всегда, не склонны отдавать хлеб по низкой цене, особенно когда в обмен им *не дают* товаров; и если прежде легко было хватать мужика в *отдельности*, то заставить *колхоз* давать хлеб будет, пожалуй, труднее. И мужики на этом играют. Кто кого?

*

В Сибири, как сообщают, был целый ряд небольших «местных» беспорядков, но до сплошного движения не дошло, хотя оно уже вырисовывалось. Зимой усиленно готовили сухари и собирались уйти на «черную тропу», т. е. к весне скрыться в леса, откуда и вести партизанскую войну. Знаменитое сталинское «головотяпство» остановило дело. Надолго ли?

Жизнь в Сибири тяжелая. И в помине нет богатого зажиточного края, каким Сибирь рисовалась прежде. Все разорено и обглодано. Но всего возмутительнее лесозаготовки, совершаемые *трестом*, который *нанимает* заключенных в концентрационные лагери. Этот «СибЛОН» [Сибир. лагеря особого назначения] эксплуатирует сосланных: по 2 р. 50 к. в день за них трест платит СибЛОНу, затем кое-как кормит их (главное – кило хлеба в день) и заставляет работать в тяжелых условиях. Жилье – ими же собственноручно

построенные бараки, низкие, темные, где живут люди *семьями*, ибо высланные захватили своих, которых некуда было девать. Не имея заработка, они вынуждены 5-й день, день отдыха, работать, беря уже 2 р. 50 к. в свою пользу, и на это живут семьи, ибо из обычных 2 р. 50 к. *ничего* не дается заключенным, а на долю семейных никакого пайка *не полагается*. Мрут, как мухи, – особенно дети. Да и взрослым нелегко, ибо там много кавказцев, азиатов, украинцев с Волыни (высылали за то, что есть *родственники* зарубежные, куда была большая тяга зимой), которым климатически край совсем не подходит.

*

Должно быть, проведав кое-что про эти условия, американцы повели было кампанию о недопущении русского леса в САСШ, припомнив закон, по которому американцы не допускают к себе произведений, сработанных принудительным трудом (закон чуть ли не линкольновских времен).

Нашлись, конечно, заинтересованные в обратном: у одной фирмы заказано 30 пароходов русского леса, уплачены задатки и т. д. Стали ссылаться на другой закон, разрешающий, *в случае* нужды, покупать и товар *принудительного* изделия. Кончили пока тем, что уже закупленные транспорты примут все. А дальше?

*

На наших больших стройках (Магнитострой и др.), говорят, везде есть лавки, обслуживающие исключительно иностранцев, где есть все в хорошем виде и по особой для иностранцев цене. Ну, чем не колония?

*

Зато в нашей кооперации, где все и без того разлажено, в последнее время понасажали выдвиженцев. Посетителю, которому двое таких лиц никак не могли произвести запись платежа, на его нетерпеливое замечание: «зачем же вы беретесь не за свое дело, коли не умеете писать?» – один выдвиженец ответил: «а мы грамотных в Соловки всех выслали, вот теперь и приходится нас сажать на это дело».

*

О *спецах* постоянные курьезы. Решается, напр., какой-то важный в нефтяном деле вопрос. Можно или нельзя так сделать? Собрание власть имущих не умеет распорядиться. Один из них едет в тюрьму и через час привозит бумажку с

заключением: «*нельзя*, Сарбеков» (крупнейший спец, сидит в тюрьме, и там его консультируют!).

*

Года два назад, когда проводили «районирование» (кстати сказать, для хозяйственных целей существующее во многих странах, без всякой ломки привычного административного строя, напр., в САСШ), переломали в который раз все деления прежние, создали *округа*, всячески настаивая на необходимости сделать это теперь же, не откладывая. – Нынешним летом признали, что это лишняя инстанция, к 15-му октября велено округа спешно «ликвидировать».

*

Редкая по гнусности тона статья М. Горького из журнала «За рубежом» (создан для собирания всяких гнусностей про весь мир) перепечатана в «Известиях» на этих днях. Всех обругал: Азеф – дурак, Струве – болтун, Чернов – проститутка; всего интереснее, пожалуй, цитата против Горького, им приведенная и объявленная глупостью.

*

Вопрос о мелочи жизнью смягчен: вместо гривенников везде дают почтовые марки, у продавцов стараются добрать до круглой суммы, на трамвае – все запаслись десятибилетными листками. А мелочи – все-таки нет, хоть ГПУ и переарестовало великое множество кассиров, кондукторов и «спекулянтов» за хранение мелкой монеты.

7 авг. Большевикам удалось то, чего до сих пор не умел сделать никто: наложить арест на мозги человеческие и эксплуатировать их в свою пользу. Спецов ставят в такое положение, что подводят их под наказание, а затем *держат в заключении* и эксплуатируют, сдавая их в рабство учреждениям. Один из недавних примеров: двух инженеров (один из них Жданов), содержанных в Бутырках, заставляют одеться получше, везут в Питер в обществе шпика, и там заставляют в полуторамесячной работе чинить «*прорыв*» на Путиловском заводе. А дальше – опять Бутырки. ГПУ получает большие деньги за таких заключенных.

Недаром САСШ подняли такую кампанию на тему, применяется ли принудительный труд в СССР.

Характерна небольшая, всего в $1^{1}/2$ стр., статейка в американской «Лейбор Ревью». Вся статья очень сухая

и официальная – построена на документах и данных «Известий». Напомнив *февральский* 1930 г. закон о праве сельсоветов карать пятикратным штрафом сельчан, уклонившихся от лесозаготовок, принятых на себя *большинством* общества; приведя затем закон об использовании заключенных в лагерях на лесозаготовит. работах; процитировав кстати циркуляр наркомюста, обещающий ознакомить с принудительными работами тех судей, которые не будут во всей строгости применять этого закона – «Лейбор Ревью» делает вывод, что принуд. труд, особенно при лесозаготовках, у нас применяется. А дальше – 2 цифры: 60 000 заключенных в лагерях по официальным данным на 1 дек. 1928 г. и 80 000 работников на лесозаготовках, как значится в отчете о них; отсюда вывод, что 3/4 заготовщиков – рабы.

*

К арестам сельскохозяйственников прибавились банковые: Юровский и Лоевецкий, работники по червонной валюте. Первый из них один раз подписал выпуск червонцев без обеспечения, когда ему обещали это обеспечение внести позднее; второй же раз *отказался* дать подпись под необеспеченный выпуск. Его тогда же (1/2 года назад) сняли с работы. Теперь, когда червонец катастрофически крякнул, он же будет в ответе, как... вредитель системы, которую он всячески *спасал*. Говорят, он к тому же больной.

*

А развал хозяйственный все идет. Стройка почти всюду стоит, – и только отдельные случаи *показно* осуществляют быструю стройку.

Нет *гвоздей*, совсем нет никаких труб. С Магнитостроя рабочие *бегут*. Говорят, Магнитострой окружили кордоном, но группа рабочих все же «прорвалась». Голодно.

На юге не знают, что делать с хлебом. Этим пользуется Италия, куда сейчас продают, говорят, по 50 коп. пуд лучшую пшеницу, правда, *сыроватую*, которую хранить негде.

А мужики-колхозники не отдают хлеб по контрактовой цене. И тут тоже получается «*неувязка*». Одолеет ли мужик?

*

Фольклор. – Сходство Сталина и радио: слушать противно, и возразить нельзя.

11 авг. Газеты полны известий о всяческих «прорывах». Проскальзывают сведения об отвратительном питании рабочих на «Магнитострое», о скверных жилищных условиях, о недоработке то тут, то там, и все в каких-то потрясающих цифрах (хорошо, если выполнено 85%, бывает и 10% задания), одинаковым образом и в промышленности и в сельском хозяйстве. А газеты все кричат: «нет никаких объективных причин, есть только субъективные» («халатность», «вредительство», «головотяпство», «уклон», – все такие неопределенные термины), и они «должны быть» устранены, если «воля пролетариата» требует этого. Что же называть после этого «идеализмом» и «метафизикой»?

*

Однако «текучесть» рабочей силы остается угрозой настолько серьезной, что сегодня в «Известиях» напечатан проектец «Наркомтруда» для удержания рабочих на месте. В проекте есть и угроза изгнания в двухнедельный срок с фабричной квартиры рабочего, *самовольно* оставившего место работы; и незаписывание на биржу тех, кто дважды «самовольно» оставил работу на определенном заводе и т. п. Все, как в доброе старое время (лишение квартиры, «черная доска» и т. п.).

И все-таки рабочие бегут. И в иных отраслях (особ. лесозаготовки) прямо приходится заставлять работать уже всяких заключенных.

*

Мы нашли сучок в глазу американцев. Сегодня в «подвале» «Известия» констатируют с торжеством, что американцы вывезли за границу на 10 000 долларов (20 000 руб.) изделий, выработанных заключенными в тюрьмах!..

*

В «Известиях» сообщено, что «чистка» выявила подлинных врагов советской власти: их, устраненных по 1-ой категории, оказалось 11 000 челов. Целая армия! По *второй* категории вычищено что-то вроде 25 000 челов.!

*

Слышал вопрос: в Китае не пускают китайцев в иностранный квартал, где расположены посольства. А у нас в Кремле своих пускают к своему правительству? И будут ли пускать, когда новый дом правительства будет построен на Болоте?

*

Стройка идет дико: 2-3 дома растут спешно, десятки – ни с места. Нет материалов.

*

Газеты полны новым приемом социалистического строительства. Уже констатируется «факт», что «встречный промфинплан дает увеличение производственной программы». Это новое проявление «энтузиазма рабочих масс», вкратце, заключается в том, что рабочие сами планируют, т. е. заявляют попросту, что они могут против намеченного плана сделать на такой-то % больше, причем иногда это выражается в 8-10%, а иногда цифры прямо поразительные: есть случаи, когда «встречный промфинплан» увеличивает памятку в 2½ раза!

Итак, опять «идеальный фактор» в действии. Газеты захлебываясь учитывают энтузиазм, *буквально* заявляется, что его необходимо перевести на *числа*, на *цифры*, – и так и поступают, невольно напоминая тех персонажей детских сказок, которые, размечтавшись, учитывали, сколько будет в стаде, когда купишь свинку, да она опоросится, а те свинки опоросятся снова и т. д., и т. д.

*

И только когда на улице начинаешь вглядываться в окружающее, понимаешь, что тебя окружает самая глухая *уездная* провинция с ее бытом, взглядами, вкусами, потребностями, и притом провинция полураздетая и полуголодная.

17 авг. Сообщают о состоявшемся аресте московских историков: Любавского, Готье, Егорова. Первый академик, второй и третий видные работники Ленинской библиотеки. Первый и второй – русские историки, работавшие много и в архивах, где они служили, первый и третий, по приглашению Покровского, участвовали в неделе русских историков в Германии в прошлом или позапрошлом году.

Петитом сообщается в газете о четырех «злостных» укрывателях разменной монеты, расстрелянных по постановлению ГПУ. Таким путем ищут выхода из затруднительного экономич. положения?

*

Увлечение «политехнической школой» доходит до «восторгов». Газета утверждает, что «рабочие, осознав свою роль во всем социалистическом строительстве, стремятся к охвату

всей системы производства, к пониманию всех деталей его техники и организации».

И далее: дело новое, учителей *нет*, как нет и самого «политехнизма». Вывод: немедленно все-таки строить политехническую школу «по Марксу, Энгельсу и Ленину», а пока что – «спешно переподготовить старых учителей».

*

Для разговоров о подъеме благосостояния характерны устанавливаемые с 1-го окт. 1930 г. *минимумы* окладов. Беру только районы 1 разряда, где эти минимумы *наиболее высокие*. Учитель 79 р.; учитель II-ой ступени – 118 р.; врач и ветеринарный врач – 144 р.; агроном – 144 р. (учитель все еще *ниже* сортом); районный статистик – 72 р.

Все они вынуждены обращаться к услугам частного рынка, где масло – 8 р. фунт, кружка молока – 40 коп.; а стоимость нашего рубля приблизительно 10-15 коп. – Золотой десятирублевик на Кавказе расценивается уже 200 руб. бумажками.

*

«Колониальность» наша все усиливается. Есть «комиссионные магазины», где продают *только* иностранцам. В других – особые отделы для них. Есть *превосходная* мебель, но ее продают *только* на экспорт. Японцы, американцы, даже персы вывозят на валюту отличные вещи. Распродажа России идет «распивочно и навынос», – больше «на вывоз».

Т. к. ряд производств совсем замер, то получается своеобразный «голод» на некоторые вещи, напр., на мебель, особенно на стулья и шкафы. Неимение дерева привело к приостановке выделки даже «сухаревской» мебели. Шкафы прямо рвут друг у друга. А «буфеты», наоборот, не находят сбыта, ибо нет таких помещений, где буфет поставить, и нет такого количества посуды, которое требовало бы буфета. Ни у кого нет лишней тарелки или стакана. В провинции разбитие третьей тарелки приводит к тому, что в маленькой 3-х–4-х членной семье обедают в очередь.

Зато под Большой Московской гостиницей помещается вывеска серебряными буквами по голубому полю: «Antiquités. Magasin de l'Etat», а рядом два пояснения – русское – с перечнем продаваемых разрядов вещей, и французское – с характерным прибавлением к перечню – provenant de palais russes.

18 авг. 1930 года, «Известия», на V Коминтерне. Из речи ген.-секретаря Лозовского.

...Все товары, выходящие из фабрик и заводов, направляются прямо в рабочие районы и колхозы. До революции рабочий, особенно крестьянин, недоедал. Если бы то количество продуктов промышленности и земледелия, которое производится сейчас в советском государстве, производилось при режиме капитализма, то магазины Москвы и других городов ломились бы от товаров, но рабочие и деревни все равно не видели бы этих продуктов.

Аресты идут опять усиленные. По линии адвокатуры – Брусиловский(?), ряд других, и даже Коренев, старик, когда-то бывший председателем совета присяжных поверенных Московского округа. Другая линия – старик Прянишников (Петров. с.-х. Академии), лет 70, работавший по программе очень левой, и огромное количество молодежи из Наркомзема и ЦСУ. Третья линия – крупные спецы в области техники: *Осадчий*, чьи статьи, полные энтузиазма, постоянно появлялись в советских органах; *Рамзин*, первейший авторитет в области теплотехники.

Что это такое? Некоторые уверяют, что это начало своего рода «раскулачивания» интеллигенции, теперь можно обойтись *без нее*, а ее мозги можно держать в тюрьме и даже эксплуатировать при случае.

*

О мостовике Велихове передают, что его и допрашивали-то мало, а расстреляли по обвинению в том, что будто бы поддерживавшаяся им постройка моста у Черкасс отвечала интересам *польского* военного командования.

20 авг. Ходить по городу противно, и не радуют даже зачатки благоустройства – новые мостовые. Всюду все разрушено. То и дело попадаются недоломанные церкви; в одну – в Чернигов. пер. – роют траншею для канализации, а сама церковь завалена досками, цементом, известью, вм. алтаря какая-то эстрада. Вдали то и дело виднеются обезглавленные храмы, непременно с рваным красным флагом где-нибудь на верхушке. Везде «надстраивают» легкой стройкой старые хорошие двух- и трехэтажные дома. И все кишит толпой – грязной, серой, тупой, мордопротивной. Словом, несмотря на «американскую» технику, впечатление грандиозного

Тушинского лагеря, сплошь «воры», которым ничего не жаль, которые готовы продать все.

*

А «слова» становятся все гуще, все вульгарнее, лексикон обогащается речениями подлократии. Сначала было «даешь» из жаргона крючников, потом еврейское «на все сто%», теперь какие-то залихватские словечки, вроде «деремся за своевременную ликвидацию округов», «идем на штурм за правильную доставку овощей».

*

Шпана, призванная к хозяйственному строительству, тащит вовсю: со всех фабрик вопли, что расхищают продукцию и при каждом осмотре (а их приходится устраивать) обнаруживается сплошное воровство, включая комсомольцев и партийцев, к тому же нагло отвечающих: ведь не чужое берем, а свое. – В кооперативах хищения прямо чудовищные: крадут товаром (редкая пачка папирос обойдется без *пустой* гильзы – это на фабрике воруют, – а то прямо без одной папиросы; в конфетных коробках систематически нехватка одной пастилы и т. п.), воруют купонами. Газета сообщает об одном фрукте, который ухитрился набрать 6 700 (расстрелян за *6 700* карт.) (sic!!) продовольственных карточек и торговал ими; при *аресте* у него нашлась их целая тысяча. То же самое с серебром: когда начали укрывать его крестьяне, немедленно за ними последовали кооператоры, всякие кассиры и т. д. Воровство сплошное. Ну, а спекуляция уж дело совсем простительное: когда нет товаров, оставшиеся становятся спекулятивными, и тут не помогут даже смертные казни, обильно опять применяемые «по этой линии».

*

Аресты, аресты без конца.

*

Уничтожение интеллигенции, очевидно, одно из звеньев плановой пятилетки. О плановом устранении представителей этой «касты» говорят совсем открыто. Пример – фельетон в «Известиях» от 19-го авг.

3 сент. В «Известиях» мелким шрифтом о том, что ОГПУ арестовало Кондратьева, Чаянова, Макарова, Садырина, Рамзина, Юровского и *других*, уже *сознавшихся* в том, что составили сообщество для ниспровержения советской власти.

Что это за сознание? Вынужденное?

Или неужели так *невмоготу* советская власть всем крупным лицам, с нею работающим, что неминуемо *все* переходят к заговорам. Но тогда заговоры всюду кругом, а мы про них и не подозреваем!!!

Относительно арестованных ОГПУ хозяйственников передают, будто бы их хотят выставить виновниками провала пятилетки. До сих пор тех, кто пытался умерить темпы и цифры пятилетки, т. н. «правоуклонистов», всячески травили, и в противовес им «энтузиасты» рабочего класса (т. е. коммунистическая хозяйская верхушка – все эти Лисковы, Куйбышевы, Орджоникидзе, Крыжановские и др.) все ширили размах, все повышали цифры предполагаемой добычи и выработки. Теперь, когда пятилетка трещит (газеты *вопят* ежедневно о прорывах, недодачах, недогрузках и отчаянно призывают «штурмовать» прорывы, «драться» за выработку и т. п.), будто бы стали выдвигать другую версию: спецы-хозяйственники (*не* коммунисты), видите ли, *нарочно* подсказывали ответственным партийцам невыполнимые цифры, чтобы провалить пятилетку.

В *таком* объяснении арестов многое, однако, не вяжется. Ведь рядом идет же дальнейшее *подвинчивание* пятилетки: придуман новый метод – встречный промфинплан, состоящий в том, что *рабочие* навстречу цифрам верхов выдвигают свои цифры, конечно, в форме обещания дать *больше*. Некоторые и тут видят злоумышление партийных верхов, которые сначала сбросят спецов (под флагом *вредительства*: таков флаг, выкинутый уже давно), а затем дальнейший (им вполне очевидный уже, как думают многие) провал возложат уже на самих рабочих, у которых де не хватило социалистического энтузиазма для выполнения *ими же самими* поставленных себе заданий.

*

«Признания» арестованных продолжают служить темой разговоров. В чем признались и почему такие поголовные признания?

В процессе украинцев (Ефремова и др.), говорят, прибегли к *запугиванию*, если не сознаются, и обещанию мягкого наказания при признании. Не согласившиеся будто бы понесли тяжелую кару, «признавшиеся» были судимы при общем равнодушии даже газетных читателей и были приговорены,

действительно, к довольно «легким» наказаниям (ни одного расстрела).

Говорят о *внушении* во время следствия, о недавании спать, о чрезвычайной длительности допросов. Иные расстрелы (не публикуемые) порою получают характер прямо заметания следов.

*

Сейчас создается большое дело (намекают в газетах на монархический заговор, а впрочем – тема еще может быть изменена), в котором «амальгамируют» петербургских и московских «русских» историков (впрочем, есть два «всеобщих» – Тарле в СПБ и Егоров в Москве). Про питерских уже сообщалось в речах, что они «сознались».

*

Некоторый свет на «методы» следствия проливается таким, напр., фактом. Не так давно (месяца $1^1/2$ –2 назад) покончил с собой (а заодно покончила и жена) только что выпущенный из ГПУ инженер. (Трагически погиб – обычная теперь форма ежедневных объявлений в «Известиях»). Передают, что он сообщил своему отцу и жене, что отпустили его под условием стать осведомителем ГПУ относительно сослуживцев (другой выбор был – расстрел). Пошел он на это лишь для приведения в порядок своих дел. Совершив это, он вместе с женой бросился в пролет с 6-го этажа.

*

Трагедий не оберешься. О большинстве из них поговорят – и успокоятся. Впрочем, успокоиться некогда, ибо идут новые трагедии. Вот на образец. У стариков-супругов, врача-физиотерапевта и его жены, зубного врача, с полгода назад арестован был 30-летний сын, филолог, человек старой складки, интересовавшийся оккультизмом, масонством и др. подобными вещами. Создано было целое дело, в которое, по обычаю, вплели разных лиц – называли: ген. Снесарева, бывшего нач. красной академии ген. штаба; проф. Озерова, финансиста; какого-то японоведа-ученого и др. Ждали приговора о высылке. Вдруг известие – сын расстрелян. Сообщают, что родители демонстративно положили на стол открытое евангелие, зажгли лампаду и впрыснули себе морфий. В таком виде картину и застало ГПУ, будто бы явившееся к ним (арестовать и их? «конфисковать» имущество?). Тела обоих преданы кремации, но молва добавляет, что при отпевании двух

покойников священник поминал трех, включив и расстрелянного сына. Боятся теперь за священника.

Фамилия врача – Ясман, жена его – Кейзер.

*

Экономика в развале. Особенно велика вакханалия беспорядков в овощном деле, – арбузы несчастные гниют, их никак не могут вывезти с мест, и в Москве редкие продаются по чудовищной цене. Виноград 2 р. фунт, дрянная груша 50 коп. – Поволжье не знает, куда деваться с яблоками. «Казна» назначает смехотворные цены с огульной повалкой. Мужики везут, но им *запрещают* продавать на базаре. Или разрешают (в Казани или Нижнем) вывезти для продажи 1 пуд... Когда же пуд этот появляется, внезапно *отменяют* разрешение и яблоки конфискуют, напр., для детских домов.

Оголтелые обыватели сидят без яблок (а есть вообще нечего!), садоводы не могут продать огромного избытка, а тут же, на глазах тех и других, делают пастилу целыми *бочками*, на которых *написано*, что это «made in USSR», – для вывоза за границу.

*

Развал транспорта (всякого) необычайный. На авиации – аварии при учении постоянные. Пароходы почти замерли (на Волге особенно). Поезда, как правило, опаздывают на 5-8, даже 12 часов, особенно идущие с юга, с Кавказа и из Крыма (а еще 3 года назад движение было вполне приличное). Дороговизна кормов и истребление лошадей привели к тому, что в *Москве* с вокзалов берут за проезд 8-10 рублей, а бывает и 20 р., особенно когда застают публику врасплох при прибытии дальних поездов. Ломовики за доставку дров берут 15-20 рублей уже теперь (сентябрь!). Такси порою нельзя достать вовсе, на бирже – ни одного. Шоферы донельзя грубы.

*

Больнее всего с рабочими руками. Тут какая-то неразбериха. Безработных как будто не стало, что объясняется истреблением квалифицированных старых работников (от бухгалтеров, техников до плотников и штукатуров), неподготовленностью новых и ростом спроса, с одной стороны, и «текучестью» рабочего состава – с другой. А текучесть от невозможных условий труда, прямо каторжных; партийцы же только и призывают к «энтузиазму» творчества. Голодная жизнь (продовольствия нет на местах), обычно в бараках (на

новых строительствах особенно), низкая оплата (что такое 2-3-4 рубля, когда яйцо стоит 30 коп.!) приводит к постоянному исчезновению рабочих, а тут еще психология безработия, ибо недостача материалов постоянно прерывает работу. Вот и получается бегство с работ. Стоят даже недоломанные церкви, не говоря уже о разрытых улицах, недоделанных тротуарах (рядом с «американской» обработкой асфальта опять 2-3 человека с варкой тут же), покинутых стройках больших домов.

А наш глава правительства в смехотворной по своей наивности передовице «Известий» (от 7 сент.) легко и свободно разрешает вопрос о *нехватке рабочих* (статья так и озаглавлена).

Восторженно приветствует он постановление Наркомтруда РСФСР о том, что «Турксибу должны быть переброшены 4 000 рабочих из районов Нижегородского края, Средней Волги, Татреспублики и Башреспублики», и находит «совершенно правильным», чтобы, в случае неудачи вербовки, «сняты» были рабочие «с менее важных строительств». И не хочет *видеть* тов. Калинин, что ведь это крепостное право, своего рода переселение крестьян волей дедушки Степана Михайловича в благословенные степные места.

По поводу «нехватки» рабочих он радуется тому, что, стало быть, у нас нет безработицы: «что с общей точки зрения это явление положительное, что оно возможно лишь в стране диктатуры пролетариата, я думаю, никто не будет отрицать»... «Ведь только подумайте, вникните в смысл слова “безработица“», – и кивок на запад, с примером из-под Берлина, где отец, мать и дочь повесились на одном дереве из-за безработицы. (Хорошо бы примерики сопоставить с судьбой семьи д-ра Ясмана, см. выше).

И дальше истерические возгласы про то, что могут дать наши многомиллионные массы, «втянутые» в работу. «Если эти сплоченные миллионные массы вооружить первоклассной техникой и соответствующей ей организацией труда? *Тогда народы увидят*, что значит социализм». И при месте: «Тракторный завод в Сталинграде будет (!) производить товаров на сто миллионов рублей в год при десяти тысячах рабочих. Значит, каждый человек при семичасовом дне будет производить на 10 000 рублей в год».

Заманчиво, что и говорить!

12 сент. С экономикой решительно не ладится, и в крупном, и в мелком.

В мае торжественно справляли выход первого трактора на Сталинградском тракторстрое (в Царицыне). Вскоре выяснилось, что это только *сборка* советская, а части – из Америки. А дальше – весь хваленый конвейер просто *стал.* Сегодня тревога: вм. 400 тракторов выпущено всего 7; сменили всю головку – за неумение создавать интернациональное настроение в рабочих (так и сказано; по-видимому, в связи с избиением рабочим-американцем рабочего-негра), за неумение поднимать энтузиазм и т. д., и т. д.

Стройка везде останавливается – нет материалов, да и рабочие бегут.

В сельском хозяйстве не лучше. Газеты истерически призывают к ударности, штурмованию и т. д. На деле же необычайная отсталость в количестве вспаханных га (гектаров); отсталость в засеве (характерно, что у единоличников засев идет быстрее и количественно значительнее) – со склонностью сокращать самую наметку предполагаемой к засеву площади; отсталось в сдаче хлеба, значительные массы которого лежат в поле не убранные (недостаток транспортных средств, пьянство колхозников, оглушенных хорошим урожаем и не усердствующих в необходимой спешной уборке).

В добывании руды, каменного угля, в дровозаготовках – резкая нехватка. Кричат уже о необходимости *экономить* топливо.

В частности, в Москве *уже нет* продажи дров. Все сосредоточено в Мостопе, который будет 1/3 поступающих дров распределять населению (2/3 на «промышленность») по ордерам месткомов, «в порядке живой очереди». Это означает – недостаточное снабжение (по лицам, а не по размерам помещения; по «классовому» признаку, т. е. больше скученным рабочим, торгующим углами своей комнаты, чем пытающимся жить по-человечески культурным людям), с очередями ночью, с трудной перевозкой («ломовики», дравшие 20 руб., ликвидированы, транспорт «обобществлен», т. е. стал дешевле, но и сократился).

По *обуви* жители разделены на очереди. Педагоги в 5-ой очереди в октябре! Какая же разница между буржуазным и социалистическим строем? В первом, если заработал, ты всегда можешь купить ботинки; теперь можешь заработать,

иметь деньги, а обуви не получишь ни за какие деньги (если не продаст, обдирая, рабочий).

17 сент. В Германии выборы (14 сент.) дали, как и предвиделось, усиление правого и левого крыла: необычайно расцвели фашисты, и увеличилось число голосов за коммунистов. Придется немцам теперь делать соответствующие выводы. Либо они перейдут к русскому антипарламентаризму (но с опорой на фашистов или без них, в духе прежней прусской монархии), либо подчинятся коммунизму (такой ли он будет у них, как в СССР, – вопрос другой), если только, прозрев, не поймут, какую опасную игру они затеяли, думая, что можно «по-бисмарковски» опираться на «Россию», не считаясь с тем, что отсюда идет всяческое поощрение коммунизма.

*

Аресты продолжаются. Указывают на линию врачебную: знаменитый Благоволин, абортист, прекрасно знакомый всему советскому бомонду; затем бактериологи – будто бы целиком все связанные с изготовлением сывороток; другая линия – актерская: Завадский, Поль, художник Никитин и др., все люди, связанные давней работой по театру; наконец, по линии историков – Иванов-Полосин, Совков; говорят, на свободе лишь слепой Бочкарев.

*

О колхозах отовсюду вопли. Колхозники оказались кулаками – сжали для себя, что нужно, распределили, продают хлеб на вольном рынке, плохо сдают обязательный и дешевый государству, а главное – пьянствуют и не хотят работать дальше. Уборка проваливается, сев идет туго. Лишь островами разные «ударники» что-то показывают.

То же ударничество местами дает соответств. эффекты в области промышленности, но в большинстве, в массовой работе – «прорывы». Для их исправления издаются жестокие и срочные «приказы» из центра, мобилизуют тысячи, ударники, комсомольцы, направляются, наконец, крупные партийные работники. Результатов не видно.

*

Рынок угнетен окончательно. На возу частник-огородник изредка продает крупную репу, хороший картофель, ядреную морковь. Тут же рядом, страшно дешево, кооперативы и обществ. лавки отпускают лук (его сейчас выкинули на

рынках пропасть), мелкую морковь, слабую капусту, дрянной картофель. Очевидно, все это *преждевременно* снято с полей, чтобы заткнуть нехватку иных продуктов, и все это, очевидно, *очень скоро* кончится, как уже исчезли огурцы, помидоры, а арбузы как-то и совсем почти не появлялись. Ну, а потом? Останется картофель, которого еще не собрали целиком?

С юга тревожные вести о поздней копке сахарной свеклы. Заводы почти еще не работают, а им было назначено открыться 1 сент. ввиду объявленного *огромного* урожая свеклы.

*

Зато в горах, верстах в 60 от Гагр, студенческая экскурсия натыкается на специально построенный в горах, у озера, в красивой местности небольшой дом в несколько комнат – для Сталина. Лишь на обратном пути задержанные ГПУ экскурсанты узнали, в чем дело: застава стоит в 15 вер. от места и удивилась, как проникли туда экскурсанты. Дорога только верхом. Есть, говорят, еще тропа, но ее знают лишь абхазцы.

*

Обдирают крышу над алтарной апсидой церкви Петровского монастыря: видно, понадобилось хоть и старое железо.

На большинстве крупных строек работа приостановилась: тачки и инструменты так и стоят без дела на верху недоложенных стен.

Сжались по части мостовых. Уже сделанные «по-американски» части показывают волнообразные прогибы (водостоков совсем не сделали, так что целая улица не имеет ни одной решетки сточной!). Тротуары асфальтируются уже по-русски, т. е. тут же (обычно на первом попавшемся дворе, с жителями не стесняются) идет варка асфальта, разносимого и укладываемого ручным способом; а вторая сторона улицы просто замащивается булыжником (обычный частичный, т. наз. «ямочный» ремонт, осужденный задолго до войны).

*

Осадчий, говорят, *не* сидит в ГПУ. Но «его влияние пало, он сидит дома и к нему мало ходят»; что это – домашний арест м. б.?

*

Новый лозунг: «перекличка запасов». Предприятия должны выявлять, что у них лежит зря, а потом выявленное будет направляться туда, где оно нужно.

Все какие-то порывания и дергания вместо методической, спокойной работы.

*

В некоторых учреждениях задерживают выплату заработной платы. *В Москве* педагоги ждут уплаты уже более недели. Банк не дает. Выпущены опять новые серии пятирублевок с одним и тем же номером.

21 сент. В газетах что ни день, то потрясающие известия по части экономической разрухи. 21 сент., напр., передовица «Известий» вычисляет, что если не будут приняты меры, то на 250 млн. руб. заготовленного, но не свезенного леса замерзнет в воде и весной унесено будет в море. А предлагаемая мера говорит *об октябре*, когда в прежние времена после 20 сент. *никаких* сплавочных работ уже не делалось, ибо каждую минуту все может быть нарушено морозами. Явно, что ничего уже нельзя сделать.

Хороши и *лекарства* для излечения хозяйств. язв. На «Донбассе», где рабочие бегут или лодырничают, теперь рекламируется такая мера: будет поощряться *сдельная выработка*, причем 30% выработанной платы будет выдаваться товарами. Предполагается, что всякий будет стремиться вырабатывать больше, ибо *целую треть* выработанного можно будет осуществить *реально* (остальные две трети – бумага или *дорогой* товар по рыночной *частной* расценке).

*

Вдруг объявляется, что неделю назад (загодя!) объявленные на 20-28 октября съезды ВЦИК´а РСФСР и ЦИК´а всесоюзного переносятся на *декабрь*! А была ведь дана даже программа обоих! Все это *официально* объясняется связью с *другой*, тоже неожиданной мерой: хозяйств. год, приурочение которого к 1 октября года два назад обсуждалось, проводилось и считалось чрезвычайно важным, вдруг отменяется: год велено считать с 1 янв. Мотивация: октябрь делан для сельск. хозяйства, а оно теперь индустриализируется (!!), следовательно, нет надобности считаться с крестьянским хозяйственным годом. Не пугает и путаница: сейчас вместо *одного* хоз. плана надо составлять два – отдельный на

октябрь-декабрь и другой – с 1 янв. на год. Суть в том, что никак не могут к 1 окт. закончить год: денег нет, хлеб не собран и не поддается учету, люди разбегаются, промышленность падает, колхозы провалились – словом, летит вся пятилетка, выполнением которой так хвалились недавно, да и продолжают кичиться в газетах.

Иногда действительность превосходит всякую анекдотическую выдумку. В одной газете татарской (дело происходит в Казани), на русском яз., в статье, громящей какого-то инженера-спеца, напечатано было примерно следующее: «в то время как татарский народ, *харкая кровью* (sic!), старается доставить московскому правительству хлеб, инженер такой-то позволяет себе говорить» и т. д. На другой день газета извиняется перед читателями и, приводя этот текст, объявляет, что по недосмотру выпускающего газету допущена была опечатка: напечатано «харкая кровью», а следует – «с энтузиазмом».

22 сент. Сегодня газеты сразу были распроданы с утра: большой день газетный. Сообщается о раскрытии грандиозного вредительства в деле *мясозаготовки, овощеснабжения, рыбного дела* и т. п. Оказывается, во всем виноваты и во всем сознались сорганизованные вредители (за последние годы, 1928 и след., нередко, уже часто после шахтинского вредительства), ставившие себе задачей развал советского хозяйства, отчасти восходившие в своей деятельности еще к 1925 г. И все это бывшие дворяне, бывшие торговцы, кадеты и меньшевики, профессора, словом «интеллигенция», продававшаяся иностранцам (вплетена английская консервная фирма), продававшие дело рабочих, подрывавшие этим даже оборону страны и т. д., и т. д. Кто-то получил за это 2 500 руб., что-то даже больше, а главное – все сознаются и подписывают свои признания. А партийцы, возглавляющие все эти отрасли, так-таки ничего не видели? Один преступен тем, что умышленно назначал цены на первый сорт мяса настолько близко ко 2-му сорту, что все брали первый, а второй *гибнул*. Ну а если бы цены слишком разнились, сказали бы, что он 1-ый сорт предназначал нэпманам, чтобы рабочим он был не по карману. Будто сознательно в одни моменты *недовозили* мясо, а в другие доставляли его в таком количестве, что привезенный скот от скученности подыхал, и т. д., и т. д. Самальгамировано огромное дело с массой обвиняемых,

разного уровня и склада, есть «ответственные» работники, а есть и мелкие люди, никогда роли не игравшие. Все дело Совнаркомом «передано» в коллегию ГПУ. Следовательно, по-видимому, расправа последует без открытого суда.

Имена: проф. Каратыгин, проф. Рязанцев, два брата Фишзона, агроном Дроздов, все имена мало импонирующие. Но главное – пытаются «сшить» это дело, вызванное, по-видимому, желанием свалить на кого-либо вину в провале пятилетки (как провал в крупной металлургии свалили на шахтинцев), с «идейным» воздействием той группы лиц, чей арест еще недавно вызвал общее недоумение и ужас (Громан, Кондратьев, Макаров, Садырин, Юровский и др.). Из последних имен с особой яростью налегают на Кондратьева, Громана и старика-полевода Дояренко из Петровской Академии. Несколько затушевывают сейчас Садырина, Чаянова.

Вся эта история весь день 22-го сделала каким-то мрачным. Толкуют все это, как признак полной растерянности, особенно, в связи с новым бюджетным годом и отсрочкой заседаний обоих *ЦИК'ов*, и слепой мстительности по адресу интеллигенции. И уже пущен в оборот весь обычный «бум»: учреждения отмежевываются резолюциями от своих (Наркомзем от Макарова, Чаянова и др.), заводы в резолюциях требуют «высшей меры наказания», фельетонист Рыклин в «Известиях» кровожадно восклицает: «И мы не будем с вами *вегетарианцами*, извините за выражение», а Демьян Бедный в «Правде», кажется, превзошел сам себя в большом стихоплетном фельетоне, где говорится о «громано-кондратьевской сопле» и где рифмуются «консервы» и «стервы». Все это в газетах 23 сент.

Итак, очевидно, изничтожение культурной интеллигенции – дело ближайшего будущего. Теперь на очереди, очевидно, грандиозное дело об «измене», «шпионаже» и т. п. остатков российской профессуры: «русская история» уже арестована целиком, дело строится в Питере, который «соцсоревнуется» с Москвой.

*

Мелкие «вредительства» проходят незаметными. Знаменитая переделка московских мостовых, разворотившая с ранней весны весь город и не завершенная поныне, уже сказывается: новые мостовые местами *уже* бугрятся; грязь с них не убирается и при проезде автомобилей стоит пыль; почему-то *заделаны* все водостоки, и потому вода уже теперь

застаивается, а что будет зимой, при больших снегопадах и таяниях, этого и вообразить себе нельзя; снесенные на Садовой сады пока – груда мусора и испорченных деревьев.

*

В каком-то немецком журнале изображен, говорят, русский мужик, голый, с *капустным* листом там, где обычно бывает фиговый, и с подписью: «Die russische Kohlhose».

Даже в наши газеты нет-нет да проскользнет известие о том, что на западе весьма сознают роль русского вывозного «демпинга», пока лишь в области сырья и сел. хоз. продукции, в ожидании начинающегося промышленного вывоза (спички, посуда, обувь, шелковые изделия и т. п.). Наши газеты, конечно, иронически говорят о «так наз. советском демпинге» и объясняют все «страхом» гнилого капитализма перед «бешеным» развитием нашей промышленности, которая просто задавит всякую другую в силу естественных преимуществ всякого социалистического хозяйства.

25 сент. 22-го сент. газеты оповестили об открытии вредительской организации и передаче дела Совнаркомом в ОГПУ. Сегодня уже сообщается, что 48 человек расстреляно. Быстрое расследование и быстрая расправа: показания иных («признания»), даже по газетам, происходили *после* 10-го сент.

Теперь можно год, по крайней мере, не давать мяса, оправдываясь «вредителями». Впечатление – ужас. Люди ходят по улицам молча, в трамваях – молчание.

Всего гнуснее то, что эти дни (часто, вероятно, *после* расстрела) делались всюду «единогласные» постановления с требованием высшей меры наказания. Есть такое постановление от преподавателей I МГУ, аналогичное – от «собрания Академии Наук» (анонимно), – очевидно, весь «коллектив» с месткомом во главе (меньше всего – академиков).

А молодежь уже передает за достоверное, что найдены «списки с распределением должностей после переворота, – подумайте только!» – это уже подготовка политической расправы с русскими историками. И опять будут «признания».

*

Существует, оказывается, «собачий ликбез». Породистые псы взяты на учет у желающих хозяев (своего рода «общественная» работа для последних); за это выдается собачий паек, но владельцы обязаны в указанные сроки являться с собаками

на обучение псов всяким тонкостям службы ОСОАВИАХИМ'у. Делается это (за плату!) на разных «собачьих площадках»; одна из них во дворе упраздненной церкви в Старогазетном переулке.

*

Образец современной речи. Еврейчик, стоящий у дела в кооперативном строительстве, выражается так: «Ну, и что мы можем с такой сметой? – мы плутуем с ней в потемках». И дальше: «Все стены наших домов новой стройки покрыты ахиллесовыми пятками».

*

Житейский юмор. Как известно, всякая попытка опереться на родословную, на предков, встретила бы у нас самое резкое противодействие. Наоборот, всегда карают человека за его предков (дочь служителя культа, сын помещика, дворянин и т. д. – сплошной укор и унижение для человека). Наоборот *низость* происхождения встречает всяческое одобрение, и не случайно Демьян Бедный со смаком повествует о том, как его мать с полюбовником топили его отца в отхожей яме; а в Институте Маркса и Энгельса какой-то еврей из месткома на «чистке» громогласно объявил себя «сыном рабочего и проститутки-еврейки», что вызвало брезгливый жест со стороны т. Рязанова.

При этом забывают, конечно, и материализм, и дарвинизм, забывают отбор наследственный и т. д. Так бывает, когда речь о людях.

Картина меняется по отношению *к собакам*. Те же Демьяны и им подобные с *гордостью* насчитывают «12 поколений» своих собак, ведут их «родословные», а правительство заботливо охраняет эту чистоту породы, раздает премии, обеспечивает собак пайком (что-то около 1/2 пуда пшена или перловых круп в месяц) и – учит собак. Собачьих «ликбезов» (площадок) в Москве несколько, одна на дворе закрытой церкви в Старом Газетном. Собаковладельцы записываются в «ОСОАВИАХИМ», и тогда они обязаны являться в определенные сроки (это «общественная работа») и дрессировать своих собак на «ликбезе», дрессируясь и сами.

*

И рядом – школа для людей. Сейчас проводится в средней школе «политехнизация». Ее, разумеется, и понимают различно (повторяется история с модными несколько лет назад

лозунгами «трудовое начало» или «дальтон-план», над которыми побились-побились и бросили, ничего не добившись), и выполнить не могут за отсутствием: 1) соответствующих учителей, 2) каких бы то ни было пособий, мастерских и т. п. Набиты школы ужасно. Идет внедрение безбожия, учителя все переподготовляются или уходят на «обществ. работу», учителей «прикрепляют» к школе и педагогич. работе и т. д. Уровень учащихся падает, а если кто из детей чему-либо научится, то это помимо школы, большею частью от интеллигентных руководителей или родителей, – и такому ученику все равно нет хода, разве что притвориться левым, пристроиться к «производству», т. е. затратить массу времени и энергии на чуждое дело.

Руководство школами стараются обеспечить партийцами. Во главе оказываются трамвайные кондуктора, текстильщики, наборщики. Если они люди добрые, еще ничего себе, – но тогда их быстро снимают за «разложение». Если они с партийной фанаберией, т. е. уверенностью в том, что могут справиться со всяким делом, то получается чушь. В химическом техникуме (б. 3-е реальное училище) трамвайный слесарь, став заведующим, сделал выговор химику-руководителю за зряшные траты: тот купил фильтровальной бумаги для лаборатории.

Университет сломали совсем. Через каждый месяц меняются деканы на всех больших факультетах, ныне институтах. Недавно на «физмех» (это физико-механический институт вм. физико-математического факультета, где, как видно из названия, просто вычеркнули *математику*) назначили в деканы какую-то еврейку-естественницу, Быховскую, но она, как баба глупая и невежественная, держится за мужчину, некоего Иуду Соломоновича Закгейма, который преподает... диалектический материализм и вертит всем учреждением. Быховская сместила интригами какого-то партийца, своего предшественника, и сама скоро уступит место очередному «выдвиженцу».

*

Переучивают и профессоров. В одном из технических вузов объявлен «семинар» по диалектическому материализму. Собравшимся седовласым старцам какой-то молодой профессор (просто учитель средней школы, но он читает математику в каком-то военном заведении и потому – профессор) с извинением и оговорками, что он не философ, прочел

10-минутный реферат, смысл которого тот, что с древности были материалисты и идеалисты, но теперь идеализм окончательно отвергнут. Другой, какой-то Броудо или Бреуде, постарше, рассказал то же самое пространнее, сказал, между прочим, что «материя» не может быть определена точно, и что «дух» есть «производное» материи. Математики не особенно удовлетворились производным от чего-то, не поддающегося определению. На вопрос одного из слушателей, вся ли наука на западе материалистична, последовал ответ, что «странным образом» на западе лишь 30% материалистов, остальные ученые склонны к идеализму.

*

Хороша и готовящаяся «смена». В ней процветают только еврейчики. Со склонностью к паразитизму и отвращением к труду, они очень легко берутся за всякое чтение лекций и читают о чем угодно, особенно любят излагать всякую «теорию», – диалектический материализм отличная для них тема, кормятся ею. Хуже с российскими головотяпами; способных всех отшивают, ибо они шире по взглядам и чаще всего могут быть откинуты по социальному признаку. Оставшиеся – серые, самодовольные, тупые. Недавно преподаватель языка спрашивает такого аспиранта-историка, знает ли он франц. язык. Оказывается, не знает и «не интересуется» им. – «Как? историку не нужен язык страны, где происходила Великая революция, где была Коммуна»? – Ответ: «Мы, марксисты, интересуемся только *динамикой* исторического процесса; страна, где 50 лет не было никакой революции, нам абсолютно не интересна» (!!!).

Октябрь. Аресты все продолжаются. Говорят о 300 арестованных из *Теплосилы*. Указывают на арест некого *Шеина*, без 5 минут большевика, возглавлявшего всякую химию, «общественного обвинителя» в шахтинском процессе, где он проявлял усердие непомерное.

*

Показатель: заминка в деньгах (своих, советских). В банках по текущим счетам дают не более 500 р. в день. Жалованье служащим в целом ряде учреждений не плачено с 1-го окт. – На рынок выкинут сахар по *четверной* цене 2 р. 50 за кило (вм. 60 коп.). Публика ломится.

Зато 11 окт. с шиком заявлено, что на квартал окт.-декабрь в смету *совершенно не вносится* уплата пособий

на безработных, т. к. таковых не имеется, на бирже никого нет. И это *верно*, но что это значит?

*

В средней полосе колхозники, овладев барскими усадьбами, захватили все *яблоневые* сады и теперь *нанимают* на работу мужиков за *меру яблок в день* (эквивалента в 5 р. деньгами мужики не берут). – На юге еще лучше: единоличников просто *мобилизовали* по 3 р. в день с лошадью – убирать колхозное добро, оставшееся в поле.

Средина октября. От времени до времени, после затишья в несколько дней, известья о новых арестах. «Спецов» изничтожают всячески.

Некоторые представления о «мобилизации» населения можно вывести и из официальных цифр. Не *считая ГПУ* (оно ничего не объявляет обычно), по ведомству Наркомвнудела число «арестованных» было: 200 тыс. в 1928, 300 с чем-то в 1929, наконец, свыше 570 000 за первые 9 мес. 1930 года.

Хозяйственная жизнь все угасает, во всех направлениях.

Осенью не было арбузов и винограда, как раньше, летом этого года, почти не было в продаже ягоды. Яблоки сейчас по 25 к. штука – дрянь. Никаких ранетов нигде нет и в помине; попадаются одни яблоки средней полосы, зеленые, кислые, червивые, преждевременно снятые. Груш совсем нет. *Цены*: масло 9-12 р. фунт; яйца 4 р. 20 к. десяток, мясо 4 р., молоко 65 коп. кружка (прежде 6 коп.).

Дров в продаже нет. По ордерам можно получить (не всем, конечно) по 16-18 руб. за сажень (меньше прежней); провоз – 4-5 руб. официально, но обычно надо нанимать вольно; и тут уж цены аховые: 15-20-25 руб. Курьезов не оберешься. Напр., живущий в лесу, на даче, в 6-7 верстах от Москвы, покупает дрова *в городе* по ордеру, платит 16 р., еще 35 р. (!) за провоз и *везет* дрова... в лес, топить свою дачу.

*

Нет *денег*, нет советских знаков. Видимо они пущены в хлебную кампанию, ибо приходится *оплачивать* (правда, низко – 3 р. в день с лошадью) труд крестьян, *принудительно* убирающих урожай колхозников, не справившихся (а порой и не желающих справляться) с урожаем. Как бы то ни было, наблюдается следующее: служащим не платят жалования; не оплачен сентябрь, не платят за октябрь; ассиг-

новки, выписанные учреждениями для оплаты «зарплаты служащих», банком просто не выполняются. Говорят о *секретном циркуляре* оплатить к 24-25 окт. зарплату за сентябрь; тогда в ноябре будут платить за октябрь, и в общем *месячная оплата* останется у казны в кармане.

В банке по чекам выдают лишь *часть* денег, напр., 500 р. и не больше. Приходится ходить кряду неск. дней, чтобы *исчерпать* чек.

Идет усиленная «мобилизация средств населения». Формы различны: собирают *раньше срока* всякие платежи; напр., приходит представитель РКИ или Фининспекции к плательщику, которому осталось в два срока внести столько-то, и предлагает внести *раньше* срока; обычно платят, чтобы избавиться от чересчур назойливого гостя, который хочет все рассмотреть: комнаты, обстановку и т. д.

Арестовывают разных лиц, добиваясь от них *долларов*. Налеты часто успешны. А ведь ни один закон *не запрещает* иметь доллары, само правительство их открыто *продавало* одно время в своих банках. Попутно отбирают и всякие другие ценности, в разных случаях приемы разные – от убеждения до насилия.

В банках *оттягивают* выплату выигрышей, даже небольших, в 100 рублей!

Предлагают покупать 9% заем 1930 г. с перспективой выигрыша в 50 000 руб.!

Отсутствие денег проявляется даже в комиссионных магазинах, где ничего интересного почти нет, но где стали давать поразительно низкие цены за приносимые вещи: стало быть, денег нет в кассе, – или это политика: деньги нужны сейчас более, чем когда-либо, «до зарезу», – и государственные магазины пользуются этим.

В провинции почта не платит сразу по переводам, – касса пуста. Граждане посылают червонец простым письмом, в надежде, что как-нибудь дойдет.

Работа строительная приостановилась; в частности – асфальтирование, оборванное как-то сразу. Местами – просто забивают булыжником, по старинке, разрытые мостовые.

Главнаука продала за границу за 17 000 руб. иконостас разоренной церкви Косьмы и Дамиана с Полянки. Но ГПУ явилось и без спроса *увезло* иконостас, каковой и был изничтожен на предмет добывания золота, – последнего оказалось на 700-800 рублей!

Товаров нет и нет. Даже *книжка* перевелась почти окончательно. Букинистов придушили до последнего, а в казенных лавках одна «новая» книга. Впрочем, учебников не хватает, несмотря на колоссальные тиражи.

*

Колхозы, в общем, провалились. Даже газеты не могут скрыть того, что и при сдаче продуктов единоличники оказались аккуратнее колхозников. Но газетчики пустили в ход «диалектику»: индивидуальники потому выполнили свою задачу лучше, что на них *наложили мало*; а вот если бы наложить по-настоящему, они оказались бы в хвосте у колхозников. Ложь, ибо изначала единоличников *принципиально* облагали сильнее, чтобы заставить их отказаться от хозяйства и идти в колхозы.

*

Жизнь тусклая, серая, без подъемов, хоть газеты и кричат все время об энтузиазме, бурном движении, буйном цветении, штурмовании, разовом преодолении всяких прорывов и т. д., и т. д.

Толпа серая, обозленная, грязная, живут люди свински. В городе нового социалистического строительства, в б. Царицыне, где развернут (впрочем, уже обанкротившийся в производстве) «Сталинградский Тракторстрой», люди (в большинстве светоч-пролетариат) живут в неимоверной обстановке, и, главное, они *не желают* ее изменения, говорят, что им хорошо и так (по данным обследования Наркомздрава у 28% жителей *нет* кроватей *вовсе*, а 72% с кроватями, занятость которых что-то ок. 4-7, т. е. иными словами, в разные часы суток на кровати всегда кто-нибудь спит, а чаще всего – спят по 2-3 человека, ничем уже не стесняясь; и подобных наблюдений пропасть, а наблюдатели все заинтересованные, советские бюрократы: обвинять их в пристрастии не приходится). Вывод печальный: *такому народу ничего не нужно*, и долго еще, если его оделят сушеной рыбой, изредка калошами, почаще водкой (хотя бы и вчетыредорогой), он будет доволен, только бы «буржуй» или «интеллигент» не имел и этого.

Поймешь восклицание партийца, который не то всерьез, не то грубо шутя, процитировал:

Увижу ли, друзья, народ освобожденный
И рабство, падшее по манию царя?

*

Пятилетка всего успешнее все-таки в деле разрушения церквей. Они исчезают прямо пачками. Чаще всего сламывают их совсем. Изредка «приспособляют» под что-либо. Иногда разрушение ведется исподволь, не без «сладострастия». Так, напр., по частям просто *снимают железное покрытие* с храма в Петровском монастыре. Никто не замечает этого, а разрушение идет себе да идет. Правда, под железом кирпичный свод апсид, но доберутся и до него.

Порою не знают, что делать собственно с площадью из-под церкви. Так уже несколько лет стоит пустое место от разрушенной церкви Трех Святителей около тоже неизвестно зачем уничтоженных Красных Ворот.

Не обходится и без циничных курьезов.

Разломали колокольню церкви Косьмы и Дамиана в самом начале Полянки. Здание церкви подо что-то «приспособили». Иконостас, помнится, «барочный», с виноградом, продали было, говорят, за 17 000 руб. за границу. Представитель Главнауки решил как-то зайти посмотреть в последний раз на произведение старого русского мастерства, чуть ли не собирался сфотографировать его, – и ахнул: иконостас *исчез*. Оказывается, приезжало ГПУ и решило «использовать» золото иконостаса. Для этого его весь *сожгли* – и добыли золота на 700 рублей!!

Разрушение Симонова монастыря обошлось в *400 000 рублей*. В результате этих расходов груды щебня, кирпича не получилось. Уничтожено дивное крепостное зодчество XVI века и чудесный собор (колокольня, огромная по высоте, была XIX в).

*

В экономике дела дивные. Цены все растут (молоко 70 к. кружка, масло 10 р., подошвы 25 рублей), а между тем денег, даже бумажных, *нет*. В банках не выдают по чекам, а с текущих счетов отпускают крупицы, требуя документа о том, что деньги нужны на покрытие заработной платы *за сентябрь* (сейчас конец октября). Отсюда вывод, напрашивающийся сам по себе, да и поговаривают уже о секретном циркуляре: если позволяют платить сейчас только за сентябрь, то в ноябре будут платить за октябрь, и, след., будет украден «незаметно» месяц заработной платы, как уже однажды была скушана полумесячная плата, когда стали платить за *истекшее* время, а не за текущее.

Т. наз. «мобилизация» средств населения идет вовсю, но не дает результатов. Газеты с наивным (или притворным!) негодованием говорят о том, что задание о привлечении сбережений в сберегательн. кассы *за сентябрь* «выполнено» всего на 2% (вм. «заказанных» 60 млн. привлечено, след., 1,2 млн. руб.). Причины ясны всякому дураку: 1) нет доверия; 2) нет и свободных средств; 3) и *меньше всего* вносит в банк крестьянин.

Не оправдавшая себя система «базналичных расчетов» повела за собой устранение сразу и союзного наркомфина (некий Брюханов, по-видимому человек абсолютно бестолковый и бездарный), и директора государ. банка – Пятакова, который играл одно время в оппозицию, а потом опять пошел было в гору. Вообще, из тех, кто «подписывал» наш червонец (в разных комбинациях эти имена можно видеть на бумажках), пока ничего не слышно про одного Шлезингера, бывш. члена правления купеч. банка (умер, м. б.?), а остальных судьба такая: Шейнман, первый директор банка при червонце, «не вернулся» из-за границы; Садырин, Юровский, Шер, Каценеленбаум – сидят; Кутлер и Мануилов – умерли, а то бы, конечно, сидели; Сокольников – после немилости – посол в Лондоне, но и его судьба очень шатка.

*

Дровяной кризис. Дрова по ордерам, как в 1919 г. Свозят эти дрова (в большинстве очень скверные) огулом и вываливают на площадях, где происходит разбор. Так уже изгажена вся посадка древесная у одного бока Храма Христа Спасителя. Обращение публики самое дикое.

*

Два громких дела, висящих над страной, будут разрешены, как говорят, *без суда.* Из разных разговоров с представителями ГПУ заинтересованных лиц намечается следующее.

По делу о «заговоре» против Советской власти (Чаянов, Кондратьев, Макаров и т. д.): суда не будет, к концу октября все будет разобрано в ГПУ, главные виновники будут наказаны 10-ю годами тяжелого заключения, другие – меньше, а совсем ни в чем не виновных подведут под «манифест» в связи с 7 ноября.

По делу о другом «заговоре» (т. н. «дело историков») тоже процесса не будет; верховный суд будто бы не нашел данных для дела; но изобразить заговор все же надо; говорят о

ссылках в разные места и на разных условиях. Все, будто бы, должно разрешиться в ближайшие недели.

*

Кто-то почему-то затеял помянуть 75-летие кончины Грановского. Скорее всего, затеяно было все это *до* арестов историков. И вот устроили в «I МГУ» «торжество». Историков на нем не было. Отменили присутствие «слепца» Бочкарева и неизменного «профессора» Бороздина. И речь пришлось сказать *не историку*. После вступления, сделанного каким-то идиотом, распространявшимся на тему *о материализме* Грановского (!!), сказал речь коммунист Невский (говорил прилично, остановившись на культурном явлении Грановского, первого звена в цепи – Грановский, Чернышевский, марксисты), а затем опоздавший на заседание П. С. Коган распространялся об *идеализме* героя дня (евреи из президиума переглядывались, готовя очередной полемический донос в газетах), причем неоднократно извинительно оперировал «тем, что по устаревшей терминологии называлось душа», – зачем все это нужно, если это устарело?

Второе отделение – *приветствия*. Было всего *одно* приветствие от Малого театра, прочитанное актером-коммунистом [Лепиным?] , – на тему о Щепкине, Грановском – всем круге этих людей, воплощавших и поддерживавших тогдашнюю культуру.

Третье отделение – чтение стихотворений (Огарева и друг.) и исполнение музыки произведений, любимых Грановским.

Зачем чужие люди устраивали чуждому им человеку такие странные поминки?

*

Аресты продолжаются. Злые языки говорят, что из московских экономистов не арестован один только Железнов.

*

Последняя неделя октября. Процесс идет своим чередом.

В области внешней политики – выступление Франции, открыто заявившей о своей борьбе с «советским демпингом». За Францией последовали Бельгия и Румыния. Но все это страны, покупающие у СССР сравнительно мало, и потому их выступления носят скорее политический характер. В хозяйстве этих стран «демпинг» мог иметь разве лишь «разлагающий» для тамошних экономических отношений характер:

бросовая цена в объеме даже *небольшой* предложенной партии сырья или товара вносит, конечно, смуту в производство, в торговлю, даже в настроение покупателя. Впрочем, такой же характер получают дешевые ситцы или шелковые чулки, проданные в Америку или Германию вовсе *не от избытка* нашего производства. Ведь и другие страны иногда продают «бросово» вовне, когда внутренний рынок перенасыщен; тогда они поднимают цену внутри, ограничивая предложение, а избыток идет на завоевание внешнего рынка. При этом, однако, заваливаемые товаром страны борются, защищая *свою* промышленность повышением таможенных ставок.

Всего любопытнее, что всюду находятся простоватые люди, которые, не видя дальше своего носа, заявляют, что коли советские продукты дешевы, так это хорошо для иноземного потребителя. Наши газеты, разумеется, отмечают такие высказывания с теплой симпатией.

Из голосов за или против СССР выделяется относительною трезвостью суждений бывший в СССР наблюдатель-американец из кругов социологического изучения. Он отмечает, что эксперимент грандиозный и интересный, но совершаемый, конечно, не волею народа. Никогда ни один народ не подверг бы себя *таким* лишениям, каким подвергнута сейчас Россия (все немецкие репарации *ничто* перед этими лишениями), и потому никакой *демократический* режим, конечно, немыслим в СССР, его и нет, а есть сплошной террор, прикрытый флером Советов и совершаемый с неслыханною жестокостью. Надо вернуться даже не к Петру (Петр, действительно, бил дубинкой вороватых своих помощников, но не истреблял специалистов), а ко времени Ивана Грозного. Но самый опыт американец считает интересным и, м. б., кое-что дающим (он только не допустил бы его ни за что в *своей* стране). Беда, однако, в том, что все это строительство – а его нельзя отрицать – творится неприемлемыми темпами, а потому разрушительно подчас, сопровождается неимоверными затратами, жертвами и дает очень плохие результаты.

Ведь и у нас многие думают, что ошибка в *темпах* и в *приемах* (скорей, подчас, не на месте, средств вваливай, сколько влезет, работай неподходящими руками, надзор в неподходящих руках и т. п.); не отрицая строительства, приходится часто признавать, что оно ни к чему: зачем нам маргариновый завод, когда могло бы быть изобилие *настоящего масла* при иной крестьянской политике; зачем

грандиозные сооружения в местах, где нет других данных для промышленности, и т. д., и т. д.

Словом, «разлагающая» сторона нашей хозяйственной политики сильнее созидающей: 7-часовой рабочий день, конечно, развращающе отзывается в других странах; хорошие продукты, туда направляемые, сбивают там рынок, не давая *подъема* промышленности у нас, и т. д., и т. д.

А в других странах словно не видят и не знают этого. Молодые люди, по 3-4-5 лет остававшиеся за рубежом в ученьи, уверяют, приехав, что увиденное для них полная неожиданность, т. к. там, при чтении газет, создавалось впечатление, что на СССР все навирают, на деле же здесь сплошной подъем. Теперь эти приезжие (все больше техники, сразу получающие здесь хорошие места) быстро вешают нос...

«Оптимисты» наши, сочувствующие социализму и даже коммунизму, утешаются тем, что народ стал сознательнее, что жизнь двинулась вперед, эксцессы минуют, все утрясется: а эксцессы – рука каких-то тайных вредителей (не спецов, конечно), сидящих где-то наверху, чуть ли не в самых недрах компартии, – до того иногда нелепы бывают приемы политики, словно нарочно направленной на разрушение.

Сами большевики думают иначе, официально, по крайней мере. Они усиленно ищут «вредителей» среди классовых врагов. Вот опять открыли вредительскую организацию, возглавляемую крупными специалистами (см. «Изв.» от 27 окт.). И тут, в той же газете, напечатана речь сравнительно не кровожадного Енукидзе, где прямо говорится о необходимости физического истребления целого класса – т. е. буржуазии.

«Изв.», 27 окт. 1930 г.

ВРАГ ДОЛЖЕН БЫТЬ УНИЧТОЖЕН:
ИНОГО ИСХОДА НЕТ.

Обострившаяся классовая борьба даже нам, коммунистам, ученикам Маркса и Ленина, которые во всей широте и глубине ставили вопрос о классовой борьбе, открыла очень много нового. Борьба классов, начавшаяся в процессе преобразования социальных отношений, ничем не может быть приостановлена и прекращена. Никакие обещания, увещевания, никакие меры тут не действительны. Борьба имеет свой закон: она должна быть доведена до конца. *Один класс должен побороть, победить, уничтожить другой.* Иного исхода у нас нет. Классы, которые должны быть уничтожены в экономическом процессе борьбы, должны сопротивляться до

конца. Никакого примирения здесь быть не может, и правы были Маркс и Ленин, которые всегда утверждали, что классовая борьба не знает примирения, что здесь борьба идет не на жизнь, а на смерть.

Все последние события в деревне, борьба кулачества против нас, целый ряд раскрытых во всех областях нашей промышленности, сельского хозяйства и кооперации вредительских организаций, связанных между собой, планомерно и решительно проводивших борьбу против всех наших мероприятий, нам со всей очевидностью показали, что борьба идет не на жизнь, а на смерть между новым классом, взявшим власть в свои руки и строящим социализм, и остатком обреченных старых классов. Эту борьбу ничем нельзя смягчить, ее необходимо довести до конца.

Все эти события, все это планомерное вредительство, связь вредителей с капиталистическими странами, непримиримыми врагами Советского Союза, показывают и доказывают, что мы были правы, ведя борьбу против всех этих контрреволюционных, антисоветских сил.

«Изв.», 27 окт. 1930.

РАСКРЫТИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.

Недавно органами ОГПУ раскрыта контрреволюционная организация, вредительская организация, состоявшая преимущественно из инженеров и действовавшая подпольно под названием «Промышленной Партии». Организация ставила себе целью искусственное создание кризиса путем вредительства во всех областях народного хозяйства, приурочивая развертывание кризиса к моменту иностранной интервенции. Организация была связана с эмигрантским центром в Париже, именуемым Торгово-Промышленным Комитетом (Денисов, Гукасов, Нобель, Манташев, Рябушинский, Мещерский и др.), волю и директивы которого выполняла она во всей своей вредительской работе.

Арестованы члены центра «Промышленной Партии»: Рамзин, Ларичев, Федотов, Чарновский, Куприянов, Калинников и др., которые дали подробные показания о деятельности организации на территории СССР и в Париже.

Дело передается в Верховный суд и будет слушаться в ближайшее время. (ТАСС).

*

Аресты продолжаются. Мало уж и осталось на свободе крупных техников, инженеров, химиков, экономистов. Попутно доканывают и вообще интеллигенцию.

Последние новинки – арест математика проф. Д. Ф. Егорова и удаление отовсюду историка А. А. Захарова.

Первый, давно известный своим консерватизмом (никогда этого не скрывал, вплоть до открытого отказа от предложения записаться в профессиональный союз), тем не менее получивший пенсию. Говорят, что последней каплей была его речь (в ответ «полярному путешественнику» О. Ю. Шмидту, высказавшему излишность математики теоретической, нужной лишь в ее узкоучебном смысле) о том, что всякое государство, в том числе и советское, строится не на год и не на два, а потому ему нужна настоящая наука, а не приспособленная к нуждам момента, – всякий же возражающий против науки является *вредителем* самым настоящим. Сказав это, Егоров надел калоши и ушел из заседания.

Захаров же имел наивность защищать в РАНИОН´е историю, как науку. Какой-то комсомолец возразил ему, что изучение Хеттов никому не нужно; вот если бы Захаров мог, не распечатывая, сделать свежими вредительские банки с консервами, вот это была бы наука!

Ноябрь. В той экономической неразберихе, которая так пышно лезет наружу всюду, лишь путем слухов и догадок публика пытается установить какие-то «факты». Спешность, с какой вдруг перенесли начало финансового года с 1-го октября на 1-е января, объявив октябрь – декабрь «ударным трехмесячником» (sic!), объясняется будто бы грандиозным дефицитом ок. *миллиарда*, который обнаружился перед самым завершением финансового года (1 окт.) и заставил отложить на три месяца сведение концов с концами. Неудачные финансисты – Брюханов, Пятаков и др. – пали жертвой своих ошибок (безналичные расчеты и вдруг нехватка бумажных знаков, к тому же перевыпущенных). Теперь будто бы силятся покрыть этот перевыпуск, ок. 800 мил., для чего всячески изымают знаки, чтобы их уничтожением не дать чрезмерно пасть рублю. Но есть и более непосредственные задания: надо *перед* 7 нояб. раздать зараб. плату рабочим за *октябрь*. В поисках, как добыть эти несколько миллионов, наши финансисты пустились в самые искусственные приемы: выбросили в вольную продажу сахар по *учетверенной цене* (2 р. 40 к. кило песку, 3 р. – кило рафинаду). Набросились с голодухи и горожане, и особенно деревня. Но сахаром, кажется, насытились пока что: очередей уже не видать. Тогда *вдруг*

выбросили на рынок *без карточек* и *ордеров* всякую мануфактуру. Произошло нечто несосвятимое: в диких очередях дрались, толкались, кое-кто умер от давки, затоптали нескольких детей, разбили кое-где витрины; пришлось вызывать конную милицию, а по уверению некоторых, местами прибегали и к пожарной кишке. В два дня все было раскуплено: теперь опять отпускают будто бы по ордерам.

Но спекуляция правительственная взрастила и спекуляцию частную. Скупщиками в этой дикой свалке явились, конечно, прежде всего спекулянты, бабы, рабочихи, мещанская среда и т. д. Накупив, они тут же, на месте, а назавтра и по рынкам стали продавать добытое. Говорят, произошли облавы, и множество «товаров», отобранных у торговцев, вновь попадет в казну.

Словом, получается черт знает что такое.

Параллельно с этим в *банках* при *скупой* выдаче с текущих счетов требуют объяснения, для чего деньги нужны, и отпускают только на уплату заработной платы за октябрь. Так проводится маневр: заработная плата выдается через *полмесяца* после отработки. Этой передвижкой достигается «передышка» в расходовании денег, а попросту – у рабочего люда отнимается бюджетный месяц. Все ругаются, злятся, клянут потихоньку власти, – подчиняются.

Недостаток денежных знаков чуть ли не повлиял на «частный» рынок. По крайней мере, уверяют, что *масло подешевело* (8 р. вм. 10). Но, увы, политика разгона торговцев опять поднимет цену у частников.

*

Разрушение Москвы идет вперед гигантскими шагами. Не говоря о том, что огромное большинство старых, когда-то просторных домов, с дворами и садами, перезаселено сплошной шпаной, которая варит в примусах на мраморных подоконниках и сушит белье в гостиных и залах, а на дворах повытоптала последние деревья; самый наружный вид города резко меняется. Такое сооружение, как десятиэтажные корпуса тюремного характера на Болоте («Дом правительства»), совершенно заслонило знаменитый вид от Храма Христа Спасителя на Замоскворечье; дома-кубы серого арестантского цвета очень унылы, – ну, и пусть бы строили из них особые кварталы на окраинах, – так нет же, ими теперь украшают средину города, где и без того тесно. Но самое ужасное – это исчезновение XVII века в Москве, уничтожение

ее церквей либо на слом, либо под «школы» и «техникумы». Не удивительно, что подлаживающиеся иноземцы стараются попасть в милость к заказчикам, когда они, вроде сомнительного «американского» инженера («Изв.», 2 нояб. 1930), который в поисках складов для хлопка развязно указывает на «пустующие» (по чьей воле?) церкви, подчеркивая, что особенно подошли бы «большие» церкви.

«Изв.», 2 нояб. 1930.

> Несмотря на то, что у нас ощущается недостаток в промышленных складских зданиях, я не сомневаюсь все же, что можно найти много зданий, неправильно используемых.
>
> В качестве конкретного предложения мы выдвигаем возможность использования пустующих церквей, непригодных для иных промышленных или социальных нужд вследствие особенностей своей архитектуры, но вполне могущих быть использованными в качестве складских помещений. Для этой цели прекрасно подошли бы большие церкви.
>
> Практическое осуществление плана улучшения распределения хлопковых запасов в соответствии с только что описанными принципами является вполне возможным и дало бы немедленные положительные результаты для всей промышленности в целом.
>
> Е. СЕПЕЗИ.
>
> Американский инженер-рационализатор.
> Руководитель группы в Оргтекстиле.

Очевидно, скоро мы помимо «сломки» и «приспособления» увидим заполнение хлопком (а, м. б., и не только хлопком) именно больших храмов, – ну, напр., Христа Спасителя.

*

С запада вести смутные. То газеты говорят о каком-то *общем* стремлении «бойкотировать» хозяйственно СССР за «демпинг», то вдруг подчеркивается стремление *торговать* с нами (особенно Германия; меньше САСШ и Англия). С Англией все еще нелады из-за толкования роли *Коминтерна*, который мы считаем «независимым» от правительства учреждением. Важно то, что англичане уже дали нам некоторые кредиты, и консерваторы не без ехидства говорят лейбористам: вы не можете теперь разрывать с СССР, иначе «плакали наши денежки».

Переговоры о «долгах» с Англией опять затянулись, а с Францией чуть ли не совсем прекратились. Даже московская конференция с Китаем замолкла.

Ничего путем мы не знаем о том, что относительно нас затевают в Европе. Тем временем Литвинов едет в Женеву, где опять будут говорить о «разоружении».

*

Партийная склока идет своим чередом. Из партии выкидывают всяких «уклонистов» – левых и правых. В резолюциях, каждодневно наглеющих, добираются до Бухарина, который пока что молчит, а через него уже и до Рыкова, хотя последний подписывает законодательные и правительственные акты. Говорят о том, что сняли того Сырцова, которого так недавно продвинули в ответственную роль председателя совета комиссаров РСФСР, когда отняли эту должность у Рыкова.

*

Расстрелы продолжаются, но о них не печатают, а узнают случайно – от родственников.

*

Говорят, что в книжке, выпущенной как бы на правах рукописи, утверждается – по показаниям – связь «промышленной партии» (Рамзин и др.) чуть что не с Пуанкаре!!!

10 нояб. Усиленное питание – слухами.

Сплошные смены в Наркомфине – их объясняют «прорывом» в дефиците. В газетах глухо, но было все же сказано о необходимости покрыть какие-то сотни миллионов не то эмиссии, не то дефицита.

Смены идут и дальше. Сдвинули Лежаву, сбросили Сырцова, неск. месяцев назад вынырнувшего на место предсовнаркома РСФСР. Говорят, что он произнес в Совнаркоме $1^1/2$ часовую речь с резкими нападками на дутые цифры, на нелепость т. наз. ударничества и т. п. Мало того, эту свою явно «маловерную» и «уклонистскую» речь он будто бы размножил и, как начальство, разослал по подведомственным учреждениям. За это его сняли, стремительно, и направили будто бы в Сухум. На его же место назначили какого-то Сулимова (приказчик, сын рабочего), который только что отпрашивался *уйти* из замнаркомов путей сообщения. Говорят, что это чекист бывший, из собственноревольверно расстреливающих.

Уклоны, говорят, столь сильны, а желание расправиться, наконец, столь решительно, что в ближайший срок обещают

устранение из партии Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова, Сырцова, Лежавы, Крыжановского...

Про Чичерина говорят, что он, больной, не хотел бросать запада, но его «уговорили», и вот в результате он здесь, живет где-то на юге и, будто бы, страдает манией преследования: ему чудится, что ГПУ является его арестовывать.

Рыков демонстративно уволен в месячный отпуск, с 6-го ноября (т.е. кануна великого праздника, где он и не появился), так прямо и указана дата. Надо полагать, он не вернется на место.

Видящие в большевиках все-таки людей, способных иметь что-то вроде личного достоинства, уверяют, что в случае отстранения Рыкова обещали демонстративно выйти из партии Крупская и Калинин. Впрочем, тут же прибавляют, что им надо уйти, иначе вскоре «их уйдут» все равно.

А герой всех этих пертурбаций, «гениальный секретарь» партии, на торжествах трусливо держался в толпе «сановников». И трусит он, конечно, сильно. Очевидцы рассказывают, как обставляется его отъезд с места работы, из ЦК партии. Сначала появляется двое штатских, подозрительно оживленно беседующих у подъезда сего учреждения. Затем подъезжает автомобиль, внутри которого сидит развалившись молодой человек, в обычное время тоже гуляющий около подъезда. Затем из того же подъезда выбегают двое военных, делающих вид, что они одеваются на ходу, причем кобуры револьверов у них расстегнуты. Наконец, стремительно выходит фигура с поднятым воротником, быстро садится рядом с шофером, и машина сразу дает полный ход.

Аресты идут и идут. Хватают не только уже спецов, а и просто маленьких людей, учителей, врачей, мелких служащих. Но наибольшую сенсацию произвел слух о будто бы состоявшемся (после многочисленных арестов и расстрелов, замолчанных, среди военных) аресте *Блюхера*, в котором хотели видеть «Наполеона», хоть несколько популярного «вождя», «победителя» в Манчжурии. Согласно «показаниям» группы Кондратьева, Чаянова и т. д., с ним будто бы хотели вступить в сношения «заговорщики».

Все слухи о том, что к 7 ноября будут разрешены все «дела» (Кондратьев и К°, Рамзин и К°, историки), не оправдались. Наоборот, теперь говорят, что дела эти отодвинуты будут надолго, т. к. нашлись новые: вредительские, о военном заговоре.

Из-за границы сведения тоже не очень благоприятные.

В «Берлинер Тагеблат» проскочило известие, что некто *Георгий Агабеков*, заведовавший делами ЧЕКА за границей, остался там и собирается печатать в «Матэн» о «преступлениях Советского Правительства». Про этого фрукта говорят, что ему дано было поручение убить того секретаря Сталина, который уехал за границу да там и остался, начав разоблачения (что-то вроде Баженова; год тому назад?). Агабеков знает будто бы очень многое, во всяком случае больше Беседовского.

Появилась и новая версия о *Кутепове* в «Нойе Фрайе Прессе». Четверо должны были его заманить и увезти. Захват удался, но чересчур сильная хлороформенная маска убила Кутепова. Тогда они его зарыли. Будучи вызваны в Москву, *трое* исполнителей поехали и были здесь «убраны». Четвертый поехать поопасался, остался во Франции, был, будто бы, разыскан Бурцевым, прижат к стене и вынужден рассказать все, после чего, будто бы, ему дали возможность скрыться. Фамилия его Фикер или Фингерт, что-то в этом роде. Другие уверены, что этого Ф. уже *видели* в России. Третьи продолжают держаться версии, что Кутепов просто удрал с дамочкой и с деньгами.

*

Увеличивается и количество «невозвращенцев». Передают, что будто бы отказался приехать в Москву *Стомоняков*, чуть ли не «торгпред» в Берлине; во всяком случае фамилия постоянно попадалась в связи с переговорами в Германии.

Говорят даже, что Сокольников под каким-то предлогом отказывается бросить Лондон, где ведутся переговоры с Англией и откуда его вызвали в Москву, не без связи с тем, что «заговорщики» имели его в виду на министерский пост. Дезавуировать его было бы совершенно скандально. Работающие в этом направлении «домыслы» уверяют, что и *Шейнман* получает ежемесячное «жалованье» от СССР за «молчание», – а ведь уверяли раньше, что Шейнман получил богатое наследство от отца, банкира в Вильне когда-то.

*

Экономическое, или, точнее, *продовольственное* положение, по общему мнению, пока становится все удовлетворительнее. Из главного кризиса мы, будто бы, вышли. Во-первых, осталось *невывезенным* многое, что уже считалось для питания нашего утерянным; во-вторых, урожай

действительно хороший и даже собран удовлетворительнее, чем могло казаться; в-третьих, к весне ожидается огромный прирост скота, особенно свинины. Наконец, отводится большое место *легкой индустрии* т.к. хлопка много, а машиностроительное увлечение невольно задерживается из-за недостатка валюты, вызванного непринятием на западе наших товаров.

Денег же мало. Зараб. плата только рабочим (да и то не везде) выплачена приблизительно в срок. Второстепенные и третьестепенные работники и граждане не получили еще за октябрь, а иной раз выдают по 10, по 15 руб. на день-два вместо всего оклада. Ворчат – но и только.

Сберегательные кассы пока что выдают беспрепятственно (в Москве). В провинции *почта* не выдает по денежным переводам, во всяком случае – сильно задерживает.

*

Не обходится и без юмористики. Вдруг запретили разучивать по школам и хорам и играть в войсках *марш Буденного*. Его сочинил в Одессе еврейчик *Покрасс*, талантливый музыкант, понравившись пьяному Буденному. Теперь оказывается, что марш содран из еврейской свадьбы. Слова (веди, Буденный, нас), редкие по вульгарности. Напр., «И Ворошилов первый офицер – умрем за СССР».

*

13-я годовщина революции (погода была недурная) отпразднована без подъема. Бывшие у мавзолея (он окончательно отделан снаружи из полированного гранита, изнутри, говорят, мраморами) утверждают, что было много охраны, «вожди» держались достаточно далеко от толпы, и ряды их поредели: Рыков в отпуску, Бухарина нет, а Сталин жался к толпе других.

11-го ноября в газетах появился огромный обвинительный акт по делу т. наз. «промышленной партии»; привлекается всего меньше 10 человек, во всем «признавшихся», частью объявивших о своем «раскаянии». Во главе крупнейший «спец» по теплотехнике, инж. Рамзин, лет 43. Признаются они в организованном вредительстве, целью которого было служение своим бывшим «хозяевам» и ослабление советской страны в связи с определенно намеченной «интервенцией», которая намечалась на 1928 г., потом на 1930 и, наконец, на 1931 г. Во главе стоял будто бы осужденный по шахтинскому делу старик Рабинович (67 лет два года назад уже!), после

него Пальчинский (ныне уже давно расстрелянный), потом уже Рамзин, взявший дело в свои руки.

Обвинительный акт устанавливает их разговоры и сношения с Нобелем, Гукасовым, Денисовым и др. крупными прежними предпринимателями, далее утверждаются беседы с Пуанкаре, Брианом и высшими чинами французского (частью и английского) генерального штаба, и, наконец, почти полными буквами поименовываются чины франц. посольства в Москве, вплоть до самого Эрбетта, скрытого под семью точками.

Обвинительный акт утверждает, что многое надо еще доследовать, но необходимо торопиться с указанием уже установленного. Получается впечатление, что торопились бросить открытое обвинение французам. Чем это вызвано? Об этом только гадают. Одни видят в этом диверсионную поддержку Литвинову, который сейчас как раз выступает в Женеве по вопросу о разоружении. Другие полагают, что Европа сейчас усиленно занята разоблачением советского демпинга, пропаганды в разных местах, затем обнародованиями Агабекова, «раскрытием» Кутеповской истории и т. д. Так вот, навстречу всем этим действиям – необычайное по развязности выступление наше, после которого (в прежние времена!) мог бы последовать только полный разрыв дипломатических отношений. Считают также, что нам сейчас, по внутренним соображениям, крайне важно отвлечь внимание населения от неурядиц и экономического развала. И это делается не без таланта. Обвинительный акт составлен так, что самые убежденные «не приемлющие» советских методов спрашивают себя: нельзя же все это высосать из пальца! пусть преувеличено, но что-то во всяком случае есть.

Даже на националистическом чувстве играют: вредители де хотели Украину с Киевом уступить Польше, а Кавказ – англичанам.

Есть в обвинит. акте странности. Так, признавшиеся говорят о «цепочковой» организации, по которой знали друг друга лишь немногие, а между тем, признавшиеся говорят о десятках людей! Откуда сие? Далее, обвинительный акт подчеркивает, что суду предана эта маленькая группа, а всех вредителей (их уже названы *десятки* по разным группам производств, арестованы сотни, а насчитывают их тысячи!) будут судить как-то по отдельным группам. Много навалено вин на уже умерших и расстрелянных (во время следствия

умер загадочно Хренников, расстрелян Пальчинский); но ведь в цепи возглавлявших – Рабинович, Пальчинский, Рамзин – первый жив и сидит в одиночке, приговоренный к 10 годам, как же его не привлечь, когда вся «организация» поначалу идет от него? Между тем, обвинит. акт *отмежевывает* уже осужденных по другим делам; их трогать не будут. Это очень странно.

Соответственное «настроение» немедленно сказалось на местах. Уже идут резолюции с требованием расправы: рабочие организации в газетах пишут, постановляют требовать расстрела, а другие – не теми же словами, но почти что того же. Выступили уже театры, Таиров лаялся, и даже Качалов сотрясал воздух требованиями, – не простят ему по сию пору его приветствия Деникину в Харькове, затем бывшее Технич. Учил., где арестовано 18 профессоров (Рамзин оттуда) и где *оставшиеся*, имена мелкие, требовали казни своим коллегам. В таком же духе постановления разных ученых корпораций.

А что если, опираясь на них, без процесса расправятся с привлеченными? Или непременно устроят обещанный суд вроде шахтинского (с общественным обвинителем вроде Шеина, который сейчас сам привлечен, как вредитель) и с такими же результатами? Рабиновича вызвать побоятся, очень он жестко достался тогда.

Аресты идут и идут: после Осадчего – *Графтио*, строитель Волховстроя.

*

Еще больше слухов в связи со сменами наверху, отпуском Рыкова, смещением Кржижановского (который по собственной просьбе назначен – сам к себе в заместители по Госплану), исчезновением из правительства Сырцова.

Последний, как говорят, произнес резкую речь в Совнаркоме, отпечатал и разослал ее. Дальше больше. Тут версии несколько расходятся.

По одной, Сырцов будто бы готовил сговор, целью которого было устранение Сталина путем его непереизбрания, чего надеялись достигнуть каким-то голосованием в соответствующей инстанции. Во всяком случае, главным организатором дела был не Рыков (ныне тоже убранный), а Сырцов. Он, будто бы, ездил на какие-то конспиративные собрания, причем оставлял машину и шел пешком. Его любовница (?), молодая балерина, проболталась немножко старшей своей покрови-

тельнице (потекли намеки опять на Гельцер, будто бы связанную с ГПУ), которая выдала все. Сырцова потребовали, кажется, в ЦК партии. Здесь говорили «развязно», требовали объяснения, куда он ездил (шофера, очевидно, допросили). На его уверение, что «к бабе», заинтересовались, почему днем. «А разве предсовнарком обязан бывать у бабы по ночам»? – В таком роде разговор скоро был оборван, ибо Сырцов понял, что его выследили, и стал «выражаться прямо и резко, назвав Сталина кретином (между прочим, довольно часто применяют именно эту квалификацию) и заявив в лицо «тупому рылу» Куйбышеву, что он расстроил всю нашу промышленность... Дальше эта наша *местная* версия гласит, что Сырцов на другой день клялся в горячности, рыдал и т. п. И будто бы хитряга Сталин склонен его простить.

Версия «Нойе Фрайе Прессе» говорит не о Сырцове (его по-видимому, мало знают), а о Рыкове, как главе заговора. Упоминается и о балеринах. Но цель заговора рисуется термидорская: имелось в виду, будто бы, арестовать Сталина, Молотова и еще несколько лиц и объявить «директорию» во главе с Рыковым.

Разбираться во всем этом сейчас невозможно. Но тревога какая-то заметна. В воздухе носится что-то горючее. Мы живем в страшные времена. Кажется, подходят какие-то решающие дни. Газеты бряцают оружием, но основной мотив: мы не хотим войны, а капиталисты готовы устроить интервенцию.

В западных газетах будто бы подтверждают, что наш торгпред(?) в Берлине, член коллегии Наркомторга, участник недавних переговоров с Германией, *Стомоняков* не захотел приехать и остался за рубежом.

Прибавляют, что некоторых объявляют «невозвращенцами» – для успеха их провокаторской работы среди белых.

Жуткость момента видна из ответа Енукидзе даме, хлопотавшей о возвращении мужа из Соловков: пусть лучше сидит там, а то вернется сюда, случится, что арестованных не хватит для расстрела, он и попадет за компанию.

20 нояб. Денежные дела становятся все запутаннее. Банк выдает учреждениям с текущих счетов только на заработную плату за *октябрь*. До сих пор можно было *переводить* из банка на личный текущий счет литературный гонорар и плату за сдельную работу разных лиц. Теперь и это *воспрещено*. Сберегательные кассы, пока что, выдают (в Москве, по

крайней мере), но распоряжение имело, очевидно, в виду приостановить всякие *скрытые* уплаты долгов путем перевода. Недостаток денежных знаков ставят в связь с неудавшимся стремлением выдержать «золотую» стоимость червонца. Но едва ли это так, ибо червонец давно уже скатился почти до уровня нынешнего франка. Рыночные цены, поколебавшиеся было чуть-чуть в связи с явным недостатком «знаков», теперь опять стали на путь роста. Следовательно, дело не в качестве знаков, а в полном к ним недоверии.

Стремление «мобилизовать средства населения» выразилось и в законе о злостных неплательщиках за квартиру: дается 20-дневный срок для покрытия недоимки под угрозой выселения. Не думаю, чтобы тронули рабочих, но для среднего обывателя, особенно, когда ему *не платят* заработка, получается трагедия.

Едва ли все эти мероприятия смогут способствовать притоку средств в сберегательные кассы, о чем особенно стараются сейчас. Получается какой-то Тришкин кафтан. Все бегают в поисках денег, а денег не получить, даже заработанных. В провинции проще: там почта не выдает по переводам или выдает *частями* (!!) или *по очереди.*

И в мелочах хозяйство разладилось совсем. Наступили, напр., морозы, а картофеля в лавках нет. Когда же и при каких температурных условиях будут его продавать массами, для зимних запасов? Московские мостовые, особенно тротуары, остались недоделанными, причем как раз перед дождями с них сняли асфальтовый покров: грязь получилась невероятная; теперь эти кочки примерзли до весны или до первой ростепели. Только что сделанные мостовые уже дают ухабы, асфальт продавился, грязь стоит у краев мостовой, к тротуарам, т.к. нет водостоков.

Как в 1917 г., появилась какая-то хулиганская бесшабашность в населении: никому ни до чего нет дела, кроме желудка, все крушат, ломают, заплевывают. Около памятника Пушкину (у него каждодневно рвут гирлянды бронзовые) изломали изгородь, вытоптали кустарники и ходят напрямки, поближе, как в деревне «задами». И даже люди иногда средне одетые, с портфелями.

*

Тревога какая-то глухая. Говорят о войне. Или, лучше сказать, не говорят, а носятся с мыслью о ней, причем газеты

так и заливаются криками об «интервенции». По известиям с запада (об этом передают через третьи руки от лиц, там бывших, или «сверху»), там «смеются» над нервностью большевиков, не собираясь воевать. Но у нас в войне уверены. Вот, например, как рассуждают молодые специалисты, толковые, образованные, не партийцы, но все же взошедшие на советских дрожжах: интервенция несомненно будет, сомнения нет; вопрос лишь в том, как скоро и как бы нам к ней быть готовыми; некоторая уверенность в нашей способности *отбиться* у молодежи есть; они не скрывают того, что у нас большую роль играет немецкая подготовка; передают, что часть немцев, живущая мыслью о реванше французам, определенно готовилась заключить с СССР военный союз, что в Россию приезжали штабные немцы, все изучили, всем остались очень довольны, но только, вернувшись в Германию, встретили там резкий отпор у правительственной стороны, которая будто бы остерегается союза с СССР; отголоски этих споров проникли будто бы и в печать (в Германии).

Во всяком случае изредка всплывают характерные фактики из попадающей к нам немецкой прессы. Так, «Берлинер Тагеблат» под заглавием «Одни и другие» дает *подсчет* вооруженных сил разных стран, иже с Францией, а также Сов. Союза. Выходит, что все сильно вооружены, тогда как другие – немцы – безоружны; но при подсчете разных видов оружия характерно полное умолчание о *танках* и *воздушном флоте* в СССР: как раз в области последнего у нас работают немцы, которые, кстати сказать, отлично приспособляют свой гражданский флот для целей *военных*, и еще на днях (Берл. Тагебл.) пришлось за бестактность сместить представителя Юнкерса в Мадриде, сдуру провозгласившего там, что последний Юнкерс (П 38), на котором немцы прилетели в Мадрид, отлично годится и для бомбовоза! «Берл. Тагебл.» с укоризной замечает, что такие откровенности могут быть неправильно (!!!) истолкованы для Германии в ее выступлениях на женевской мирной конференции, где, кстати сказать, СССР в единодушии с немцами.

Опасную игру ведут немцы, ведь нам они нужны только – для «мировой революции». Иногда они как будто действуют и *против* большевиков, но вся политика их *двойная*.

Последние дни были как раз ознаменованы какими-то, по-видимому, резкими выступлениями запада. До нас

долетели они лишь в виде (целиком?) неважно переведенных двух статей Пуанкаре из газеты «Эксцельсиор». Статьи недавние у нас переданы 17-го ноября. Они написаны спокойно, весьма деловито, с правильным юридическим анализом нашего закона 11 октября о прекращении уплаты пособий безработным и о применении принудительного труда. Отозвался Пуанкаре и на обвинительное заключение Крыленки по делу Рамзина и др. Чуть ли не выходит, что Бриан сделал нам свое «представление» по этому поводу. Его *пока* в газетах нет. Дело пахнет, пожалуй, дипломатическим разрывом.

Относительно Рамзина и др., вышеупомянутая образованная и лояльная молодежь думает, что они *уверены* были в интервенции, считали крушение большевизма очень близким и действовали поэтому решительно, т. е. помогали так или иначе иностранцам, во всяком случае – *страховали себя*. Дело Рамзина и др. назначено на 25 ноября. На этот раз «общественным» обвинителем выступит *рабочий*: опыт Шеина в процессе шахтинцев (этот тогдашний общественный обвинитель сам попал во вредители, – след., тоже было «страхование»?), видимо, учит осторожности.

Но жизнь – небывало тяжелая. Кто бы мог подумать, что придется выносить? Лишь *исподволь* можно было научиться терпеть все это. Гнет подавляющий, тяжелый, тупой и упрямый. Какая цензура! Какое холопство (все требуют смерти вредителям): актеры (выступал Качалов), инженеры, профессора – вчерашние товарищи Рамзина и др., не говорю уже о рабочих. Конечно, тут много давления, приневоливания, но все же это ужасно. Какие же это люди для *последующей* жизни? Голое место.

Аресты все продолжаются. «Заговор» против Сталина как-то сошел со сцены, – о Сырцове не говорят, а Рыкова и К° продолжают подтравливать (резолюции с мест).

И ото всех требуют «общественной» (т. е. бесплатной) работы. Оплачиваемые работники (напр., учителя) со злобой встречают «добровольцев», которые (по принуждению, ибо это обязательно) лезут даром обучать, просвещать и т. д.

25 ноября – сегодня начинается процесс «вредителей» т. н. торгово-промышленной партии. Заседание суда, давно назначенное на 6 ч. вечера, переносится на 3 ч. дня, очевидно,

в связи с тем, что дня три назад вспыхнула идея *демонстрации* населения по поводу вредительства: на демонстрацию эту зовут всех, и, явное дело, ей удобнее состояться при некотором еще дневном свете, с факелами, пожалуй, не вышло бы. Кроме того, сообщают, что выданные было на первое заседание билеты для публики внезапно отменены, будут розданы новые; вероятно, хватились, что дали билеты кому-нибудь неподходящему.

«Негодующие» обращения идут отовсюду. Сегодня в газете распинается академик Губкин о нефтяном вредительстве, почвовед Келлер восторженно говорит о сознательности деревни в оценке почвенных научных достижений (все это для того, чтобы ругнуть прошлое и «интервентов»), из Берлина собрание съезда трудящихся женщин шлет делегацию, везущую наказ – расстрелять вредителей, и собирающуюся сидеть на процессе, а Максим Горький в обычном для него теперь вульгарном тоне ругает и «авантюристов на службе капиталу» Болдуина, Черчилля и др., и интеллигенцию, и всех и вся, призывая к расправе рабочих, своих и мировых.

*

В «Нойе Фрайе Прессе» от 15 ноября была, кажется, уже отмеченная выше, корреспонденция инженера Николая Бассехеса с очень *отчетливым* изображением всего хода дела по финансовой части у нас. Это, оказывается, технический сотрудник австрийского посольства, москвич-еврей по происхождению и воспитанию, отлично разбирающийся в наших делах. Свою корреспонденцию он заканчивал указанием на дальнейшие утеснения свободного денежного оборота, в форме ограничения выдач из сберегательных касс. Теперь, по-видимому, к этому и приступают. По крайней мере в газетах уже появилась «беседа» с каким-то членом правления Государственного банка или членом финансового комитета (что-то в этом роде), где говорится о проведении «жесткой финансовой дисциплины» в области сберегательных касс и их средств и в области расходования заработка. Следовательно, можно ожидать, что все заработки будут направляться в сберегательные кассы, которые будут выдавать их «измором», т. е. маленькими дозами, при предъявлении «ордеров» на ту или иную покупку и т. п.

Бассехес очень отчетливо рассказал весь ход нашей финансовой политики: перевыпуск бумажек, за протесты против дальнейшего перевыпуска будто бы убрали Брюханова

и Пятакова; далее попытка *выкачать* деньги из населения: выпуск сахара по учетверенной цене. Не все, однако, склонны вкладывать свои сбережения в сахар. Тогда выбросили по повышенным ценам мануфактуру. Очереди, драки, бой стекол, конная милиция. «Негодующие» на спекулянтов рабочие потребовали и добились прекращения этого безобразия. Торговали только три дня. Далее начались новые очереди, но уже *по ордерам*. Т. ч. пролетарии полученное перепродают немедленно «лишенцам» всяких категорий, либо везут в деревню, куда они ездят в день отдыха, для обмена на провизию. Но и этот путь не дал нужных средств казне, которая породила полное к себе недоверие уже в тот момент, когда *запретила* продажу займов индустриализации, вызвав *сразу* продажу *остальных*, пока *не* забронированных бумаг. Дальнейший напор, по мнению корреспондента, неизбежен. Недоверие же понятно, когда банк *не платит* по чекам текущих счетов.

На днях, например, одному учреждению, затребовавшему чеком 1 000 руб., выдали 150 руб., а остальные 850 р. занесли на текущий счет!!! Получается (на бумаге) даже *оживленная* картина – берут, вносят и т. д.

*

Высылки идут массами. Стоящие в очередях для «передачи» у Бутырок рассказывают, что ежедневно вывешиваются списки высылаемых, притом так, что иногда родные, бывшие утром на передаче, на другой день узнают, что высылка уже состоялась по списку, вывешенному вчера во вторую половину дня.

Много высылают *кавказцев* и *крестьян*; родня последних, по обыкновению располагающаяся в тюремных коридорах в ожидании передач, узнав о высылке, принимается выть, как по покойнике.

Бывают и случаи смерти. Оно бы и неудивительно, когда в тюрьме, рассчитанной на 2 500 челов., помещается чуть ли не 14 000. Но мрут не только от болезней (сейчас, говорят, в Бутырках тиф), иногда сообщают «умер на следствии».

Так, жене одного из внуков Бартенева (П. И., издателя «Русского Архива»), сообщили о такой смерти ее мужа. После долгих переговоров ей выдали на 5-й день труп мужа. Оказались какие-то ссадины и заклеенная гуммизным пластырем шея. Отдирали, но труп уже был в состоянии частичного разложения. Не было ли тут самоубийства? Ибо, сколько

известно, к *политическим* никаких увечий и избиений не применяют. Есть способы более тонкие, не оставляющие следов: подвергают мигающему свету электрической лампочки, сажают в какую-то пробковую комнату, где душно до сердцебиения («депрессия» на ученом языке ГПУ), допрашивают «конвейером», т.е. допрашиваемый чуть ли не *сутками* сидит на допросе при сменяющихся следователях, и т.п. Такое лишение сна приводит, говорят, к блестящим результатам: обвиняемые подписывают все, что угодно.

Жуткие вести из ГПУ. Жены обвиняемых отовсюду устраняются, их гонят с мест. Иным дают свидание – по преимуществу тем, чьи мужья «сознались» и дали обширные показания. К числу таких относят Рамзину и Кондратьеву.

*

В одной передовице (в «Известиях») было сказано, что данные, уличающие вредителей, подавляющие: лучшим доказательством является то, что «мы передаем их гласному суду». Отсюда невольно делают *обратный* вывод о расстрелянных *без суда*.

*

В деревне, ныне уже заносимой снегом (наступили морозы – картошку все еще не везут в город!), как будто все смолкло, но, говорят, ненависть лютая не слабеет. Стали «раскулачивать» уже и середняков – по признаку: изба крыта железом. Железо сдирают и уносят в колхоз (часто без толку, просто бросая). У одного сняли крышу и *порезали на железные полосы* для обивки ящиков с яблоками, которыми торгует колхоз, получивший барские сады.

*

По новому закону, до декабря *1931 г.* запрещено резать скотину: коров, овец, телят, свиней.

*

В области *философии* посрамление Деборина. Завидующие занимаемым им должностям объявили его уклонистом. Главное обвинение: не принял во внимание «теоретических указаний, преподанных т. Сталиным» (!).

*

Идет процесс вредителей – Рамзина и К°. Странный процесс! Обвиняемые (их 8, кажется) не только признали себя виновными, но они спокойно, методически, словно лекции читают, – докладывают о своем вредительстве, выясняют

психологические предпосылки своих действий, проявляют «классовый подход»; перечисляют участников заговора, называют множество имен, пополняют показания друг друга, изредка вносят поправочки, и все это вежливо, академически. Столь же вежливо и обращение суда, – никаких иронических замечаний (как бывает всегда и как было, напр., в деле шахтинцев), вежливые вопросы («м. б., вы устали»? – к обвиняемому), вежливые «садитесь» и т. д. При этом фотографы, киносъемка, освещение. И еще одно: суд и обвиняемые курят...

Рамзин (да и другие) явился с туго набитым портфелем документов. Разве следственный материал передан был обвиняемым? Разве так бывает? Получается впечатление какой-то сговоренности, слаженности процесса. Обвиняемые словно заранее получили условия приговора. Публика гадает: по мнению одних, не будет смертного приговора; по мнению других – расстрел и помилование ВЦИК´ом; по мнению третьих – «надуют»: обещали не казнить, а казнят, ибо подвинчены «массы». В рядовой публике, особенно среди рабочих и коммунистического стада, господствует убеждение, что был заговор, была «партия», иные «верят» вплоть до участия самого Пуанкаре.

Последнее – сущая фантазия, конечно. У Пуанкаре могло быть желание, чтобы состоялся разрыв, чтобы дело перешло к столкновению, все это дело его вкусов и желаний, которых мы точно не знаем. Был же, говорят, у Фоша разработанный *план* интервенции. Но чтобы Пуанкаре действительно мог осуществить интервенцию, это, конечно, бредни. Войну 1914 г. нельзя сваливать на желание отдельных лиц, тем более теперь, после опыта мировой войны, едва ли подобный шаг может осуществиться чьим-нибудь «желанием».

Ну, а «торгово-промышленная партия» и ее система сознательного вредительства?

Была ли партия-то? Правда, называют ее, называют центр ее, состав этого центра. И называют *участники*, ныне судящиеся. Но много странного: почему, если партию возглавляли последовательно Рабинович, Пальчинский, Рамзин, почему же для выяснения всей картины не вызывают в суд Рабиновича, который отбывает 10-летнее наказание (он *работает* где-то в Сибири) и многое мог бы рассказать (среднее звено выпало, Пальчинский расстрелян). И почему, установив (словесно, в показаниях обвиняемых) какую-то связь с группой Чаянова-Кондратьева, вызывают свидетелем

только *Юровского,* а не этих лиц? Выходит, что некоторых не хотят допустить до публичного выступления, т. е. словно подтасовывают свидетелей, как и обвиняемых, впрочем, которых 8-9, тогда как привлеченных *десятки,* а замешанных, как говорили на суде, около 2 000 чел. Элементы *налаженности* процесса сказались, например, в таких мелочах: докладывая в передовице о *первом* дне заседания (заседали раз вечером), «Правда» сослалась на сделанные в заседании указания о связи этих вредителей с правоуклонистами из ВКП. Между тем *ни слова* в этом смысле сказано на *первом* заседании не было. Бойкая газета, очевидно, ссылалась на материал, еще *не оглашенный* в суде.

Любопытно, что *на западе* газеты (всякие, до соц.-демократ. включительно) совершенно не передают подробностей показаний, а о самом процессе отзываются – одни, как об «организованном суде Линча», другие, как о спектакле, имеющем целью смазать провал пятилетнего плана и отвлечь внимание масс на мнимых виновников (нечто вроде погрома интеллигенции, как бывали в старину еврейские погромы). А что же на самом деле кроется за этим процессом?

У большинства людей интеллигентных складывается впечатление, что данные обвинительные чрезвычайно расцвечены и очень ловко скомпанованы. Гадают о том, *когда* наступил «сговор» обвиняемых с ГПУ. Иные полагают, что Рамзин еще *до ареста своего* (а он арестован совсем недавно, – еще летом он был за границей, а сидел всего 2 – 2 1/2 месяца) был уже в руках ГПУ послушным орудием. Другие относят обработку ко времени (столь краткому!) сидения. Во всяком случае, указывают, что жена имела с ним свидания, получала будто бы даже его жалование. Тогда вопрос: почему так признались, раскаялись и даже «с этой высокой трибуны» поучают других инженеров, как надо вести себя: это очень театрально сделал тов. Калинников – со скамьи подсудимых (кстати: один фельетонист назвал ее «скорее ложей подсудимых», не заметив, что он ядовито этим задел – устроителей процесса, а вовсе не обвиняемых). Ведь, казалось бы, если люди попались, если их уличили в заговоре (обвинение «из-за денег», конечно, можно было бы с себя скинуть: деньги шли на «дело», обвиняемые и без того были хорошо обеспечены), то единственная приемлемая позиция была – умереть за неосуществленную мечту спасения России, как они его понимали. Все равно – смерть. Или они оказались мягкотелыми

интеллигентами, которые стали спасать свою шкуру (спасут ли только), выполняя желания своих тюремщиков и помогая им инсценировать версию об *интервенции*, которая (интервенция) при таких условиях уж ни за что не может состояться теперь, очень уж скандально было бы осуществлять с таким треском «разглашенные» большевиками намерения «капитализма», «классового врага». Если так, то далеко им до Перовской, В. Фигнер и др., которые на суде не скрывали своих целей и гибли за идею.

Это самоуничтожение, спокойное самооплевывание производит впечатление тягостнейшее: все мы чувствуем себя какими-то окутанными этой общественной грязью: никому нельзя верить, все оплевано, кругом везде предательство, шкурничество. И это должны чувствовать *все*, и большевики, и вся остальная масса населения.

Рабочие, в массе, конечно, малосознательные, просто сжимают кулаки и по первому кличу разорвут в клочья всю интеллигенцию. Мужики совсем, по-видимому, не интересуются ходом процесса и плохо разбираются в этом «историческом», как его зовет наша печать, деле.

Газеты вопят, из себя выходят, льют ушаты помоев на обвиняемых, а косвенно на всю неблагодарную интеллигенцию. Ее же, эту интеллигенцию, заставляют *подписывать* резолюции с требованием смертной казни.

*

Экономика: по слухам, заработную плату за ноябрь (первая половина) выдадут в декабре, а вторую половину предлагают пожертвовать (на заем, что ли!), дальнейшее же будут платить, будто бы, аккуратно. Но зловещим остается намерение – не давать денег на руки, все через сберегательные кассы, которые, по инструкции, всячески будут тормозить выдачи.

5 дек. «Процесс вредителей» (Рамзин и К⁰) пошел как будто «веселей», когда от слаженных, несомненно по соглашению с ГПУ, профессорских «докладов» перешли к диалогам, где довольно тактично выступает председатель (Вышинский, – чувствуется бывший юрист), назойливо и вульгарно – прокурор Крыленко, живо, умно и, по-видимому, искренне такие обвиняемые, как Федотов, Чарновский, и – в роли «злого гения», подкрепляющего всегда прокурорскую сторону, – Рамзин.

Когда рассказывает Федотов, всегда кончающий неизменным признанием вредительства, выходит так, что и вредительства не было, и никакого сговора на этот счет. У других «вредительство» проступает отчетливо, но все это сложно, психологически сложно, так что примитивными партийными подходами тут ничего путного не выяснишь. А Крыленко все пытается ставить свои точки над *своими* «i».

Странно, что из группы Чаянова – Кондратьева вызвали свидетелем *Юровского* (оказался Наумовичем, евреем, чего никак не ожидал). Он подтвердил свидание свое с Милюковым, что Милюков, кстати сказать, *категорически* отвергает. В чем тут дело? Сегодня другое: один из свидетелей рассказывает (кажется, Осадчий), что *Ясинский* (инженер, высланный чуть ли не в 1922-23 г.) в Берлине *свел* его с кем-то, кто назывался *Денисовым*, но свидетель не знал раньше Денисова. При таких условиях возможно, что наших москвичей сводили черт знает с кем и сводили – представители нашего же ГПУ за границей. – Вот и в свидетели вызвали почему-то Осадчего, а не тронули Шеина. *Оба* они, кстати сказать, выступали общественными обвинителями в шахтинском процессе. Теперь на суде говорят, что это выступление было подстроено, они громили шахтинцев, чтобы уберечь от ГПУ тайну *своей* организации. Но как же так: они ведь обвиняли, и очень резко, *Рабиновича*, чуть не подвели его под расстрел, а ведь он возглавлял организацию!! Ничего не поймешь. И тут что-то неладно. Про Шеина говорят, что он упрям и не даст показаний, удобных и нужных для ГПУ, потому его и не извлекают на процесс, как не извлекают и Рабиновича.

Неладно и с деньгами. Говорят о миллионах, данных организации безотчетно, а следов этих денег как-то не видать. Между тем и «Торгпром» в Париже (русско-эмигрантская торгово-промышленная организация – обломки и подобие прежних русских торгово-промышл. съездов) отрицает всякую роль свою в переговорах, отрицает и Пуанкаре свою «интервенционную» роль. Пусть *отчасти* тут «дипломатия», но не всё же? И странно, что наши (обвиняемые) здесь не пытаются и не пытались опереться на эти для них выгодные заявления.

Дело очень сложно, и разобраться в этой дьявольской махинации очень трудно: тут соединилась прежняя *охранка*, революционное *подполье*, революционная *провокация* и несомненный *садизм*, – словом, пущены в ход такие приемы,

что всякие Рачковские, Азефы и Гапоны покажутся невинными ребятами.

Обвиняемые, м. п., особенно подчеркивают, что их никак не пытали, ни к чему не принуждали, а *здоровье* их даже поправилось, до того тюрьма гигиенична и питательна.

Заграничная печать продолжает относиться к делу иронически и вообще не отводит ему сколько-нибудь значительного места. Но постановка, инсценировка процесса порою в состоянии произвести некоторое впечатление, и в отдельных корреспонденциях отсюда на запад это сказывается. По соображениям чисто политическим (недаром Литвинов виделся в Милане с Гранди), лишь фашистская Италия делает вид, что принимает процесс всерьез (отчасти «Карьера делла Сера» и особенно «Тевер»).

Но больше всего процесс дал «для внутреннего потребления». Если деревня не очень разбирается в деле и равнодушна к вредительству в промышленности, а против войны даже ничего не имеет (крестьяне в массе *ждут* войны и от нее – разрешения всего), то городское население «уверовало» вполне, и не только рабочие, не только партийцы, но и мещанская беспартийная масса и значительная часть так. наз. интеллигенции. Конечно, «единогласно» проводимое по учреждениям требование «высшей меры наказания» (а этого требует даже Академия Наук) является делом насилия и давления, но по фабрикам, пивным, по разным клубам и столовым разлилось определенное настроение, и объяви власть сейчас погром интеллигенции, он совершился бы с большим подъемом, во всяком случае, более значительным, чем былые еврейские погромы.

А жизнь разладилась. Денег нет, банки наглейшим образом *не платят* по чекам. В учреждениях не работают. «Планирования» никакого не происходит. В одном учреждении велели составить к 1 января план на *следующую пятилетку*. Потом, по-видимому, поняли дикость такого скороспелого задания и прислали *отсрочку* до 1-го февраля, однако учреждение сообщило, что оно *может* составить и к 1 января!

Даже *внешне* жизнь приняла какие-то тусклые формы. В прошлом году хоть *картофель* раздали (правда, иногда мокрый) с осени. Сейчас и этого нет. Кооперативы его не имеют, а когда подвозят, то он уже мерзлый, сыплется из сгоревших мешков, *завязываемых соломой*: нечем завязать,

ибо *бечевки нет*. В лавках уже ничего *не завязывают никогда*, даже избегают завертывать и, напр., кету, когда она бывает, так и выдают прямо в голые руки; селедку люди тащат, держа наотмашь руку, с которой капает рассол. Мужиков с картофелем в город не пускают, но почему-то позволяют торговать морковью. Явного *голода* нет (ибо хлеб, хоть и очень плохой, все же выдается, в Москве, по крайней мере, в провинции – хуже), даже у крестьян, думается, есть хлеб и картошка (скотину запрещено резать), но, выражаясь мягко, *недоедание* несомненно. Впрочем, даже некоторые экономисты на западе *верят* в то, что пятилетка *осуществится* и жертвы, на нее затраченные, окупятся.

Пока что, явно успешна одна пятилетка: разрушение церквей в Москве идет *очень* быстро; ломают уже Бориса и Глеба у Арбатских ворот – редкий барокко.

Декабрь. Пресловутый процесс вредителей закончился. Последнее слово подсудимых – а они говорили все – производит не очень выгодное для них впечатление. Все они считают себя лишенными чести и ждут пощады. Не хватило у этих представителей «интеллигенции» (для процесса «отобрали» подходящих), если уж они действительно *замышляли* что-то, сказать в лицо судьям правду и умереть, как это vice versa делали хотя бы те (правда тоже *отборные*, но по иному принципу) фанатики-народовольцы и иные, боровшиеся с царизмом, не имея *никакой*, даже затаенной поддержки в тогдашнем обществе. – Большинство приговорено было к смертной казни. Очевидцы говорят, что Рамзин был словно оглушен и минут 5 оставался один, коменданту несколько раз пришлось звать его идти. Что он переживал? Не мысль ли: а вдруг надуют?

На деле получилось следующее: осужденные подали просьбу о помиловании и тут же его получили – уже в следующем номере газет оказалось возможным объявить о нем. И это после вызванных «требований» народа о казни!! ГПУ должно негодовать, его здорово подкузмили: оно казнило одним махом 48 *мелких* вредителей, а тут крупных – милуют!

Всё поразительно в этом процессе: огромное дело – ни одного документа; грознейшие обвинения – *ни одного* свидетеля, кроме *сидящих* по тому же делу; вредительство во всяких важнейших специальных отраслях – и *никакой экспертизы*, хотя никто из судей ровно ничего не понимает

ни в текстиле, ни в топливе, ни в металлургии. Сознание обвиняемых? Но ведь и Галилей сознался, отрекся и просил милости (никакого «А все-таки она вертится» он, конечно, не произносил).

Грандиознейшая провокация для внутреннего потребления и для создания идеи о якобы интервенции, – из страха перед возможностью этой самой интервенции хотя бы в форме финансовой что ли.

А как же теперь дальше? С делами других «вредителей», с крестьянской партией? Будет суд или казни без суда?

Европа, во всяком случае, разбирается в деле лучше российской публики. Хотя и здесь среди рабочих, после помилования, раздаются голоса: «одна шатия! сами вредители наверху, кто судит! замазывают»!

За границей продолжают мало или совсем не говорить о процессе. Отзывы нелестные или иронические, кроме некоторых заинтересованных (напр., фашисты в Италии). Один старик, немецкий корреспондент, на процессе заявил, что за 30 лет своей судебной и журналистической работы никогда еще не сталкивался с процессом, где бы все было так подтасовано от начала до конца.

Какая-то аналогия с делом Дрейфуса. Там только не рискнули расстрелять, несмотря на упорство обвиняемого, отрицавшего свою вину.

М. п. рассказывают, что Кондратьеву давали читать процесс. Он поражен и будто бы уверяет, что *не слыхал никогда даже фамилии Рамзина.*

Мотив газет: советская власть сильна, а потому не нуждается в мести. И сейчас же «голоса с мест»: и не надо было казнить. – Правда, таких голосов меньше, чем было «требований о высшей мере». Но это и понятно: ни к чему это. Сделали так, как давно было оговорено и намечено.

*

Большое омерзение вызывает Д. Бедный, настрочивший огромный холст раешного блуда на тему об интервенции, и вечный ненавистник всякой интеллигенции М. Горький, уверяющий, что «48 вредителей» «были казнены ГПУ *по единогласному требованию рабочих*». (Тема его статьи – издевка над всякими «гуманистами», преимущественно европейскими).

*

Об одном из арестованных, Шеине, все еще ходят «слухи»: не то он умер в тюрьме от разрыва сердца, не то покончил с собой, не то, как сказал не без зловещего юмора какой-то коммунист, «жив еще, но плох» (!).

*

В процессе так и осталось невразумительным, в чем же, собственно, заключалось вредительство. Но вот житейский пример того, как можно попасть во вредители.

За арестом всех крупнейших специалистов по нефтяному делу, во главе его стоят приблизительные люди, не специалисты, порою просто коммунисты. Один из таких призывает инженера по нефти и ведет с ним такую беседу: «Вы год назад подали записку, где указывали, как очень просто, с экономией во времени и в затратах в 30%, можно добывать из нефти вещество, идущее на динамит. У нас сейчас строится дорогая и медленная установка, отсталая; строят инженеры, не знающие достижений, спецы же «сидят»; если ***я*** теперь выдвину ваш способ, то сядут в тюрьму эти строители-инженеры за вредительство; если я умолчу об этом способе, вредителем окажусь я, и не уйти мне от ГПУ. Так вот, не возьметесь ли вы устроить параллельно, в виде опыта, небольшую установку по вашему плану, рядом с той, так сказать, в виде опыта...». На это приглашенный на совещание инженер горячо заявил: «Но позвольте! ведь я уже год назад бился в комиссиях за свой способ, все это запротоколено в разных протоколах многочисленных совещаний. Если я отступлю от своего мнения и начну тратить средства на параллельный «опыт», то ведь уже ***я*** окажусь вредителем. Нет, благодарю вас». Так и висит в воздухе выгодное дело. – И кто же виноват?

*

Во всяком случае нищенская жизнь в богатейшей стране продолжается. Ничего нет и купить нельзя. Но существует два магазина: один *съестной* (б. Елисеева), лучшее московское торговое помещение, другой, где был Альшванг, на углу Кузнецкого Моста и Петровки, магазин военных вещей, от марок и книг, до ковров, фарфора и драгоценностей, – «Торгсин» (торговля с иностранцами). В оба магазина «доступ собакам и советским гражданам» воспрещен: следовало бы сделать такую надпись, ибо продают исключительно иностранцам, повидимому, на *валюту*.

Удивительно, почему не догадаются *запретить* всякие заграничные посылки; пусть бы родственники и друзья слали

сюда доллары, а из этих «распределителей» выдавали бы здесь масло и др. вещи, можно было бы даже давать *похуже*, чем иностранцам, и то были бы довольны.

*

Пока что мы работаем (на Прохоровке!) *ситцы на вывоз в Англию*(!).

*

Передают (в заграничной печати – англ. и нем.), что к полпреду в Лондоне явились некие посланцы из Москвы требовать приезда полпреда *для ответа* по обвинению в правом уклоне. Полпред же, будто бы, сих посланцев *задержал* на территории посольства. Власти же английские, потирая руки, не вмешиваются – ведь экстерриториальность должна соблюдаться! Сюда же полпред будто бы прислал сказать, что не может отлучиться из Лондона, ибо ведутся переговоры о долгах...

*

В газетах подчеркивается сближение Турции с Италией, а последней с СССР. Уже проскочило известие, что турки заявили о намерении закрыть проливы в случае какой-либо угрозы Советскому Союзу. Литвинов виделся с Гранди, турецкий мин. ин. дел с самим Муссолини. Скоро, очевидно, «Duce» свидится со Сталиным!

*

В Институте Маркса и Энгельса

1) Собираются подписи под протестом против франц. историка Mathiez'a за то, что у него некий Бушмакин в Annales de la Révolution объявил себя представителем русской науки по революции, отрицая Захера, Фридлянда и даже самого Лукина; Mathiez же «позволил» это напечатать.

2) Сильно травимый местной ячейкой теоретик политич. экономии встретил поддержку Рязанова, который «изорвал» (laesio majestatis) постановление месткома (или ячейки) о «меньшевизме» сего теоретика и о необходимости его изгнать из недр института.

*

В одном детском саду из 14 детей, разрешенном от МОНО, узнав, *запретили* заниматься немецким языком, т. к. это *пролетариям* недоступно, так не нужно создавать неравенства.

В одной *средней школе* (на Миусах) в составе учащихся ок. 1/3 девочек. Сии 14-летние Цирцеи, по словам учительницы, *по созвучию* с немецкими словами, произносят неприличные ругательства («похабные слова», как говорит учительница).

*

Руководитель «Планетария», астроном, говорит, что в его обязанности входит немножко публике прививать атеизм, но зато и атеистам (типа Ярославского) давать зачатки астрономии. Атеисты исторические в этом, увы, не нуждались!

*

«Искривления» современной жизни «выправляются» своеобразными способами, а иногда принимают «уклоняющийся» от предписанных норм путь. На житейских мелочах это сказывается лучше всего.

В банях вдруг объявили: услуги банщиков отменяются. По идее, теперь нет банщиков моющих, а прислуживающие в раздевалке не должны прислуживать. И даже коробка общая, куда клались чаевые, исчезла. И что же? Когда посетитель приходит, услуживающий не делает никакого движения в его сторону. Но... все-таки старым клиентам услуживают. И благодарны за малейшее внимание. Банщика нельзя нанять. Но прежние банщики откуда-то приходят, раздеваются и, уже без всякого передника, моют клиента, а потом получают плату (разумеется, повышенную). Старики и больные еще не дошли до этого, но развязные и обеспеченные (особенно евреи) уже все это наладили.

Молочницы сделались спекулянтами. Привозя свой продукт, они обосновываются у кого-либо из постоянных своих покупателей, а затем «рыщут», т.е. выменивают молоко на хлеб, применяют им уступленные свободные карточки, особенно покупают у причастных к домовой «трестовой» организации всегда у них имеющиеся купоны, – и, обзаведясь хлебом, крупой, сельдями, папиросами, продают все это выгодно своим деревенским и особенно многочисленным лишенцам, поневоле загнанным жить в деревню.

Недавно «уничтожили» частных возчиков, которые стали уже осенью брать по 10-15 руб. за доставку сажени дров (овес 9 руб. пуд!!). И вот оказалось, что «обобществленный» транспорт слишком незначителен, а несчастный обыватель, с усилием добыв частника-возчика и «уговорив» его – не без

униженных просьб, – платит 30-40 руб. за провоз сажени дров, оплаченных 16-ю рублями!! А теперь, чтобы *упростить* себе дело, дровоснабжение «централизуют», именно *все* переводят в Тестовский поселок за Пресненской заставой, откуда *всем* придется возить дрова, платя бешеные цены за провозку; и все это потому, что там выгружать удобнее, прямо из вагонов валят дрова в снег, а потребитель еще заплатит несколько рублей, чтобы ему эти дрова достали из снегу.

*

Из школьной жизни *никаких* сведений об успехах (даже о «политехнизме», наполнявшем все газеты летом, теперь не говорят), зато сплошные анекдоты, наводящие, однако, на грустные размышления.

С девятилетними детьми читают о саранче, сусликах и др. вредителях. По окончании чтения учительница спрашивает: «Ну, ребята, так кто же наши главные вредители»? – «Поп, кулак»! – хором отвечают дети.

С той же группой учительница «прорабатывает» тему о необходимости расстрела Рамзина и К°. Затем «резолюция» и вопрос: «кто за расстрел, поднимите руку». Поднимают все, кроме двух. Смущенная учительница: «ребята, а вы что же»? Один мальчик наивно отвечает: «а я не хочу, чтобы расстреливали», на что его сосед, не менее наивно, сообщает: «Мария Александровна, они новенькие, они не знают, что поднимать руку обязательно».

Не лучше и в вузах. Там не только «работают», проходят «учебу» бригадами, там, для острастки толковых студентов, и сдают работу бригадами. В случае плохого ответа идиотов, на основе круговой поруки, *вся бригада*, вместе с талантливыми, считается не сдавшей. Так *насильственно* заставляют способных и подготовленных отвечать за дураков и невежественных. А каков уровень ныне насильственно внедряемых в высшую школу студентов, об этом свидетельствуют «Известия» от 15 дек. под заглавием «Вооружить хорошей подготовкой вузовский молодняк». Оказывается, что в *специальные* технические учебные заведения высшие принимаются люди, которых надо готовить по *среднешкольной* математике и которые зачастую оказываются вообще неспособными ни к какой «учебе». Процветают «подгоночные» и даже «нулевые» группы для такой «подготовки». Возлагается *ответственность* за это опять-таки на способных и подготовленных, в виде «общественного буксира».

«Изв.», 15 дек. 1930 г.

ВООРУЖИТЬ ХОРОШЕЙ ПОДГОТОВКОЙ ВУЗОВСКИЙ МОЛОДНЯК.

От нашего ленинградского корреспондента.

Принятая в нынешнем году в ленинградскую высшую школу молодежь оказалась в общем недостаточно подготовленной. Лучше всего подготовлены студенты, окончившие рабфаки. Плохо подготовлена молодежь, прошедшая через краткосрочные курсы.

Особенно плохо обстоит дело в провинции. Студенты, направленные отсюда в ленинградские вузы, рассказывают, что ссылка на неподготовленность зачастую не принималась в расчет: «Пустяки, стоит только поднalечь».

Хотя на столичных курсах (Москва, Ленинград, Харьков) подготовка была поставлена значительно лучше, чем в провинции, однако качество ее также довольно низкое.

Плохая работа курсов привела к тому, что сейчас во всех ленинградских вузах и втузах созданы специальные подгоночные и даже нулевые группы для студентов-первокурсников.

В Институт инженеров путей сообщения в нынешнем году было принято на первый курс 1 600 чел. Половина из них брошена на практику и работает в Ленинградском железнодорожном узле и в порту; остальные 800 проходят теоретическую подготовку. Проверка этих товарищей выявила необходимость организации двух групп – подгоночной и нулевой. На этих двух группах сейчас работают 350 чел., причем во вторую группу входят 50, вовсе снятых из-за слабой подготовки с вузовской учебы. Вопрос об их приеме на первый курс будет обсуждаться не ранее января. В отношении же трехсот студентов подгоночной группы дело обстоит лучше. Надо думать, что через месяц-другой они смогут перейти к нормальной учебе. Обязанности «общественного буксира» взяли на себя, помимо преподавателей, аспиранты и студенты старших курсов.

В Электротехническом институте из 212 студентов, присланных с курсов, пришлось отправить на переподготовку 190. Для них создан ряд подгоночных групп по средней математике. И это в то время, когда из 60 товарищей, окончивших рабфак, только четыре оказались недостаточно подготовленными.

В Гидротехническом институте из-за плохой подготовки пришлось откомандировать двух товарищей, присланных с

Кавказа. Отмечено несколько случаев заявлений об уходе из института по той же причине. Дирекция института принимает все меры к тому, чтобы удержать слабо подготовленных товарищей в вузе и создает для этой цели специальные группы.

В Котлотурбинном институте, созданном на базе бывшего политехникума, положение несколько лучше. В этот вуз попали исключительно высококвалифицированные рабочие. Но и здесь на 200 студентов, присланных от курсов, пришлось создать три подгоночных группы. Несколько же товарищей вынуждены были уйти из вуза.

В Ленинградском Геолого-разведочном институте (бывш. Горном) из 200 чел. нуждаются в спецкурсах более 15 проц., причем часть из них направлена в нулевую группу.

В Химико-Технологическом институте на 600 студентов-первокурсников нуждаются в основательном «буксире» 100 чел. Так же, как и в других вузах, вся эта группа оказалась недостаточно подготовленной по тригонометрии, алгебре и физике. И в этом вузе было несколько случаев, когда плохо подготовленные товарищи сами бросали учебу. Заведующий учебной частью института отмечает хорошую подготовку студентов, выпущенных рабфаком быв. Технологического института, и жалуется на низкую квалификацию студентов, присланных провинциальными курсами.

В Лесотехнической Академии 250 студентов, направленных на подготовку и переподготовку, разбиты в зависимости от качества своих знаний на три группы, причем в нулевую группу входит 35 чел. Дирекция академии рассчитывает наименее подготовленную группу товарищей направить на курсы при академии, в которых они получат общую подготовку по лесотехническим дисциплинам.

В университете организован «общественный буксир» на биологическом факультете. Здесь созданы бригады из хорошо подготовленных студентов, взявшие на «буксир» остальных студентов.

«Общественный буксир» несомненно сделает свое дело, и недочеты будут изжиты. Но опыт прошлого должен быть учтен в полной мере. Работу курсов по подготовке вузов нужно перестроить самым основательным образом. Подготовку в вузы нужно сосредоточить на рабфаках.

И. Л.

*

Закончившийся процесс вредителей с «помилованием», состоявшимся чуть ли не раньше подачи о нем прошения осужденными, потребовал, приличия ради, *разъяснительной*

кампании на некоторых хотя бы фабриках, где перед рабочими оправдывались в *смягчении приговора, суровость* которого («высшая мера наказания»), наоборот, выставлялась еще несколько дней назад как волеизлияние масс. (Все это, конечно, «для внушения Европе»). У рабочих, особливо у баб, разумеется, все перепуталось в голове, и на одной фабрике, после разъяснения, вскочила баба-работница и давай крыть: «как, этих мерзавцев не расстреливать? да они, такие-сякие, во всем виноваты – они *колхозы* выдумали, мужиков разоряли, у меня на деревне у братьев корову взяли в колхоз, а братья там прожились, из колхоза вышли, они у меня во где сидят (выразительный жест по загривку), все сюда переехали жить, на мою шею сели» и т. д. в этом же роде. Пришлось ревностную сторонницу «высшей меры» в месткоме уговаривать, поясняя, что она не совсем о том говорит...

*

А аресты все еще идут, с ними и высылки людей мелких, крупные же все сидят и сидят, и не видно конца их сидению. Кормимся слухами. То говорят, что осужденный Федотов умер в тюрьме. То сообщают, что Шеин упрямо не показывает того, что от него требуют; говорят о независимом поведении Бернштейн-Когана; жена Чаянова (она еврейка и родная племянница жены Рязанова) будто бы получила в полную собственность имущество мужа (дачу, квартиру, книги), будто бы она даже отреклась от него (добровольно или после намека – неизвестно). Никаких определенных данных о предстоящем *процессе* каких-либо дальнейших групп вредителей нет.

«Давление» со стороны следственной части ГПУ несомненно. Оно наивно подтверждается даже самими чинами ГПУ. На днях одному родителю, добивавшемуся свидания с сыном, в приемной ГПУ при публике чиновник разъяснил, что во внутренней тюрьме свиданий не дают, они состоятся только по разрешению соответствующего следователя, который дает свидание «в поощрение», «когда заключенный даст нужное следователю показание» (*так и сказал*!). Идти же надо к прокурору, который назовет следователя, ведущего о данном лице дело. – По крайней мере, откровенно.

1 9 3 1 год

Январь. Молчание кругом полное. «Молчат, бо благоденствуют»... На сессии ЦИК´а Союза, кажется, только один голос прозвучал диссонансом, – некая тов. Горенкова сказала, между прочим, что «рабочих надо сначала накормить, а потом с них спрашивать», и что в деревне теперь «всякий в бедняки лезет, потому что это выгодно». Ну и влетело же Горенковой от нового предсовнаркома Молотова (сменил отброшенного Рыкова), – очень рассердился коммунистический генерал, хотя его «возражения» сводились к тому, что как раз *теперь* советская власть заботится о снабжении и потому «потом спрашивать никуда не годится» (!), и что заявление о лезущих в бедняки «не голос деревенского бедняка и не голос середняка» (еще бы! когда они-то именно и пользуются привилегиями).

Манера «обрывания» прививается очень сильно. Ворошилов в Питере на одном собрании (производственном?) заводском в присутствии рабочих и инженеров заявил категорически, чтобы к 1 мая новый завод был готов. Если не будет, то «мы не станем сажать инженеров за вредительство, а прямо к стенке». Все промолчали, хотя знают, что построить завода в этот срок нельзя.

Молчат и тогда, когда на глазах совершается явная передержка. Так кто-то (чуть ли не тот же Молотов) «опровергал» европейские обвинения СССР в употреблении принудительного труда такими соображениями, что это у нас-то принудительный труд, когда к нашим рабочим с трудом даже приложим термин «наемный труд», в противоположность капиталистическому миру, где рабочие лишены даже возможности протестовать против тяжелых условий труда (!).

Замалчиваются даже *ноты* иностранных правительств. Так, до сих пор не опубликована *ноябрьская* нота Бриана, его возражение против обвинения в подготовке интервенции.

Замолчан и большой европейский интеллигентский протест против Максима Горького, выступавшего с *оправданием* казни 48 «вредителей» без суда.

Замалчиваются и религиозные преследования, одним из проявлений которых является стихийное разрушение церквей. Ибо ведь не потому же только разрушают их, что они являются в большинстве случаев ценными архитектурными памятниками? Ведь советская власть любит иной раз похвастать своим бережным отношением к культурным ценностям.

Ценности эти сбываются массами за границу. Нью-йоркский корреспондент «Берлинер Тагеблат» не без остроумия указывает, что, предлагая эти ценности направо и налево всем желающим, советская власть мотает народное достояние. Как бы то ни было, пройдут годы, и, если советская власть удержится, она будет кричать, что буржуи «вырвали» у пролетариата эти ценности, пользуясь стесненным положением советской власти; а если последняя падет, то тем горше будет чувствоваться утрата этих ценностей всяким режимом, который придет на смену.

А средств все нет! Богатейшая ресурсами страна, на 13-й год революции, сбросив *все* обязательства, никак не может стать на ноги. В извлечении средств доходят до виртуозности. Один из приемов: ночью, без всякого «ордера», просто через ночных сторожей, приглашают в милицию отдельных лиц, сажают их на грузовик, объезжающий ряд участков, затем всю компанию привозят в ГПУ и там не «арестуют», не «числят за ГПУ»(ищущим родственникам так и говорят, что не числится), а «задерживают для увещания», т. е. попросту заставляют несколько дней просидеть, не раздеваясь, в кордегардии (мужчины и женщины вместе), причем спрашивают несколько раз, нет ли валюты, ценностей, увещают, что надо помочь государству; таким нажимом иной раз получают доллары (иногда в минимальном количестве), золото, бриллианты. Платят (если сумма малая) «по курсу», за мелкие вещи по расценке, крупные, многотысячные, берут, давая расписку. Жертвы – бывшие люди, у которых осталось какое-нибудь колье или брошь; врачи с хорошей практикой, про которых подозревают (или проследили), что они купили ценные вещи; зубные врачи – у них иногда золото для зуботехники; актрисы и писательские любовницы, очень шикарящие, и т. п.

Где только можно, стараются обобрать граждан. В *автодоре* один служащий выигрывает автомобиль. Среди выигрышей, действительно, есть *Форд* (ценою в 8-10 тыс. у нас). Явившегося счастливца расспрашивают и, узнав про его небольшое содержание и неимение у него, конечно, гаража (*продать* же машину нельзя, это «спекуляция» или иное что-либо в этом роде), – в упор ставят предложение: мы ценим машину в 2 000 р., хотите получить фотографический аппарат в 700 руб.(!!) и 1 300 р. деньгами? – Почесывая затылок, служащий просит подумать. На службе у него готовы взять автомобиль за 3 000 р., но, когда начальство пытается это сделать, купить машину для учреждения, счастливому выигравшему грозят ГПУ (продал и т. д.!), – и он берет 700-рублевый аппарат и бумажки.

Еще новый способ выуживания денег – т. наз. «коммерческие магазины» (в просторечии «госспекуляция»). В нескольких местах открыты такие магазины, торгующие отличными яблоками, почему-то не отправленными за границу (4 р. кило в 6 яблок, след., по 70 к. штука, – прежде такие яблоки стоили 70 к. десяток у Елисеева), кофеем по 6 р. (в некоторых по 8 руб.) за коробку, которая обычно стоит 2 р. 80 к. (но теперь ее уже *не* бывает в друг. магазинах), колбасой по 10 р. за кило (прежняя колбаса по 30 коп. фунт у Чичкина) и т. д., и т. д. И Молотов в официальной речи уверяет, что подобная продажа соответствует все той же «классовой линии», не в ущерб рабочему снабжению (но едва ли яблоки в бумажках даются по карточкам, – равно и колбаса).

И все *систематически* портится и ухудшается. В Москве уже 10 дней на бойне не убито ни одной головы скота. В лавках, отпуская дрянные продукты, с важностью говорят – «а тара?», ибо ни бумажки, ни веревочки нет (тем не менее отпуск товаров идет *медленнее*, чем в прежних лавках, где упаковывали все); сахар отпускают в таких пакетиках, что песок течет обязательно. Даже сапожных чистильщиков и китайцев-прачешников объединили в артели, и сразу – у первых исчезла мазь, не купишь коробки, а вторые стали работать прескверно, напр., совершенно не *глазируют* крахмальных воротничков, а белье сдают сырым. Уничтожили транспорт частный, закрыли дровяные склады, а теперь в интересах «приближения товара к потребителю» стали дрова сваливать не на склады в городе и даже не у вокзалов, а на линии окружной жел. дор., – и те же частники берут за провоз

чудовищные цены: дрова, стоящие 15 руб., обходятся еще провозом в 30-40 р. за сажень, да надо еще за распилку руб. 15-20, т. к. дрова стали (как в 19 году!) делить на швырковые и произвольной величины (в метр, в полтора) и пестрого набора (чисто березовые возят изредка по городу, по-видимому, для избранных). А развязный Молотов в своей речи говорит о некотором «затруднении с дальнепривозным топливом» (каковы словечки!), для устранения чего назначена новая *комиссия*. Тем временем в домах мерзнут, особенно с дровяным отоплением, да и в больших, где бесхозяйственность привела к полной беззаботности по части топливных запасов.

Знаменитые домовые «тресты» с их «кустами», устроенные чуть ли не всего год тому назад, развели необычайную бюрократию, насоздали пропасть контор и служащих (все они немедленно выделили себе комнаты, квартиры, навезли родню по домам – из провинции), сделали дома совершенно беспризорными, т. к. управляющего нет, а уборщики непостоянные, переходящие. В результате грязь всюду необычайная, дома разваливаются, никакого, даже маленького, ремонта дождаться нельзя (классический пример из района Девичьего поля: кустовой печник-пьяница, назначенный перекладывать печи, в течение двух недель, пьяный, развалил последовательно двадцать печей в разных домах, а перекладывать будут потом, когда разберут), и, наконец, кажется, убедились даже в том, что и с деньгами нечисто. Единственным положительным результатом этого хозяйничанья было некоторое уменьшение квартирных дрязг, – «начальство» было подальше. Но хозяйственное (вернее, бесхозяйственное) безобразие получилось невероятное. Достаточно сказать, что, напр., *помойки* всюду «вывезли» за естественные пределы, валят кругом, навалили горы, а вывезти их нет сил и средств. Что это будет весной, при таянии! Зато на *трамваях* можно видеть лозунг:

МКХ вывезли в 1930 г. нечистот *135 тыс.* (?) тонн
–"– вывезет в 1931 г. –"– *385* –"– –"– .

Вторая цифра явно составлена из 135 с прибавкой взятых с потолка 250! Вывезут *втрое* больше? Что же, москвичи намусорят втрое? Или *не* вывозили старого? Какая дичь!

Вообще, игра цифрами. А цифры берутся смело. Иной раз они больно бьют. На съезде новый наркомфин Гринько развязно заявил, что в 1930 г. мы взяли у населения займов на 760 млн., а в 1931 г. «нам нужно взять» 1 300 млн., т. е., по

его словам, «трехнедельный заработок», так все это просто. И возьмут.

*

Поразительный общий *упадок культуры*, прямо даже материальный. Люди сморкаются рукой. Редко меняют белье. Привыкли жить, работать, есть, спать в той же комнате. В квартирах встречаются в коридоре, кухне, у умывальника люди чужие, разного возраста и пола – полураздетые, и это перестало смущать кого бы то ни было. Как в тюрьме. Падают все производства. Уже некому сшить хорошее белье. Не достанешь *ниток*, не говоря уже о материале. Нет переплетчиков, а «любители» сидят без необходимого картона, бумаги, не могут отпечатать корешка (нет шрифта и золота). Белья крахмального не носят. Огрубение нравов ужасное. На улицах только «пхаются», в трамваях давка, обрывают платье, бранятся, отдавливают ноги и т. п. Не лучше на улицах: выпавший снег на бульварах не отгребается, – как в 1918 г., ходят по боковым аллеям гуськом, еле проложив тропку для человека. Сбрасывая снег с крыш обламывают фонари и бедные деревья (зато при всяком случае вывешивают лозунги: берегите насаждения, – и не позволяют устраивать елки под угрозой штрафа, т. ч. в нынешнем году «рождества» для детей уже нигде не было, кроме, конечно, иностранцев). Всю жизнь низвели на уровень потребностей мелкого мещанина и нищего пахаря. Москву заполонили выходцы из деревни. Дома запущены вдребезги, – это «поняли» наверху, – теперь провозглашено, что образование трестов домовых было «левацким» загибом. Дела не спасешь возвращением к отдельным жилищным товариществам.

Дикость и нетерпимость с особой резкостью сказываются в царстве науки и мысли. Малейший намек на свободу мышления жестоко преследуется. Одно время *все книги* не марксистские снабжались *обязательным* ругательным предисловием, в котором выход книги (нужной!) оправдывался и допускался с оговорками. Теперь просто не издают книг не марксистских, а марксистские обругиваются заинтересованными писаками, причем вводится в обычай, что напуганный автор через немного дней уже спешит *в той же газете* («Правде», напр.) поместить покаянное письмо, где «признает» приписанные ему ошибки, отпадения в ересь, уклонения от «генеральной линии» и т. п. – Авторы обычно выдвигают авторитет Сталина в области даже теоретической, напр., в

философии, а шавка Демьян Бедный в фельетоне изъясняет, насколько глуп был совет Троцкого молодежи «молодыми зубами грызть гранит науки» (выражение действительно глупое, но над которым не позволялось шутить года три назад) и насколько правильнее завет Сталина «учитесь, стиснув зубы». Вообще, наука (ее теперь и зовут каким-то проститучьим словом «учеба») представляется чем-то простоватым, глубоко ненавистным, чтó приходится одолевать с мучением, – и рядом с этим постоянное официальное преклонение перед «наукой».

*

Обожание нашего «Дуче» нашло себе ядовитую оценку в фольклористике.

1) Сталин уверяет, что он не член партии. На удивление собеседника Сталин провозглашает: партия мой член.

2) Благодарные евреи подали Сталину по поводу его пятидесятилетия *адрес*, в котором выражают пожелание, чтобы следующее пятидесятилетие он завершил в два года.

*

Серая, тупая, загнанная в подполье жизнь принимает порою уродливейшие формы. Эксцессы в половой области принимают в отдельные эпохи небывалые размеры, – особенно мрачны они бывают в эпохи задавленности. Сейчас семья разрушена, жизнь безрадостна, детей иметь многие тщательно избегают. А «жить» хочется, и это хотение ищет выхода. Вот пример.

В Питере молодой сравнительно доктор с хорошим заработком и возможностью выпить и покутить собирает у себя довольно часто «друзей» и обсуждает с ними, каких звать женщин – совсем простых, или образованных, или утонченных, с разговором об искусстве; таких, чтобы «без предисловий», или таких, чтобы пофлиртовать сначала. Установив соответствующий «жанр», д-р вызванивает из обширных кругов своего женского знакомства подходящих лиц, и в одной-двух комнатах эти девушки, жены, матери спариваются почти на глазах друг у друга с своими кавалерами, доходя иногда и до «поменяйте ваших дам». И это не из любви или увлечения, а только от «зеленой скуки». И делает это все та же интеллигенция российская.

*

Про отбираемые ГПУ у приглашенных на «увещевание» лиц ценности рассказывают, что берут, не брезгуя, доллары, прежние золотые, брошки и камни, – и притом дается расписка обобранным, что они, входя в положение государства, *добровольно* отдают то-то и то-то.

После этого *добровольные* займы не покажутся удивительными.

*

Герой вредительского процесса Рамзин, говорят, уже был видим в разъездах на автомобиле по городу. Работает, говорят, по специальности.

*

Арестован еще один, едва ли не последний в Москве русский историк, полуслепец Бочкарев. Говорят, что его «сразили» два обвинения: собираясь уходить с лекции, окруженный слушателями (в Твери?) на вопросы о «темпах» шутя сказал: «а случалось вам едать большевистским темпом», – другой же раз, на вопрос, будет ли война, отвечал успокоительно, что никто на нас не нападет, и этим *снижал* настроение масс.

*

Под Москвой, по Николаевской дороге, в одном бывшем барском имении устроен еврейский совхоз. Грязь невероятная, и по случаю холода *с осени* никто не моется. Живут сытно, ибо все продукты получают от Агроджоинта (америк. помощь евреям-сельчанам). Мужчины в большинстве пристроились на службе в Москве, либо спекулируют в столице; женщины живут в совхозе, но хозяйством не занимаются. Теперь из Симбирской губ. к ним привезли две семьи крестьян (два тягла, сказали бы в крепостное время), которые и будут обрабатывать землю для евреев.

25 янв. Начинаются выборы. Самое слово звучит странно, ибо, при наличности *одной* партии, *одной* программы («генеральная линия партии»), *одного* списка, выдвигаемого подлежащими организациями, – в сущности «выборов» не может и быть, ведь выборы предполагают отдачу предпочтения одному перед другим.

При наших условиях, в сущности, безразлично, пойдут ли на выборы все или почти никто не пойдет: все будет произведено, как намечено. Но такова уж особенность деспотического

режима: требуется «100%-ное участие в выборах», все должны идти; устраиваются предварительные «репетиции» (!), т. е. *шествия* такие же, которые потом, неделю спустя, повторяются под названием «выборов», – совсем как, бывало, репетиция смотров военных.

В области *мысли* логическое и вполне последовательное давление с признанием недопустимости малейшей «ереси» (а «ереси» меняются чуть ли не каждодневно) привело к тому, что постепенно пауки в банке поедают друг друга. Обычно ход такой: «молодняк», тупой и всегда *менее* образованный, чем предшествующее поколение, завидуя занимаемым «местам», набрасывается сворой на вчерашний «столп и утверждение истины» и травит его за «отступления» от подлинного марксизма, ленинизма и даже сталинизма. С «покойниками» обращаются еще вежливо (так, «слегка» оплевали Плеханова), живых же форменно «умучивают». Недавно свергали Переверзева (который перед тем «грыз» всех «идеалистов»), доведя его до обморока на кафедре во время «прений», а потом изгнав его из всех учебных заведений, где этот «профессор» читал лекции, и лишив его возможности писать (в насмешку, после этого иногда дают «путевку» в дом отдыха, иногда небольшую пенсию). – В таком же роде была травля экономиста-теоретика Рубина, человека образованного, но обвинявшегося в меньшевизме. Травля Чаянова и К⁰ закончилась, как известно, заключением в ГПУ всех сел.-хоз. экономистов и попыткой создания большого «дела», еще не законченного. – Потом свергали разных «искусствоведов». Далее принялись за *Деборина*: сей неважный, но все же единственный «филосо́ф» марксизма, с помпой и насилием проведенный в Академию, вызвал зависть своим «возглавлением» философии. И вот его «взгрели»: «доказали» у него наличие чуть ли не «идеализма» и довели философа (кстати сказать, весьма резко травившего перед этим всех инакомыслящих) до того, что он бросил все и заболел манией преследования. 21 янв. он ушел из дому, оставив записку на тему, что такой жизни он выносить больше не может. Перепуганные окружающие бросились его искать; говорят, поставили на ноги ГПУ и нашли Деборина обмерзшим (*без* членовредительства) где-то в Петровском что ли парке: хотел, говорят, покончить жизнь «самоубийством» – замерзнуть. Событие оценено различно: одни находят, что это была бы «красивая» смерть философа; другие напирают

больше на то, что настоящая фамилия философа – Иоффе, чем объясняется метод попытки к самоубийству.

Теперь на очереди *Покровский*. Борзому молодняку уже роздали по страницам учебники возглавителя историков-марксистов с заданием отыскать расхождения с Марксом и Лениным. Уже, говорят, Покровский «взял назад» некоторые свои заблуждения. Речь идет, как говорят, не более и не менее как о полном отрицании торгового капитала, который у Покровского везде, чуть ли не с Адама, утверждают теперь, нет у Ленина (?), ибо сей последний говорил о капитале *вообще* и только для последней эпохи выделил капитал финансовый (но не Гильфердинг ли это содеял?). Почему-то все радуются разносу Покровского. Передают, что грязнуля Халатов, глава Госиздата, в присутствии многих заметил про Покровского: «Ну, этому печенки отшибут посильнее, чем Переверзеву»! – Хорошенький тон антропофагов и пауков в банке! – Подкапываются и под *Рязанова*, которого хотят, будто бы, сплавить в почетную ссылку: в Германию, на месте заведовать изданием сочинений Маркса и Энгельса. Его «особнячок» в виде английского коттеджа (давно ли он был предметом травли в «Комсомольской правде», – но тогда за это «слетел» зарвавшийся редактор этой газетки) давно уже вызывает зависть институтского «месткома». Показателем «упадка» Рязанова может служить будто бы состоявшийся разговор Рязанова с Фридляндом: Рязанов заметил ему: «Великое дело, издали Вы всего одну книгу», на что Фридлянд ответил: «Одна, да моя, а Вы издали сорок одну, но все *чужие*». По существу, верно, ибо Рязанов *ничего* оригинального не написал, а только издавал. А ведь тоже проведен был с помпой в академики.

Создание «науки» путем форсированного «выдвижения» никак не удается. Передают, что из отборной «тысячи», посылавшейся на колхозную пропаганду, отобрали 100 челов. (точнее 98) и засадили их... за Гегеля (!!). В результате усердных занятий – острое переутомление, 5 случаев помешательства. Теперь отпустили несчастных на двадцатидневный отдых (!!).

Выдвиженство в области *искусства* дает также неожиданные результаты. В области графических искусств невежественные авторы «сочиняют» рисунки для распространения в массах, не имея часто ни малейшего понятия об изображаемом. Один выдвиженец, напр., прочитав детскую

брошюру о самоедах, нарисовал картинку, как маленькие самоеды лепят *пятиконечную звезду* из снега. Объяснение: у них только и есть снег, из чего же им лепить? – В *консерватории* выдвиженский состав устроил... отхожее место в великолепном дервизовском органе. Уж не есть ли это своего рода антирелигиозная пропаганда?

*

Плохо с *финансами*. Наверху усиленно подчеркивают, что всякие задержки с выдачей заработной платы должны быть покончены. И все же плату задерживают постоянно, т. к. банк не отпускает денег – их нет. Среди проектов выкачивания бумажек из населения намечают, говорят, радикальный. Т. к. «коммерческие магазины» с продажей по удесятеренной иногда цене не могут все же вычерпать бумажек, то собираются, будто бы, выпустить *новые знаки* с обязательством обмена старых в короткий срок; при этом, как при всяком обмене, часть пропадает (спрятанные, зарытые деньги, деньги у арестованных и т. п.), а остальные, «выявленные» для обмена, можно будет хоть частью «удержать» (давлением) в сберегательных кассах, куда сейчас *добровольно* денег не несут. Другой способ – добывание золота, бриллиантов и иностранной валюты. Для сего «*приглашают*» (не арестуют!) в ГПУ, без всякого обыска (кто же у себя держит ценности!), и там «увещевают». Порою удается получить большие куши (одна молодая дама, рассказывают, своими руками выдала *полмиллиона* иностранной валютой, доставшейся от покойного старика-мужа); не брезгуют и мелочами: сотней долларов и ломом от зубных врачей.

Жмут всячески и «фины», – эта фининспекция (частью тоже «бывшая» интеллигенция) превратилась в форменных сбиров. Напр.: утесненный налогами и внезапно повышенной платой за помещение шофер-собственник ветхой машины продает последнюю военному ведомству за 4 000 руб., получает часть денег, а затем о сделке ведомство сообщает фину, тот задерживает платеж, ища, как бы сорвать побольше с продавца, якобы не доплатившего налогов, а тем временем военное ведомство, *не расплатившись*, насильственно сводит машину, хотя, по уговору, имело право получить ее лишь после полной оплаты. Насилие везде, вплоть до мелочей. На спектакле какой-то глупейшей тенденциозной оперы (тема: расстрел бакинских комиссаров), куда сгоняют рабочих и инженеров завода (спектакль «откуплен» организацией»), по

окончании исполнения расстрелянные комиссары сходят со сцены и *задерживают* публику, заставляя ее выслушивать безграмотную речь одного из исполнителей на все ту же агитационную тему. Милиционер помогает *не выпускать* зрителей, и только энергии одного рабочего-иностранца, заявившего, что *насильственно держать платных посетителей в театре нельзя*, удается прорвать этот кордон полицейского воздействия на умы.

*

В политическом отношении СССР идет к фашизму или – еще точнее – к кемализму. Многие шутливо говорят о предстоящей «коронации». Некоторые факты свидетельствуют о чисто патриархальных формах внедряющегося самодержавия.

1) На комсомольском съезде некий Каганович (евреи сейчас не в моде, но ухитряются заполнять если не командные *посты*, то большинство в разных совещаньях и комиссиях) закончил речь самым подхалимским славословием тут же сидящему Сталину, чтó аудитория встретила возгласом: слава, слава, слава! (явно *прорепетированным* загодя). Ну, чем не «славься, славься и т. д.»?

2) На каком-то сборном и длинном спектакле юбилейного характера (теперь часто заставляют актеров ездить со всей обстановкой на торжества в клубы, на фабрики и т. п.) в 11 ч. вечера появляется Сталин и, проглядев афишку, выражает удивление, почему нет в программе Художественного Театра. Ссылки на и без того загруженную программу *не помогли*, и с помощью телефонов и автомобилей через час уже была доставлена труппа Худ. Театра, привезшая декорации и изобразившая (*повторно* в этот вечер) сцену на колокольне из «*Бронепоезда*» Иванова. *Так* не поступали во время оно и самодержцы.

*

Рамзин, утверждают, живет уже на своей квартире, разъезжает на автомобиле, раскланивается со знакомыми и – читает лекции. Попытка слушателей как-то «протестовать» пресечена в самом начале.

А круг «вредителей» расширяется. В полосу вредительства попали уже и врачи.

1) В одной из больниц (б. Басманной?) известный врач по просьбе безнадежно больного пригласил к нему священника, причем – для избежания «соблазна» – священник пришел в

партикулярном платье и свидание происходило в отдельной комнате. Врач, привлеченный к ответственности за пропаганду мракобесия, оправдался только указаниями на то, что больной был безнадежен, в таких случаях разрешаются всякие средства, м. п. и опиум, – для этого больного религия и была отпущена как опиум, а другие больные были тщательно «ограждены» от заразы.

2) Врач-хирург Старой Екатерининской больницы Ходков после *неудачной* операции, сделанной над больным *другим* врачом, заявил, что надо операцию *повторить,* но предупредил, что дело опасное и без согласия родственников он за нее не берется. Согласие было дано, операция была произведена, а затем д-р *не пустил* к опасно больному, после тяжелой операции, какого-то явившегося партийца. Тот начал дело о «бюрократизме», – а когда больной умер, врачу пришлось уйти из больницы. Неизвестно еще, чем кончится дело, не пойдет ли оно дальше.

*

Аресты не прекращаются. Последние дни они усиленно касались меньшевиков. Обвинение в меньшевизме сейчас крупное зло. Арестованы тысячи, многие по провинциальным углам.

«Пытки» применяются без членовредительства, но эффективные. Напр., при аресте мужа оставляют на свободе жену, но затем таскают ее в ГПУ по ночам и там устраивают «встречи» в такой обстановке, чтобы муж получил представление об аресте жены (которого на самом деле нет). Сидение в холодном помещении, бессоница, конвейерный допрос подтверждаются. Характерно, что этот допрос, в кавычках, попал даже на страницы «Известий», где издеваются над этой «выдумкой», приводя тут же факты «зверской расправы» на Украине (где, действительно, ничтоже сумняшеся, применяют, по-видимому, «по старинке» весьма азиатские формы истязаний).

*

Капиталистический мир, кажется, начинает понимать, что «либерализм» по отношению к коммунистам становится неуместным. Американская комиссия Фиша хоть и признала осторожно, что подлинность коммунистических документов, якобы присланных из СССР, не вполне доказана, но зато разобралась в «приемах», пускаемых в ход коммунистами, и в

целях, ими преследуемых, и предлагает в САСШ объявить коммунистов вне закона, иностранцев-коммунистов изгнать и новых не пускать и т. п. В частности, опираясь на беспрепятственное допущение целой тысячи русских инженеров на американские заводы и производства, американцы хотят требовать допуска американских представителей на советские лесозаготовки, – что нашими газетами объявляется «небоскребом наглости».

В Германии, судя по газетам, не скрывают от себя, что отдельные насилия, обнаруживаемые бесперечь, почти всегда совершаются нац.-социалистами и – коммунистами (битье стекол в посольствах и т. п.). Сделают ли они дальнейшие выводы отсюда.

*

Предупреждают, что предстоит заминка с керосином, как уже есть заминка с топливом. Положение становится грознее 1920 г.

*

Празднование 1905 г. прошло бледно. Говорят, что все усилия доказать, будто революцию тогда делали большевики (они всегда выступали *противниками* насилия индивидуального, а 1905 г. этим и отличался), провалились. Да и кто же не видел тогда, что действовали эсеры и всякие *максималисты*?

Февр. 1931. Диктатура нарастает, своеобразно поддерживаемая ближайшим окружением, которое словно стремится «свалить» ответственность на одну фигуру, и низами (партийными хотя бы), которые, как всякие низы, требуют героя, вождя. Проявления этой диктатуры ежедневны. То узнаешь, что по личному распоряжению Сталина поставлена, оспариваемая с точки зрения «идеологии», пьеса, признано то или иное научное или философское течение (!), приостановлено массовое выселение с территории бывшей Петровской академии, выдан заграничный паспорт Пильняку, которому ГПУ в нем упорно отказывало; на всесоюзной конференции работников промышленных предприятий Сталин произносит речь, его встречают многоминутной овацией стоя и стоя же с овацией «провожают», ибо он не слушает других, а произносит – и уходит. И даже на юбилее Феликса Кона (этот глупый старый еврей, которого не знают куда приткнуть, справлял 45-летие

своего состояния в революционерах) герой юбилея полученные им поздравления счел нужным *отнести на тов. Сталина,* – так и сказал!! (Кстати, т. к. Кон сейчас околачивается около Главискусства, то решено его именем назвать – Московскую Консерваторию!!).

Необычайно помпезно справляется (5-го февр.) юбилей Ворошилова, которому исполнилось 50 лет. Даже популярное Клим сопрягают с Климентием (не правильнее ли Клементий, если уж европеизировать). Доказывается необычайная гениальность этого стратега, его всегдашняя приверженность «генеральной линии» и т. п. Расшаркиваются все – революционные военные целыми группами (однако *Блюхера* нет среди поздравителей), особо Радек, Покровский, – последний косвенно «восхваляет» и свою прозорливость «скромного историка», и оба готовы «шапками закидать» Европу и капиталистический мир, если он вздумает и т. д. А в «Вечерке» была статья *Буденного* (ее стиль уже показывает, что автор не Буденный), где говорится, что Троцкий по-интеллигентски, как слепой, путался в военных событиях гражданской войны, даже объективно служил этим буржуазии (нельзя же не лягнуть), но вот явился гениальный прозорливец Сталин, все сразу охватил, направил удар на Луганск, и тут главным исполнителем стал Ворошилов и т. д.

*

Идут «выборы». Повестки участникам сдаются под расписку. Выборы соединяются *со зрелищами*: нанимается цирк, кино, театр, с представлением; оплачивается это *вычетами* с предприятий, по числу участников. На повестках, правда, не пишут, но на афишках внутри предприятий не стесняются: *явка обязательна.* После выборов на места посылаются запросы, и не явившиеся имеют дело с месткомами, которые производят «расследование», со всеми последствиями.

Удивительно ли, что на уличных вывесках «явка» всегда около 100%, не меньше 97-98, а были случаи явки 132% !

*

Экономика (наше «главное» рядом с «политикой») все же страдает. Уже не говоря о все продолжающейся беспардонной распродаже всяких ценностей, сама жизнь заглушает иногда торжественные фанфары разных съездов и собраний о «гигантском размахе» строительства, о «гигантском темпе» производства и т. д.

Вопрос с *топливом* стоит очень плохо. Даже в Москве его не хватает. Останавливаются или близки к остановке отдельные предприятия. *Бани* работают со дня на день, т. е. объявляют, напр., о топке бань 2 и 3-го февр. (два дня из недели), но будет ли на след. неделе баня – неизвестно. В Университете не топят вовсе. В театрах – заминка, а в одном публика потребовала себе право надеть шубы и калоши, артист же, игравший Наполеона в белом трико, отказался играть в следующие дни. В домах, где уголь или нефть предусмотрительно запасли на весь сезон, теперь отбирают эти запасы, – способ, едва ли могущий подогреть в будущем рвение домоуправлений. *Дрова* выдают только тем, кто представляет свидетельство от домоуправления, что у него голландское отопление и дров в запасе нет, да притом еще выдают только при условии, что есть *больные* или *дети* (!). На плиту же дров не дают, так что жители стали переходить на *керосинки* – а тут сейчас же обнаружилась заминка и в керосине, которая (как всегда при нашем «плановом хозяйстве») немедленно вызвала панику, стояние в очередях и спекуляцию. Власть ответила привычным приемом: произведены были частичные обыски по домам, причем все, у кого обнаружено более 8 литров, подверглись «протоколу» с угрозой, что будут принудительные работы. Рассчитывают рядом репрессий напугать тех, кто, опасаясь кризиса, напас топлива во всякие лохани и тазы (что, конечно, уж опасно в пожарном отношении). Официально утверждают, что керосина много, что все это «злостные слухи», что много керосина шлют в деревенские кооперативы: с этим не согласуется сегодняшний (5 февр.) приказ о том, что отпускать керосин будут только представителям *городской* заборной книжки, т. е. отстраняют *деревенских* покупщиков, – а зачем стали бы они запасаться в городе, если бы керосин, как утверждают, легко добывался в деревне?

Не обошлось и без провокации: у Никитских ворот в лавке вывешен был плакат о продаже керосина в неограниченном количестве. Публика набросилась, а ночью именно в этом районе и произошли обыски с протоколами.

Электричество из-за того же недостатка топлива горит слабо; перерывов, правда, не было. *Трамваи* работают отвратительно. Многие прямо отказываются от пользования ими, но каково далеко живущим? Езда на подножках и буферах приобрела право гражданства.

*

Работает и *налоговый пресс.* 40% прибавки к подоходному налогу (на «культурные потребности деревни») должны быть взысканы в *первую часть* года, так что фактически назначено взимать в февр., марте и апреле *двойной*, а в мае *тройной* подоходный налог, – так получено будет дополнительное обложение за *5 мес.* (это, кстати сказать, больше назначенных 40%). Далее идет заем в размере 1 300 млн. (вместо 760 млн. прошлого года). Наконец, выжимание дохода отовсюду: *ни одна продажа собственности* в пользу казны (автомобиля, весов, двигателя, картин и т. д.), ни одна работа на казну по подряду не обходится без обирательства, – б. собственника дополнительно облагает «за прошлые годы» фининспектор, а подрядчиков, после подоходного обирания, обычно засаживают под тем или иным предлогом (так, говорят, поступили с подрядчиками по постройке огромного здания ГПУ на Лубянке).

Пример обложения. «Служитель культа», протодьякон, из расчета заработка (так установил сам фин) в 3 000 в месяц обложен так: заработок «округлен» до 40 000 в год, налог – 28 000 руб. *Дополнительное обложение*, вместо 40% для всех, для служителя культа кладется в 100%, т. е. еще 28 000 р. Итак, при установленном заработке в 40 000 руб. взимание – 56 000 р.

11 фев. Как будто ничего нового, но жизнь продолжает вышивать причудливые узоры.

Сейчас топливный кризис. Очередной прорыв – транспорт. Создано новое управление водного транспорта с правами комиссариата. Назначено увеличение заработка машинистам. С мест сообщают, что стали убирать всяких выдвиженцев.

Молотов заявляет, что Москва с избытком снабжена топливом (Москва, только о ней говорится, издевается над головотяпами, которые требовали «чуть ли не свидетельства о болезни при выдаче дров»), но на деле это *так было*, и кто это распорядился, сказать трудно.

А вот пока факты: правда, видишь иногда воз с дровами, и отличными; везут рабочие, но как будто это доставание дров по ордеру, видно из той радости, с какой их ввозят во двор, – вся семья встречает! Между тем *хлеба* иной день не хватает даже по карточкам; причина – не мука (ее предлагают усиленно вместо хлеба), а недостаток топлива – не все

пекарни пекут. – С *банями* делается нечто несосветимое: топятся они не все, а примерно 1/3, по очереди. Результат (сужу по Сандуновским внеразрядным, самым дорогим): на улице хвосты; раздеваются (верхнее платье) даже в верхнем вестибюле; дорожки отменены окончательно; во внутренних раздевалках теснота и грязь, публика раздевается в газетной около парикмахерской – во всех проходах; в самой бане – не жарко, шаек не хватает даже по одной на душу (вм. 150 чел. впускают 500), вода *не* кипевшая, след., дезинфекция немыслима; из-за холода многие моются в парильне, надзора нет, там стоит по щиколку грязная вода, посетители мочатся тут же; души сломаны и доступ к ним забит доской (действуют всего два); от редкой и неправильной топки стены отсыревают и штукатурка валится. «Хозяйственный расчет» – перегрузка в 5-6 раз – скоро совсем выведет бани из строя. В *домах* с центр. отоплением держат t° в 8-9 градусов. Грипп гуляет вовсю; грязь и отсутствие мыла (на рынке 4 р. кусок, стоящий 12 коп.) увеличивают заболеваемость.

В провинции, конечно, еще хуже. Случайное известие из Уфы, от приезжего: там электричество дает лишь накал проволочки в лампе; можно передвигаться по комнате в полутьме, но работать и читать нельзя. Керосина же туда не «завозят», цена его 10 руб. (червонец!) за литр на базаре. В Москве бабы хотя дают литр молока за литр керосина.

Сахар исчезает с рынка. Поговаривают об отмене «вольной» продажи его по тройной цене и о предстоящем сокращении сахарного пайка. Куда девался грандиозный урожай свеклы?

Курьез: *нет зубных щеток в продаже*!

*

На «верхах» очередная новость: Демьян Бедный впал в немилость у Сталина. Говорят, переругались. А затем, будто бы, Сталин под псевдонимом послал литературную (!) статью в «Известия», посвятив ее «халтуре в поэзии», причем задел и Д. Бедного, которому, как сотруднику, редакция сочла нужным показать статью в рукописи. Демьян написал свои «примечания» к ней, – все это послали Сталину, обиженный литератор рассвирепел... Теперь Демьян, говорят, не пишет, а к тому же, будто бы, велено было выявить его *авансы* по редакциям и *долги* по советским магазинам, причем выяснилось, что задолженность огромная, и, между прочим, по *ювелирным* магазинам...

За границей в газетах уже выражаются так: «Stalin regiert» [Сталин правит]... У нас он не только правит, но и оказывает милости. Подтверждается, что он написал ответное письмо Пильняку, которое адресат «благоговейно» показывал друзьям. Сейчас Пильняк за границей. Но – «знает осел ясли господина своего»: в берлинской газете помещено известие, что писатель С.Третьяков, «бросив привычный труд за письменным столом», поехал мастеровым в колхоз, днями работал там, как вол, вечерами – просвещал, теперь сделал доклад в Берлине (в о-ве друзей новой России) о колхозной России, доклад, *дополненный* вопросами и участием в прениях Эгона Киша (подкоммунивающий немецкий писатель) и... русского писателя Пильняка. Миссия понятная! Голландцы «догадались» и отказали Третьякову в визе.

*

Увлечение нашей «новой жизнью» у иных, вполне, по-видимому, бескорыстных людей на западе, заходит далеко. Среди них Ромэн Роллан, который, впрочем, попутно обозвал *Рамзина негодяем*, хоть и «верит» в общий смысл процесса. Наши ораторы всех обвиняемых ставят за одни скобки, называя «Рамзин и прочая сволочь», что не помешало почему-то одному Рамзину играть уже опять какую-то роль в технической работе по индустриализации. Говорят, он даже живет уже на своей квартире...

*

После продолжительного (месяца два?) сидения выпущен из ГПУ известный издатель Сабашников, человек за 60 лет. Обвинялся «вообще», как контрреволюционер(!), а в частности, как участник заговора против личности Сталина (!!).

*

Неудивительно, что Академия Наук выключила из состава академиков Платонова, Любавского, Лихачева, Тарле, ввиду того, что они оказались замешанными «в заговоре против советской власти». Это исключение произведено было в торжественном годичном заседании Академии (где академик Иоффе, м. п., договорился до утверждения, что будущее физико-химии в Советском Союзе... [неразбор.]), но этому заседанию предшествовало *закрытое*, содержание которого было потом, с соответствующей руганью, сообщено в питерских газетах. А именно, акад. *Карпинский*, президент Академии, отстаивал намеченных четырех академиков,

развивая ту мысль, что в академиях всего мира сидят люди самых различных политических убеждений и никогда в голову никому не приходит их трогать; что у нас, собственно, нет «государственного строя», ибо правит нами партия; что пресловутый 19 § нового устава был навязан Академии большевиками и т. д. В печати уже началась (в Питере) травля Карпинского, с указанием, что за последние двадцать лет (Карпинскому 82 года!) он будто бы ничего нового не дал науке (старик по сию пору делает сообщения и печатает ежегодно по несколько статей, результатов непрестанной работы) и т. п.

*

Впрочем, даже в этой самой «науке» большевики действуют «диалектически», т. е. пожирают друг друга: что вчера было свято, нынче обругивается. Так, слетел сам Деборин (разыскали где-то, что он был когда-то сионистом, – «явно меньшевистский уклон»), дотравили его до того, что он «самопокушался», правда, подробности привели к выводу, что он даже не в Петровский парк ушел, а всего лишь в скверик у Храма Христа Спасителя, где его и нашли агенты МУРа, поднятые на ноги по приказу Сталина (в числе 400 челов. !!). – А теперь то же проделывается с Фриче, которого *фрагменты* недописанной статьи по искусствоведению, напечатанные его «памяти» особым сборником, признаны еретическими. А Покровский уже «выражается» о «деборинщине» и «рубиновщине», – торжествующая свинья.

Удивительно ли, что Mathiez всячески открещивается от таких условий научной работы?

*

Газеты перепечатывают из европейской прессы отзывы со «страхом» капиталистического мира перед советскими успехами. Подчеркивается там, что 1) СССР намеренно отрывается от западной культуры (наши иронизируют – мы-то отрываемся!); 2) новая молодежь воспитывается в незнании иной культуры; 3) что восстановление частной собственности в СССР немыслимо, до того все спутано преднамеренно.

*

Наше разрушение церквей имеет себе параллель в старательном допущении до развала всех константинопольских святынь по воле Кемаля.

1 марта. 27 февр. в газетах появился обвинительный акт по вредительской меньшевистской организации, возглавляемой Громаном, Шером и т. д. Всего 14 обвиняемых, «с отбором»: так, не привлечен «уже осужденный» (кем? когда? – очевидно, в недрах ГПУ) некто Браунштейн, приезжавший из-за границы и попавшийся; не привлечен Базаров, по-видимому, стойко державшийся. Остальные признаются и рассказывают – и о себе, и о заговоре, и о связи с заграницей и 2-м Интернационалом, и о приезде в СССР Абрамовича, зарубежного делегата, и о деньгах, полученных из разных источников, и о поддержке со стороны германской с.-д партии и чуть ли не самого Гильфердинга. Словом, наговорили много. И их уже клеймят предателями и т. п., хотя, казалось бы, столь обычные приемы политич. борьбы, как подполье, прокламация, таинственные поездки, действие в тылу у противника и т. п., должны были бы вызвать симпатию «революционеров», – да, *когда они не против них направлены*, как всегда: готтентотская мораль. Из 14 привлеченных – 9 евреев; из упоминаемых в процессе – большинство такое же. Надо полагать, что «вредительство», продажность и т. п. окажутся и тут столь же сомнительными, как и в прошлом процессе. Будет ли разница *в поведении* все же «социалистов» и политических деятелей – по сравнению с инженерами и «буржуями» прошлого процесса?

В теснейшей связи с сегодня начинающимся процессом стоит стремительное низвержение в прах *Рязанова*. 13-го февраля, – вскоре после того как говорили о крупном «успехе» Рязанова, которому будто бы удалось снова разбить интриги врагов, – в Институт Маркса и Энгельса явились с обыском, учреждение заперли, объявив «дезинфекцию», а затем произвели многодневный обыск. В результате Рязанов смещен, далее «за измену партии» (газета) исключен из партии, а далее – арестован. Из окружающих его служащих и сотрудников арестовано человек 5, разного калибра. На должность заведующего и помощника назначен Адоратский (говорят, старый) и Товстуха (б. личный секретарь Сталина), оба уже занимающие соответствующие места в *Ленинском* институте, откуда разговоры о слиянии обоих учреждений.

Крушение Рязанова, разумеется, сопровождается слухами. Говорят, что у него скрывался Абрамович, происходили заседания с ним; что Рязанов хранил архивы Троцкого и Иоффе, ныне обнаруженные; что он сжег бумаги Шера и

Рубина (оба – обвиняемые в процессе и оба работали в Институте). Передают, что Рязанов очень хорохорился, но что ему будто бы передали записку Рубина, извещающего, что он «сознался во всем» и советует Рязанову сделать то же самое(!?). Словом, легенд не оберешься.

Да, не везет Академии Наук. Старые ее силы – Платонов и др., выбрасываются за «монархические» заговоры; новые, марксистские: Фриче помре, Деборин объявлен еретиком, Рязанов – изменником партии (не прошло года, как «чествовали» Рязанова с днем его шестидесятилетия). И этот библиофил и архивист, типичный Herausgeber, не давший ни одной большой самостоятельной работы, попал в Академию, а теперь его же однопартийцы «доказывают» незначительность его размеров.

Надо полагать, что на меньшевистский процесс Рязанова не потащат. Найдут более простой способ заткнуть глотку этому «коммунистическому Пуришкевичу».

*

Аресты идут сейчас по *двум* направлениям: 1) *религия* – арестовывают одиночек и лиц, связанных в общины; называли дочь хирурга Мартынова и католического священника Сергея Мих. Соловьева (племянник Влад. Солов. и сын переводчика Платона); 2) *военные*, особенно прежние, хотя бы и на службе в Кр. Армии; называли генералов Мартынова (уже на пенсии!), Свечина, Смысловского, последние – активнейшие работники по Академии генер. штаба и «военизации» вузов; на всякий случай, будто бы, «опасаются» их; многие говорят о намерении так или иначе сплавить из Москвы всех «не своих».

*

Инженеров арестуют и высылают «без предъявления обвинения». Других, чтобы побудить выехать в места гиблые, арестуют и отделяют от жен, либо высылают жен в место намеченной работы мужей, которые в конце концов «добровольно» соглашаются ехать, но уже на пониженный оклад.

*

ГПУ усердно выколачивает доллары и ценности, «жертвуемые» «добровольно» на индустриализацию. Обычно теперь уже не выдают возмещения даже советскими знаками.

*

Продолжаются и приглашения «давать сведения» о сослуживцах. Даже «доказывают» при этом, что тут нет

ничего зазорного, это ведь не «охранка», которая *платила*, мы же «не покупаем вас», а «добровольно».

В высших учебных заведениях упорно и нагло проводится вытеснение хорошо подготовленных и пригодных к научной работе интеллигентов. Небольшая группа соучащихся, человек в 10-15, из которых некоторые – комсомольцы, а затем примазывающиеся, «обсуждает» своих товарищей. Обвинения в таком роде: чересчур близок к профессору, а профессор – нам классово чужд; работает у профессора по *иностранным* книжкам («мы», конечно, как пролетарии, языкового образования не получили); задает постоянно вопросы профессору(!). Подобные обвинения обычно заканчиваются выводом: такой-то не наш, а потому его нельзя оставлять для научных занятий («нам нужны классово выдержанные ученые»), нельзя даже оставить в Москве, а надо по окончании услать «на периферию» для узко прикладной работы (это применяется к людям, годным на исследовательскую работу) под надежное партийное руководство.

Студенты придумали было выход: чтобы не получить такого «волчьего паспорта», они сами уходят из университета, научившись уже кое-чему, – едут в провинцию, становятся на работу, а затем, через год-два, возвращаются в Москву, где институты, страдающие от недостатка квалифицированных работников, охотно берут к себе эту молодежь, которая быстро завоевывает себе место уже на работе научной.

Но это «подметили» и всячески ограничивают институты в их подборе своих сотрудников.

*

Хорошо живется лишь иностранцам. Один немец, рассказывают, дал соседу по работе, русскому, свой пропуск к Елисееву, и русский на 40 р., какие у него были, закупил всякой снеди, а потом показывал на заводе. Говорят, эффект получился сильный.

*

Железные дороги работают отвратительно. Везде к тому же грязь. Гуляет сыпняк. Были случаи смерти от него даже в Москве (завозные случаи).

*

<u>Фольклор</u>. Почему женщины стали носить длинные платья? – Это ведь в связи с общей системой перехода к закрытым распределителям.

Луначарский на праздновании десятилетия «свободной Грузии» говорил грузинам (и их артистам) всякие комплименты и *серьезно* сказал: за все это мы вам воздадим сторицей, но *одного* мы вам, к сожалению, не сможем вернуть: это вождей, каких вы нам дали. – Публика... дружно захохотала.

Miscellanea pridie Cal. April. A. D. XXXI. [Апрель]

И опять-таки становится все мрачнее и мрачнее, хотя казалось бы, что уж некуда. Закончился и процесс т. наз. меньшевиков, «поставленный» для Европы. По-видимому, главная цель достигнута: сделано все, чтобы интервенция не могла осуществиться, европейские массы не пойдут. Где осужденные – неизвестно. Они ведь менее нужны, чем посаженные химики и инженеры. Последних держат прямо как рабов. Недавно группа их, с десяток человек (среди них некий Лист из известной москвичам семьи Густава Листа), отправлена была под конвоем в Нижний на работы при автомобильном заводе. Через несколько дней их вернули: говорят, что американцам, с которыми они работали, стало понятно, что с ними – «каторжане». Теперь они в тюрьме, ждут нового «назначения».

Аресты идут бесконечные. Только что закончился разгром Института Маркса и Энгельса (судьба Рязанова все еще предмет лишь догадок). Еще не кончено дело «историков»: пока что расстрелы не подтверждаются; говорят о намеченных длительных ссылках в концентрационные лагери, о пяти- и десятилетних сроках. Арестуют партиями, то «католиков», то «педерастов» (в Питере даже расстреляли некоторых, как говорят, за совращение матросов и комсомольцев, называют какого-то Прозоровского?), то учащуюся молодежь, то военных (говорят, что сидит начальник штаба коммунист Ругачев, не говоря уже о [неразб.] всех генералах). Довольно обычное обвинение – в «шпионстве». Например, в каком-нибудь учреждении или ведомстве арестуют одного-двух из начальства, устанавливают связь с заграницей (знакомые, родня, иногда иностранцы), затем, расширяют круг лиц, арестуют всех или многих подчиненных, которые писали записки и отчеты начальству, нередко вечерами, за сдельную плату; создается дело, утверждают, что плата шла за услуги по шпионству и т. д. В результате множество людей (а утверждают, что многих из них пытают и бьют) дают

показания, либо «упорствуют», не давая их. И вот, *некоторых* выпускают на суд, устраивают «процесс» с обусловленными приговорами, а остальных – либо расстреливают, либо изымают на 10, на 5 лет. Так «главные обвиняемые» выходят живыми (Громан, Шер и др.), а помельче – гибнут. На Казанской ж. д. так отправлено на 10 лет 40 чел., а среди текстильников около 300; затем, несколько десятков агрономов, причем входит все больше в обычай конфискация имущества, удаление родни из Москвы и захват жилой площади чинами ГПУ. О расстрелах не печатают, а лишь говорят шепотом. Иные по месяцу и больше не знают, что их близких уже нет в живых.

Фантазия работает, и иногда объявляют арестованными людей, которых еще не трогали. Так, говорили зря об аресте Шмидта из Госиздата и летчика Бабушкина. Зато остается фактом, что посажен акад. Лазарев, крупное лицо из Госиздата – Каган, почему-то академик М. М. Покровский (классик).

Заграница *не может* реагировать действенно, ни военно, ни даже экономически. Слишком сталкиваются интересишки, боятся «потерять рынок», а коммунисты, надо им отдать справедливость, великолепно сталкивают лбами этих европейских конкурентов. Французы издали было декрет, направленный против ввоза, а в результате русский ввоз к ним лишь вдвое уменьшился, а французский ввоз к нам пал в 10 раз, если не больше, и, что курьезнее всего, СССР имеет *огромный плюс* в валюте (наш ввоз ок. 40 млн. франк., а их ввоз сюда – 2 млн.!). Пока что, иностранцы только говорят, лишь изредка пытаясь осуществить угрозы. Так, Канада оборвала всякие торговые сношения из-за пресловутого принудительного труда. Но еще неизвестно, что получится отсюда. – Немцы, наоборот, демонстрируют серьезный «интерес»: приезжали их крупные промышленные представители, которым, как всегда, втирали очки. Рассказывают, что перед приемом в ВСНХ там очистили здание от всяких ленинских уголков, месткомов, культкомиссий и т. д., сняли все лозунги и плакаты, выдали ордера некоторым лицам на приличные платья и этих одетых людей посадили за бухгалтерию. Вышло, «как в Европе»: тихо, опрятно, без кепок и валенок.

Очковтирание особенно сильно ведется через переводчиков-показывателей, которым заранее сообщены ответы, какие они должны давать иноземцам. Так, при виде хвоста

у нефте-лавки надо говорить, что *все* граждане легко и без очередей получают керосин, но *в некоторых местах* керосин дают чуть ли не даром, и вот здесь-то скопляются наименее имущие, либо жадничающие по части даровщинки.

*

Магазины, торгующие по спекулятивным ценам и вызывающие много (скрытого!) раздражения у всех, у рабочих же порою и langue maternelle, носят характерное название. В Питере их зовут «красный кулак», в Москве – «госспекуляция», либо – не без Galgenhumor'a – «Рамзин» – (купить у Рамзина).

*

За границу никого не пускают. Сообщают, что по статистике ГПУ «невозвращенцев» 60%. В Москве упорно говорят, что *не вернутся* в Союз крупные химики – академики Чичибабин и Ипатьев. Оба, кажется, уехали с женами.

*

Мы усиленно доказываем, что у нас нет принудительного труда, особенно на лесозаготовках. Но отовсюду знаем, что сосланные на север, даже просто «лишенцы», «раскулаченные» получают 1/2 ф. хлеба в день, – след., *должны* наниматься; и таких людей разного звания там десятки, если не сотни тысяч. Они и идут «добровольно» работать. Того, что 60 000 челов. из лагерей строят *сотни* километров жел. дор., не отрицал в своей речи недавно даже и Молотов. А когда какие-то норвежские делегаты вздумали на месте ознакомиться с житьем лесорубов, в Архангельске спешно заколотили фанерные бараки, согнали их обитателей в город, а бараки показывали, как забитые давно и давно уже не используемые, – разве что летом (на деле в них живут зимой).

*

Молодежь растет новая, послушная, легко убеждаемая, ибо не критикующая. В б. университетах творится что-то несосветимое. Факультетов нет, есть какие-то чуть ли не «производственные цехи» (в Сел.-хоз. академии так буквально). Последняя новинка – 8-часовой рабочий день с занятием одним предметом в течение всех восьми часов (может же рабочий все 8 часов делать, напр., пуговицы или гребешки, отчего же не заняться 8 часов кряду «истматом» или «диаматом»). Науки, в сущности, упразднены. То, что осталось, снижено до уровня скудного понимания серой массы.

На специальных даже курсах в университетах процветают преподавателями учителя прежней средней школы или молодые аспиранты, порой не кончившие даже сами университета.

*

Страной правят нацменьшинства, ничего не питающие к России, кроме ненависти либо равнодушия. Они систематически *уничтожают* все русское, материальное и духовное, всякие следы русской культуры. Сейчас сносят решетки у церквей и домов, якобы из-за нужды в металле. Но снос ажурной *решетки* у церкви Климента не равносилен ли «по эффективности» (как говорят теперь), напр., уничтожению картин художеств. галерей на предмет использования крепкого холста под мешки для картофеля? И с какой дьявольскою последовательностью делается все это! Взять хотя бы демографию Москвы. В ней насчитано недавно 2 750 000 жителей, за пять лет прирост в 30%! Жилая площадь отдаленно не выросла для приема этой массы. Что же делают? Воспитывают зверские инстинкты захвата, и озверелые обыватели, в большинстве пришлые (провинция, деревня, рабочие, инородцы, ежегодная серая масса «учащихся» в неск. десятков тысяч человек), рвут «площадь» у последних остатков москвичей, как клопы засиживают все, поселяясь группами в комнатах, не брезгуют церквями, колокольнями, сторожками, с особым удовольствием городят фанерные перегородки в прекрасных домах лучшего нашего прошлого и т. д. Этим чужим людям не жаль Москвы, и они равнодушно, иногда со злостной радостью, смотрят на ее разрушение, беспощадное и целеустремленное: до сих пор нелепо, зачем сломали *Красные Ворота*; зачем *взорвали* стены Симонова монастыря, уничтожили Донской, снесли Параскеву-Пятницу, Бориса и Глеба у Арбатских ворот и т. д., и т. д. Прежний москвич, все – ремесленник, половой, дьячок, просвирня, лавочник, профессор, врач, дворянин-барин, даже презжий впервые из провинции студент – ценил Москву, как что-то цельное, нужное и ценное. Вовсе не надо было ходить в Большой Театр или ту или иную церковь, чтобы все-таки их ценить. А теперь?

Уничтожение идет и духовное. Уже объявлено, что нет русской истории. А усердные говорят даже, что и великоросса не было никогда (такое открытие приписывают М. Н. Покровскому). Есть только «история народов СССР». Сообразно

с этим, в Историческом Музее уничтожили залы Киевской, Новгородской, Суздальской Руси, со всеми копиями фресок и т. д., и вместо этого устраивают какой-то «феодальный период» с азиатским наименованием. И в Советской энциклопедии какая-то девица игриво пишет: татарское «иго», ставя в кавычки второе слово и указывая, что ига не было, наоборот, было принесение культуры, более высокой, а порядок был по существу феодальным, только феодалы были одного племени, а их вилланы – другого.

*

И всему этому подвывает писатель Максим Горький, окончательно исписавшийся, но зато отлично сочетающий спокойную заграничную жизнь с выписыванием денег из Союза. Впрочем, наше правительство ловко держит его в руках. По-видимому, ему не дали *всех* денег за авторское право, а дают частями. Он же жаден, и теперь приходится расплачиваться писательством. Пошлости он пишет необычайные. Напр., каким-то приисковым рабочим желает настрелять побольше рябчиков, зажарить и есть, – сопровождая сей совет слащавым пожеланием: «хорошо было бы пообедать с вами», и в заключение просит позволения «дружески пожать ваши лапы» (sic!).

*

Из разговоров, услышанных вечером на улице: – девица *с сильно выраженным акцентом* произносит: «Я ненавижу Есенина... Он хам... Нашей стране не нужны такие поэты... У него есть стихи "В хате", – там какая-то старушка возится и потом щепки... нет совсем *трудовых процессов*»(!).

*

С апреля вольнопрактикующие врачи лишены продовольственных карточек. Рыночные цены: масло 9 р. фунт, молоко 60 коп. кружка; курица – 7-12 руб. Мяса очень мало, и оно очень плохое.

Средина апреля.

Из «глубины России» идут слухи о бесконечно тяжелом положении главным образом крестьянства. Так, из б. Калужской губ. сообщают (обычно это живые свидетели, приезжающие повидать родню), что там идет насильственное приобщение к колхозам. В уездном городке (Козельске) арестовали всякие обломки б. помещиков и их семейств,

между прочим, одну девицу за то, что она в кино при представлении какой-то пьесы, где действовали прежние офицеры, играла на рояле сопроводительную музыку («бывшую») «по нотам с орлами» (издание придворн. поставщика Юргенсона!). Дальше забрали знакомых, родственников, всех, кроме одного б. адвоката, ибо нельзя было оставить город без «право-заступника». Теперь арестованным объявили, что они «заложники»: их будут держать, пока не уладится все с привлечением мужиков в колхозы, ибо мужики будто бы по наущению б. дворян *не идут* в этот рай!

Ну, чем точка зрения *властей* выше той глухой мужицкой молвы, которая гласит, что у нас сейчас в большевиках сидят бывшие помещики, которые *мстят* крестьянам за отнятие дворянской земли!!

В деревне (или селе) *Прыски* (там же, в Калужской губ.) крестьяне будто бы порешили не выдавать своих, вооружились чем попало, установили караулы и дежурства и ждут прихода «врага». Кончится, конечно, экзекуцией.

Экзекуции эти ужасны, хоть и носят бескровный (пока?) характер. Мужиков просто снимают с мест семьями, деревнями иногда и увозят, – то в форме переселения на новые места, то на принудительные работы, по лесозаготовкам преимущественно. При этом, разумеется, высылаемые объявляются кулаками, лишенцами и т. п., так что выходят «виновные», так же, как поступают и с духовенством: религию, говорят, не преследуют, а «попов» – за «политику», за «сопротивление советской власти».

Через Москву, случается, прогоняют целые эшелоны таких крестьян. Недавно москвичи рассказывали про поезд в 43 вагона с украинцами, которых гнали на север. На днях на вокзальной площади выгнали огромную партию крестьян, больше бородачей, солидного возраста; другая партия состояла из женщин; затем, вывели какого-то старика, подвели его к «черному ворону». Прежде чем войти в него, старик трижды молча поклонился в землю, расставаясь со своими. Послышались рыдания. Какая-то библейская сцена.

А вот совсем из-под Москвы, с Савеловской дороги. В деревне два брата. У одного большая семья, лошадь, две коровы, работает, как вол. Другой брат – семья малая, сам лодырь и пьяница. Учтя момент, донес на брата. Брата «раскулачили». Мужик стал заговариваться. Свезли в лечебницу для душевнобольных. Жена стала хлопотать. Выпущенный из

больницы муж, вернувшись на разоренное пепелище, повесился. Тем временем пришло решение, что раскулачивание неправильное. Тогда мужик, затеявший все это, пришел на похороны к брату и тут – застрелил священника и застрелился сам.

В Москве доносы делают все. Но сильно и в провинции. В той же Калужской губ. забирают мужика и предлагают ему купить свободу доносом *на десятерых*. Некоторые с успехом подвизаются на этом поприще.

Газеты тщатся опровергать принудительные работы. А между тем постоянно просачиваются письменные даже вести от многочисленных загнанных на север *даже не осужденных*, а просто так – обобранных «лишенцев», с далекого юга, иногда из Крыма, с Украины. Людям дают 1/2 фунта хлеба, поневоле «наймешься». А то *ничего* не дают. Так работают, напр., на лесозаготовках близ Богословского рудника на Урале. Живут в бараках. На рудник ездить и ходить запрещено, так что купить нельзя ничего, даже если родня посылает деньги.

Да что лесозаготовки. Принудительный труд применяется во всех областях. Разве, напр., не принудительный труд, когда *педагогов* вовлекают в *подписку* до конца пятилетки не бросать педагогич. работы, а затем «в порядке ударности» предлагают Москве выделить 180 математиков для работы на два года в Сибирь. И человек, зарабатывающий здесь 400 руб., вынужден ехать на окраину с оплатой в 60-80 руб. по «поясу».

В Москве еще можно жить. Есть хоть керосин для подогревания пищи. В провинции же выдают *1 литр* на месяц, если нет электрического освещения, а то не дают вовсе. Дров тоже нет, а мужикам *запрещено* их привозить в город.

Продуктов и мануфактуры в провинции не дают. Сахару и чаю в помине нет. Картофель местами (Одесса, Урал) стоит 2 р. кило.

*

Песенка на мотив *марша Буденного* поет: «Мы курочек и уточек в Европу продадим, а конницу Буденного мы сами поедим».

*

Снятие железных решеток, ворот у домов и железных крылец и подъездов – продолжается. Жалкие продолжатели Петра Великого! Любое «хапанье» применяется, как только

придет кому в голову. Трудно отрешиться от принципа *дозволенности* хапанья. И так все. Ведь захватил же Рязанов щукинский дом, не пожалев музея фарфора, как раньше захватили морозовский дом, где находился тот же фарфор.

*

И угодничество, угодничество без конца. Чего только не наговорил акад. Иоффе (и не он один) о необходимости *планирования* научной работы, о единственно правильном методе, о руководстве пролетариата в науке... И потом это изумительное по наглости заключит. обращение *академического съезда* (где выступали больше не академики, а разные профессора и просто «товарищи») к ученому миру на тему о том, что только у нас наука свободна, только у нас она служит настоящему делу и т. д.

*

И тут же такие факты. В «Метрополе», где все устроено для иностранцев, сии последние с пьяных глаз расходятся, как в Китае, и позволяют себе гнусно вести себя с выступающими на эстраде артистками. А на жалобу последних наши власти огрызаются, – дескать, можно и потерпеть. Артистки же работают тоже «добровольно».

*

С немцами «поладили». Они отпускают товары в кредит. Побаиваются немножко, но все же отпускают. Другие – американцы, англичане – осторожнее. Французы не очень связываются, а мы их *заваливаем* и создаем себе валюту у них.

*

Кому все это пойдет на пользу? По-видимому, мир в безумии сам себе готовит «мясника», как выразилась немецкая газета. А что же народ-то? Какой? Ему ли не говорили о *материальном* обеспечении здесь, на земле, о рае *здесь*, и его теперь ради проблематического будущего разоряют и держат в голоде. И почему мы отдаем меха, икру, рыбу, лес, нефть, а затем зябнем, голодаем и т. д.?

1 мая – обычная демонстрация; люди заняты с раннего утра, с 8 часов, домой иные возвращаются в 6-7 час. веч. Еды заготовляют много по всем «столовкам», даже сытно, говорят, но везде правило: дают только ложки, ножей и вилок не полагается.

Гонения на «пошлые песни», каковыми объявлены всякие песнопения на прежние мотивы («Кирпичики», «Дунька» и др.). Сюда же относят, говорят, и марш Буденного. Даже на заборах соответствующие плакаты. Особых убранств не заметно. Больше фанера и скупые, сравнительно, полосы кумача. Из фанеры же карикатуры – на папу, духовенство, почему-то на Бриана и т. п. Вождей теперь ставят в окнах осторожней прежнего: больше всего Сталин, иногда Ленин и Маркс, реже Ворошилов и Калинин. Остальные – разве случайно.

А где же славные Зиновьевы, Троцкие, Бухарины, Муравьевы, Рыковы?

*

Рассказ рабочего про Углич. Хотели было сломать 20 церквей. Развалили одну, – убытку 3 000 руб. «Церковь старая, как начнут ее валить, она на жопу села и рассыпалась. Материалу вовсе не выходит. Сломать 20 церквей – 60 тыс. убытку, а весь горсовет того не стоит. Бросили ломать».

Вздумали там же на Пасху бревна из воды таскать. Заставили девок. Те было заартачились, ну им и пригрозили принудиловкой. А принудиловка дело известно – туда войдешь девкой, оттуда выйдешь бабой. Ну, нечего делать, пошли на работу.

Насчет «подневольного труда» объяснение такое. «Конечно, работают подневольно. У нас в Угличе просто. Коли кто имел когда-то дом, либо торговал, – сейчас у него ничего нет, давно все взяли, – а все-таки вдруг наложат 500 руб. Ну, ему платить нечем. Через месяц говорят: заплатить к 1-му числу 1 000 руб. – Опять нету, где же ему взять. Через месяц – заплатить 2 000 руб. Так иного вгонят, что на нем тысяч пятнадцать. Ну, *его и держат на веревочке*, как чуть что – иди, работай, ну, и идет, как же иначе, ведь в долгу»...

*

Отовсюду множество заверений о принудительном труде. В провинции хватают и высылают с семьями бывших купцов, землевладельцев, домовладельцев, давным-давно уже разоренных, и посылают их в Сибирь, в районы нового населения, а то на Северный Урал, в окрестности Надеждинска, где работают на приисках, на лесозаготовках и т. п. Условия жизни очень тяжелые, что-нибудь (хлеб) дается лишь «работающим», остальным – женщинам, старикам, детям, как

лишенцам, не дают ничего. И в таких условиях живут южане – из Крыма, с Украины и т.п.

Публично же у нас не только перед заграницей, но и в своих газетах объявляют, что никакого принудительного труда нет, так же, как уверяют, что никаких преследований «за религию» нет, даже иногда приводят «добровольные» заявления по этой части разных заинтересованных лиц, напр., священников. Между тем аресты людей «идеалистически», «мистически» или «религиозно» настроенных идут полосами: то православные, то «католики», то «сектанты» становятся в очередь арестов.

*

По остроумному выражению старого судебного деятеля, раннее римское право с его принципами вроде do ut des постепенно смягчалось, германизировалось, подвергалось толкованиям. Теперь мы вернулись назад, пожалуй, к голому начальному римскому праву, даже больше, ибо вместо do ut des у нас осталось беспрекословное «des» – знаменитое «даешь!», прилагаемое властью *без* всяких обещаний со своей стороны.

*

Любители справок из истории говорят о торжестве «реализма» во всякой крупной политике: Наполеон, Бисмарк, Ленин одинаково принципиальны, прямолинейны, беспощадны.

И еще любят почему-то сопоставлять нашу эпоху с эпохой Петра. Но у Петра был образец, к которому он тянулся, а не теория; выполнял он дело русскими руками при иностранцах в помощниках, ибо своих «спецов» тогда не было; сейчас же своих истребляют, а безразличных иностранцев приглашают. Тогда время (у нас по крайней мере, да и везде) было варварское, теперь же мы в XX-м веке.

*

Всего любопытнее иностранцы – тó они говорят об опасности, угрожающей всему их строю со стороны большевизма, и тогда они думают о блокаде, об изоляции России; тó начинает брать перевес точка зрения, что ничего не поделаешь, надо брать все, как оно есть, а главное – не упустить бы своего, – и тогда они начинают вступать в сношения, оказывают кредит, снабжают нас (правда, иногда прескверно) всякой техникой.

Особенно двусмысленно ведут себя немцы, которые нас кредитуют и одновременно ругают за большевистское вмеша-

тельство в их дела, – да еще итальянцы, «реализм» которых открыто циничен: «берем сырье там, где нам выгодно; русский керосин, уголь и пшеница достаются нам очень дешево, отчего же не взять, а демпинг и принудительный труд не наше дело». По последним известиям, Италия дает нам в кредит на 350 млн. лир ((т. е. около 35 млн. настоящих рублей) всякой металло-техники.

*

Из спора с японцами, которые давно уже платили нам казенные взносы по рыбным промыслам из курса ок. 40 к. за рубль, мы впервые узнали, что нами официально признается такая далекая от al pari котировка нашего рубля. Но японские рыбники обнаглели и захотели платить 30 коп. Мы их «обрезали» заявлением, что это наше суверенное право назначать курс, а не предмет *торга* с иностранцами. Но в конце концов мы предложили, «идя навстречу», курс в 32 1/2 йен за рубль. Так установилась эта своеобразная котировка. Японцы, разумеется, сейчас же заявили, что это соглашение временное – надо его пересмотреть.

Средина мая. В Третьяковской галерее, в «стенгазе» тамошнем, написано, что при устроении предполагаемой иконописной выставки переносили иконы и «роняли» их столь бесцеремонно, что у «Троицы» Рублева *лопнула доска*, а «Владимирская» повреждена серьезно (или обратно). Переносившие (по-видимому, молодежь, набираемая по «общественному» признаку, – старики этого бы не сделали), б. м., даже увидят в этом содействие антирелигиозной пропаганде.

*

Американский инженер, поставленный своею фирмою наблюдать за установкой купленных у этой фирмы машин, получает 25 000 долларов в год. Приезжает с супругой. Расшаркиваются перед ним очень, вплоть до букета супруге и обеда обоим. Впрочем, угощающее (на казенный счет) начальство само было в Америке, пользовалось гостеприимством этого самого инженера – за счет его самого, конечно. Машины поставит, уедет. А потом? Потом за возможное их несовершенство ответят свои – «вредители».

*

Со всех сторон известия о высылках, концлагерях на 10 лет с обычной теперь конфискацией имущества и

выселением «семьи» (помещения занимаются тут же чинами ГПУ). Иногда бывают курьезы: академик Маслов получил «минус Москва», т. е. только в Москве запрещено ему жить. Что это, как не насмешка? Либо он виноват, тогда почему он безвреден в Питере или Одессе, – либо он не виноват; тогда что значит это наказание?

Рязанова выслали-таки в Саратов («в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!»), вместе с женой. Видимо, возможная его смерть в тюрьме напугала. А сколько народу там мрет безвестно! Судьба «историков» по сей день неизвестна. «Экономистов» понемногу рассылают, пока менее значительных, – и все на 5, на 10 лет, редко на 3 года.

*

Когда подумаешь, что по «Департаменту полиции» в царские времена значилось в ссылке, вероятно, каких-нибудь 3-4 тыс. человек, в большинстве увлекавшихся студентов (тогда обычным мнением было: «губят молодежь»), всегда в чем-либо все-таки «замешанных»: партия, пропаганда, подпольщина и т. п., а то и экспроприация, – теперь же десятки тысяч не горячих голов, а часто уже старых людей, ценных работников, уж никак не способных к антиправительственным проявлениям, – то спрашиваешь себя: что это такое?

Конечно, каждая власть имеет право защищать свое существование; каждой кажется, что она – лучшая, пока ей не докажет противное ход событий, но ведь есть же какие-то границы? Нельзя же трогать людей за то, что они активно не поддерживают всех начинаний данной власти. Ведь по этому расчету царскому правительству пришлось бы уничтожить те сотни тысяч людей, которые «сочувствовали» так наз. революционным партиям.

*

Во главе Московской Консерватории поставлено новое имя: т. к. Феликс Кон заведовал Главискусством, то в его честь перекрестили консерваторию в высшую музык. школу им. Феликса Кона, или, как ее зовут остряки, в *Конфеликсаторию.*

*

Рассказывают, что к академику Павлову на дом явились представители ГПУ и, расшаркиваясь «перед первым нашим ученым», заявили ему, что они, конечно, не станут его принуждать, не будут делать обыска и т. п., но, наслышавшись,

что у него есть валюта, они надеются, что он не откажет дать ее государству, и т. д., и т. д.

Павлов изъявил согласие, предупредив, что сделает это, но не сейчас, а тогда-то, дня через три-четыре. «Пожалуйста, когда прикажете явиться?» В назначенный срок Павлов предъявил им – квитанцию на обмененную на сов. деньги валюту.

Соль истории в том, что ГПУ обычно теперь получает валюту *даром*, беря расписку, что такой-то «добровольно отдает государству». Ну, а затем, вероятно, вымогатели получают процентное вознаграждение. Павлов, конечно, потерял, сдав валюту за бумажки, но и агенты ничего для себя не выиграли.

*

А с деньгами делается что-то странное. Только что объявлено о каких-то *новых путях* кооперации, которая куда-то уклонилась, не выполнив своего назначения, – и тут же *вдруг* все цены повышены, даже на продукты «нормированные»: керосин вм. 10 коп. за литр стали продавать по 15 коп., потом снизили до 13 коп. (в провинции его *нет совсем*); туалетное мыло, стоившее год назад 20 коп. кусок и продававшееся неделю назад *вольно* по 1 р. 75 коп., вдруг стало 2 р. 65 к. Пирожные – 85 к. штука (есть плохие по 30 коп.). На рынке паника. Исчезает все. Мяса уже никак не достать, цены поднимаются очень быстро. Последнее убежище – молоко, но и с ним стало плохо, жмут вхождением в колхозы.

Из деревни письма панические. Сгоняют в колхоз. Тех, кто не идет, либо арестуют и увозят под предлогом *кулачества*; если же никак уже нельзя придраться к состоятельности, то отнимают хорошую землю, приневоливают к непривычным культурам, делая их сев *обязательным*, усиленно гоняют на общественные работы. Плата же очень низкая. Поступившие в колхозы – воют. Кто может, спасается. Хуже всего тем, кому некуда податься.

Газеты «пустые», т. е. в них заполнены все 4 страницы, но это все «возгласы», частью подкрепляемые, частью разрушаемые текстом. «Деремся за уголь», «Наступление на сев» – рядом: недовыполнение 70%, прорыв в производстве, путина не выполняется, «бюрократизм», «головотяпство» и т. д.

19 мая. На Днепре было огромное наводнение, о котором узнали из газет *косвенно*: напечатано было об отпуске

10 млн. руб. на помощь пострадавшим от него. Оказывается, разлив был столь велик, что не только залило Подол в Киеве (явление нередкое), но снесло целый ряд деревень и, как говорят, гор. Кременчуг на 3/4. Все это выше Днепростроя, и невольно является вопрос, не «скованный» ли Днепр виновник этого бедствия, не просчитались ли и тут, принявшись за это грандиозное сооружение?

Цены быстро идут вверх, и не только на вольном рынке, но поднимают их в «казенных» предприятиях (а таковых, конечно, большинство, – прежде всего «кооперация»).

Публика, явно уже испытывающая недоедание (мяса почти нет, приобретение его большинству не по карману; яйца 5 руб. дес., масло – свыше 10 р. за 400 гр. и плохое; овощей ни старых, ни свежих нигде нет), утешается разговорами о том, что скоро откроются какие-то «концессионные немецкие магазины», что брошены будут на рынок некоторые экспортные товары и т.п.

*

Деньги, несмотря на падение своей стоимости, все же очень в запросе, а их-то и нет. Есть перебои в выплате заработной платы. Заминка родит разные нелепые слухи вроде того, что государственная касса питается особыми средствами Военмора (?), которые «предоставлены Ворошиловым».

*

Уничтожение культурных ценностей прошлого продолжается неуклонно и систематически. В поисках металла (это при постоянном уверении в газетах, что мы догоняем чуть ли не Америку количеством добываемых и выплавляемых руд) разрушают решетки церковных оград, подъезды домов, крыши и купола. Последний подвиг этого рода: в Кузьминках разорили великолепный, чуть ли не в версту длиной, въездный проспект, который был окаймлен чугунными тумбами, посаженными на деревянные болванки, и снесли начисто не менее знаменитые, завершавшие въезд чугунные триумфальные ворота. Говорят, получили 18 000 пудов чугуна!!

20 мая. Литвинов произнес в Женеве речь, на сей раз спокойно, без агиток. Позиция советская очень твердая, если принимать за действительность то, на что она опирается: подъем страны только у нас – там кризис и упадок, отсутствие безработицы у нас и страшная безработица там. Разумеется,

презумируется, что мы живем хорошо, очень сытно и т. п. Но без фортелей не обошлось и тут: так, Литвинов предложил всем подписать тут же обязательство не продавать у себя внутри товаров дороже, чем на вывоз в другие страны. Он отлично знает, что это не подойдет для разных картелей (стальных и проч.), но ведь он же знает и то, по каким ценам *у нас* продаются товары внутри по сравнению с тем, за что мы их продаем вовне. Напр., конфеты 4 р. за кило, которым цена 50 коп.; масло – по 10 р. фунт, когда мы за границу отдаем его за полтинник, и т. д.

*

Продолжают сламывать церкви – иногда места из-под них стоят пустыми. «Религию не преследуют», но, напр., в подмосковной деревне угнали священника и причетника, а приезжающих по приглашению крестьян городских священников встречает группа комсомольцев и, по поручению, им объясняют, что, конечно, нет запрещения, но если священник станет служить, то его ожидает судьба высланных...

*

Близ платформы Первомайской в деревне у крестьянки отняли в колхоз корову. Потом пришли за второй, последней. Крестьянка оказала сопротивление: «хоть стреляйте, я корову не отдам». Власти ушли. Она на другой день пошла-таки в исполком, еще раз пояснить, что ей нельзя без коровы. «Мы никого не неволим», – сказали ей и вручили лист с таким обложением за корову, что никаких средств не хватит. Баба взвыла, стала отказываться от коровы, но начальство теперь ее не берет.

Другим, отдавшим коров, награда: коров роздали обратно по рукам (причина милости простая: колхоз без кормов, коровы начали падать, так вот ответственность за них переложили на бывших хозяев в правильной игре на психологии крестьян, которые во что бы то ни стало найдут средство прокормить скотину, хотя бы ценой недоедания семьи).

*

Трагедия с буффонадой. – В трамвае подвыпивший рабочий рассказывает свои трехдневные приключения. Он выпил – от хлопот, после похорон. Его квартирный хозяин отточил заранее топор и ночью убил 17-летнего сына, работника на семью. Убийцу взяли, труп оставили. Мать вне себя. Хлопоты взял на себя он, жилец. Уже *на кладбище* – препятствие.

Показывает милицейское разрешение на неимение препятствий к похоронам, но власти им не удовлетворяются: нет указания, что *сданы продовольственные карточки убитого*. Пришлось оставить гроб и мчаться по участкам и т. д. Через два часа новое разрешение, «по форме», дало возможность схоронить покойника. (Не принятое свидетельство рабочий показывает тут же в трамвае).

*

«Чистка» приобретает порой изумительный демонично-травящий характер. Пример из многих: в учреждении по городскому благоустройству объявляют, что тов. такой-то, инженер, подлежит «чистке», т. к. против него выставлены такие-то пункты. Для показательности чистка переносится на завод «Лампа-металл», находящийся на другом конце города и *никакого* отношения к благоустройству не имеющий. Мотив: произвести чистку перед рабочей аудиторией. За час раньше учреждение кончает работу, служащим выдают билеты на даровой обед, затем организованным порядком отправляются на завод... К великому смущению прибывших: *рабочие не пришли* на это для них устраиваемое зрелище. Председатель вынужден был снять пока чистку, а неявку рабочих объявил *делом политическим*: это вина месткома.

27 мая. Осложнения с Финляндией. Финны подают ноту, которую у нас в официальной газете («Известия») только излагают своими словами – и опровергают. По изложению можно догадаться, что вероятно в 1920 г., в эпоху увлечения модными лозунгами вроде «самоопределения народностей», мы надавали каких-то обещаний финнам, чуть ли не предоставив им право наблюдения за судьбами остающихся в России частей финской народности. Теперь мы уверяем, что разные выражения, промелькнувшие «в дискуссиях», не могут нас обязывать (хотя тут же мы соглашаемся, что *могут* быть самоограничения в суверенитете, как, напр., у Польши по отношению к немцам в Речи Посполитой, – эта оговорка нам нужна, ибо за немцев мы всегда вступаемся), а посему нечего финнам беспокоиться. Передовица же «Известий» развязно заявляет, что Финляндия хочет лишить финнов в СССР прав, предоставленных им, как и всем другим народам СССР, между прочим права переходить в колхозы, в эту высшую форму хозяйства (!).

И вдруг на фоне этих событий краткое сообщение ТАСС (не ВЦИК'а, не Военмора, а только телеграфного агентства!) о том, что 22-го (напечатано 27-го) уже мая – опустилась и не поднялась в Финском заливе наша *подводная лодка*; точно обозначено место: 59° 51′ с. ш. и 22° 51′ в. д., оказывается это у самых финских берегов, в 20-25 километрах от *Свеаборга*, под Гельсингфорсом. Зачем туда попали к финскому берегу наши лодки? Что сказали бы мы про чей бы то ни было военный корабль в 20 верстах от Кронштадта? И не нарвалась ли эта лодка на минное заграждение? Что это за маневры в чужих водах? Опасная игра! Прошло два дня с напечатания известия и неделя со дня гибели подводной лодки – the rest is silence [об остальном молчание] !

29 мая разыгралось какое-то странное происшествие на Сухаревском рынке: паника и давка, вызванная какими-то бандитами. Говорят, взорвали бутылку бензина и стали пугать ядовитыми газами с аэроплана и т. п. Никто толком не умеет рассказать; кто говорит, что была стрельба, пожарные и т. д. Но результат – грабеж и много людей передавлено (работала скорая помощь). Что-то дикое, напоминающее XVI век по психологии одичалой и напуганной толпы.

*

Немцы сделали советскому правительству предложение *отпустить за деньги* ученых *Платонова*, *Любавского*, *Егорова* и *Тарле*. За последнего, говорят, готова была заплатить Франция, но переговоры велись немцами. Во всяком случае, *вопрос обсуждался у нас всерьез*, хотя и не был разрешен положительно. Так уверяют в кругах высоко-большевистских.

Торговля человеческим мозгом! Лишь логическое продолжение применяемого крепостнического и рабского труда к мозгу страны.

Уверяют, что одно последствие, во всяком случае, получится: будто бы всем этим, уже больше года содержащимся у ГПУ (прокуратура в лице Крыленки, говорят, изначала *не* нашла состава преступления), будет дано *минус 6*; по нынешним временам это наказание людям, *абсолютно* ни в чем не виновным.

*

Рабочие на заводах *вдруг* воспламенились: сверх займа пятилетки, всех давящего и еще не покрытого, требуют особого займа «*третьего решающего года пятилетки*».

*

Среди множества легенд (напр., о том, что революцию 1905 г. делали большевики, – этого не удалось доказать в яркой мере и потому «юбилей» 1905 г. в 1930 г. прошел крайне бледно) одна гласит, что Ленин «предвидел» революцию 1917 г., готовился к ней, ожидая ее, и т. д. В недавно выпущенном сборнике «Письма Ленина к родным» (изд. 1931 г. Ленинского Института) напечатано письмо Ленина от *6 февр. 1917 г.*, меньше чем за месяц до революции, где он пишет, что хорошо бы, пользуясь моментом и спросом, затеять Педагогическую Энциклопедию, найти соответствующего капиталиста для финансирования предприятия, отчетливо составить контракт, чтобы издатель не надул, и т. д., и т. д. Все по-коммерчески обдумано. Таков интимный Ленин. Он *ровно ничего* не предчувствовал и не предусматривал, – дело было до сделки с немцами о беспрепятственном проезде через Германию.

Так делается история. Насколько дальновиднее был антагонист Ленина – *Дурново*, который до войны 1914 г., еще зимой 1913-1914 г. в своей записке разъяснял возможные последствия войны для русского самодержавия.

10 июня. Кем-то пущен слух, что за «перегиб» в следовательских приемах ГПУ «расстреляно» 40 следователей (!?). Параллельно – слух о директиве «разгружать тюрьмы». Но если это и так, то ведь надо их опять «загрузить», – след., предстоит новая полоса арестов.

Объявлен новый заем, вызванный «энтузиазмом рабочих масс». «Пятилетка в четыре года» дала 1 050 млн. Теперь новый заем «*Третьего* решающего года пятилетки» рассчитан на 1 600 млн. и должен лечь, согласно официальной выкладке (см. «Известия», 10 июня), – на население так, что город даст 1 100 млн., деревня – 500 млн. (прежнее соотношение 780 и 270), т. е. нажим на крестьянские сбережения (но *колхизация* ведь надорвала частную кубышку у мужика? А колхозники дадут из заработной платы, что ли?). Или, опять-таки по официальной прикидке – новый заем ляжет *на рабочего в среднем в 70 руб., на крестьянский двор – в 20 руб.* Попутно, конечно, обруганы «вредители», которые намеренно снижали сумму займа для деревни.

Новость займа – очень мелкие выигрыши, притом частые, *ежемесячные* (выигрыши от 20 руб. на 50-рублевую

облигацию!!!), *беспроигрышные* – каждая облигация выигрывает. Процентная часть выигрышей дает 10% по купонам раз в год (деньги-то *падают* в цене!). Выкуп – в 1941 г. Делается все для подслащения и заманивания. И опять лицемерное заявление о *добровольности*, запретности принуждения и т.п. Однако, тут же и лозунг: *трехнедельный заработок на заем.*

Итак, *пока* в 1931 г. проходили следующие поборы: до *июня* уплачивался в рассрочку заем «Пятилетка в 4 года». Затем взыскано было «на культнужды» – 5-кратный подоходный налог; далее – $2^1/2$ подоходн. налога на жилищное строительство; далее – *дополнит.* заем «Пятилетка» – 1/2 мес. оклада; наконец, новый заем. Так, *без произнесения слов*, заработная плата снижена на 20-40% (смотря по размеру заработка – прогрессивно).

Июнь.

ХРОНИКА «Известия», 14 июня 1931 г.

Совнаркомом СССР принято решение о постройке дворца Советов, в котором должны происходить съезды советов, партии, профсоюзов и др., а также массовые рабочие собрания. Местом постройки избрана площадь храма Христа Спасителя. К подготовительным работам уже приступлено.

Известие само по себе столь дикое, что по Москве не верят и говорят, что здание будет воздвигнуто *напротив* Храма Христа Спасителя, для чего снесут ц. Похвалы Богородицы и весь прилегающий квартал, а между новым зданием и уже построенным Домом Правительства, с той стороны реки, протянут висячий мост!

Но несомненно имеется в виду озорный выпад «против религии», заодно против «истории» и т.д. Снос будет стоить огромных затрат, и дорогой материал будет, разумеется, роскошен (собираются «подрывать», – успехи техники).

Говорят, предлагались другие места, но Сталину понадобилось именно это, с «идейным» разрушением.

*

Передают, что повесилась жена академика Лазарева. Объявление о смерти печатать запретили. Лазарев был, казалось, вполне застрахован от преследований. И эта persona gratissima («Курская аномалия», поездки за границу, свой автомобиль, наука на службе социализму и т.д., и т.д.) сидит

в строжайшей изоляции. Причина – дружба с французским послом Эрбеттом, товарищем по Сорбонне (Лазарев учился во Франции). Жену он не баловал, и многие склонны думать, что ее самоубийство – плод психологических терзаний от допросов и т. п.

*

В ЦЕКУБУ *часть* домов отдыха выделена для «уважаемых» ученых – профессоров и т. д. Аспиранты же и т. п. пользуются санаториями попроще через Секцию Научных работников.

Открываемый с осени *клуб* ЦЕКУБУ, по слухам, тоже будет доступен лишь научным работникам, начиная *с доцента* и выше, а аспирантов и т. п. пускать не будут.

*

Из практики педагогической.

В одном *техникуме* готовили химиков к определенному производству. За *месяц* до окончания курса – распоряжение: «переключить на мыловарение». Где-то решили, что мы можем выгодно вывозить за границу огромные партии *мыла* (это при полном его отсутствии у себя-то!). Пришлось искать мыловаров, заключать с ними «колдоговоры», – на это ушло время, и теперь пытаются наладить неизвестно для чего сломанную работу. И так во всем!

*

Во главе комиссии по сносу Храма Христа Спасителя стал, по слухам, сам Сталин, и уже приглашены художники (увы, Щусев и мн. другие, прежде строившие храмы, и недурные!) для разбора, как использовать статуи, предназначенные, между прочим, в «антиквариат», т. е. на продажу за границу. Едва ли это даст много, ибо художественная ценность этих произведений *самих по себе* не велика, они имели смысл лишь в ансамбле постройки.

*

Из деревни вести все ужаснее. Из Рязанской губ. сообщают, что там вгоняние в колхоз идет *вовсю* и мерами самыми крутыми. Сопротивляющихся хватают по ордеру. Обычно берут мужика, семью оставляют якобы, но потом как-нибудь ночью исчезает и семья. Появился новый, жуткий для крестьянина термин: «Пески». На «Пески», т. е. в голые степи Казахстана, насильственно переселяют целые деревни, притом *вразбивку*, – да, это тебе не царский режим!

Дома в деревне обычно *захватывают*, а теперь усиленно проводится тенденция сноса деревень. Крестьяне отказываются разорять избы соседей. Тогда пригоняют мальчишек (по-видимому, отряды комсомольцев), которые радостно разрушают по бревнам мужицкое жилье.

И другое: в 1917 г. мужиков подзадоривали разорять барские имения. Теперь местами их же заставляют работать над полным восстановлением барских скотных дворов, риг и т. п., и все это отдается колхозникам.

«Вся земля крестьянам», – говорили в 1917-1918 году! Какая издевка получилась!

*

Вся работа в колхозах (сведения из Рязани) идет бесплатно. Из урожая выдают по 20 фунтов в месяц муки на человека, соответственно другое, а все остальное «в кóзну», т. е. на г. г. рабочих, на «мировую революцию» и на «индустриализацию».

*

И еще новый термин: из Бахчисарая на «Пески» привезены многочисленные семьи «*раскулаченных бедняков*».

*

23 июня в «Известиях» появилась коротенькая заметка о необходимости обновления Сокольников, где много деревьев, преимущественно сосен, 200-300-летнего возраста.

Очевидно, подбираются к использованию этой изумительной рощи для разбазаривания ее ценного леса в виде строительного материала.

Распродажа культурных ценностей идет вовсю. Втихомолку продали, говорят, Георгия Победоносца Рафаэля, Мадонну Альба его же и Тицианову Венеру, перевоз которой в Москву преподносился полгода назад как пополнение московского музея, – многие и тогда уже говорили, что это только прием, – безболезненно обобрать Эрмитаж, а потом сплавить.

Говорят, за нее выторговали 1 000 тракторов; след., расценили в миллион.

Оптимисты утешают: все продаваемое точно региструется, все к нам вернется очень скоро, через немногие годы, либо из рук победоносной мировой революции, которая вознаградит этим нашу инициативу и поддержку, либо – по выкупу на те огромные средства, какие будут у нас через 2-3 года уже, когда, наоборот, весь мир экономически крякнет в результате кризиса.

*

Энтузиазм рабочих, потребовавших немедленного осуществления для строительства социализма нового займа, т. наз. «займа 3-го решающего года пятилетки», впервые обнаружился в Москве 12-го мая (кажется, на «Динамо»). Первые проблески этого энтузиазма отмечены – самое раннее – в Макеевке, во время розыгрыша там 3-го займа, т. е. 26-29 апр. Между тем распространяемые в сотнях тысяч *подписные бланки* на этот «заем 3-го решающего» разрешены к печатанию Главлитом в первых числах апреля, *что́ и обозначено на бланках внизу*. Бланки напечатаны за несколько недель до энтузиазма!

*

23-го июня была произнесена, а дней через 10-12 (какая длительная понадобилась цензура!) напечатана речь Сталина – своего рода «головокружение от успехов» прошлой весны; тогда имелось в виду якобы остановить зарвавшихся в административном восторге колхозных устроителей (что не помешало им идти дальше и широчайше применять дубину для вогнания в колхозный рай, – см. то, что делается сейчас в деревне); теперь упрощенно (диалектически) развивается мысль, что, раскрывая вредителей, применяли «разгром» интеллигенции (так и сказано у Сталина); теперь вредители положены на лопатки, – след., спецеедство глупо и не диалектично, теперь надо «поощрять»... Разумеется, уничтожение интеллигенции будет продолжаться, но несколько «жестов» сделано:

1) вдруг вздумали за особые заслуги наградить профессора-механика Чаплыгина, дав ему пенсию в 1000 руб. в месяц. Бывали пенсии до 300-350 руб., а тут вдруг тысяча! И это не только признание падения стоимости денег!

2) издано особое постановление, которым амнистируются *все* «вредители», инженеры, механики, техники, работавшие на одном из авиационных заводов; а наиболее злостные вредители (среди них приготовленные к расстрелу с заменой десятилетним заключением) – они же, конечно, и наиболее видные «спецы» – не только амнистируются, но получают денежные награды (10 000 р., 5 000 р. и в этом роде), а двое виднейших, сверх этого, особую грамоту от ВЦИК´а!!!

Припоминается, как во время оно, когда заседала в 1876 г. в Константинополе конференция заступничества за христиан, вдруг раздался пушечный выстрел. Члены конференции

дрогнули, но их успокоил визирь: оказывается, это султан обнародовал конституцию. Конференция разъехалась, а резня продолжалась, уже без конституции. Результат – война 1877-78 г.

Экономика.

1) Говорят, огромные пошлины, взыскиваемые бумажками (нам ненужными), привели к уменьшению посылок из-за границы. Теперь будто бы предлагается заграничным родичам и знакомым вносить *доллары* Елисееву, после чего в счет этих долларов здесь отпускается *приличный* относительно, «экспортный» товар, по ценам сравнительно умеренным.

2) В недалеких от Москвы местах предложено крестьянам «сдавать» в пункты яйца, причем за десяток яиц дается 1 ф. мыла (на рынке дошедшего до 7-8 руб. фунт). Некоторые дачники находят выгодным купить по 2 р. 50 к. залежавшиеся «экспортные» яйца в «коммерческих» магазинах, везут их на дачу и там получают, след., за 2 р. 50 к. фунт мыла. А «пункты» регистрируют поступление яиц от крестьян, получают советскую благодарность, яйца едут в Москву, здесь опять покупаются дачниками и т. д. Статистика надежная!

3) Экономика уже с политикой. На заборах расклеено объявление областного финотдела. Смысл такой: на финансовые органы возложена важная задача мобилизировать средства населения. Но многое ускользает. Так вот, все сознательные граждане (в перечне стоят: рабочие, колхозники, батраки, беднота и т. д.) приглашаются «сообщать» финорганам, где есть скрытые склады товаров, где происходят «ускользающие» от обложения сделки и т. п. Сообщающим (доносчикам, как говорили прежде) обещана награда в виде 10% от реализованного по доносу имущества или 10% взыскиваемого штрафа. Объявление трогательно прибавляет, что «фамилии сообщающих не подлежат опубликованию».

4) В «Известиях» числа 8 или 9-го было на первой странице напечатано, что табачная кампания на юге грозит провалиться, т. к. в Севастопольском районе, вм. двадцати одного склада табаку, построен пока один. Причина – нехватка материалов, между прочим – гвоздей. Единственный сооруженный склад сделан... на деревянных гвоздях.

*

А под шумок уничтожается прошлое. Уже, говорят, снимаются фрески (?) Контарбинского в Храме Христа Спасителя, будто бы проданные в Америку (нашли что покупать американцы!).

На днях, в день Петра и Павла, собственнолично видел, как в дверь (затворенную) одной из немногих уцелевших церквей, робко ее приоткрывая, входили редкие богомольцы (среди них, правда, и мужчина, молодой, по виду что-то вроде исправного советского артельщика); по-видимому, уже нельзя открывать настежь двери храма. Ворота данной церкви уже ободраны: с них сбиты кресты, выдраны из ниш иконы, а церковный двор завален щебнем, асфальтовым ломом и залит застоявшейся от ливня водой. Это, кстати сказать, особый прием: вся черная работа на улице, вся грязь, весь мусор всегда теперь переносится на церковные дворы, где бы ни происходила по соседству стройка.

18 июля. Очень острое положение в Зап. Европе. Германия всячески пыталась все время фактически избавиться от версальских обязательств, ей все уступали, ибо не были единодушны в своих на нее нажимах и соблюдали пацифизм. В поисках опоры немцы все время определенно глядели в сторону СССР, мечтая чуть ли не с его помощью получить «реванш». Французы нервничали, вооружались, боясь немецкого напора. И вот, когда немцам экономически и внутренне-политически пришлось плохо, французы, по-видимому, принажимают. Но, странным образом, одновременно, кажется, налаживают и отношения с СССР.

*

Сообщают, что Спас на Бору запродан был на снос американцам. Но потом почему-то сделку нарушили, а храм снесли.

*

В Средней Азии очень неспокойно. В ноябре, говорят, появились из-за рубежа отлично вооруженные и снабженные серебром всадники (10 000 челов.?) во главе с Ибрагим-беком. Они шли с лозунгом: «долой хлопок, сеять пшеницу и люцерну». Хлопок развивали там из центра, в интересах русской промышленности, а обещанного хлеба туда не давали. Вместе с тем коллективизация с тракторами разрушила привычные формы хозяйства: а речки на маленьких участках беспощадно

запаханы, воды не хватает, не хватает зато и уборочных сил для хлопка, ибо насильственно пригнанные, мало приспособленные к уходу за хлопком «лишенцы» из России не справляются с делом. Собственноличное разрушение туземцами, по приказу, их нездоровых жилищ в старом Ташкенте, почти насильственное вытеснение национальных костюмов, требование снятия паранджи женщинами, изгнание из Университета в Алма-Ате всех туземных казахских сил и замена их татарами, евреями и русскими, переполнение тюрем сидельцами, числящимися за ГПУ, бегство людей тысячами за пределы на восток (кочевники!), массовая переброска других в непривычные для них условия, – все это, конечно, волнует край и вызывает лютую ненависть к «колонизаторам» и коммунистам. Ибрагима, правда, выдали, – он уже в руках ГПУ, но борьба с его отрядами стоила дорого, и отряды разбежались пока что. Хлопковую кампанию считают наполовину сорванной. В крае неспокойно. А сидящие в Ташкенте на глазах у всех сосланные «крепостные» инженеры и иные спецы тоже не располагают к доверчивому отношению населения к правительству.

Объявленные условия конкурса на постройку дома правительства, предназначенного уничтожить и затмить Храм Христа Спасителя, предполагают огромные залы (одна на 15 000 чел.), вестибюли (один на 14 000), чтобы сквозь здание могли проходить «манифестации». Что же, жизнь при социализме главным образом будет проходить в манифестациях? Против кого, когда не будет капиталистов и т. п?

*

Со специалистами что-то смутное. То как будто начинают русских ставить на место иностранцев: по крайней мере, обращение с сими последними становится не столь заискивающим; приводят примеры прямо грубого невежества по адресу, напр., американцев, а немцев будто бы «нанимают» за 350 р. совзнаками, без всякой валюты.

Но рядом с этим продолжаются отсылки в места гиблые инженеров, которым и приходится работать там в условиях очень тяжких, часто бесплатно, в режиме тюремном.

Бывают и исключения: уже не говоря о нашумевшем (единственном в печати) случае пожалования «вредителя» грамотой от ВЦИК'а, передают, напр., о назначении на должность руководителя (или заместителя руководителя) крупного строительства в Коканде инженера, только что

выпущенного после двухлетнего сидения в тюрьме и концентрационном лагере. Свобода полная, 800 руб. жалования и т. п.

Приехавший в конце июня Бернард Шоу «чудит», как всегда. Много шуташничает, но раздает и комплименты. Курьезнее всего, что он является в сопровождении двух лордов и одной пэрессы. Его спутников наша печать вышучивает. Максим Горький уклонился было от встречи (ангина, видите ли!), но Б. Шоу сам его навестил, правда, при свидетелях, без которых его никуда не пускают. Даже со Сталиным Шоу беседовал два часа.

Очень курьезным оказалось письмо английской работчихи, муж которой поехал в Союз на пари и на средства леди Астор (нынешней спутницы Б. Шоу), да и застрял в Союзе, от полного восторга перед социализмом. Он вскоре у нас скончался – от болезни, давно нажитой при гнусном капитализме, хоть и лечили его лучшие врачи Союза. Так вот, леди Астор пожелала видеть г-жу Morton, но в газетах помещено письмо последней: она, видите ли, с детьми уехала отдыхать в Германию, м. б. проедет и в Англию, все уже было готово к отъезду и нельзя было его отложить из-за встречи с леди Астор. Mrs Morton всем довольна: и жизнью, и воспитанием детей, и будущим их ученьем в вузах на стипендии от государства, и даже будущим изобилием всего в Союзе (в Союзе скоро все будет в избытке, а вот в Англии!!!). Наивное письмо вызывает улыбку.

*

В Польше схвачен с поличным (с портфелем, в присутствии советского военного attaché) какой-то майор польский, быстро осужден полевым судом и расстрелян. Дело обычное, военный шпионаж, бывает всюду, но нам в газетах сообщили лишь краткую версию; иностранные же газеты сообщают подробности. Едва ли у «идейного» коммуниста, каким пробовал выставлять себя виноватый, нашли бы в кармане две круглых суммы (500-1000 чего-то) в английской и американской валюте. Наша печать отразила чуть ли не возмущение некоторых польских кругов скоростью суда и расправы...

*

«Анекдотов» все меньше, ибо жизнь сама стала каким-то зловещим анекдотом. Изредка, однако, бывают:

1) В Америке 1 автомобиль на 4 жителей. У нас на каждого жителя *два* автомобиля: «скорая помощь» и «черный ворон».

2) Старый еврей во «Внешторге» отбирает яйца для экспорта от назначенных к внутреннему употреблению. Откладывая хорошие, он повторяет: «Эмес чуд, эмес чуд», – откладывая гнилые, произносит: «М.С.П.О» (орган снабжения Москвы).

*

Жизнь «питательная» падает. Чаю дают 50 гр. на три месяца, – это в *Москве*, в провинции давно не видели чая. На рынке он 9 р. за 1/4 фунта.

Всегда в июне Москва была завалена ягодой. В этом году ягоды гибель. В городе же изредка на *одном* лотке где-нибудь у Страстного монастыря можно видеть клубнику, а позднее – малину, вишню по 2 р. за фунт!

Яблок нет и в помине; нет и арбузов.

Овощи плохи и мелки. Урожай, говорят, очень большой.

Урожай зерновой *небывалый*, за десятки лет не припомнят такого, и притом почти повсеместный: на Кавказе, на Украине, в Черноземной полосе, на Волге. А мы все же будем есть по карточкам отвратительный кислый хлеб из серой муки.

Крестьяне мирятся с колхозом, пробуют его повернуть по-своему. Невошедшие – оттесняются на дальние худшие земли, задавливаются наборами и налогами.

М. проч., говоря о посещении колхоза, газета отмечает, что Шоу беседовал *со священником*, почему же не сказали, как всегда теперь говорят, – с попом?

3 авг. В газете *два* документа. В одном всякие «льготы» инженерно-техническому персоналу, милостиво приравнивающие его – к рабочим в правах для детей и т. п. Но *никаких* обещаний об охране личного достоинства.

Другой документ – поразительно напоминающий «головокружение от успеха» – требует меньшей резвости в цифровых достижениях по колхозизации. Если достигнуто, примерно, вовлечения в колхозы 75% людей и 85% земли (характерно, что земли больше людей, т. е. как будто *не беднота* входит туда; попросту – земли отнимаются и у не входящих), то считать это за полное достижение. Указ лицемерно умалчивает о полном *разорении* оставшихся, которых донимают налогами, обирают, хватают, высылают и т. п.

*

В рабочей среде, по-видимому, выросла уверенность в себе. Передают, что на одном заседании коллегии председатель, из рабочих городской прачешной, не согласившись на передачу дела крупному спецу ввиду поставленных последним условий, в гневе заявил: «И без него обойдемся! захотели, обошлись без Рыкова, а нужно будет – и без Сталина обойдемся». Присутствующие «ахнули».

*

Уже сдирают золотое покрытие центрального купола Храма Христа Спасителя. Весь район окружен забором, доступ закрыт.

11 авг. Издали заметил, что обдирают золотую главку чудесной барочной колокольни Богоявленского монастыря, в своем роде редкостнейшего памятника, с которым едва ли может соперничать даже колокольня Петровского монастыря. Кладбище и все остальное вокруг Богоявленской колокольни давно уже разорено... На Храме Христа Спасителя ободрана уже вся средняя глава. Можно ли себе представить когда-нибудь разрушение Notre Dame французами или Петра в Риме итальянцами XX века?

Поймешь восклицание старой «революционерки», которая в 1905 г. укрывала с.-р. и большевиков (не давая им драться!!): неужели же мы для того поддерживали революцию, чтобы она вылилась – в преследование религии?

Рассказывали про Устюг-Великий, что там арестовано в округе ок. 350 священников, остался – 1 (!). Когда архиерей, кажется Софроний (б. законоучитель одной из московских гимназий, чуть ли не первой) сгоряча сказал в церкви на проповеди горячее слово, его засадили – с уголовниками и ворами, которые во время сна разрезали на портянки его рясу, оставив духовника раздетым. А обвинить его хотят – за то, что в каком-то колхозе в свалке убили комсомолку.

*

Хозяйственные успехи. Прежде огромная Москва на зиму завалена была дровами, которых маленькие люди заранее не запасали. В трудные годы стали покупать сырые летом, чтобы подсушить к зиме. Теперь дрова привозятся в больших количествах, но все же недостаточных, безобразно сваливаются под откос на станциях, а потом служащих из учреждений отправляют разбирать их и складывать, причем все сорта путают, только бы разложить по длине, – ибо дрова разного

формата: швырок, метровые, саженные. Прежде вся сортировка и распилка, конечно, делалась на местах, что проще и дешевле. Но подневольные мужики не хотят работать складно.

Даже в Ленинграде, печатают газеты, «рабочие такого-то завода» или «такие-то служащие» с «энтузиазмом» провели дровяной субботник. Словом, возврат к 1919 г.

*

Разгром деревни идет вовсю и уже не стесняясь, как в средней полосе, так и под Москвой. Крестьян хватают семьями, держат на пунктах (своего рода концентрационные лагери), где многие хворают и мрут, а потом эшелонами (такие эшелоны стоят на Лосиноостровской под Москвой, стоят в Козлове и др. местах) отправляют на север, в Сибирь, на пески Казахстана. Это будет почище переселенцев былых времен. Еще три-четыре года, и *деревни* не будет, а будет сплошной пролетариат в колхозах.

Характерно, что сгоревшей деревне (примеры сообщили из Калужской губ.) не позволяют строиться. Д. б. новая стройка в форме коммуны, – общее жилье и т. д.

*

Однако, не щадят и своих. Рассказ матери-прачки: сын кончил фабзавуч, квалифицированный слесарь, комсомолец. Собрали отряд в 80 чел., все комсомольцев, великолепно одели, с музыкой отправили ударной бригадой на Урал. Один проезд больше 60 р. за билет. Жалованья 250 р. в месяц. Полтора месяца – никаких вестей. Тревога родственников. Оказывается: тяжелая работа на высоте, – *без ограждений*. Двое сверзились насмерть в первый же день. Заставляют *на себе* таскать кверху тяжести (вместо «Америки»-то!). Без писем – жалуются. Начальство: «раз продались государству, должны слушаться и работать. Письма ваши не пошли. Вы что пишете? жалуетесь? Вы должны писать бодро». – Молодцы решили уйти. Не пускают. Продали экипировку, уехали. У одного на работе вскрылся шов от аппендицита. Помощи никакой. Товарищи зашили иголкой. По приезде в Москву, сдали в Яузскую. Когда товарищ принес родным вещи их сына, те взвыли (писем-то не было!). Насилу успокоили тем, что сын в больнице, жив все-таки. Вещи мертвых никто не решился нести родным. Пошли депутацией к Калинину. Был мрачен, пробрал за дезертирство, обещал расследовать.

По прошествии указанного срока, явившимся – уже не Калинин, а его секретарь – выдали *бумажку*, что они службой не связаны и могут свободно искать себе работы, где хотят...

*

Каждый №№ газет полон самовосхваления, реклам, иногда наивных, напр., фотография: складывают дрова, – как будто никогда нигде не складывали дров, и тут же данные и цифры – о невыполнении, о провале, о прорывах и т. д. И ничего во всем этом разобрать нельзя. А вот, когда нужно, показывают иностранцам, т. с., отдельные повороты картины, и те верят. Между тем, в сущности нет ничего законченного, себя оправдывающего экономически. Есть Волховстрой, но – помимо постоянных аварий – электричество обходится что-то очень дорого. Будет Днепрострой, но еще нет тех предприятий, которые способны будут поглощать производимую энергию. В этом году совершенно неслыханный урожай; вывозим мы хлеба много меньше, чем до войны, а между тем у себя нет ни муки хорошей, ни порядочного хлеба печеного. Мы невероятно «развернули» школьное дело, а учителей нет: в этом году нужно 75 000 новых учителей, а будет – 40 000 («цифры из газеты), и какие учителя: давно уже 3/4 педагогов и не нюхали школы.

*

Затеянное немецкими фашистами голосование (плебисцит), подхваченное в последний момент коммунистами, которые решили устроить скандальчик с помощью альянса с крайними правыми и объявили его «красным голосованием», провалилось, хотя и набралось все же 9 млн. голосов (требовалось 13 млн.). К сожалению, как всегда теперь в Германии, не обошлись без крови. Судя по газетам, фашисты держались сравнительно мирно. Но коммунистов полиции пришлось разгонять резиновыми палками. Тогда коммунисты стали срелять и свели счета с определенными лицами, убив полицейского офицера (по старой терминологии нашей – пристав), вахмистра и ранили другого вахмистра. Жертвы были намечены («особенно ненавистные коммунистам полицейские чины», как наивно выражается корреспондент «Известий»). Полиция тоже стреляла и многих ранила. Немцы чуть ли не собираются приняться за коммунистов.

до прошествия указанного срока, явившимся – уже не сказали, а его секретарь – выдали бумажку, что они по службе не связаны и могут свободно искать себе работы, где хотят.

Каждый [illegible] дают по дам самого земного, вешают, иногда издавна, напр., фотографии сельских дров, – все будто никогда нигде не складывали дров, и тут же видные и цифры – о невыполнении, о провале, о прорывах и т. д. И значит всем этим разобрать нельзя. А вот, когда пресса показывает иностранцам [illegible] отдельные повороты выявляющие четверти. Между тем в сущности нет ничего удивительного, себя определившегося экономически. Есть Волховстрой, но – помимо постоянных аварий – электричество оказалось что-то очень дорого. Будет Днепрострой, но еще нет тех предприятий, которые способны будут поглощать производимую энергию. В этом году совершенно исчезли курсы, уровни выявили еще много меньше, чем до войны, а между тему себя лучше хорошие, не передового, любой полезного. Мы обеспечено "генерируем" школьное дело, а учителей нет: в этом году нужно 75 000 новых учителей, а будет – 40 000 (цифры из газеты), и какие учителя, давно уже 3/4 педагогов и не видали школы.

Затем, новое веселящее фашистам, выписанное (Пил-Пилсудские) [illegible] последний момент [illegible] которые решили устроить [illegible] с помощью [illegible] приемами и больницы его [illegible] превалировало, хотя и повторилось все же в [illegible] требовалось [illegible]. К сожалению, как все знают, в Германии, не обошлось без крови. Тут, по газетам, фашисты держались сравнительно мирно, что коммунисты [illegible] реальными [illegible]. Тогда [illegible] с [illegible] старой терминологии [illegible] другого [illegible]. [illegible] коммунистов [illegible] как [illegible] Немцы [illegible] за коммунистов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ОБ АВТОРЕ И ЕГО РУКОПИСИ

Рукопись дневника Ивана Ивановича Шитца хранится в архиве известного французского слависта, покойного профессора Андре Мазона, в библиотеке Института Франции (т. е. Академии), под шифром Ms 6798-6803, где автор этих строк ее случайно и обнаружил в 1986 году. Очевидно, И. И. Шитц переслал свои записки в начале тридцатых годов (вероятно через дипломатическую почту) своему старому французскому другу, который дал их отпечатать, но не предал гласности ввиду крамольного содержания и преследований, которым, поступи он иначе, неминуемо подвергся бы автор дневника.

Об И. И. Шитце мне удалось собрать относительно немного сведений, в основном благодаря его письмам, адресованным А. Мазону с 1905 г. и любезно предоставленным мне Пьером Мазоном, а также по некоторым советским опубликованным источникам. Весьма вероятно, что эти отрывочные данные смогут быть дополнены, если в Советском Союзе заинтересуются судьбой автора.

Иван Иванович Шитц родился 2 октября 1874 года в Тамбове. Видимо, он был из обрусевших прибалтийских немцев: на русской государственной службе в восемнадцатом столетии уже можно встретить фамилию Шитцов и Шицов (по-немецки Schütz). И. И. Шитц жил в Москве на Малой Дмитровке, в доме, ныне снесенном, графини Олсуфьевой (д. 22, кв. 11). Овдовев, жил с сыном Александром, родившимся в 1901 г. и женившимся в начале 30-х годов.

До первой мировой войны Шитц преподает в одной из московских гимназий и других учебных заведениях. По образованию он историк и владеет по крайней мере четырьмя европейскими языками, не считая древних. В своих письмах он очень тепло отзывается о своем «учителе», академике

Павле Гавриловиче Виноградове, читавшем курс средневеко-
вой западной истории в Московском университете до 1903 года
и с 1908 по 1911 год. Круг интересов Шитца был широк.
Помимо западной и античной истории, он являлся знатоком
русской церковной архитектуры. В 1911 году, например, он
читал лекции о московских старых церквах, а в 1917 году у
братьев Сабашниковых вышел превосходный путеводитель
«По Москве. Прогулки по Москве и ее художественным и
просветительным учреждениям», соавтором которого был
Шитц, вместе с Н. А. Гейнике, Н. С. Елагиной и Е. А. Ефимо-
вой. Кроме того он поддерживал тесную связь с французским
институтом (в Петербурге) и в частности с его директором Луи
Рео (Louis Réau), автором истории русского искусства.

Судя по письмам, Шитц был либералом с несколько
«славянофильским» оттенком. Он приветствовал революцию
1905 года и вместе с тем выражал надежду, что она «избавит
Россию от этой гнусной буржуазной фазы», но это не помешало
ему желать для той же России введения институтов западной
демократии. В 1910 году (в письме 15 апреля по старому сти-
лю) он сетует на реакцию, хотя его оппозиция по отношению
к царскому правительству остается умеренной.

Когда Андре Мазон, будучи командированным в со-
ветскую Россию, встретился с Шитцем в Москве в апреле
1918 года, он нашел, что политические взгляды его друга
остались прежними. Согласно неизданным записным
книжкам французского слависта, Шитц читал «Русские
ведомости», сочувствовал кадетам, был на стороне Франции
и союзников. После этого связи их прерываются по понятным
причинам, тем более что сам Мазон был арестован 1 сентября
того же года вместе с другими членами французской «ко-
лонии» (впрочем, его вскоре освободили). Но в 1922 году
их переписка возобновляется, сперва сложным путем, через
Германию, а потом и прямой почтой. Из нее мы узнаем, что
Шитц испытывает трудности, обычные для «старорежимного»
интеллигента, – например, сыну его не удается поступить
в вуз по «классовым» причинам и в конце концов он устра-
ивается на работу в «Советском туристе», по экскурсионной
части. Шитц-отец продолжает следить за зарубежными
работами по истории, получать иностранные книги и журна-
лы (например, La revue historique). Наконец, он работает в
Русском библиографическом институте – т. е. в Энциклопедии
братьев Гранат, как член редакционного коллектива по
всеобщей, древней и средневековой истории. По одному
советскому источнику (С. В. Белов, «Братья Гранат», Москва

1982, стр. 43), Шитц сотрудничал в энциклопедии еще в тридцатые годы и являлся автором большинства статей по античной истории. Во всяком случае мы встречаем его подпись под статьями, касающимися очень разнообразных тем: тут и Варфоломеевская ночь (т. 8), и Джеймс Гаррингтон (т. 12), и объединение Италии (т. 22), и город Рим (т. 36), о котором автор пишет, отдавая легкую дань эпохе, что в нем отсутствует «пролетариат». Заслуживает внимания статья «Франциск Ассизский» (т. 44), в которой, возможно, Шитц выражает и свой идеал христианина (он был верующим и православным): «Францисканцы, – пишет он, – идут в мир, вносят идеалы евангелиевского жития в окружающую жизнь... Социальное начало перевешивает идею индивидуального спасения».

В середине тридцатых годов переписка обрывается. Из архива Мазона мы узнали, что Иван Иванович Шитц скончался 18 марта 1942 года и был похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Владимир Берелович

[illegible]

[illegible] демократии. В 1910 году (в письме 18 апреля он [illegible]) [illegible] что [illegible] по [illegible] в царскому правительству остаюсь умеренным.

Когда Андре Мазон, будучи командированным в [illegible] могучую Россию, встретился с Шмитом в Москве в апреле 1918 года, он написал, что политические взгляды его [illegible] остались прежними. Согласно [illegible] [illegible] французских [illegible]. Шмит читал «Русские ведомости», [illegible] [illegible] Франции и союзников. После этого [illegible] [illegible] [illegible], что более чем сам Мазон был арестован 1 [illegible] того же года вместе с другими членами французской [illegible] [illegible], его вскоре освободили. Но в 1922 [illegible] на родину [illegible] [illegible] путем [illegible] [illegible] в [illegible] печати. [illegible] Шмит испытывает трудности, обычные для [illegible] интеллигента, — [illegible] [illegible] работе в «Советском туристе», по [illegible] части. Шмит [illegible] продолжает [illegible] за [illegible] работами по истории, получать иностранные книги и журналы (Speculum, La revue historique). [illegible] работает в Русском библиографическом институте [illegible] в Энциклопедии братьев Гранат, как [illegible] всеобщей, древней и средневековой истории. По [illegible] [illegible] С. Н. [illegible], «Братья Гранат», [illegible]

СОДЕРЖАНИЕ

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 29 AVRIL 1991
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE
N° 143-91